АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

3 (145)

Июль — Август — Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1978

Редакционная коллегия:

проф. *В. И. Авдиев*, д.и.н. *Г. М. Бонгард-Левин*,
к. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*, д.и.н. *Е. С. Голубцова*,
д.и.н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР *С. Т. Еремян*,
д.и.н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
акад. *М. А. Коростовцев*, д.и.н. *В. И. Кузищин*,
акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
к.и.н. *А. И. Павловская* (ответственный секретарь),
к.и.н. *Н. М. Постовская*, к.и.н. *О. И. Савостьянова*,
чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова* (*главный редактор*),
д.и.н. *Е. М. Штаерман*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

Зав. редакцией *И. К. Малькова*

© Издательство «Наука»,
«Вестник древней истории», 1978 г.

А. И. Доватур

АРИСТОТЕЛЬ И ИСТОРИЯ

Точнее следовало бы назвать тему настоящей работы — «Аристотель об истории», а наиболее подходящим названием было бы «Интерпретация двух мест „Поэтики“ Аристотеля, касающихся истории».

Разбирая сущность трагедии, Аристотель в своей «Поэтике» говорит о шести элементах, из которых складывается трагедия, резюмируя свое рассуждение в следующих словах — ἀνάγκη οὖν πάσης τραγῳδίας μέρη εἶναι ἕξ, καθ'ὃ ποιά τις ἐστὶν ἡ τραγῳδία· ταῦτα δ'ἐστὶ μῦθος καὶ ἤθη καὶ διάνοια καὶ ὄψις καὶ λέξις καὶ μελοποιία (6,1450a, 8 слл.) — «Итак, в каждой трагедии обязательно имеется шесть элементов (частей), в зависимости от которых трагедия получает свое качество; это — фабула, характеры, идея, зрелище, словесная сторона, музыка».

С особым вниманием останавливается Аристотель на вопросе о фабуле — μῦθος. Ее он определяет как соединение событий — λέγω γὰρ μῦθον τὴν σύνθεσιν τῶν πραγμάτων (6, 1450a, 4 сл.). Связь событий — важнейший элемент трагедии — μέγιστον δὲ τούτων ἐστὶν ἡ τῶν πραγμάτων σύστασις (6, 1450a, 16). Фабула есть начало и как бы душа трагедии — ἀρχὴ μὲν οὖν καὶ οἷον ψυχὴ ὁ μῦθος τῆς τραγῳδίας (6, 1450b, 1).

Вполне естественно, Аристотель развивает свои мысли о фабуле в трагедии с большой подробностью, еще раз напомнив читателю (слушателю), что связь событий, т. е. фабула, есть первое и главное в трагедии (7, 1450b, 22 сл.). В ходе своих рассуждений автор «Поэтики» выдвигает положение: фабула трагедии должна быть воспроизведением (μίμησις, а всякое искусство, по Аристотелю, есть воспроизведение [1]) единого действия, притом целостного; части событий должны быть сцеплены таким образом, что при перестановке или удалении какой-нибудь части претерпевает изменение и нарушается целое (8, 1451a, 31 сл.). Дальше — и это для нас в настоящем случае представляет наибольший интерес — Аристотель делает вывод: φανερὸν ἐκ τῶν εἰρημένων καὶ ὅτι οὐ τὰ γενόμενα λέγειν, τοῦτο ποιητοῦ ἔργον ἐστίν, ἀλλὰ οἷα ἂν γένοιτο κατὰ τὸ εἰκὸς ἢ τὸ ἀναγκαῖον (9, 1451a, 35 сл.) — «из сказанного ясно, что дело поэта говорить не о том, что произошло, а о том, что могло бы произойти и о возможном в соответствии с вероятностью или неизбежностью» [2].

---

[1] Впрочем, высказано мнение, что μίμησις у Аристотеля во многих случаях следует понимать как «образ» (representation) — A. W. Gomme, The Greek Attitude to Poetry and History, Berkeley and Los Angeles, 1954, стр. 57.

[2] Подробный разбор аристотелевского понятия κατὰ τὸ εἰκὸς ἢ τὸ ἀναγκαῖον, в частности, применительно к трагедии, дает N. Kaul, Der Zufall und die Theorie des tragischen Handlungsablaufes bei Aristoteles, Diss., Köln, 1965, стр. 72 (Аристотель

Определив задачу трагического поэта, отстранив от нее описание (или воспроизведение) реальных событий, Аристотель вспоминает об историке, обязанностью которого является именно описание исторических событий. Различие между поэтом и историком состоит в различии стоящих перед ними задач, а не в чем-нибудь другом. Так, не имеет значения даже стихотворная форма трагедии и прозаическая — исторического сочинения. Можно переложить в стихи произведение Геродота, но от этого оно не перестанет быть историей. Важно для различения их то, что один (историк) говорит о том, что было, а другой (поэт) о том, как могло бы быть — ἀλλὰ τοῦτο διαφέρει, τὸ τὸν μὲν τὰ γενόμενα λέγειν, τὸν δὲ οἷα ἂν γένοιτο (9, 1451b, 5 сл.). Затем — знаменательные слова, способные подать повод и подавшие повод к заключению, будто Аристотель выносит суровый приговор истории [3] — διὸ καὶ φιλοσοφώτερον καὶ σπουδαιότερον ποίησις ἱστορίας ἐστίν. Высокие качества, какими наделяет Аристотель поэзию сравнительно с историей (интерпретацией этих слов философа мы и займемся в дальнейшем), обосновываются тем, что поэзия говорит больше об общем, а история о частном — ἡ μὲν γὰρ ποίησις μᾶλλον τὰ καθόλου, ἡ δ'ἱστορία τὰ καθ' ἕκαστον λέγει. Раскрывая эту свою мысль, Аристотель поясняет: общее есть то, что человеку, обладающему такими-то качествами, приходится говорить или делать в соответствии с вероятностью или неизбежностью; частное же — что сделал или претерпел Алкивиад. Иначе говоря — поэт воспроизводит не реальную, историческую действительность, а некую идеальную правду. Нет надобности углубляться в детали теории Аристотеля о фабуле трагедии (в надлежащем месте мы о них еще вспомним). Приступить к интерпретации того места «Поэтики», где дается сравнительная оценка трагической поэзии и истории, можно будет только после выяснения границ, в каких делается самое сравнение.

Размышляя об одном из элементов, составляющих трагедию, — о фабуле, автор «Поэтики» попутно вспоминает об историографии. Фабула — важнейшая составная часть трагедии, неизбежно в ней присутствующая. Изложение событий в историческом сочинении — также обязательная часть последнего, без которой немыслимо произведение историка. Однако, кроме фабулы, для появления трагедии требуется и многое другое. Точно так же взятое для сравнения историческое произведение может не исчерпываться и, следует думать, не исчерпывается описанием событий. Ведь Аристотель не задается целью дать полное определение историографии [4], он только вспоминает о ней по поводу одного из элементов трагедии, который, являясь важнейшим, допускает сравнение с важнейшим же элементом исторического произведения. Все остальные стороны и части остаются здесь вне поля зрения автора.

имеет в виду то, что происходит в силу причины, заложенной в самом происходящем; значит — это то, что по большей части или всегда происходит именно таким образом).

[3] См. R. Weil, Aristote et l'histoire. Essai sur la «Politique», P., 1960, стр. 164.

[4] На этом с полным правом решительно настаивает К. фон Фритц (K. v. Fritz, Aristotle's Contribution to the Practice and Theory of Historiography. Howison Lecture, 1957. Univ. of California Publications in Philosophy, vol. 28, № 3, Berkeley and Los Angeles, 1958, стр. 132; он же, Das neunte Kapitel von Aristoteles' Poetik, «Festschrift Ernst Kapp», Hamburg, 1958, стр. 67 сл.; цитируется у Zoepffel). Игнорирует интерпретацию К. фон Фритца М. Финли (M. J. Finley, Myth, Memoir and History, «History and Theory», IV, 1965, стр. 281 сл.). Не убеждена в правильности интерпретации К. фон Фритца Р. Цопфель (R. Zoepffel, Historia und Geschichte bei Aristoteles, «Abhandlungen der Heidelberger Akad. der Wiss., philosoph.-hist. Kl.», Jg. 1975, Abh. 2, Heidelberg, 1975, стр. 6 сл.). Впрочем, в этой работе слово «история» берется в очень широком смысле — «разведывание», «опыт», т. е. собирание материала для научных и философских построений и, следовательно, нечто вспомогательное. Тем не менее автор признает, что в гл. 9-й «Поэтики» слово имеет более узкий смысл (наше «история»).

Аристотель называет одного из историков — Геродота. Как бы он ни относился к Геродоту, он не мог не знать, что в труде последнего имеется, кроме изложения событий, многое другое, притом не только географические и этнографические описания, но местами и собственные соображения [5]. В еще меньшей степени сводится к простой хронике сочинение Фукидида. Правда, Аристотель ни в «Поэтике», ни в других своих произведениях не называет афинского историка по имени, но скрытая полемика с ним в «Афинской Политии» в связи с одной деталью в рассказе о выступлении Гармодия и Аристогитона (18,4) [6], не говоря уже о соображениях априорного характера, свидетельствует о знакомстве Аристотеля с книгой Фукидида.

Превосходство драматурга перед историком Аристотель усматривает, как видно из самого текста «Поэтики», в том, что фабула трагедии строится по законам вероятности и неизбежности, а не представляет собой простого констатирования того, что однажды произошло. Употребление сравнительной степени — φιλοσοφώτερον καὶ σπουδαιότερον — также должно нас насторожить. Свойства, возвышающие трагедию, не отрицаются за историей. Они только в большей степени присущи трагедии. Обратим внимание и на то, что слова об обращенности трагедии к общему (тогда как история обращена к частному) даются Аристотелем не в резко категорической форме: поэзия больше говорит об общем, история о частном. Наречие μᾶλλον мы вправе отнести здесь и ко второму предложению [7]. Истории Аристотель не отказывает в возможности заниматься общим, но в отличие от трагедии, преимущественно занимающейся общим, считает областью истории занятие главным образом частным. Еще одно: Аристотель не думает задавать здесь какую-то загадку своим читателям (слушателям), он не обещает в другом месте дать подробные объяснения (как он делал при упоминании о κάθαρσις — Polit. VIII, 7, 4, 1341b, 38 сл.); для понимания его слов достаточно всего того, что сказано в разбираемом месте «Поэтики».

Высказанные выше соображения отнюдь не уменьшают значения того противопоставления драматургии и истории, какое с полным правом усматривают в словах Аристотеля исследователи нового времени. Все же эти соображения, как нам кажется, не позволяют говорить, как это иногда делается, о каком-то принижении истории Аристотелем, о суровом приговоре, который он выносит историческим трудам. Дело идет о сопоставлении двух аналогичных сторон драматических и исторических сочинений. Начитанный в драматургической и исторической литературе, сам в какой-то степени причастный к труду историка [8], Аристотель хочет дать себе отчет в отличительных особенностях той и другой литературы в том пункте, что сам собой напрашивается на сравнение. Из двух качеств, которыми Аристотель в большей степени наделяет поэзию сравнительно с историей — φιλόσοφον и σπουδαῖον, первое более или менее ясно и, во всяком случае, не вызывает разногласий. Более философское, т. е. ближе к философии (отнюдь не отождествляемое с ней) [9], более достойно философа, требует

[5] См. Weil, ук. соч., стр. 169, прим. 41.

[6] См. В. Бузескул, Афинская Полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в., Харьков, 1895, стр. 211 слл.; G. Mathieu, Aristote, Constitution d'Athènes, P., 1915, стр. 42 сл., 114.

[7] О том, что μᾶλλον относится и ко второй части фразы, см. K. v. Fritz, Die griechische Geschichtsschreibung, I, B., 1967, стр. 20.

[8] О взносе Аристотеля в историческую науку см. R. Weil, Aristote et l'histoire, P., 1960, стр. 97. Правда, ни один из трудов Аристотеля, не исключая даже повествовательных частей его Политий, не подходит под понятие ἱστορία в том смысле, в каком берется это понятие в «Поэтике».

[9] Так, G. F. Else, Aristotle's Poetics: the Argument, Cambr. (Mass.), 1957, стр. 302, 304 сл.

больше размышлений. Менее просто обстоит дело со вторым качеством. Это видно уже из разных переводов, т. е. разных пониманий, отраженных у переводчиков, комментаторов, исследователей. Существующие переводы поддаются группировке. Во-первых, некоторые, опираясь, видимо, на имеющееся в «Поэтике» противопоставление σπουδαῖος — φαῦλος (2, 1448a, 1; 6, 1449b, 18 — хороший, плохой), хотят и в разбираемом месте придать сравнительной степени прилагательного σπουδαῖος значение «лучший», более совершенный [10], упуская из виду, что такой перевод придает словам Аристотеля слишком расплывчатый смысл. Другие переводы: «серьезный» [11], «значительный» [12], «заслуживающий внимания» [13], «содержательный» [14], «поучительный» [15], «полезный» [16], «нравственный» [17], «возвышенный» [18] и др. [19] Как видим, в понимании слова филологи довольно далеко расходятся.

Тем не менее можно выделить то общее, что объединяет разнообразные точки зрения. За различными переводами кроется мысль, что Аристотель в своем сравнении имеет в виду литературное произведение, т. е. готовую, законченную трагедию и готовый, законченный исторический труд, причем, скорее всего, в его воздействии на читателя (слушателя). Только при таком предположении становятся понятными определения — более серьезный, более значительный, содержательный, поучительный, полезный, нравственный.

Но действительно ли сравнение Аристотеля делается только под этим аспектом? Для ответа на вопрос следует разобрать контекст. Уже в начале главы речь идет о различии между историком (ἱστορικός) и поэтом (ποιητής) — оно не в том, что один говорит прозой, другой стихами, а в том, что один говорит о реальных фактах (τὰ γενόμενα), другой о фактах возможных (οἷα ἂν γένοιτο). Перейдя затем к поэзии и истории и определив реальное и возможное, Аристотель возвращается к поэту, причем в этом последнем слове он подчеркивает момент творчества, так что не совсем ясно, должны ли мы все пять раз переводить слово ποιητής как «поэт» или же как «творец» [20]. Поэт, по Аристотелю, должен быть в большей степени поэт (творец) фабулы, нежели метров — τὸν ποιητὴν μᾶλλον τῶν μύθων εἶναι

---

[10] Melior (Riccoboni XVI в. — см. в издании Becker, 1831); excellentius (G. Hermannus, 1802); a more excellent thing (Twining — см. Graefenhan ad loc.).

[11] Plus sérieux (Em. E g g e r, Essai sur l'histoire de la critique chez les Grecs, P., 1849, стр. 331; Barthelemy Saint-Hilaire, 1858; Egger, 1875; A. et M. C r o i s e t, Histoire de la littérature grecque, IV, P., 1900, стр. 737); ernsteres (Überweg, 1869), in stärkerem Masse ernst (Z o e p f f e l, ук. соч., стр. 14); more serious (Else, 1957), of higher seriousness (L. C o o p e r, The Poetics of Aristotle, N. Y., 1923 и 1956, стр. 43). Так и у некоторых отечественных переводчиков (Н. И. Новосадский, 1927; В. Ф. Аппельрот, 1961; Тен, 1967).

[12] Magis gravis (D. H e i n s i u s, De tragoediae constitutione... Editio auctior multo. Cui et Aristotelis, Re Poëtica libelus cum... interpretatione accedit, Lugduni Batavorum, 1643), gravius (Ritter, 1839; Tyrwhitt, 1794; Sahl, 1802); plus grave (de Parnagon — в буквальном переводе 1875 г.); gewichtiger (Ed. M ü l l e r, Geschichte der Theorie der Kunst bei den Alten, II, Breslau, 1837, стр. 49), bedeutendere (Schmied, 1875); of graver import (Bywater, 1920; Gomme, 1954, стр. 48); Ордынский (1854).

[13] Deserving of attention (Buckley, 1894).

[14] Gehaltvoller (Stahr, 2. Aufl., 1875; Schönherr, 1972).

[15] Plus instructive (Batteux, 1771), bildeuder (Valett, 1803), lehrreicher (Curtius, 1753; Lessing, Hamburgische Dramaturgie, 89. Stück, 8. März 1768).

[16] Nützlicher (Lessing, ibidem, в переводе).

[17] Plus morale (Dacier, см. в издании Graefenhan, Lipsiae, 1821).

[18] Higher class (Margoliouth, 1911); d'un caractère plus élevé (Hardy, 1932).

[19] Например, то, что делал бы или одобрил человек, который является σπουδαῖος what a σπουδαῖος would do or approve (Lucas, 1968); vom absoluten Wert (Z o e p f f e l, ук. соч., стр. 15).

[20] История греческой литературы, т. II, М., 1955, стр. 210, прим. 2.

δεῖ ποιητὴν ἢ τῶν μέτρων (9, 1451b, 27 сл.),— поскольку он является поэтом (творцом) посредством воспроизведения, а воспроизводит он действия — ὅσῳ ποιητὴς κατὰ τὴν μίμησίν ἐστιν μιμεῖται δὲ τὰς πράξεισι. И если даже ему случится изображать (создавать?) то, что было, он от этого не становится меньше поэтом (творцом) — κἂν ἄρα συμβῇ γενόμενα ποιεῖν οὐδὲν ἧττον ποιητής ἐστι. Ведь ничто не мешает тому, чтобы некоторые из происшедших событий были таковы, какие могли бы быть по законам вероятности и сообразно этому он является их поэтом (творцом) — καθ' ὃ ἐκεῖνος αὐτῶν ποιητής ἐστιν. Такой упор на деятельность поэта и то прямое, то легко подразумеваемое сопоставление ее с деятельностью историка наводит на мысль, что слова, в которых Аристотель кратко формулирует свою сравнительную оценку трагедии и истории, скорее всего относятся не к результатам работы поэта и историка, а к процессу работы того и другого. Видимо, об этом думал тот единственный филолог нашего времени, который придал в своем переводе высказыванию Аристотеля соответствующую направленность — интересующие нас качества отличают написание трагедии (the writing of tragedy) от написания истории (the writing of history) [21]. После этого не будут необоснованными поиски для слова σπουδαιότερον такого значения, какое более подходило бы к смыслу всего рассуждения Аристотеля. Мы видели, что названное Аристотелем качество φιλοσοφώτερον едва ли требует для своего истолкования длинных рассуждений. Мысль поэта, в противоположность мысли историка, прикованной к фактам, к реальным событиям, охватывает более обширную область вероятного или неизбежного; к тому же объект историка непосредственно ему дан, объект же поэта в его распоряжении сам по себе не имеется, его нужно найти, создать (поэт-творец).

Но что может значить σπουδαῖος применительно к работе поэта и работе историка?

Среди значений глагола σπουδάζω значение «заниматься чем-нибудь», «усердствовать», «стараться в чем-нибудь», «прилагать труд» и т. п. оказывается очень частым. Соответственно и существительное σπουδή в смысле «усердие», «старание» и т. п. хорошо представлено у греческих авторов. Индекс Боница [22] дает нужные нам примеры из произведений Аристотеля. В качестве образцов можно привести два места: περὶ τιμῆς καὶ τοῦ ζῆν καὶ πλούτου περὶ ὧν σπουδάζειν δοκοῦσιν οἱ ἄνθρωποι (Eth. Eud. III, 5, 8, 1232b, 10 сл.) — «относительно почести, жизни, богатства, о чем, по-видимому, стараются люди»; αἱ ἐπιμέλειαι καὶ αἱ σπουδαί καὶ αἱ συντονίαι λυπηραί (Rhet. I, 11, 1370a, 11) — «заботы, старания и напряжение связаны с огорчением».— Что касается прилагательного σπουδαῖος, то Аристотель употребляет его обычно для обозначения того, что противоположно φαῦλος (плохой, слабый), в смысле «хороший», «порядочный», «дельный», «серьезный». Однако родство с отмеченными выше глаголом и существительным подсказывает нам и другое значение — «требующий старания, усердия, труда». Такое значение не является гипотетическим. Оно засвидетельствовано самым бесспорным образом у Геродота: говоря о трех способах бальзамирования у египтян, он называет самый дорогой и тщательный (требующий наибольшего труда) — τὴν σπουδαιοτάτην (II, 86). Что касается Аристотеля, то там, где речь идет не о людях, мы улавливаем оттенок «сделанный старательно, с приложением труда» в таких сочетаниях, как νόμοι σπουδαῖοι (например, Polit. VII, 2, 9, 1325a, 2 сл.) или ὑπόδημα σπουδαῖον (Eth. Eud. II, 1, 6, 1219a, 22 сл.) — какой бы перевод мы ни давали прилагательному — «дельный», «совершенный» и т. п. Таким образом, имеется основание присоеди-

[21] E l s e, Aristotle's Poetics..., стр. 301 сл.
[22] H. B o n i t z, Index Aristotelicus, B., 1955, стр. 696 сл.

ниться к переводчику конца XVIII в., который слова Аристотеля передал на латинском языке так: quamobrem poesis etiam magis philosophica magisque studiosa res est, quam historia[23].

Стремление изобразить общее — то, что делал бы и говорил бы по законам вероятности или неизбежности человек, обладающий определенными свойствами,— отличает трагическую поэзию от исторического сочинения фиксирующего то, что однажды с определенным человеком случилось. Уже это одно заставляет Аристотеля признать, что написание трагедии требует больше размышления и больше старания, нежели написание истории.

Аристотель, однако, идет дальше и более конкретно показывает, в чем состоят трудности работы поэта по сравнению с трудом историка. Развивая свою теорию, Аристотель выставляет ряд требований, каким должна удовлетворять хорошая трагедия — фабула не должна быть растянутой, поэт должен давать (воспроизводить) законченное действие, трагическое действие вызывает страх и сострадание, перипетии должны строиться в соответствии с вероятностью и неизбежностью (в детали нам нет смысла вдаваться — см. гл. 13-ю «Поэтики»). Все эти моменты, присущие трагедии, не имеют никакого отношения к истории и историку. Об этом Аристотель прямо не говорит, но это само собой разумеется. В другом месте «Поэтики» (гл. 23), где речь идет об эпосе и где говорится о близости фабулы эпической поэмы с фабулой трагедии, Аристотель прямо заявляет, что одно из основных свойств трагедии — единство действия — чуждо историческому повествованию, построение эпических поэм не должно походить на построение историй — ведь в последних могут изображаться события, происходившие в одно и то же время и не имевшие между собой никакой связи — καὶ μὴ ὁμοίας ἱστορίαις τὰς συνθέσεις εἶναι[24], ἐν αἷς ἀνάγκη οὐχὶ μιᾶς πράξεως ποιεῖσθαι δήλωσιν ἀλλ' ἑνὸς χρόνου κτλ. (23, 1459a, 23 сл.).

Перед тем, как резюмировать все вышесказанное, следует, как это обычно делается при рассмотрении взглядов Аристотеля на трагедию, ненадолго задержаться на вопросе об историчности греческих трагедий. У. Виламовиц заметил, что в сущности почти все греческие трагедии имели сюжетом исторические события[25]. Редкое исключение представляла собой упомянутая в «Поэтике» (9, 1451b, 22) трагедия Агафона «Цветок». Мифически древность была в глазах греков и Аристотеля историей. Если так, то следует ответить на вопрос, почему автор «Поэтики» считает возможным говорить о трагическом поэте как о создателе фабулы. Едва ли здесь возможны два мнения. Мифологическая традиция давала остов событий. Не только разработка деталей, но и вся композиция трагедии в целом были делом драматурга. Один и тот же мифологический сюжет подавался зрителям разными поэтами по-разному[26]. Единство действия,

---

[23] Th. Chr. Harles, Lipsiae, 1780. См. также E. A. G. Graefenhan в своем издании «Поэтики» (Lipsiae, 1821, ad loc., стр. 85).

[24] Такой текст, подтверждаемый рукописью Riccardianus 46 и арабским переводом, является исконным; конъектура Дасье только воскресила его — см. Aristoteles, Περὶ ποιητικῆς, Gudeman, Lipsiae, 1934, ad XXIII, 1459a, 21, стр. 388.

[25] U. v. Wilamovitz-Moellendorff, Euripides Herakles, Bd. I, Einleitung in die griechische Tragödie, 4. Abdruck, B., 1959, стр. 119.

[26] См. разъяснения, какие дает М. Вален (M. J. Vahlen, Beiträge zu Aristoteles' Poetik, «Sitzungsberichte d. Akad. d. Wiss., Philosoph.-hist. Kl.», Wien, 1865, стр. 293): «Трагедия, правда, главным образом придерживается материала, доставляемого сказанием или историей, и имеет то преимущество, что вызванная ею вера в возможность и правдоподобие действия поддерживается и подкрепляется сознанием того, что они произошли в действительности. Однако трагедия не всегда и не исключительно придерживается предания, но и там, где она этого не делает, она достигает такого же воздействия. Это легко понять, так как историческое событие редко бывает известно всей публике как таковое и все же действует одинаковым образом на всю публику.

соответствие поступков и слов действующих лиц их характеру и ситуации, в какой они находились, забота о воздействии на зрителей путем внушения им чувств страха и сострадания — все это давало широкий простор творчеству поэта.

Остается подвести итог. В своей «Поэтике» Аристотель занят изучением литературных произведений, в сохранившейся части изучением трагедии и эпической поэмы. Только попутно он затрагивает историю и только для того, чтобы в одном пункте сравнить ее сначала с одним, потом с другим из интересующих его литературных жанров — исключена всякая возможность видеть в словах Аристотеля не только определение истории в целом, но и всеохватывающее сопоставление сравниваемых литературных видов. Сравнение ограничивается одной стороной — фабулой, неотъемлемым элементом истории и определенных видов поэзии. В результате сравнения оказывается, что поэт является создателем фабулы, тогда как историк получает события в готовом виде. Иначе: создание трагедии (об этом Аристотель говорит подробно) есть процесс творческий, а создание исторического произведения (прямо это не сказано) таковым не является. Поэт — творит, историк познает.

ARISTOTLE AND HISTORY

A. I. Dovatur

Aristotle's view that poetry is more philosophical and its creation more laborious than history should be understood in the context in which it is expressed (*Poet.* 1451b,5 sqq.). Aristotle is discussing one element of tragedy, the plot; history comes to his mind in just this connection. The philosopher does not undertake an exhaustive definition of the process of historical composition. His comparison of tragedy with history is strictly limited in its reference: the plot, a most important part of tragedy, is something more philosophical than the corresponding, narrative part of a historical work because the historian relates what actually happened while the tragic poet constructs his peripeties with an eye to the probable and the inevitable. The composition of tragedy is a creative process, a thing which cannot be said of the composition of a historical work. In short, the poet (as his name implies) creates, the historian finds out and reports.

Итак, драматического поэта характеризует произведенное по закону вероятности и неизбежности поэтическое преобразование (μίμησις) переданного сказанием или историей; если в очень редких случаях поэт оказывается в таком положении, что предание имеет тот вид, какой ему нужен для его произведения, то он все же выполняет свою задачу как художник (μιμητής), беря исторический материал для своего поэтического произведения не потому, что это материал исторический, а потому, что он уже обладает свойствами, какие имеет право и обязанность придавать ему по собственному почину поэт».

Я. Ю. Заборовский

ЗАКОН ЛИЦИНИЯ — СЕКСТИЯ DE MODO AGRORUM

(Попытка интерпретации)

Как известно, Тит Ливий (VI, 35, 5; XXXIV, 4, 9) и зависимые от него или близкие к нему источники [1] сообщают, что после длительной и упорной борьбы народные трибуны Гай Лициний Столон и Луций Секстий добились принятия обширного законодательства, одним из пунктов которого было установление максимума для владения землей — 500 югеров на семью. Плутарх (Cam. 39,2) относит это событие к четвертому диктаторству Камилла, т. е. к 368—367 г. до н. э., а о земельной норме сообщает в биографии Тиберия Гракха (8, 2). О существовании аграрного закона Столона знает и такой отличный знаток римской старины, как Варрон [2]. О подобном законе, устанавливавшем какой-то максимум и для владения скотом упоминал в своей речи в защиту родосцев в 167 г. до н. э. М. Порций Катон [3]. Аппиан уточняет, что дозволялось отправлять на выпас 100 голов крупного и 500 — мелкого скота при сохранении известного уже нам предела в 500 юг. на одну семью [4].

В пользу историчности закона Лициния—Секстия свидетельствуют и сообщения античных авторов о довольно частых случаях штрафования лиц, нарушивших его [5]. Вместе с тем Диодор Сицилийский (XV, 75, 1), несомненно, хорошо осведомленный о волнениях (ἀναρχία διὰ τινὰς πολιτικὰς στάσεις) в Риме около 366 г. до н. э., ни о каком аграрном законе не говорит ни слова, так же, как и Цицерон (даже в речах «De lege agraria»). Ни один из наших источников нигде не разъясняет, к каким категориям земель относился закон Лициния — Секстия, поэтому не удивительно, что подавляющее большинство современных исследователей ограничивают его действие только ager publicus.

---

[1] Val. Max., 8, 6, 3; Vell. Pat., 2, 6, 3; De vir. ill. 20, 3.

[2] Varr., R. r. I, 2, 9: ...Stolonis illa lex, quae vetat plus D jugera habere civem R.; ср. Colum., R. r. 1,3, 11; Plin., N. h. XVIII, 17.

[3] ...Si quis plus quingenta iugera habere voluerit, tanta poena esto, si quis maiorem pecuum numerum habere voluerit, tantum damnos esto (Aul. Gell., 6, 3, 37).

[4] App., B. c. I, 8, 33: ... Μηδένα ἔχειν τῆσδε γῆς πλέθρα πεντακοσίαν πλείονα μηδὲ προβατεύειν ἑκατὸν πλείω τὰ μείζονα καὶ πεντακοσίων τὰ ἐλάσσονα.

[5] Большая группа античных авторов (Liv., VII, 16, 9; Dion. Hal., XIV, 12; Colum., R. r. I, 3, 11; Val. Max., VIII, 6, 3; Plin., N. h. XVIII, 17; Plut., Cam. 39, 5; De vir. ill. 20, 4) сообщает о наказании самого Лициния Столона. Штрафовались нарушители закона и позже: в 298 г. до н. э. — Liv., X, 13, 14; в 296 г. — Liv., X, 23, 13; в 293 г.— Liv., X, 47, 4; в 195 г.— Liv., XXXIII, 42, 10; в 193 г.— Liv., XXXV, 10, 11.

Далеко не все сообщения источников выглядят правдоподобными. Из сообщений Тита Ливия (VII, 16, 9), Плиния Старшего (N. h. XVIII, 17) и автора De viris illustribus (20, 4) следует, что один из инициаторов законодательства — Гай Лициний Столон в 357 г. до н. э. был оштрафован на 10 тыс. ассов только за то, что вместе с сыном владел 1000 юг. земли, хотя сын давно был освобожден им из-под отеческой власти (patria potestas) посредством emancipatio. Современные комментаторы Ливия справедливо замечают, что если бы это было так, то, согласно римской конституции, сын Столона имел бы все основания владеть собственным имуществом и наложение штрафа в этом случае выглядит странным [6].

И все же, несмотря на эти недомолвки в источниках, данные источников об аграрном законе Лициния—Секстия долгое время не вызывали никаких сомнений в их достоверности. Только после выхода в свет в 1888 г. известной статьи Б. Низе, поставившей под сомнение подлинность имеющихся в нашем распоряжении сведений об этом законе, он стал предметом ожесточенных споров, не прекратившихся до последнего времени.

Вкратце аргументация Б. Низе сводилась к следующему: закон датируется лишь исторической традицией, восходящей только к Ливию. Ни Диодор, ни Цицерон ни единым словом не свидетельствуют о его существовании. Аппиан и Плутарх относят его действие к периоду, когда уже вся Италия была завоевана. Поэтому Полибий (II, 21, 8) не мог бы писать о Гае Фламинии, что он ταύτην τὴν δημαγωγίαν εἰσηγησαμένου καὶ πολιτείαν, если бы знал, что до принятия закона Фламиния существовал не менее демагогичный закон Лициния—Секстия. Кроме того, в IV в. до н. э. в Риме было еще недостаточно земли для введения максимума в 500 юг. на семью. Если предположить, что лишь 100 лиц владели тогда этим максимумом, это составило бы 25% всего наличного тогда фонда ager publicus. Ограничение в 100 голов крупного и 500 — мелкого скота могло быть принято лишь после завоевания горных пастбищ. Не было в IV в. до н. э. и столь острой нужды в земле, так как неоднократно выводились колонии (до 367 г. таковых выведено не менее десяти). Закон мог быть принят только после раздела земель, проведенного Фламинием, но до 167 г. до н. э., когда на него сослался М. Порций Катон в своей речи в защиту родосцев. Скорее всего, по мнению Б. Низе, закон приняли в промежуток времени между 200 и 180 гг. до н. э. [7]

Такая датировка закона почти сразу вызвала справедливые возражения многих ученых. Уже В. Зольтау, соглашаясь с доводом о недостаточности земельного фонда, заметил, что это вовсе не причина, почему нельзя было бы принять закон, вводивший земельный максимум. Он же выдвинул очень заманчивое предположение о том, что Ливий, Плутарх и Аппиан, рассматривая закон, подают его нам в развитии: Ливий, — быть может, самую древнюю редакцию, Аппиан — его повторение с присоединением требования клятвы к leges sacratae, что, по-видимому, произошло в 287 г. до н. э., а вероятно, и позже. Все это, считает Зольтау, дает право датировать закон Лициния—Секстия 367 г. до н. э. [8] Ссылаясь на известность закона Варрону, доказывал его историчность В. И. Синайский [9]. На рез-

[6] J. Wolski, M. Brożek, в кн. T. Liwiusz, Dieje Rzymu od założenia miasta, PAN, т. 2, 1971, стр. 71. Ср. О. С. Иоффе и В. А. Мусин, Основы римского права, Л., 1974, стр. 41.

[7] B. Niese, Das sogenannte Licinisch-Sextisch Ackergesetz, «Hermes», 1888, стр. 410—420; он же, Очерк римской истории и источниковедения, СПб., 1908, стр. 76—77, 198—199.

[8] W. Soltau, Die Echtheit des licinischen Ackergesetz von 367, «Hermes», 1895, стр. 624—629.

[9] В. И. Синайский, Очерки по истории землевладения и права в древнем Риме, Юрьев, 1908, стр. 175—176.

кое увеличение земельного фонда ager publicus после завоевания Вей, эквов, вольсков и этрусков обратил внимание Э. Фельсберг. Он же заметил, что в дошедшей до нас редакции закон вовсе не демократичен, так как норма максимума слишком велика и поэтому Полибий вполне мог назвать Фламиния первым демагогом. Закон мог быть сразу lex sacrata — такого рода законы известны даже для середины V в. до н. э., например, lex de Aventino publicando (Liv., III, 32, 7) [10]. Аппиан, видимо, описывал положение в сельском хозяйстве Италии, когда закон уже позабыли и после войны с Пирром (но не позже 219 г. до н. э., начиная с которого мы располагаем повествованием Ливия) действие его могли возобновить [11]. В поисках подтверждения достоверности законодательства ученые обращались к самым различным источникам, а некоторые даже ссылались на географические атласы конца XIX — начала XX в. не только Италии, но и... Саксонии [12]. В целом же подавляющее большинство историков признало историчность закона [13].

Вместе с тем у Б. Низе нашлось немало последователей, совершенно отрицающих достоверность нашей традиции об аграрном законе Лициния — Секстия [14]. Некоторые ученые относили время принятия его к концу III —

---

[10] Заметим, кстати, что они встречаются еще раньше — в начале V в. — см. Liv., 2, 33, 3.

[11] Э. Фельсберг, Братья Гракхи, Юрьев, 1911, стр. 38—42.

[12] O. Schmidt, Die gegenwärtige Krisis in der Auffassung der älteren römisches Geschichte, «Neue Jährbücher für die klassische Altertumsgeschichte und deutsche Literatur», 5 (1900), стр. 44.

[13] См. В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, т. I, М., 1938, стр. 71; С. Л. Утченко, Закон Лициния—Секстия de modo agrorum и его значение для истории аграрных отношений раннего Рима, «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1947, № 2, стр. 153—162; С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 85—86; он же, в кн. С. И. Ковалев и Е. М. Штаерман. Очерки по истории древнего Рима, М., 1956, стр. 35—36; Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1948, стр. 116 сл.; В. Н. Дьяков, в кн. «История древнего мира», под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева, М., 1962, стр. 482; И. А. Немировский, История раннего Рима и Италии, Воронеж, 1962, стр. 262; М. Е. Сергеенко, в кн. Варрон, Сельское хозяйство, М.— Л., 1963, стр. 132 сл.; она же, в кн. «Ученые земледельцы древней Италии», Л., 1970, стр. 230; Л. А. Ельницкий, Возникновение и развитие рабства в Риме VIII—III вв. до н. э., 1964, стр. 175 сл.; В. И. Кузищин, в кн. «История древнего Рима», под ред. А. Г. Бокщанина и В. И. Кузищина, М., 1971, стр. 65; Н. Ф. Мурыгина, в кн. «История древнего мира», ч. II, под ред. Ю. С. Крушкол, М., 1971, стр. 238 сл.; Ф. М. Нечай, Образование римского государства, Минск, 1972, стр. 185—188. Из зарубежных работ, кроме указанных выше, см. Л. Блох, Сословная и социальная история Римской республики, СПб., 1904, стр. 43; К. В. Нич, История Римской республики, М., 1908, стр. 93—96; F. Münzer, Lucinius Stolo, RE, Bd. 12, 1926; J. Vančura, Leges agrariae, RE, Bd. 13, стб. 1164—1168; G. Cardinali, Studi Graccani, Genova, 1912, стр. 129—132; P. Fraccaro, Studi sull'eta dei Gracci, I, Citta di Castello, 1914, стр. 71; L. Homo, Les institutions politiques romaines, Paris, 1927, стр. 47, 60; H. Last, CAH, VIII, 1928, стр. 538—540; T. Frank, ESAR, I, Rome and Italy of the Republic, Baltimore, 1933, стр. 26—28; G. Tibiletti, Il possessio dell'ager publicus e le norme de modo agrorum sino ai Gracci, «Athenaeum», XXVI (1948), стр. 212, 214; A. Burdese, Studi sull'ager publicus, «Universita di Turino, Memoria dell istituto guiridico», ser. II, 1952, стр. 53—54; R. Boisner, L'etat economique de Rome de 509 à 264 av. J. C., «Revue Historique de droit français et etranger», 1955, № 2, стр. 240; F. de Martino, Storia della constituzione romana, т. I, Napoli, 1958, стр. 337; E. Gjerstad, Legends and Facts of Early Roman History, Lund, 1962, стр. 68; R. F. Rossi, La crisi della Republica, «Nuove questioni di storia Antica», Milano, 1968, стр. 386—387; M. Rostovtzeff, Rome, Oxf., 1970, стр. 30—31; R. M. Heywood, The Ancient World, N. Y., 1971, стр. 365, 440.

[14] Ed. Meyer, Untersuchungen zur Geschichte der Gracchen, Halle, 1884, стр. 14; U. Wilamowitz-Moellendorf, Griechisches Lesebuch, I, стр. 73; J. Binder, Die Plebs, Lpz, 1909, стр. 357; M. Gelzer, Die Nobilität der romischen Republik, Lpz — B., 1912, стр. 15—16; P. A. Brunt, Social Conflicts in the Roman Republic, L., 1971, стр. 56; E. Ferenczy, From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State, Budapest, 1976, стр. 48.

началу II в. до н. э. [15] или даже к 145 г. до н. э. [16], а были и такие, что считали традицию о законе абсурдом и фантазией [17].

Как видно даже из весьма краткого обзора литературы вопроса, аргументация с обеих сторон в большинстве случаев весьма внушительна. Можно еще отметить прекрасную датировку закона у Плутарха, вряд ли зависящего от ливианской традиции. Диодор Сицилийский — весьма непоследовательный компилятор, нередко сокращающий свой материал не столько по содержанию, сколько по объему. Argumenta ex silentio при использовании сочинений Цицерона обычно очень подозрительны — он часто излагает материал, руководствуясь прежде всего своими непосредственными целями.

Аграрный закон Лициния—Секстия слишком хорошо засвидетельствован исторической традицией, причем весьма различной, чтобы его можно было просто отбросить как досужий вымысел. Но и доказывать его историчность с помощью пусть даже очень скрупулезных и точных изучений географических атласов XIX или начала нашего века вряд ли целесообразно, ведь никакой из этих атласов не в состоянии ответить на самые элементарные, но тем не менее важные вопросы: какая земля была обжита в середине IV в. до н. э., а какая лежала пустошью, где был ager publicus, а где — частные владения. Поэтому приходится сожалеть, что обсуждение проблемы достоверности дошедших до нас сведений о законе, несмотря на кажущееся разнообразие аргументов с обеих сторон, в целом не вышло за рамки, определенные Б. Низе.

По существу дискуссия ограничилась лишь рассмотрением внешней стороны вопроса, оставив почти не затронутыми экономические и политические проблемы римского общества середины IV в. до н. э., так же как и анализ дошедших до нас редакций закона и сообщений о штрафах, налагавшихся на его нарушителей. К тому же в литературе нередко аграрную часть законодательства рассматривали в отрыве от других мероприятий, проведенных Лицинием и Секстием в 367 г. до н. э., достоверность которых обычно не вызывает сомнения.

При рассмотрении законодательства Лициния — Секстия редко принимают в расчет и данные о цензах IV в. до н. э., а их анализ приводит к весьма любопытным выводам. В ближайшем к 367 году из дошедших до нас цензов — в 392 г. до н. э.— было, по данным Плиния Старшего (N. h. XXXIII, 16), записано 152 573 чел., попадавших под категорию caput liberum, в то время как в следующем цензе 332 г. до н. э. уже 250 тыс. граждан (Liv., IX, 19, 1). Таким образом, на протяжении 60 лет (с 392 по 332 г. до н. э.), ближайших к дате законодательства Лициния — Секстия число римских граждан в цензах увеличилось на 97 427 чел. Принимая во внимание обычную для античности высокую детскую смертность, почти полную беспомощность перед эпидемиями [18] при нездоровом клима-

[15] R. Maschke, Zur Theoria und Geschichte der römischen Agrargesetze, Tübingen, 1906, стр. 52—60; G. W. Botsford, The Roman Assemblies, N. Y., 1909, стр. 296; A. Piganiol, La conquête romaine, P., 1927, стр. 304; E. Pais, Storia di Roma II, Roma, 1928, стр. 136—143; A. Piganiol, Histoire de Rome, P., 1949, стр. 59—60; Wolski, Brożek, ук. соч., стр. 40; М. Вебер, Аграрная история древнего мира, М., 1923, стр. 329; Р. Ю. Виппер, Очерки истории римской империи, Берлин, 1923, стр. 52; Д. П. Каллистов и В. И. Холмогоров, в кн. Плутарх, Избранные биографии, М.— Л., 1941, стр. 435.

[16] G. Bloch et J. Carcopino, La republique romaine de 144 à 133 av. J. C., P., 1929, стр. 167; A. Trever, Stolo, «Oxford Classical Dictionary», 1967, стр. 862.

[17] G. de Sanctis, Storia dei Romani, II, Torino, 1907, стр. 216—220; K. J. Beloch, Römische Geschichte, B., 1926, стр. 344.

[18] В указанные 60 лет Рим пережил четыре эпидемии: в 384, 365—363, 348, 334 гг. до н. э. (Liv., VI, 20, 15; VII, 1—3; 27, 1; VIII, 18, 1). Эпидемия 365—363 гг. была особенно жестокой.

те ближайших окрестностей Рима, вряд ли можно отнести указанный рост количества граждан почти на 100 тыс. чел. только на счет естественного прироста населения. Анализ уцелевших книг первой декады Тита Ливия позволяет прийти к обоснованному выводу, что отмеченный рост — скорее всего результат частичного включения в состав римской общины свободного населения окрестных территорий [19]. Новые граждане, надо полагать, были разными: одни — побогаче, другие — намного беднее. А ведь все это происходило в период, когда Рим формировался как полис, традиционная политика которого состояла в том, чтобы не допустить развития как предельной бедности, так и беспредельного богатства, на что обратил внимание в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» К. Маркс: «Предпосылкой дальнейшего существования такой (античной.— *Я. З.*) общины является сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами...»[20].

Экономическое положение Рима в V—IV вв. до н. э. было очень тяжелым. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, прибегли к уже испытанному методу — выведению колоний. Согласно подсчетам некоторых исследователей, таковых в период между 494 и 382 гг. до н. э. было выведено 11[21]. Но это помогло не надолго. Если взять законы XII Таблиц (III, 1—6), то нигде больше в Средиземноморье мы не найдем такого жестокого долгового права, причем, по всеобщему признанию, сведения о нем содержатся в наиболее аутентичной части законодательства. В Риме неоднократно принимались меры с целью частичного улучшения тяжелого положения должников (например, незадолго до принятия аграрного закона Лициния—Секстия — в 378 г. до н. э.— Liv., VI, 31, 4—5). Не удивительно, что подобное предложение встречаем и в законе 367 г. до н. э., согласно которому выплаченные проценты засчитывались в погашение долга, а оставшаяся часть выплачивалась равными долями в течение ближайших трех лет (Liv., VI, 35, 4). Государство вынуждено было не допускать снижения какого-то определенного уровня бедности низших слоев населения, пока с 326 г. до н. э. законом Петелия кабальное рабство в среде римских граждан было как будто полностью отменено (Liv., VIII, 28, 1—9; Varr., L. l. VII, 105) [22].

В это же время проходила острая политическая борьба между патрициями и плебеями, в ходе которой последние уже добились значительных успехов. К середине IV в. им стали доступны должности военных трибунов с консульской властью, была специально учреждена должность народного (плебейского) трибуна, разрешены браки между плебеями и патрициями, а закон Лициния—Секстия к тому же восстанавливал

---

[19] На протяжении этих 60 лет права римских граждан получила часть населения Вей, Капен, Фалисков (389 г.), жители Тускула (вскоре после 379 г.) и Цере (353 г.), часть городов Кампании (340 г.), города Ланувий, Ариций, Номента, Педы, Фунды, Формий, Кумы, Свессула (338 г.) — Liv., VI, 4, 4; 26, 8; VII, 20, 8; VIII, 11, 16; 14, 2—12. Несмотря на отмеченные выше четыре эпидемии, увеличение числа граждан шло столь бурными темпами, что возникла необходимость в 387 г. образовать четыре новые трибы, а в 358 и 332 гг.— еще по две — Liv. VI, 6, 8; VII, 15, 12; VIII, 17, 11. Таким образом, за указанные 60 лет было создано восемь новых триб, которые, надо полагать, включили в себя большинство из 97,5 тыс. новых римских граждан.

[20] К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 467.

[21] Beloch, Römische Geschichte, стр. 522—621; E. Korneman, Coloniae, RE, Bd. 4, стб. 511—520; Ф. М. Нечай, Рим и италики, Минск, 1963, стр. 48.

[22] О довольно частых случаях нарушения этого закона на практике см. Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 58—62.

должность консулов, один из которых обязательно должен был избираться из числа плебеев [23]. К концу же IV в. до н. э. эта политическая борьба практически окончилась полной победой плебеев.

Таким образом, из двух рассмотренных нами законов Лициния—Секстия ни один не противоречит, но, более того, оба прекрасно вписываются в общую картину политического развития римского общества середины IV в. до н. э., когда завершалось формирование единой гражданской общины и, поскольку все это происходило в рамках полиса, необходимы были меры, ограничивающие как крайнюю бедность, так и богатство. Поэтому принятие в 367 г. до н. э. закона, имевшего целью не допускать чрезмерного развития имущественной дифференциации, представляется нам исторической необходимостью.

Вместе с тем, исходя из экономических условий развития Рима в середине IV в. до н. э., приходится констатировать полную неубедительность предположения о том, что в столь раннее время могло быть принято постановление о 500-югерной максимальной норме обрабатываемой земли на одну семью.

Когда в середине V в. до н. э. римские юристы кодифицировали аграрное законодательство, они были вынуждены обратить самое пристальное внимание на то, насколько надо отступать от чужого участка при постройке забора, рытье ямы или посадке деревьев; ими сурово регламентировалась ширина межи, учитывался вред, наносимый протекающим рядом ручьем или даже тенью от дерева, выросшего на соседнем участке [24]. Эта мелочность была бы неуместна, если бы речь шла о крупных земельных владениях, но она совершенно закономерна, когда имеешь всего несколько югеров земли. Ведь только тогда обращаешь внимание и на высоту деревьев на соседнем участке, и на то, склоняет ли ветер эти деревья на твой участок, куда падают желуди выросшего рядом дуба [25]. Со времени принятия законодательства XII Таблиц прошло немногим более 80 лет, но учитывая известную замедленность темпа исторического развития, столь свойственную античности особенно в сфере всегда консервативных аграрных отношений, положение в Риме к моменту принятия закона Лициния—Секстия хоть и изменилось, но вряд ли коренным образом.

Вероятность достаточно частых случаев сосредоточения в частной собственности или длительном пользовании в руках отдельных семей столь обширных массивов земли (иначе зачем было бы принимать ограничивающий это закон?) предполагает прежде всего наличие достаточно большого количества рабочей силы, обширного и хорошо развитого рынка сбыта сельскохозяйственной продукции и, наконец, развитой транспортной системы. А все это отсутствовало в условиях Рима середины IV в. до н. э.

Садовые культуры только-только начинали свое распространение, и пройдет еще по крайней мере две сотни лет, пока переведут первый сельскохозяйственный трактат Магона и будет написана книга М. Порция Катона. А ведь и во времена Катона приходилось обучать римлян обхождению и с виноградной лозой, и с масличным деревом [26]. Хлеб же в столь раннее время при примитивной технике — очень трудоемкая культура,

[23] Liv., VI, 35, 5; 40, 18; Val. Max., VIII, 6, 3; Plut., Cam. 42, 3—4; De vir. ill., 20, 1. Действительно, после 363 г. до н. э. консульские списки впервые включают представителей плебейских родов (см. Frank, ук. соч., стр. 28).

[24] Lex XII tab., VII, 2, 4, 8b, 9a. См. Fontes juris Romanis antiqui, ed. C. G. Bruns, Tübingen, 1909, стр. 27—28.

[25] Lex XII tab., VII, 9b; 10; VIII, 7 — там же, стр. 28, 30.

[26] М. Е. Сергеенко. Садоводство в древней Италии. «Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук», вып. 21, № 192, 1956, стр. 127—131; она же, Очерки по сельскому хозяйству древней Италии, М. — Л., 1958, стр. 6—13; она же, в кн. «Ученые земледельцы древней Италии», стр. 5—11.

требующая применения большого числа рабов, либо частично или полностью зависимого населения. В условиях же патриархального рабства (о других формах рабства для Рима IV в. до н. э. говорить не приходится) ни того, ни другого в необходимом количестве не было. Предположение, что столь обширные хозяйства обрабатывались массами зависимых плебеев, когда именно в IV в. их экономическая и политическая борьба достигла своего апогея, вряд ли может соответствовать действительности.

Все же допустим, что в середине IV в. до н. э. у владельца земли нашлось достаточное число рабов и эти 500 юг. земли засажены и засеяны. Что делать с готовым продуктом? Где его продать? В окрестностях Рима даже значительно позднее, например во времена Плиния Старшего (N. h. 19, 52), выращивают все необходимое. На юге Италии и в городах Сицилии своих продуктов хоть отбавляй, ведь именно здесь зафиксированы сказочно высокие урожаи зерновых (Varr., R. r. I, 44, 2), что предоставляло бы лучшие возможности местным продуктам в конкурентной борьбе с римскими, если бы она имела место. Отметим к тому же серьезные транспортные затруднения, связанные с перевозкой готовой продукции (ведь и значительно позднее перевозка даже на малые расстояния обходилась недешево [27]), а хороших дорог в Риме пока еще нет, свой флот — не развит [28]. Даже спустя сто лет после принятия закона Лициния—Секстия во времена войны с Пирром римляне все еще просили у Карфагена помощи кораблями (Polyb., 3, 25). К тому же длительное отсутствие чеканки монет — весьма красноречивый признак неразвитости в Риме рыночных отношений даже в значительно более позднее время [29].

В равной степени ограничительная норма в 500 юг. земли не могла относиться и к пастбищам. Несмотря на густую заселенность Лация, многие его участки еще долго лежали пустошью вследствие нездорового климата, широкого распространения топей и болот. В середине IV в. до н. э. сохранялось немало лесов, низин, изрезанных оврагами и речушками, владение которыми вряд ли кто ограничивал. Достаточно вспомнить часто цитируемое место из Аппиана (B. c. I, 7, 27): «... Не имея времени разделить и эту [землю], которая вследствие войн была невозделанной и которой было особенно много, они (римляне) объявили, что ее может брать всякий желающий...». И Аппиан относит это ко времени, предшествующему принятию закона.

Вовсе не логично предполагать, что уже в середине IV в. до н. э. римское государство ограничивает земельную собственность, в то время как даже официальной целью каждой вновь объявленной войны был захват чужих земель, когда всякий раз отчислялось в фонд римского ager publicus от $^1/_3$ до $^2/_3$ земель покоренных народов [30]. Агрессивная внешняя политика Рима делала первые шаги, завоевание Италии только начиналось, и захват чужих земель поощрялся всеми методами и в первую очередь весьма низким поземельным налогом [31]. Поэтому введение уже в се-

[27] Ср. Дж. Луцатто, Экономическая история Италии, М., 1954, стр. 77; Г. Ферреро, Величие и падение Рима, I, М., 1915, стр. 40, 331—337.

[28] Когда через 20 лет после принятия закона Лициния—Секстия в 348 г. на побережье Лация напали морские разбойники, римляне не имели возможности воспрепятствовать их действиям на море и лишь не допустили их высадку на побережье (Liv., VII, 26, 13—14). Впервые римский флот упоминается только под 310 г. до н. э. (Liv., IX, 38, 2).

[29] Бронзовая чеканная монета появилась в обиходе начиная с 338 г. до н. э., серебряная — с 269 г., а золотая — только после 217 г. до н. э. (С. И. Ковалев, История Рима, стр. 158 сл.; Э. Бикерман, Хронология древнего мира, М., 1975, стр. 260; Heywood, ук. соч., стр. 432).

[30] См. Liv., II, 41, 1; VIII, 1, 3; X, 1, 3 и др.; Dion. Hal., II, 35, 5; 50, 4.

[31] Из Аппиана (B. c., I, 7, 27) явствует, что невозделанные земли сдавались всякому желающему за $^1/_{10}$ урожая зерновых и $^1/_5$ — винограда и фруктов. Материал надпи-

редине IV в. до н. э. земельного максимума представляется нам совершенно невозможным ни из экономических, ни тем более из политических соображений.

Но отсюда отнюдь не должен вытекать вывод о неисторичности аграрного законодательства Лициния—Секстия. Если тогда нельзя было ограничивать землепользование, то ведь можно и даже нужно было ограничивать собственность крупных скотоводов.

Количество скота в Риме уже с древнейших времен было значительным. Скот издавна заменял деньги [32], а Т. Моммзен заметил, что в традиции римского права сохранились указания на то, что первоначально имущество римлян состояло только в скоте, а земля была разделена лишь впоследствии [33]. Скот был важнейшей статьей государственного дохода, так как уже с незапамятных времен с каждой головы скота, пасшегося на ager publicus, взимался налог — scriptura. Поэтому учитывать его количество нужно было с самого раннего периода. Скот кормил, обувал, одевал. Кожаную обувь и шерстяную одежду носили в Риме все без исключения. Без продуктов скотоводства не могла обойтись и армия, ведь панцири, шлемы, щиты, пояса, палатки, одежда и обувь солдат изготовлялись из кожи либо из шерсти. Естественно, начиная с самого раннего периода возникает необходимость в ограничении богатства крупных скотоводов, особенно в густонаселенном Лации, где хороших пастбищ в общем-то было немного. И закон Лициния—Секстия в 367 г. до н. э., вероятно, впервые ввел ограничение собственности крупных скотоводов. В пользу этого предположения прежде всего говорят известные нам сообщения Тита Ливия о наказании лиц, нарушивших закон в начале III и II в. до н. э., почти все относящиеся к скотоводам (pecuarii) [34]. В пользу этого же мнения свидетельствует и анализ формулировок закона Лициния—Секстия.

Все дошедшие до нас редакции закона можно отнести к двум вариантам: либо «аграрному» — устанавливающему земельный максимум в 500 юг. на семью (традиция Варрона, Колумеллы, Плиния Старшего, Тита Ливия с зависимыми или близкими к нему источниками, а также Плутарха), либо «комбинированному», помимо указанного земельного максимума, устанавливавшему еще и норму владения скотом (традиция М. Порция Катона), определенную в размере 100 голов крупного и 500 — мелкого скота (традиция Аппиана).

Уже В. Зольтау выдвинул предположение, что наши источники подают нам формулировки одного и того же закона — только в развитии: от самых древних редакций до более поздних [35]. Сообщения о нарушителях закона, почти все относящиеся к наказанию pecuarii, точная датировка традиции Катона, устанавливающей какую-то норму владения скотом, наличие leges sacratae уже в самом начале V в. до н. э. (традиция Аппиана сообщает закон в форме lex sacrata) — все это дает нам основание считать

сей (CIL, I, 2, 199) позволяет прийти к выводу, что на практике этот налог был даже еще более низок: на севере Италии (в окрестностях Генуи) в конце II в. до н. э. взимали $^1/_{20}$ урожая зерновых и $^1/_6$ вина.

[32] Штрафы, например, выплачивались только скотом. Высший предел штрафа (suprema multa) был установлен в древнейший период в размере 2 овец и 30 быков. После довольно продолжительного времени произвольной оценки скота было установлено, согласно lex Julia—Papiria 430 г. до н. э., официальное соотношение: 1 бык = = 10 овцам = 100 фунтам бронзы (Cic., de rep. II, 35, 60; Liv., IV, 30, 3; Festus, 268 L.).

[33] Т. Моммзен, История Рима, I, М., 1936, стр. 143 сл.

[34] Из пяти достоверных сообщений такого рода к наказанию «скотоводов» относятся четыре (Liv., X, 23, 13; 47, 4; XXXIII, 42, 10; XXXV, 10, 11).

[35] Soltau, ук. соч., стр. 624—629.

«комбинированный» вариант закона Лициния—Секстия более древним, чем «аграрный».

Вместе с тем данная выше характеристика экономического положения римского общества середины IV в. до н. э. наряду с обоснованием вывода о невозможности принятия в столь ранние времена закона, вводившего земельный максимум, позволяет нам прийти к выводу, что первоначально должен был существовать еще более древний, чем все дошедшие до нас формулировки — «скотоводческий» вариант закона Лициния—Секстия, вводивший ограничение собственности крупных скотоводов посредством установления определенного предела владения скотом.

Известное из Аппиана ограничение в 600 голов крупного и мелкого скота было принято, по всей вероятности, далеко не сразу. Лишь с развитием товарно-денежных отношений и имущественной дифференциации рамки закона могли постепенно расширяться до названного уже предела в 600 голов скота. Это могло произойти не раньше начала либо даже середины II в. до н. э. Тогда же он мог дополниться нормой землепользования в 500 югеров земли, которой вполне достаточно для выпаса указанного количества скота.

Принятая в 367 г. до н. э. «скотоводческая» формулировка, вероятно, продержалась недолго (ведь, согласно сообщению Тита Ливия, уже в 298 г. до н. э. были наказаны те, кто владел бóльшим количеством земли, чем позволял закон) [36]. Пришедшая ей на смену «комбинированная» формулировка была более долговечной и просуществовала не менее 150 лет — вплоть до 167 г. до н. э., когда на нее еще ссылается в своей речи в защиту родосцев М. Порций Катон. Она же зафиксирована и у Аппиана, несомненно черпавшего свои сведения из очень хороших италийских источников. Характерно, что в передаче и Катона и Аппиана аграрная часть формулировки уже предшествует, очевидно, как более важная, скотоводческой. И только, быть может, начиная с конца II в. до н. э. на первый план выдвигается третий или «аграрный» вариант законодательства Лициния—Секстия, причем, по всей вероятности, уже в известной нам окончательной редакции (устанавливавшей земельный максимум в 500 юг. земли на семью). Под влиянием законодательства Тиберия Гракха, а потом и закона 111 г. до н. э. этот «аграрный» вариант вытесняет все прочие редакции и таким образом становится единственно известным Варрону, Колумелле, Плинию Старшему, Титу Ливию с его источниками и Плутарху.

В свете вышеизложенного, редакции закона у Катона и особенно у Аппиана представляют несомненный интерес, так как, на наш взгляд, их можно считать древнейшими из всех дошедших до нас.

Под действие закона Лициния—Секстия даже в первоначальном не дошедшем до нас «скотоводческом» варианте подпадали все земли, но, конечно, в первую очередь ager privatus. Такой вывод напрашивается из анализа глагольных форм в дошедших к нам редакциях закона. Варрон, несомненно, сохранивший одну из древнейших, относительно земли употребляет глагол habere. Интересно, что у Катона эта форма глагола относится как к скоту, издавна бывшему в частной собственности, так и к земле, попадавшей под действие закона [37]. Поэтому совершенно прав был

[36] Liv., X, 13, 14: ...quia plus, quam quod lege finitum erat, agri possiderent, Это первое достоверное сообщение о наказании лиц, нарушивших закон Лициния—Секстия.

[7] Подобные формулировки закона с глаголом habere встречаем и в других наших источниках. Ср. De vir. ill. 20, 3. Интересно, что Ливий (VI, 35, 5) в этом случае вместо habere употребляет глагол possidere с равнозначным значением, связанным с обладанием, либо владением каким-то имуществом. См. s. v. словари И. Х. Дворецкого (М., 1976); К. Е. Георгеса (Лейпциг, 1880).

С. Л. Утченко, когда первым в свое время предположил, что действие закона распространялось на всю землю, включая и ager privatus [38].

Таким образом, мы имеем все основания считать закон Лициния и Секстия действительно изданным в 367 г. до н. э. По-видимому, они впервые ввели ограничение частной собственности скотоводов, существенно облегчили тяжелое положение должников и открыли плебеям доступ к занятию одной из высших государственных должностей римской республики — должности консула.

THE LICINIAN-SEXTIAN LAW *DE MODO AGRORUM*

Ya. Yu. Zaborovsky

Study of the economic and political situation of the Roman republic in the 4th century B. C. led the author to conclude that an agrarian law of Licinius and Sextius was really passed in 367 B. C. Only the property limitation proposed in the law at that time did not affect landholdings but most probably concerned cattle, the number per person allowed in the law being now unknown, though later it was said to have been set at a maximum of 600 head of large and small cattle. Obviously in the 3rd century or before the middle of the 2nd century B. C. the law was amended to include a limitation on property in land to 500 *jugera*, at first of grazing land for the maintenance of the aforesaid cattle, later of any sort of land, including arable, and not only of *ager publicus*, but of *ager privatus*.

[38] Утченко, ук. соч., стр. 159 сл.

И. Ф. Делищева

КАТЕГОРИЯ СВОБОДНЫХ, QUI BONA FIDE SERVIUNT

В пестрой и многоликой массе подневольных работников древнего Рима весьма своеобразную группу составляла категория лиц с неопределенным и даже в какой-то мере загадочным статусом — qui bona fide serviunt. Им уделялось сравнительно мало внимания в нашей литературе, хотя, на наш взгляд, изучение их положения представляет далеко не частный интерес и имеет значение для постановки более широких проблем римской социально-экономической истории. Изучение положения тех, кто bona fide serviunt, особенно важно для понимания проблемы наемного труда, поскольку оно может раскрыть некоторые специфические особенности наемного труда в условиях рабовладельческого способа производства. Интересно проследить само возникновение этой довольно многочисленной группы лиц, среди которых, насколько можно судить по юридическим источникам, были люди различных прав и состояний свободнорожденные, рабы и отпущенники.

При исследовании вопроса об этой категории работников мы неизбежно сталкиваемся с задачей классификации изучаемой группы, что особенно трудно в отношении лиц свободного состояния. О сложности определения категории работников, qui bona fide serviunt, писала Е. М. Штаерман. Она определяет их как свободных, находящихся в рабстве или исполняющих рабскую службу на законном основании [1]. Такое определение подтверждается, по-видимому, данными юридических источников, поскольку, как свидетельствует сам термин bona fide, обычно относящийся к приобретению, владению и т. п., лицо, владевшее, приобретавшее и т. п. «по чистой совести», считало, таким образом, что действует в рамках законности и права. К категории лиц, qui bona fide serviunt, как мы увидим далее, относились люди различного статуса и происхождения: это могли быть свободнорожденные, по той или иной причине попавшие в рабство, причем владелец «по чистой совести» считал их своими рабами, кабальные, находившиеся на положении рабов до выплаты долга, и наемные работники.

В настоящей статье мы предполагаем рассмотреть положение лиц, qui bona fide serviunt, в связи с проблемой найма. Вопрос о юридических аспектах наемного труда в Риме заслуживает специального изучения. В связи с интересующей нас категорией наемного труда мы ограничимся

---

[1] Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 60—61; Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова, Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. (Италия), М., 1971, стр. 48.

лишь некоторыми замечаниями общего характера. В обществах, достигших определенного уровня социально-экономического развития (разложение натурального хозяйства, рост товарно-денежных отношений, специализация хозяйства, расслоение общин), неизбежно возникает форма эксплуатации, неизвестная доклассовому периоду,— наем. Появление наемного труда свидетельствует прежде всего о довольно высоком уровне развития производительных сил в таком обществе. В Риме во II в. до н. э.—II в. н. э. дальнейшее развитие сельского хозяйства и ремесла делало для некоторых типов хозяйств довольно острой проблему рабочих рук. Конечно, в условиях господства рабского труда наемный труд в Риме не стал основой производства. Он нашел применение главным образом в мелком сельском хозяйстве и кое-где в ремесле. Наемный труд использовался также и в виллах средней величины, описанных Катоном и Варроном, спорадически он применялся и Колумеллой, хотя, видимо, в известной мере работы, поручавшиеся Варроном батракам, у Колумеллы выполнялись колонами. На таких виллах, наиболее типичных хозяйственных ячейках, основанного на рабском труде производства [2], всегда в той или иной пропорции сосуществовал рабский и наемный труд. К сожалению, выяснить соотношение того и другого не представляется возможным, хотя можно a priori полагать, что оно зависело от степени развития производства, товарно-денежных отношений, самого типа хозяйств, положения крестьян и городских плебеев и т. п. факторов. Очень важен вопрос о том, почему сравнительно высокая степень развития наемного труда в Риме все же не могла привести к превращению этого труда в основу производства.

Наличие наемного труда в Риме и его применение в различных сферах хозяйства не означало развития отношений, в какой-то мере аналогичных капиталистическим (как считал, например, Уэстерман). Наемный труд был лишь частью рабовладельческой системы хозяйства, одной из форм (не основной) этой системы, не принимать которую во внимание было бы, однако, неверно. Развитие найма как системы в условиях рабства сдерживалось не только определенным уровнем производительных сил и рабовладельческим характером производственных отношений, в силу которых основным производителем был раб, но и особенностями базировавшихся на охарактеризованной Марксом античной форме собственности полисных институтов Рима, находивших свое выражение в проводившихся время от времени аграрных законах в алиментарной системе, в хлебных раздачах, в государственных подрядах на строительство с целью дать работу беднякам и пр. Разложение античной формы собственности, упадок полиса способствовал появлению новых форм эксплуатации. Но поскольку в рамках рабовладельческого строя влияние полисных институтов не могло бесследно исчезнуть, это обстоятельство способствовало консервации традиционных форм эксплуатации рабов и развитию более близких к полисным традициям форм эксплуатации колонов, а не наемных работников. Наемный труд не мог стать господствующим и потому, что в Риме в силу ряда причин не мог в полной мере осуществиться процесс «раскрестьянивания», пользуясь термином В. И. Ленина. Натуральная основа хозяйства даже в условиях высокой товарности была тормозом для массового разорения населения.

Особенности наемного труда в условиях рабства были обусловлены особенностями производства докапиталистических формаций, о которых писал В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» [3]. Характе-

[2] См. В. И. Кузищин, Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. М., 1973.

[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 57.

ризуя отработочную систему хозяйства, В. И. Ленин писал о кабальном характере найма при крепостничестве: «Иногда крестьяне работают „за потравы“... работают просто „из чести“..., т. е. даром, за одно угощение, чтобы не лишиться других „заработков“ от землевладельца. Наконец, очень распространены отработки за землю, либо в форме испольщины, либо в прямой форме работы за сданную крестьянам землю, угодья и прочее» [4]. Своеобразная форма найма в виде обмена услугами, так называемый «полусвободный» наем, по мнению В. И. Ленина, «всегда предполагает личную зависимость нанимающегося от нанимателя, предполагает всегда большее или меньшее сохранение „внеэкономического принуждения“» [5]. Характеристика В. И. Лениным зачаточных форм наемного труда в условиях патриархальной докапиталистической русской деревни может быть отнесена и к условиям рабовладельческой системы хозяйства. Техническая ограниченность, натуральность хозяйства, повторение масштабов производства в прежних размерах было препятствием на пути создания системы наемного труда, поэтому мы можем говорить только о спорадическом его применении в древнем Риме.

Вопрос о наемном труде в Риме и его специфике в нашей литературе, насколько нам известно, почти не затрагивался. Помимо статей И. В. Шерешевского и М. Я. Сюзюмова, внимание категории наемных работников уделено в работах Е. М. Штаерман в связи с проблемами рабского труда.

И. В. Шерешевским проблемы найма были рассмотрены с юридической точки зрения [6]. Исходя из общего положения о рабовладельческом характере общественного строя в Риме, автор по существу снимает проблему найма. Он не видит отличий в положении различных категорий свободных работников — obaerati, mercennarii, operarii, politores. Он не проводит также различия между locatio—conductio operarum, с одной стороны, и locatio—conductio operis, с другой, считая, что все эти формы во все периоды римской истории определялись условиями найма и положения рабов; он делает исключение лишь для найма лиц «свободных профессий». Оставив в стороне полемику о правовых формах договора locatio—conductio, укажем, что разница в положении лиц, сдававших свои услуги и бравших заказы, была весьма значительна. Положение бравших заказы определялось тем, что они были собственниками средств производства (будь то владелец небольшой мастерской или крупный подрядчик), а также исконным развитием в Риме аренды всех видов, в том числе и на подряды. Напротив, человек, лишенный средств производства и сдававший свой труд, находился в зависимом и приниженном положении. Даже по поводу работ, налагавшихся на отпущенников, юристы проводили различие между ремесленными работами, «подобными представлению денег», и работами, связанными с личными услугами (Ульпиан, Dig. XXXVIII, 1, 6; 9, 1).

Развитие найма среди работников различных категорий — рабов, свободных и лиц полусвободного состояния не ослабляло институт рабства, как считает И. В. Шерешевский [7]. Его тезис о том, что «в рабовладельческом обществе не было почвы для противопоставления рабского и свободного труда», не соответствует данным источников. При всей социальной приниженности наемного работника он до начала кризиса и разложения всей

---

[4] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 192.
[5] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 197—198.
[6] И. В. Шерешевский, Правовое регулирование «наемного труда» в Риме, ВДИ, 1955, № 1.
[7] Там же, стр. 43.

римской политической и правовой структуры (о чем подробнее ниже) оставался юридически равноправным гражданином sui iuris. Оплата его определялась общей конъюнктурой и, видимо, по временам была довольно высока, так что применение наемного труда было значительно дороже труда рабского, даже если дело шло о квалифицированных, хорошо содержавшихся рабах. Но вместе с тем, как мы уже отмечали, наем оказывался экономически оправданным и был частью рабовладельческой системы хозяйства.

Вызванный к жизни ее усложнением и развитием, наемный труд способствовал лучшей организации рабочей силы и ее рациональному использованию на виллах катоновского, а затем варроновского типа. Сезонный характер сельскохозяйственных работ сужал возможность эффективного использования труда рабов в течение года. Те менее состоятельные собственники, которые не могли занять рабов в организованных при имениях мастерских и других подсобных предприятиях, ограничивались минимальной численностью фамилии с тем, чтобы в страду нанимать батраков. Иначе их хозяйство не могло быть рентабельно. Характерно, что в скотоводстве и ремесле, где работа шла равномерно весь год, наемный труд применялся меньше, так, на клеймах terra sigillata мы встречаем имена только рабов. Можно полагать, что в ремесле наемный труд применялся не в крупных мастерских, где производство шло непрерывно, а либо в мелких мастерских, если владелец получал время от времени большие заказы, либо на строительных, также не постоянно ведшихся работах, либо, наконец, в хозяйствах и домах людей среднего достатка, не имевших в своих фамилиях ремесленников разных специальностей, как то было в домах крупнейших собственников (такие многочисленные ремесленники разных специальностей хорошо известны нам по эпитафиям из колумбариев Волузиев и Статилиев). Эволюция наемного труда в условиях рабства органически связана с историей расцвета и упадка рабовладельческих вилл и небольших ремесленных мастерских, т. е. в конечном итоге с судьбами рабовладельческой организации производства в целом.

Статья И. В. Шерешевского подверглась в свое время обоснованной критике М. Я. Сюзюмова [8]. Справедливо подчеркивая то общее, что сближает наем как экономическую категорию во всех классовых обществах, и указывая на его специфику в римском обществе, М. Я. Сюзюмов опровергает доводы И. В. Шерешевского относительно отсутствия в римском праве специального термина для найма рабочей силы [9]. Он доказывает, что именно статус свободного, а не раба лежал в основе соглашения о найме [10]. Выводы М. Я. Сюзюмова относительно общей оценки наемного труда в условиях рабства, сферы использования рабочей силы наемных работников и некоторые другие представляются весьма убедительными. Тем не менее некоторые вопросы нуждаются, на наш взгляд, в уточнении. М. Я. Сюзюмов делал широкие обобщения относительно распространения наемной рабочей силы. «Но никогда в древнем мире господа не отказывались от эксплуатации свободных людей, на труд которых не имели никаких юридических прав собственности. В первую очередь это относится к использованию наемной рабочей силы» [11]. В этом утверждении мы видим некое абстрагирование от условий места и времени, хотя в дальнейшем изложении автор сужает рамки своей работы, имея в виду период примерно со второй половины II в. н. э.

---

[8] М. Я. Сюзюмов, О наемном труде в период кодификации римского права, ВДИ, 1958, № 2, 134—135.

[9] Там же, стр. 132, прим. 2.

[10] Там же, стр. 137.

[11] Там же, стр. 132.

Выбор этого периода М. Я. Сюзюмов обосновывает спецификой используемого им источника — Дигест [12]. Он считает, что наем на работу был явлением временным, хотя и нередким [13]. Труд наемных работников в условиях низкой техники был только дополнением к труду рабов. В латифундиях наемный труд не мог в сколько-нибудь существенных масштабах вытеснить труд рабов, а в мелких хозяйствах — не мог развиться настолько, чтобы освободить хозяина от личного труда, т. е. также являлся дополнением [14]. И. В. Шерешевский, также опираясь на Дигесты и привлекая данные Катона и Варрона, считал, что в течение всего периода существования рабства в римской истории роль наемного труда была незначительна. Следует учитывать, что такое сопоставление затрудняется разновременностью тех и других источников. Агрономы относятся ко II в. до н. э.— I в. н. э., собранные в Дигестах отрывки из сочинений юристов — к I—III вв. н. э., рескрипты императоров, относящиеся к нашей теме,— ко II—III вв. Но, с другой стороны, такое хронологическое распределение источников дает возможность проследить эволюцию в положении интересующей нас категории, не только социальном, но и правовом. Юридические источники в исторической литературе использовались под этим углом зрения, в общем, недостаточно.

В связи с этим нам и представляется возможным, оставляя в рамках данной статьи в стороне трактаты агрономов, обратиться к рассмотрению сведений юридических источников об упоминавшейся выше категории — свободных, qui bona fide serviunt.

Е. М. Штаерман в работах, посвященных проблемам рабовладения, подчеркивает своеобразие положения кабальных и свободных, qui bona fide serviunt. Она указывает на наличие промежуточных групп между рабами и свободными и напоминает о постоянно сохранявшейся возможности закабаления свободных граждан [15]. Однако, поставив своей целью проанализировать различные источники рабства, в частности и кабалу, Е. М. Штаерман рассматривает в основном те данные, которые позволяют считать, что среди свободных, qui bona fide serviunt, были кабальные. О том, что среди них могли быть и наемные работники, Е. М. Штаерман только упоминает [16]. Нам представляется небесполезным поэтому рассмотреть категорию свободных, qui bona fide serviunt, не с точки зрения источников рабства, но чтобы выяснить, насколько это возможно, юридическое положение этой категории лиц и их роль в наемном труде последнего века республики — первых веков империи.

Свободные, qui bona fide serviunt, относятся к той своеобразной категории лиц, положение которых с трудом поддавалось определению даже для римских юристов, стремившихся к четким формулировкам и дефинициям. Например, у Ульпиана мы находим указания на неоднозначность состава этой категории работников. Те, кто ведет дело о статусе, пишет он, даже если они свободные, не берутся в солдаты, пока идет тяжба. И также те свободнорожденные, которые служат bona fide, и те, кто выкуплен у врагов, до того как выкупят себя (Dig. XLIX, 16, 8). На месте рабов, по Ульпиану, могли быть свободные или чужие рабы (видимо наемные). Если, пишет он, на дом оставлен usus без fructus, то человек может там жить с фамилией и с отпущенниками, по словам Цельса и Лабеона.

[12] Сюзюмов, ук. соч., стр. 134.
[13] Там же, стр. 137.
[14] Там же, стр. 137—138.
[15] См. Е. М. Штаерман, Древний Рим. Проблемы экономического развития, М., 1978, стр. 178, 190 сл., 210. ср. Шерешевский, ук. соч., стр. 43. Е. М. Штаерман отмечала, что кабала для свободных людей не была исключена и для более поздних периодов римской истории, т. е. она существовала и после закона Петелия.
[16] Штаерман, Трофимова, ук. соч., стр. 24.

(Dig. VII, 8, 2)... а также с теми, кто у него работает на месте рабов, будь то свободные или чужие рабы (Dig. VII, 8, 4). Если свободный человек, qui bona fide serviebat, говорит он в другом месте, дал мне деньги, чтобы я его отпустил (manumittam), я это сделал, а потом оказалось, что он свободный, может ли он с меня взыскать? Юлиан писал, что да. Нератий пишет, что пантомим Парис потребовал у Домиции, дочери Нерона, деньги, которые дал ей, чтобы она его отпустила, причем судья не расследовал, знала ли она, принимая их, что он свободный (Dig. XII, 4, 3, 5). Эти примеры показывают, как пестр был состав рассматриваемой категории. В первом случае речь идет о людях заведомо свободных, во втором — о тех, кто считался рабом вследствие добросовестного заблуждения по поводу его статуса. Уже в самом отсутствии точных определений категории свободных, qui bona fide serviunt, терминологической запутанности и не разработанности вопросов, с ними связанных, заложен далеко не однозначный ответ на вопрос о сущности этой категории работников, ее месте в системе общественного производства и распределения. Противоречивость их положения не вызывает, таким образом, сомнений. Кто же они? Кабальные должники или наемные работники, работавшие на хозяина практически без ограничения срока, свободные или рабы?

Возможности потери свободы для римлян к периоду расцвета республиканского строя естественно претерпели немалые изменения со времен XII Таблиц, когда продажа за Тибр означала рабство для кабального должника, а право отца над младшими членами семьи было почти незыблемым. Тенденция к развитию рабства иноплеменных, т. е. к развитию так называемого классического рабовладения, была закреплена законом Петелия 326 г. до н. э. Этот закон, как показала в своих исследованиях Е. М. Штаерман, только ограничил закабаление свободных граждан. Источники и впредь постоянно упоминают кабальных, но, как бы ни было фактически близко положение кабального к положению раба, римские законы их не смешивали. Превращение свободного гражданина в раба римское право начисто отрицало до конца II в. н. э., когда была санкционирована самопродажа в рабство свободного, достигшего 25 (или 20 лет). Продажа детей родителями была узаконена лишь в начале IV в. н. э. Отец не мог продать своих детей, а если он такую сделку совершал, закон признавал за проданным право обратиться в суд и восстановить статус свободнорожденного. Трудно сказать, насколько часто имели место такие случаи, но возможно, что именно к ним относились дела о свободных, находившихся в рабстве на законном основании вследствие добросовестного заблуждения. В Дигестах, например, упоминаются находившиеся в рабстве bona fide похищенный свободный и проданный ребенок (Dig. XII, 4, 3, 5; XLI, 3, 44).

Большее значение могла иметь категория подкидышей, «вскормленников» — alumni [17], подходивших под категорию лиц, которые несли рабскую службу на законном основании до выяснения их статуса. Дела о них нередко были предметом юридических дискуссий и скорее всего их-то имеет в виду Ульпиан, говоря о соответственных судебных разбирательствах. Наряду с упомянутыми вариантами возникновения категории свободных, qui bona fide serviunt, могли быть и многие другие, из которых наибольшее значение имела кабала и наем свободных. Последний случай представляет особый интерес в связи с проблемой свободного труда.

Какими же источниками мы располагаем, выясняя положение тех, кто bona fide serviunt? Эта категория фигурирует исключительно в трудах

[17] В. Вестерман, Рабство в Римской империи, в кн. А. Валлон, История рабства в античном мире, М., 1941, стр. 589—590.

римских юристов. В литературных источниках неоднократно упоминаются и наемные работники разных категорий и аддикты, но не свободные, qui bona fide serviunt. Юристы же рассматривают конкретные ситуации, имеющие практическое значение. Нельзя игнорировать и «абстрактные» примеры в Дигестах, которые нередко смущают исследователей как невероятные, придуманные ситуации, имеющие значение не большее, чем споры схоластов средневековья. С этим довольно распространенным в литературе мнением согласиться нельзя хотя бы потому, что римское законодательство всегда стояло на чисто деловой почве, поэтому так называемые отвлеченные примеры знали прецедент и приводились для использования при разрешении реальных дел. Известная ретроспективность Дигест нисколько не умаляет их значения в качестве источника для более ранних периодов. Более того, только сопоставление всех видов источников как аутентичных, так и ретроспективных, дает возможность получить более полное представление об интересующем нас вопросе. В нашей литературе Дигестам посвящено единственное исследование, принадлежащее И. С. Перетерскому, который высоко оценивал историческое значение Дигест не только как источника для изучения римского права, но и как исторического источника. Он выступает против довольно распространенного гиперкритического к ним отношения, считая, что если там и содержатся позднейшие вставки, основная масса материала взята из сочинений юристов I—III вв., а следовательно, он может быть соответственно использован [18].

О сложности определения статуса qui bona fide serviunt и пестроте их состава уже упоминалось. Вероятно, основанием для споров юристов по поводу различных конкретных ситуаций, поступить ли с таким лицом как с рабом или свободным, в какой-то мере были те различия, которые проводились римлянами в отношении работ по доброй воле и по необходимости, что отразилось и в различии между человеком, исполняющим заказ и сдающим свой труд для услуг. Эти различия хорошо прослеживаются в Дигестах, что и нашло отражение в своеобразии положения свободных, qui bona fide serviunt, среди которых могли быть как свободные, так и рабы, поэтому анализ статей, связанных с наймом работников данной категории, представляет наибольшую трудность. Не всегда удается установить характер взаимоотношений с достаточной определенностью.

Мы ничего не знаем о том, каким образом свободные наемные работники попадали в рассматриваемую категорию. Допустимы только некоторые предположения. Они, очевидно, не могли быть теми, кто сдавал свой труд для исполнения заказа, для изготовления какого-нибудь предмета (Dig. L, 16, 5, 1). Вряд ли к ним причислялись работники, с которыми заключался договор на известный срок или на известное число рабочих дней (opera юристами определялись как рабочие дни — Dig. XXXVIII, 1, 3), так как по истечении такого договора связь между контрагентами по их желанию могла прерваться. Скорее всего здесь можно допустить аналогию с колонами, которые по окончании арендного договора оставались в имении как бы по молчаливому уговору, на прежних условиях и без указания срока. Таково же могло быть и положение свободных наемников, остававшихся у нанимателей без договора и без установления срока их службы и, вероятно, круга их обязанностей, подходившего ко всеобъемлющему понятию «услужливость» — obsequium. Это и приводило к тому, что исследователи не видели разницы в положении раба и свободного, qui bona fide servit, работающего по найму. Источники на самом деле отразили много общего в положении различных категорий зависимых людей, работающих

[18] И. С. Перетерский, Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика, М., 1956.

по найму, особенно в положении рабов и свободных, qui bona fide serviunt, на что обратила внимание Е. М. Штаерман [19]. Гораздо меньше писалось о различиях. Свободные, qui bona fide serviunt, работающие по найму, все же не были рабами в «античном» смысле, они сохраняли некоторые права (что также известно из Дигест и Кодекса Юстиниана) в имущественных сделках, в том, что касалось наказаний за уголовные преступления.

Противоречивость законодательства в отношении данной категории лиц лишь отразила в своих установлениях фактическую двойственность и противоречивость их общественного положения. Остановимся подробнее на этих вопросах.

Чтобы попытаться в них разобраться, следует по возможности проследить, имела ли место какая-то эволюция в положении свободных, qui bona fide serviunt, не относившихся ни к попавшим в рабство по ошибке, ни к кабальным. Юристы I — первой половины II в. уделяют им мало внимания, скорее всего потому, что в те времена, как и в последние века республики, работники нанимались в основном по договору, оговаривавшему права и обязанности обеих сторон. Так, мы узнаем, что служащему bona fide, выполнявшему приказ хозяина не по доброй воле, а по «рабской необходимости», нельзя было вчинить иск о порученном (de mandato — иск, по которому отвечал свободный, добровольно и бесплатно взявшийся ведать делами другого человека), а вчинялся иск о (неправильном) ведении дел (Dig. III, 5, 18, 2), который мог вчиняться и любому другому свободному при предполагавших эту форму иска обстоятельствах. Оговаривалось, что через такого работника мы не приобретаем владения, так как нельзя владеть через того, «кого мы не имеем под властью» — in potestate (т. е. раба или сына — Dig. XLI, 2, 23, 2), и, с другой стороны, те, кто находится in potestate, могут держать (пекулий), но не владеть, ибо владение «относится не только к телу, но и к праву» (Dig. XLI, 2, 43, 1). Оговаривались, в известной мере, права и обязанности обеих сторон, поскольку они не заключались в каком-нибудь юридически оформленном договоре, а регулировались в общем порядке, отчасти в связи с регулированием отработок отпущенников, чрезмерной эксплуатации которых государство по ряду причин не хотело допускать. И к отпущенникам, и к служащим bona fide относилось правило, согласно которому всякого, дающего работы, следует кормить или предоставлять ему достаточно времени для добывания пищи и «заботе о теле» (Dig. XXXVII, 1, 50), а он со своей стороны, должен был исполнять взятые на себя обязательства (Dig. XLV, 1, 118), ему предоставлялось право вчинить хозяину иск на основании закона Аквилия (т. е. о причинении ущерба, какого-нибудь вреда и т. п. Dig. IX, 2, 13, 1). Хозяину, как подчеркивалось, должно было принадлежать то, что служащий bona fide изготовляет из его материала и своим трудом, тогда как полученное от кого-либо или заработанное на стороне благодаря ведению собственных дел принадлежит ему (Dig. XLV, 1, 19; 3, 33). Единственным, пожалуй, свидетельством уже появившихся сомнений в его самостоятельности можно считать спор юристов I в. н. э. Требатия и Лабеона о завещанном служащему bona fide наследстве. Как известно, раб принимал или не принимал наследство, следуя приказу господина, причем в первом случае наследство переходило не к не имевшему владельческих прав рабу, а к господину; вопрос о наследстве возник и в связи с теми, qui fide bona serviunt. Согласно Требатию, в данном случае действуют почти те же правила, что относительно раба, т. е. хозяин мог приказать такому лицу принять наследство, и он, хотя бы и против воли, считался

[19] См. Штаерман, Трофимова, ук. соч., стр. 20.

наследником. Лабеон же считал, что против воли, по приказу господина, такое лицо наследником считаться не может (Dig. XXVIII, 5, 60).

В III в. положение меняется. Чтобы понять причины изменений, надо учитывать ряд общих перемен, происшедших на стыке II и III вв. и продолжавшихся в III в. Мы имеем в виду, во-первых, начавшееся и интенсифицировавшееся со временем разложение римских классов-сословий, приведшее к правовому оформлению юридического неравноправия honestiores и humiliores и сближение последних в некоторых отношениях (например, в наказаниях) с рабами, узаконение самопродажи совершеннолетних свободных в рабство, усиление зависимости сельского и городского плебса от всяких патронов и благодетелей. Во-вторых, вызванное потребностями производства расширение правоспособности части рабов-институторов, деловых агентов, держателей больших пекулиев и ведших самостоятельное хозяйство, арендаторов господского имущества и т. д., обусловленное постоянной потребностью в наличных деньгах, стремление господ превратить часть рабов в плательщиков натуральной, денежной, издольной ренты приводило к расширению их правоспособности, но те же причины заставляли ограничивать самостоятельность свободных работников, получить возможность приобретать через их посредство имущество и им владеть, подчинить их своей воле, максимально приблизить их положение к рабскому, чтобы они как можно менее могли противиться растущей эксплуатации, не могли бы уйти к другому хозяину в поисках более выгодных условий.

Все эти обстоятельства отразились на liberi, qui bona fide serviunt, как явствует из данных юридических источников III в., они были включены в фамилию нанимателя, стали считаться «на месте рабов» (in loco servorum), состоящими под властью — in potestate — хозяина (Dig. VII, 8, 4; XXI, 1, 25,2), и были, наряду с рабами, принадлежащими господину, включены в понятие «свои рабы» (в отличие от тех, на которых он имел узуфрукт,— XXXII, 75, 1). Из этого проистекал ряд следствий — так как находящиеся in potestate не могли составлять завещания (Dig. XXVIII, 1, 20, 1), то распоряжение тех qui bona fide serviunt имуществом было ограничено. Интердикт, запрещавший насильственное удержание свободных, не распространялся на тех, кого удерживали по законной причине (Dig. XLIII, 29, 3, 4), т. е. тех, кто был in loco servorum. Тем, кто bona fide serviunt, было запрещено вчинять хозяину иск за причиненный ущерб (Dig. XI, 1, 13, 1), а с другой стороны, хозяин не подавал в суд на обокравшего его мерценария, а так же как с сыном и рабом расправлялся с ним домашними средствами (Dig. XLVII, 2, 17, 20; XLVIII, 19, 11, 1), если же хозяин подавал на него в суд за какой-то причиненный ему ущерб,— видимо, более значительный, чем простая кража, его карали тяжелее, чем постороннего (Dig. XLI, 1, 54, 2; 3). В делах он мог давать обязательства от своего имени — sui iure (Dig. XLI, 1, 54, 1), как фактически в это время мог делать и ведущий дела раб. Как и прежде, служащий bona fide мог приобрести по своей воле оставленное им наследство и заработанное на стороне, но с одной весьма существенной и характерной оговоркой — он не мог приобретать что-либо по праву давности владения (usucapere... possidendo), так как, по разъяснению Модестина, не может считаться владеющим тот, кто сам находится во владении (Dig. XLI, 1, 54; 54, 1; 4).

Таким образом, имущественные права liberi qui bona fide serviunt значительно сблизились с правами части рабов. Вместе с тем уменьшились их гражданские права. Их нельзя было допрашивать под пыткой против хозяина, так же как раба и отпущенника (Dig. XLVIII, 18, 1, 9), но саму пытку, ранее применявшуюся только к рабам, теперь стали допускать и

в отношении «работающих из-за нужды» (Dig. II, 1, 7, 3). Их не принимали в армию (Dig. XLIX, 10, 8). Несмотря на предусмотренную законом тяжелую уголовную ответственность (вплоть до сдачи в рудники) за продажу и покупку свободного человека (Dig. XLVIII, 15, 1), тех, кто bona fide serviunt, покупали и продавали, дарили, давали в приданое, оставляли в наследство, передавали на них узуфрукт (Dig. XLI, 1, 54, 3а). Императоры на обращения к ним от таких лиц, которые, с точки зрения господ, находились на положении рабов, разъясняли, что их статус свободных не меняется из-за того, что их продали, или дали в приданое (CI, VII, 14, 14; 16, 16), но на практике ими продолжали произвольно распоряжаться, что само по себе противодействия закона не встречало. Известную роль здесь играло, видимо, и стремление хозяев обеспечить себя людьми, обязанными выполнять «рабскую работу», что могло быть связано с сокращением городских фамилий, некогда включавших обширный обслуживающий персонал, состоявший не только из слуг в собственном смысле слова, но и таких людей, как письмоводители, казначеи, счетчики и т. п.; служебные работы — officiales operae — в праве отличались от работ ремесленных, «подобных представлению денег»: последние могли предоставляться кем угодно и кому угодно; первые же обусловливались собственническими правами получающего и личностью дающего (Dig. XXXVIII, 1, 6; 1, 9, 1). И если нанимавшиеся по договору на определенное время, скорее всего ремесленники, по-прежнему оставались равноправными контрагентами, обязанными выполнить взятые на себя обязательства и имевшими право требовать причитавшийся им заработок (Dig. XLV, 1, 118; CI, 18, 65, 22), то не имевшие договора liberi qui bona fide serviunt, видимо, употреблялись на «рабских работах» и ничего, кроме сохранения за ними статуса свободнорожденных, требовать не могли. По их петициям Гордиан и Диоклетиан давали разъяснения, что рабские обязанности — servilia ministeria, servitutis obsequium — не доказывают рабского статуса свободного бедняка (CI, IV, 19, 22; VII, 14, 2; 16, 10). На практике дело, видимо, обстояло иначе.

Интересной иллюстрацией ко всему вышеизложенному могут служить надписи, из которых явствует, что лица, судя по именам, свободнорожденные, входили в обычно состоявшие из рабов и отпущенников какого-либо лица коллегии почитателей Ларов своего господина и патрона, и сами делали посвящения Гениям мужчин и Юнонам женщин по обычной для рабов формуле: «Гению нашего Тита», «нашего Марка», «Юноне нашей Юлии», «нашей Валерии» и т. п. [20], т. е. действительно включались в фамилию и перенимали, добровольно или принудительно, обычаи, регулировавшие и идеологически оформлявшие отношения несвободнорожденных членов фамилий к их главам.

Важно отметить, что соответственные отношения складывались именно в рамках фамилии. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые статьи законов, выше приводившиеся суммарно, более детально. В наименование фамилии входят все, кто в рабстве — in servitio sunt, также и свободные люди, qui... bona fide serviunt, и чужие рабы — все, кто in potestate (Dig. XXI, 1, 25, 2). Поскольку фамилия была основой римского общественного и государственного строя, то взаимоотношения, которые складывались внутри нее, накладывали отпечаток на все социальные взаимоотношения свободных и рабов. Для тех, кто in potestate, понятия свободы и законности в обычном смысле не существовало. Здесь все подлежало суду и праву pater familias. Само появление категории свободных, qui

[20] Соответственный материал собран Е. М. Штаерман (Штаерман, Трофимова, ук. соч., стр. 59—60, прим. 49).

bona fide serviunt, зарождение этих специфически римских взаимоотношений невозможно себе представить вне фамилии, отсюда — кабальный характер связей, которые возникают вокруг данной категории работников [21].

Как мы видели, наблюдаемые нами процессы находили отражение и в праве, но, видимо, на деле они заходили значительно дальше: право, при всех изменениях, все же сохраняло некоторые остатки исконных положений гражданской общины, согласно которым свободный, за исключением отдельных особых случаев, не мог стать рабом. Но практически, по нашему мнению, контроль над действиями pater familias не осуществлялся и, если говорить об общем в положении рабов, свободных, qui bona fide serviunt, и всех, кто in potestate, то более всего сближение всех категорий работников наблюдалось в рамках фамилии. Как мы видели, свободный, qui bona fide servit, так же как и обычный раб, не мог быть привлечен по обвинению в ущербе. Об этом читаем у Павла: «Тот, о ком pater familias сказал, что он — его раб, не привлекается по обвинению в причиненном ущербе — non teneri noxali actione — ..., если свободный относится к категории тех, кто bona fide serviat, он не может иметь со мной тяжбы по причинению ущерба» (Dig. XI, 1, 13, 1). В рамках понятия bona fide рабы и свободные также мало отличались друг от друга. Ульпиан пишет: «Если кто побьет свободного, qui bona fide servit, то следует различать [две возможности], так как если его побили, чтобы оскорбить меня, то вчинить иск об оскорблении надлежит мне. То же и относительно служащего мне чужого раба. Если же он обижен сам по себе, то вчиняет иск его господин» (Dig. XLVII, 16, 15, 48). В примере, приведенном Ульпианом, скорее всего имеется в виду кабальный работник — здесь сближение с рабом как фактическое, так и юридическое было наибольшим. Действительно, проводимая разница почти несущественна; кроме того, остается неясным, кто вчинял иск, если не подразумевалось оскорбление хозяина. Если предположить, что это делал свободный, qui bona fide servit, а контекст подсказывает этот вариант, тогда мы вправе в рамках тех, кто bona fide serviunt, различать положение свободного и раба. С точки зрения римлян, различиям все же придавалось гораздо большее значение, чем то представляется нам [22].

Свободные, qui bona fide serviunt, могли участвовать в различных сделках по поручению хозяина, но в отличие от свободных работников к ним не применялся иск о ведении дел. Об этом узнаем у Павла [23]. Павел различает работу по доброй воле и по рабской необходимости. Как уже упоминалось, поручение (mandatum) давалось свободному человеку и исполнялось бесплатно, отсюда противопоставление его «рабской необходимости». За этим противопоставлением лежит целая цепь вполне ощу-

[21] Е. М. Штаерман, ссылаясь на Ульпиана (Dig. XXI, 1, 25), связывает эволюцию фамилии с увеличением числа лиц, попадавших под власть pater familias. Наряду с рабами и свободными, qui bona fide serviunt, «in potestatem поступали и выкупленные у врагов пленные, которые до внесения ими выкупа содержались выкупившим на положении, близком рабам (Dig. XXVIII, 1, 20)».— Е. М. Штаерман. Рабские коллегии и фамилии, ВДИ, 1950, № 3, стр. 82, прим. 1.

[22] Ульпиан писал, что за убийство, совершенное рабом, отвечает господин; тот, кому убивший служит bona fide, не отвечает (Dig. IX, 2, 27, 3). Он же в другом месте указывал, что иск по закону Аквилия может вчинять господин. Согласно Юлиану, право иска дается и тому, кому раб служит (serviat) bona fide (Dig. IX, 11, 8). Юлиан писал: если свободный служит мне bona fide, то он сам может вчинить мне иск по закону Аквилия (Dig. IX, 2, 13, 1).

[23] Если я свободному, который мне служит bona fide, поручу что-нибудь сделать, то, по словам Лабеона, к нему не применим иск о порученном, ибо он порученное выполнил не по доброй воле, но как бы по рабской необходимости (quasi ex necessitate servile) (Dig. III, 5, 18, 2).

тимых и реальных исторических категорий, как, скажем, традиция. Отрицать роль традиции ни один историк, конечно, не станет, а что касается римской истории, тем более. Не была ли традиция тем звеном, которое способствовало трансформации, происшедшей с категорией liberi, qui bona fide serviunt. Понятие работы по доброй воле, не унижавшей свободнорожденного, всегда отличалось от понятия работы за плату, которая, по древним римским представлениям, «делала человека рабом» [24]. Но если первоначально оно обусловливало только его социальную неполноценность, то когда такой работник был включен в фамилию, он стал неравноправен в значительной мере и юридически.

Особенно много всякого рода традиций связывало фамилию, это накладывало отпечаток и на взаимоотношения лиц, которые оказывались в сфере ее влияния. Рабские занятия, по идее исключавшие присутствие доброй воли, отразились на положении свободных, qui bona fide serviunt, которые по своему практическому и юридическому положению оказались ближе к положению раба, нежели свободного, занятого по найму.

Множество различных лиц, бывших в зависимости от их владельцев, имели самый различный статус, в случае заключения ими различных сделок и ряда других вопросов требовалось уточнить их положение, права и обязанности. Много внимания этому уделяет Ульпиан. Чаще всего спорные вопросы возникали вокруг фруктуариев и свободных, qui bona fide serviunt, которых нелегко было отличить от раба. Так, в вопросе о завещаниях Ульпиан говорит о праве собственности завещателя на своих рабов и рабынь по полному праву. К ним же он склонен отнести и служащих завещателю, qui bona fide serviunt [25].

Свободные, qui bona fide serviunt, имели в то же время какой-то минимум юридических прав, и это отличало их от рабов в классическом понимании. Они могли вести дела, делать приобретения помимо хозяина, заключать торговые сделки. Все это ясно оговорено у Помпония, который различает изготовленное свободным, qui bona fide servit, своим трудом или из материала хозяина; продукт такого труда полностью принадлежит хозяину, все остальное принадлежит свободному, qui bona fide servit (Dig. XLI, 1, 19).

Как видим, власть хозяина над свободным, qui bona fide servit, была ограничена только тем кругом обязательств, которые непосредственно входили в сферу действия работодателя, в остальном же тот, кто bona fide servit, оставался лицом юридически свободным, распоряжающимся своим временем и рабочей силой. Здесь мы прослеживаем определенную грань, отличающую его от раба в обычном понимании. Об этом же пишет и Павел, различая положение свободных, qui bona fide serviunt, и рабов [26].

О свободных, qui bona fide serviunt, много пишет Модестин. Он рассматривает возможные случаи приобретения наследства свободными, qui bona fide serviunt, перечисляет разнообразные сделки, которые им были доступны. Среди них он называет право покупать, продавать, сда-

---

[24] Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 100.

[25] «Своих рабов и рабынь мы понимаем так, как находящихся в собственности завещателя по полному праву. Фруктуарии сюда не включаются. Но те, кто служит завещателю (bona fide serviunt), относятся скорее к своим» (Dig. XXXII, 75, 1). Как видим, здесь нет полной определенности, как поступить в отношении тех, кто bona fide serviunt, и эта неопределенность в рекомендациях такого юриста, как Ульпиан, лучше всего характеризует двойственность положения данной категории лиц.

[26] «Если свободный или чужой [раб], который служит bona fide, заключает обязательство по приказу владельца постороннего имущества, то, по словам Юлиана, свободный приобретает для себя, раб — господину» (Dig. XIV, 3, 35).

вать, арендовать (Dig. XLI, 1, 54, 1). Модестин говорит в одном контексте как о свободных, qui bona fide serviunt, так и о чужих рабах, но указывает и на разницу в их положении. Если речь идет о свободном, то приобретенное им для себя, принадлежит ему; если же о чужом рабе, то приобретение является собственностью его господина (Dig. XLI, 1, 54, 4). Как видим, у Модестина более полно, чем у других юристов, отражены черты, характерные для свободных, qui bona fide serviunt. Он показывает как общее в положении рабов и свободных, которые рабствуют bona fide, так и отличия. Основным из них оказывается право собственности свободного на приобретенное имущество [27]. Согласно Ульпиану, господин, отвечавший за убийство, совершенное рабом, не отвечал, если убийство было совершенно теми, qui bona fide serviunt (Dig. IX, 2, 27, 3). За их «порчу» нельзя было вчинить иск «испортившему», который мог быть вчинен за «порчу» раба (Dig. XI, 3, 1, 1). Следовательно, юридические отличия между рабами, и теми, qui bona fide serviunt, в какой-то мере сохранялись, причем в основном в отношениях с внешним фамилии миром, а не внутри фамилии.

Об отличиях свободных, qui bona fide serviunt, от рабов говорит и Папиниан — речь идет об ответственности свободного, qui bona fide servit, за принятые обязательства,—отмечая, что свободный, который служит мне bona fide, беря относительно меня всякие обязательства, должен их исполнить, хотя он обещает (дать их) из моего имущества, ибо почему бы свободному не нести ответственности (Dig. XLV, 1, 118). Здесь ясно подчеркивается разница в юридическом положении свободного, qui bona fide servit, от раба, который не был лицом sui iuris, но эта разница имеет, так сказать, определенный подтекст; право в данном случае печется не о защите зависимого лица, но о сохранении имущественных прав за владельцем. Интересно сравнить данный текст с высказыванием Павла об обязательствах. Через посредство свободного, пишет он, который не подчинен нашему праву и не служит нам bona fide, мы не можем заключить обязательство (Dig. XLI, 1, 26, 2).

Здесь свободный, qui bona fide servit, уже противопоставлен не рабу, а свободному. Говоря о различиях в правах раба и свободного, «рабствующего на законном основании», надо вместе с тем иметь в виду, что, как уже упоминалось выше, рабы, или, вернее, определенная их группа, так или иначе участвовавшая в деловой жизни, юридически оставаясь бесправными, путем различных оговорок приобретали возможность заключать всевозможные сделки и, если не юридически владеть, то держать свое имущество, что практически сводилось к тому же самому. Потребность в людях, которые могли вести дела хозяина на законном основании, обусловливала, с одной стороны, наделение известными правами рабов, а, с другой, сохранение соответственных прав за служившими ему свободными. Вместе с тем не только подчинить их себе в наибольшей мере, но и полу-

[27] Модестин: «Свободный человек, который нам служит bona fide не может приобрести для нас наследство, однако он приобретает его, если сам по своему желанию, зная свое положение, примет это наследство. Если он примет по нашему приказу, то он не приобретет его ни для себя, ни для нас, если он не имеет намерения приобрести его для себя; если же он такое желание имеет, то приобретет это наследство для себя» (Dig. XLI, 1, 54, 1). Модестин указывает, что свободный, qui bona fide servit, обещая нам, покупая, продавая, сдавая, арендуя, может обязать себя по праву — ipso iure obligari (Dig. XLI, 1, 54, 1). Причинив ущерб, он отвечает за ущерб, и мы можем требовать наказания более тяжкого, чем для постороннего. Если свободные, qui bona fide serviunt, по нашему приказу ведут наши дела, то против них предоставляется иск. Не только если мы их купили, но если они были нам даны, или принадлежат нам в качестве приданого или по легату. То, что свободный или чужой раб, который bona fide nobis servit, не приобретает для нас, то он приобретает для себя, если он свободный, для своего господина, если он чужой раб (Dig. XLI, 1, 54, 2—4).

чить возможность вести через их посредство дела можно было только, включив их в фамилию, сделав их лицами, находящимися in potestate хозяина. Например, если человек нанимал вилика (а такие случаи известны), ему было гораздо выгоднее, чтобы вилик действовал так же, как находившийся in potestate раб-управитель. Все это и привело к тому, что категория свободных, qui bona fide serviunt, была сугубо специфичной категорией, не подходящей под обычные рамки наших представлений о статусе свободного или раба. Анализ положения свободных, qui bona fide serviunt, осложняется еще тем, что надо видеть различия не только, так сказать, внешние, но и в рамках данной категории различать, свободный это или раб. Обычно, говоря о свободных, qui bona fide serviunt, сравнивают их с рабами или кабальными, нередко не делая между ними особых различий. Нам кажется, что правильнее было бы уподоблять их не вообще рабам, а фруктуарным рабам, хотя ни в том, ни в другом случае не было полного тождества.

В Институциях Гая мы находим указания на известную близость положения тех, кто bona fide serviunt, с положением узуфруктуариев. Гай рассматривает права этих лиц в связи с вопросами приобретения и наследования. Однако в проводимой им параллели четко прослеживается и разница в положении раба-узуфруктуария и свободного, qui bona fide servit [28].

Итак, юристы рисуют довольно пеструю и противоречивую картину положения категории свободных, qui bona fide serviunt, нередко сближая их с рабами и кабальными или показывая отличия между ними, причем грань проходит как между рабами в целом и категорией тех, кто bona fide serviunt, так и внутри данной социальной группы. Отсутствие статистических сведений не дает возможности ответить на вопрос об их роли в экономике.

На основании частого упоминания этой категории лиц как в литературе, так и в юридических источниках, мы можем утверждать, что фигура свободного, qui bona fide servit,— отнюдь не редкое явление в хозяйственной жизни Рима. Труд данной категории лиц использовался как в сельском хозяйстве, особенно в периоды страды (имеется в виду наем), так и в городском ремесле и торговле.

---

[28] Gai, II, 86: «Мы приобретаем не только сами, но также и через тех, которых имеем в нашей отеческой и супружеской власти или в кабале; мы приобретаем равным образом через тех рабов, в которых имеем узуфрукт; также через свободных людей и чужих рабов, и которыми (bona fide) владеем...». 91. «О тех же рабах, в которых мы имеем только право узуфрукта, решено так: все то, что приобретут они, посредством ли наших вещей, или своими собственными трудами, все это приобретается для нас. То, что лица эти приобретут помимо вышеуказанных источников, принадлежит их собственнику; таким образом, если бы такой раб был назначен наследником или если бы ему оставили какой-либо легат, то приобретается не для меня, а хозяину-собственнику. 92. То же самое решено относительно того, кем мы владеем добросовестно, будет ли он человек свободного состояния, или чужой раб, так как то, что решено об узуфруктуарии, то же самое решено и относительно добросовестного владельца. Таким образом, все, что приобретается помимо двух указанных источников, то принадлежит или самому приобретателю, если он лицо свободное, или господину, если приобретающий — раб... 94. Через того же раба, которым владеем добросовестно, мы без сомнения и овладеть и приобрести можем посредством давности... 95. Из этого ясно, что через свободных людей, которых мы не имеем в нашей власти и которыми не владеем добросовестно, мы приобретать не можем» (см. Институции Гая с объяснительным словарем, пер. и сост. Д. Расснер, СПб., 1888, стр. 75—77). Ср. у Ульпиана: Тот, кем мы владеем на законном основании, будь он свободным или чужим рабом, приобретает за счет нашего имущества и своего труда; помимо же этих случаев он приобретает или для себя, если он свободный, или для своего господина, если он чужой раб. То же относится и к такому рабу, на которого мы имели узуфрукт. См. Домиций Ульпиан, Фрагменты, пер. и комм. Е. М. Штаерман, ВДИ, 1971, № 2, стр. 196.

Анализ положения свободных, qui bona fide serviunt, позволяет проследить многие оттенки взаимоотношений между различными римскими сословиями. Найденная римским правом формула «qui bona fide serviunt» оказалась удобной для всех переходных состояний, изображения полутонов, которых становилось тем больше, чем дальше развивалось рабовладельческое общество, его экономика, товарооборот, в который неизменно втягивался мелкий крестьянин и ремесленник, нередко не выдерживая конкуренции с более устойчивым и рационально организованным хозяйством рабовладельческой виллы, тем самым становясь объектом эксплуатации рабовладельца на законном основании. Теряя привилегии свободного гражданина (они оставались за ним лишь номинально), он приобретал рабские обязанности. Тяжелое положение свободных, qui bona fide serviunt, отразилось в одном уже упоминавшемся установлении Дигест, гласящем, что в судебных делах «...рабов... и тех, кто работает из-за нужды (qui inopia laborant), следует пытать» (Dig. II, 1, 7, 3).

Некогда резкая грань, отделявшая свободного от раба, стирается, возникает довольно значительное количество промежуточных категорий уже не только фактически, но и юридически неполноправных работников.

Как известно, если землевладелец и арендатор по истечении срока арендного договора его не возобновляли, колон продолжал обрабатывать свой участок на прежних условиях и превращался в колона, сидящего на земле по обычаю, а не по договору, что в конце концов усиливало его зависимость, превращало в клиента землевладельца со всеми вытекающими отсюда последствиями. Возможно, в такое же положение попадали те, чей контракт на сдачу услуг давно истек, а они (и в иных случаях и их дети) оставались на прежнем месте, смешиваясь с рабами и отпущенниками нанимателей. Различие в положении тех, кто «сдавал услуги», и принимавших заказы (т. е. тех, которые, естественно, могли заключать лишь договоры на определенный срок) становилось все более ощутимым. Могло играть роль и постепенное распространение понятия obsequium — услужливости, почтительности, которыми «маленький человек» как клиент был обязан влиятельному патрону, поскольку клиентские отношения с ухудшением положения «простонародья» — humiliores — захватывали все более широкие слои. Общий процесс разложения старых классов-сословий частично выразился, таким образом, в сближении свободных, qui bona fide serviunt, с рабами, что свидетельствовало о разложении социальной структуры античного рабовладельческого общества и зарождении новых отношений. В условиях рабовладельческого Рима свободный наемный труд, как одна из форм договорных отношений, не имел возможности стать господствующим. Развитие и некоторый подъем свободного наемного труда были связаны с расширением товарно-денежного хозяйства, что, в свою очередь, обусловливалось развитием рабовладельческого хозяйства, в котором эксплуатация рабов дополнялась эксплуатацией арендаторов и наемных работников по денежному договору, формально остававшихся независимыми гражданами, равноправными контрагентами землевладельцев и нанимателей. С упадком рабовладельческого способа производства и товарно-денежных отношений «наем услуг» все более отходит от типа договорных отношений, превращается в повинность, ничем не отличающуюся от исполнения рабской службы, пребывание на месте раба — in loco servorum. Таким образом для Рима времен второй половины существования империи стало характерно наличие промежуточных социальных группировок, без изучения которых картина социально-экономического развития римского общества не может быть полной. Анализ гибридных форм, отразившихся в термине «liberi qui

bona serviunt», говорит об определяющем и все возрастающем влиянии рабства на наемный труд.

Свободные, qui bona fide serviunt, в качестве объектов найма более всего несли на себе печать институтов рабства, на них постепенно стали распространяться все установления о рабах, отдаваемых господином в наем. Если для рабов развитие найма было свидетельством стремления стимулировать рабский труд, то для свободного в условиях рабовладельческого общества оно могло означать только сужение сферы свободного труда.

Для категории свободных, qui bona fide serviunt, характерно несовпадение фактического положения и юридического статуса, неопределенность которого создавала множество коллизий во взаимоотношениях со свободными. Двусмысленность их общественного положения отразилась в определении их Квинтилианом как рабствующих, и в этом нет ничего удивительного, так как в рабовладельческом хозяйстве рабы, занятые работами по найму, трудились рядом со свободными наемными работниками. Категория «рабствующих» явилась порождением рабовладельческого строя со всеми его классовыми и сословными противоречиями. Рассмотрев положение тех, кто bona fide serviunt, мы видим, таким образом, какими сложными путями шел процесс оформления римского права вообще и договора найма в частности. Сквозь кажущийся хаос случайностей историк римского права должен рассматривать некую равнодействующую, которая определяла существование институтов, подобных liberi homines qui bona fide serviunt. Появление таких своеобразных форм эксплуатации как свободного, так и рабского труда, вероятно, накладывало особый отпечаток на сословно-классовую борьбу. Наличие прослоек такого рода, как qui bona fide serviunt, затемняло отношения между римскими классами и сословиями, однако это не означало, что противоречие между рабами и рабовладельцами было не основным, как утверждают некоторые западные историки [29].

Напротив, то влияние, которое чем далее, тем более оказывали рабовладельческие отношения на положение других категорий эксплуатируемых, вовлекало последних в борьбу, так или иначе направленную против основ рабовладельческого общества и порожденных ими социальных, политических и культурных институтов.

Среди наемных были люди с самым различным статусом, и все они находились перед лицом хозяина-рабовладельца на положении, близком к рабскому. Рабство как основная форма эксплуатации оказывало все возрастающее влияние на положение наемных работников. Отсюда те трудности, с которыми сталкиваются исследователи вопроса, выясняя различия в положении свободных и рабов как объектов найма. Различия эти несомненно существовали (например, как мы видели, нанятый на работу раб, приобретая что-либо не в пользу нанимателя, приобретал это для господина, свободный наемный работник — для себя), но на практике они чем далее, тем более стирались по мере разложения основ античного города, античной формы собственности, тормозивших развитие эксплуатации свободных сограждан.

---

[29] Так, М. Финли (M. Finley, The Ancient Economics, N. Y., 1974) пишет о целом «спектре состояний» между рабством и свободой, что, наряду с делением общества на сословия и статусы, несовместимо, по его мнению, с четким классовым делением и классовой борьбой в античном мире. М. Финли не исключает борьбу между отдельными группами и слоями за те или иные права, но подобная трактовка не имеет ничего общего с марксистским пониманием роли основных классов в обществе, влияния основного классового антагонизма и роли классовой борьбы в развитии антагонистических обществ. См. рец. Е. М. Штаерман на книгу М. Финли — ВДИ, 1977, № 2.

Интересно было бы выяснить, в каких хозяйствах применялся в основном труд свободных, qui bona fide serviunt, кто выступал нанимателем. К сожалению, для ответа на этот вопрос мы не имеем данных для суждения о нанимателях чужих рабов. Кабальные обычно ассоциируются с крупными имениями; о тех, кто нанимал услуги чужих рабов и свободных, мы ничего не знаем. Можно лишь предположить, что поскольку в крупных хозяйствах и богатых домах было большое число слуг и ремесленников из собственных рабов, нанимать таковых чаще приходилось людям сравнительно небогатым, достаточным собственным персоналом не располагавшим и не имевшим возможности сразу собрать сумму, требуемую на покупку раба, слуги или ремесленника (к бессрочно служившим рабам и свободным не могли относиться сельские батраки, которых нанимали на срочные работы и которых нечем было бы занять в промежутках между такими работами). Возможно, именно из-за социального лица нанимателей такие наемные работники стали включаться в фамилию, поскольку фамильные связи и власть pater familias играли гораздо большую роль для собственников небольшого и среднего достатка, чем для владельцев латифундий и сальтусов, строивших свои отношения с подчиненными на иных основах, иных формах зависимости. Если наше предположение в какой-то мере справедливо, то оно тем более подтверждает связь эволюции наемного труда с эволюцией наиболее типичного рабовладельческого хозяйства.

Рассмотренная нами категория свободных, qui bona fide serviunt, представляла, таким образом, своеобразный сплав рабского и свободного состояний, нашедший свое отражение в трудах римских юристов. Такая категория лиц могла возникнуть только в обществе, основанном на рабстве, где порой неимущие или неполноправные свободные трудились бок о бок с рабами. С одной стороны, постановка рядом понятий-антиподов — свободы и рабства — кажется невозможной, особенно для развитого рабовладельческого общества, но парадоксальность явления в данном случае — лучшее доказательство влияния институтов рабства на положение свободных. На примере возникновения категории свободных, qui bona fide serviunt, идя от частного к общему, мы можем проследить действие основных законов развития рабовладельческого античного общества. Рабство, будучи пьедесталом, на котором зиждилось существование и процветание римской гражданской общины, не могло не оказывать влияния на положение свободных граждан, особенно близко соприкасавшихся по своему фактическому положению с рабами: речь идет о разорившихся крестьянах, ремесленниках, люмпен-пролетариях, которые и рекрутировались в своеобразную прослойку полурабов-полусвободных, тех, кто bona fide serviunt.

THE CATEGORY OF FREEMEN *QUI BONA FIDE SERVIUNT*

I. F. Delishcheva

This category, which is mentioned rather often in legal texts, included both bondsmen and free hired workers. Their common characteristic was the noncorrespondence of their factual with their legal status. Hence the difficulty in defining the category, a problem about which all students of the subject have written. Most often the condition of freemen *qui bona fide serviunt* has been likened to the condition of slaves, since persons of both categories might be transferred by inheritance, sold, or included in dotal property and were part of the master's *familia*. Less has been written about the differences between the two conditions. Freemen *qui bona fide serviunt*, if they worked for hire, were at any rate not

slaves in the ancient (classical) sense; they retained certain rights and had legal capacity in respect to property. The author attempts to determine as far as possible the role played by freemen *qui bona fide serviunt* in the late Republic and early Empire: the nature of the relations between them and slaveowners, between them and various other categories of exploited persons; what sort of evolution they underwent and what influence they had on the development of social relations in Rome.

Their condition is considered in relation to the development of commodity and money relations in Rome, the use of hired labour in small handicraft and in the middle-sized villa, where slave labour always coexisted with hired labour in one proportion or another. The spread of hired labour did not mean the same thing for the slave and the free worker. If the practice of hiring was a stimulating factor for slaves, for the free man, in the context of slavery, the growth of this practice meant a narrowing of opportunities for free labour. In an essentially natural economy based on slavery hired labour had a limited sphere of application, was merely a part of the slave system. The development of work for hire was hampered also by various aspects of the polis-type social structure. The influence of polis institutions was manifested in the tendency to conserve traditional forms of exploiting slaves, to find new forms of exploitation, such as the colonate, which were more in harmony with polis traditions than was the exploitation of hired labour.

The practice of hiring workers of different categories — slaves, free and half-free persons — did not weaken the institution of slavery but deepened and extended production relations based on slavery. In the course of time the category of freemen *qui bona fide serviunt* underwent considerable change. Persons belonging to it lost their civil-law rights and became dependents of their employers. The general disintegration of the old class and status structure was reflected in part in the convergence of the freemen *qui bona fide serviunt* with the slaves, a symptom of the general decomposition of the social structure of ancient society.

Ю. Е. Березкин

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ПЕРУ: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА МОЧИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИФОЛОГИИ

Ни в отечественной, ни в зарубежной литературе древнейшие цивилизации побережья Перу не подвергались серьезному анализу с точки зрения исследования социального строя их создателей. Это тем более досадно, что и по своей экономической основе (ирригационное земледелие), и по степени развития и даже в какой-то мере облику материальной культуры (прямоугольный формованный сырцовый кирпич как основной строительный материал, монументальные пирамидообразные сооружения, металлургия меди), и по уникальному историческому положению (абсолютно независимый процесс государствообразования без прямого или косвенного влияния более передовых центров) цивилизации перуанского побережья I тыс. н. э. (особенно северного побережья) сопоставимы с Шумером периода Урук — Джемдет-Наср (возможно, и с более поздним) [1]. Памятники этих культур содержат ценнейшие данные для сравнительного исследования цивилизаций Ближнего Востока и в свою очередь могут быть правильно поняты только с учетом достижений ближневосточной археологии и востоковедения. Одни лишь поздние инкские параллели здесь недостаточны в силу как экологических различий между горной и прибрежной областями Центральных Анд, так и специфики инкской культуры. Первоначальное ядро в культуре инков с большим трудом отделяется от разнообразных заимствований, источники которых не всегда известны.

Среди ранних перуанских цивилизаций пристального внимания заслуживает культура мочика (начало и середина I тыс. н. э.). Участок северного побережья, составлявший территорию мочика, представляет собой ограниченную океаном и горами холмистую пустыню шириной 30—40 км, прорезанную с промежутками в 15—30 км долинами небольших рек, берущих начало в хребтах Кордильер. Две такие долины, Моче и Чикама, составили ядро мочикских земель. Развитие культуры мочика охватывает пять периодов: I—II — эпоха формирования, III — время ее бурного развития, IV — расцвета, V — упадка. Эпоха с конца периода II по начало IV (ориентировочно II — V вв. н. э.) была временем кардинальной перестройки мочикского общества, о чем свидетельствуют ши-

[1] На все это уже обращалось внимание В. М. Массоном (В. М. Массон, Средняя Азия и древний Восток, М.— Л., 1964, стр. 454—456; он же, Земледелие раннеклассовых обществ, «Возникновение и развитие земледелия», М., 1967, стр. 59—61).

рокое распространение медных орудий, достижение технологического совершенства в производстве керамики, строительство монументальных комплексов, стены которых в дальнейшем стали украшать сюжетными росписями, расцвет искусства вазовой живописи и скульптурного изображения человеческого лица, наконец, появление того социально стратифицированного пантеона божеств, который служит объектом настоящего исследования. В период III или с конца II [2] начинается экспансия мочика в долины к югу от Моче (в Виру — центр культуры гальинасо, Санту, Непенью), выражавшаяся, по-видимому, то в установлении контроля над местным населением (в Виру), то в массовой миграции (в Санте). В период V эти земли были вновь утрачены.

Строго говоря, культура мочика не являлась первой андской цивилизацией. Еще в конце II — первой половине I тыс. до н. э. в Северном Перу появляется культура чавин и близкие ей чавиноидные памятники. Монументальные архитектура и скульптура, профессиональное ремесло и, по-видимому, крупные поселения чавина свидетельствуют о качественно ином уровне общественного развития, нежели тот, которого достигли в других районах Перу создатели синхронных чавину раннеземледельческих культур. Однако чавиноидные центры, скорее всего погибнув под ударами окружавших их варварских племен, прекратили свое существование за несколько столетий до того, как в Центральных Андах стали складываться новые цивилизации. Соответственно влияние чавина на них оказалось опосредованным и ослабленным.

В культуре мочика к чавину (в основном через находившуюся под влиянием горного чавина прибрежную культуру куписнике) восходят некоторые иконографические приемы и, вероятно, ряд достижений в технологии: металлургия золота и серебра, изготовление керамики в формах, что отчасти компенсировало отсутствие гончарного круга и позволяло организовать массовое производство [3]. Открытие металлургии меди и переход от булкообразного чавиноидного сырцового кирпича к прямоугольному формованному связаны уже с мочикой. Кованая медь на северном побережье Перу впервые, видимо, появляется во второй половине I тыс. до н. э. В это же время прокладываются первые документально засвидетельствованные археологами оросительные каналы, но широкое развитие ирригация получает лишь в мочике и в синхронной ранней мочике соседней культуре гальинасо.

Наличие в прошлом вблизи мочикской территории старых центров чавина ускорило развитие племен северного побережья, однако сам процесс сложения цивилизации шел в мочике уже самостоятельно. Существенно, что пантеоны и мифологические системы мочики и чавина различны.

Значение культуры мочика для исследования древнеамериканского общества определяется не только ее ранней хронологией и выдающимся местом среди прочих цивилизаций Перу, но и наличием исключительно информативных иконографических памятников, в известной мере заменяющих отсутствующую письменность. Это росписи на сосудах и на стенах храмов и изображения на других материалах. По реализму исполнения, разнообразию сюжетов и по количеству дошедших до нас образцов (более 100 тыс. сосудов, добытых, к сожалению, в основном при грабительских

---

[2] По данным К. Доннана (Ch. B. Donnan, Moche occupation of the Santa valley Peru, UCPA, v. 8, 1971, стр. 125 сл.).

[3] Утверждение первооткрывателя культуры куписнике перуанского исследователя, Р. Ларко Ойле о том, что сосуды этой культуры изготовлены в формах, ряд исследователей подвергает сомнению. См. D. E. Thompson. A mold matrix from Peru, AAq, v. 28, № 4, 1963, стр. 545.

раскопках) мочикская вазовая живопись соперничает с греческой. В настоящей работе учтено около 2500 изображений, изучавшихся главным образом по публикациям.

Однако собственно археологические данные как по культуре мочика, так и по большинству других перуанских культур весьма скудны. Поселения фактически не раскапывались (исследовались лишь отдельные монументальные сооружения); погребения, хотя и раскопаны в большом количестве, в основном плохо опубликованы. В настоящий момент археологические материалы могут быть использованы лишь для прояснения некоторых вопросов, встающих при систематизации иконографических данных по мочике, но не позволяют на их основе построить самостоятельную классификацию социальных групп, сопоставимую в целом с классификацией по изобразительным источникам.

Наличие социального неравенства у мочика сомнению не подлежит и подчеркивается всеми исследователями. Ряд из них считают возможным писать и о крупном государстве у создателей этой культуры [4]. В то же время, как указывалось, почти не было попыток подробного и конкретного исследования социальных отношений в этом древнем обществе. Г. Хоркхеймер отмечал отсутствие относящихся к эпохе мочика крупных дворцовых комплексов и многочисленность храмовых центров и на этом основании делал вывод о сосредоточении власти в руках жрецов [5]. Э. П. Бенсон определяет как жрецов персонажей в платках, плотно окутывающих голову, однако в ее интерпретации чуть ли не на всех мочикских росписях изображены жрецы и погребальные церемонии, с чем вряд ли можно согласиться[6].

Действительно серьезный вклад в изучение общественных отношений у мочика содержится лишь в небольшой статье М. Мосли, который доказывает, что строительство монументальных сооружений было возложено на общинников [7]. На сырцовых кирпичах пирамид Уака-де-ла-Луна и Уака-дель-Соль в долине Моче американскими археологами выявлено более 100 разных знаков. Учитывая, что в эти сооружения уложено несколько сот миллионов кирпичей, М. Мосли указывает, что данные знаки не могли быть индивидуальными клеймами, а принадлежали большим группам мастеров. Поскольку одни и те же знаки сохраняются от нижних строительных горизонтов до верхних (т. е. на протяжении многих десятилетий), группы эти должны были быть устойчивы и скорее всего представляли собой общины. Знаки коррелируют и с сортами глины, из которой готовились кирпичи. Сырцовый массив Уака-де-ла-Луна и Уака-дель-Соль складывался посекционно, так что скорее всего каждой общине вменялось в обязанность соорудить определенную секцию, и вся работа от изготовления кирпичей до их укладки лежала на ней. Через какое-то время та же община снова привлекалась к выполнению повинности, и, таким образом, в верхнем строительном горизонте повторялись уже встречавшиеся знаки. Вывод о строительстве силами общин подкрепляется данными о таком же посекционном рытье каналов в эпоху чиму и о принципах организации работ среди индейского населения побережья в раннеколониальный период. Маркировка кирпичей косвенно свидетельствует о существовании системы

---

[4] В. А. Башилов, Древние цивилизации Перу и Боливии, М., 1972, стр. 123; Donnan, Moche occupation..., стр. 1; R. Larco Hoyle, A cultural sequence for the North Coast of Peru, HSAI, v. 2, 1946, стр. 167; G. R. Willey, An introduction to American archaeology. V. 2. South America, Englewood Cliffs, 1971, стр. 132.

[5] H. Horkheimer, La culture mochica, GCAP, t. I, 1961, стр. 32.

[6] E. P. Benson, Death-associated figures on Mochica pottery, DOC, стр. 111—113, 134 сл.

[7] M. E. Moseley, Prehistoric principles of labor organization in the Moche valley, Peru, AAq, v. 40, № 2, 1975, стр. 191—196.

учета и контроля труда общинников, и в этом смысле знаменательно, что в самых нижних строительных горизонтах знаки отсутствуют.

В данной работе мы не ставим задачу дать полную реконструкцию социального строя мочика. При современном уровне знаний это и невозможно. Наша цель несколько иная — реконструировать представление самих мочика об их общественной системе. В совокупности иконографические материалы могут быть сопоставлены с данными фольклора и мифологии, а значительная их часть — с мифологическим эпосом [8]. В обоих случаях картина общества дана в преломленном виде, однако сам характер этого преломления закономерен, так что полученные выводы могут рассматриваться как основание для определения в дальнейшем особенностей реального общества, теперь уже с обязательным привлечением сведений об имущественной дифференциации мочика по материалам в погребениях, структуре поселений и пр.

Иконографические материалы мочика включают две группы: сцены из реальной жизни (точнее не имеющие явно выраженного мифологического содержания) и изображения мифологических персонажей. Сцены с участием мифологических персонажей делятся на иллюстрации к мифам, онтологические (демонстрирующие роль и место божеств в мироздании), портретные и ритуальные [9]. Кроме того, эти сцены можно разделить на социально интерпретируемые (все ритуальные сцены, поскольку в них дублируются церемонии, обычные среди людей, многие иллюстрации к мифам и портреты) и на чисто мифологические, показывающие такие свойства божеств, такие их отношения и действия, которые невозможны в человеческом мире. К ним относятся все онтологические сцены, ряд иллюстраций к мифам, а также портреты, в которых подчеркивается лишь нечеловеческая сущность персонажа, а не особенности, позволяющие сопоставить его с членами определенной группы в коллективе людей.

В иллюстрациях к мифам мир божеств отождествляется с миром людей; божества действуют на земле и противостоят мифическим обитателям моря, а также другим чудовищам и демонам (связанным с пустыней?). Во многих ритуальных сценах божества противостоят людям и обитают на небе, однако у них сохраняются отношения, свойственные миру людей [10]. Последнее явствует из внешнего облика божеств (одежда, оружие, украшения) и из наличия среди мифологических героев устойчивых социальных, а не только индивидуальных и онтологических различий (ситуации господства-подчинения в социально интерпретируемых сценах, повторяющиеся различия в категориях исполняемых действий в костюмах). Во всех случаях культовые, военные и другие сцены, где показаны божества (сцены охоты, рыбной ловли, различные индивидуальные изображения пер-

---

[8] Интерпретировать многие сцены с участием божеств как изобразительный эквивалент именно архаического эпоса, а не мифов в узком значении термина, позволяет тот факт, что в мочикской иконографии широко представлены приключенческие сюжеты, в которых путь к достижению мифологическими персонажами конечной цели (уничтожение чудовищ и, возможно, овладение чудесными предметами; заселение земли современными людьми, идущими на смену истребляемой древней расе) осложнен множеством побочных эпизодов, не имеющих этиологического, космогонического и т. п. значения.

[9] Относительно большинства ритуальных сцен трудно сказать, носят ли они парадигматический характер и происходят в мифическом прошлом или же иллюстрируют «нынешнюю» жизнь общества, прямо дублирующую жизнь земной общины.

[10] По-видимому, речь идет о тех же горизонтальной и вертикальной моделях мира, которые выявлены Е. М. Мелетинским в эддической мифологии, причем, как и там, характеристика некоторых персонажей (в том числе социальная) в разных моделях меняется. Мы не станем, однако, останавливаться на этих оттенках, в общем не очень значительных, исследование которых увело бы нас слишком далеко от темы. См. Е. М. Мелетинский, Скандинавская мифология как система, ТЗС, VII, 1975, стр. 38—51; он же, Поэтика мифа, М., 1976, стр. 248—250.

сонажей, значение которых не всегда ясно), полностью идентичны сценам с участием людей. Иначе говоря, социальная структура мира божеств, как она представляется по изобразительным данным, мало отличается от преломленной через сознание тех же древних художников структуры человеческого общества.

Логично предположить, что в иллюстрациях к мифологическому эпосу степень преломления социальной структуры выше, чем на росписях, изображающих мир людей. Действительно, в немифологических сценах изображены представители бо́льшего числа общественных групп и прослоек (в частности здесь можно встретить изображения ремесленников [11]) и относительно чаще показаны персонажи, стоящие (судя по одежде) на низших ступенях общественной лестницы. Впрочем, и среди немифологических сцен нет изображений наиболее обычных и массовых земледельческих и строительных работ. Росписи на мифологические темы предоставляют, однако, лучшие возможности для выделения социальных групп. На немифологических изображениях нет персонажей, наделенных индивидуальными признаками; если в каких-то фигурах и подразумевались конкретные личности, они неопределимы. Что касается божеств пантеона, то они, с одной стороны, имеют персональные особенности, с другой — обладают четкой социальной характеристикой. Открывается возможность, связав все сцены и все типы костюмов, свойственные одному персонажу, выяснить, в каких ситуациях и ролях может выступать одно и то же лицо, и, следовательно, воссоздать облик общественной группы, к которой данный персонаж принадлежит.

Прежде чем приступить к выделению этих групп, представляется необходимым дать минимум сведений о мочикских мифологии и пантеоне [12]. Мочикская мифологическая система близка ряду наиболее архаических систем отсталых племен Южной Америки [13]. В ходе сложения цивилизации она претерпела лишь закономерные стадиальные, но не структурные изменения: мифологические герои, полулюди-полуживотные, близкие тотемным предкам и мыслимые действующими только в прошлом, эволюционировали в сторону превращения в небесные божества, появилась мифологическая иерархия, отражающая общественное неравенство. Главное в мочикской мифологии — представление о божественной общине [14] зооморфных мужских персонажей (бог-сова, бог-лис и др., числом около 20), изображавшихся в облике птиц, зверей и насекомых с человеческими руками и ногами, причем различия между видом и родом не всегда четкие:

---

[11] Ch. B. Donnan, A precolumbian smelter from Northern Peru, «Archaeology», 26, 1973, стр. 289—297.

[12] Мочикская мифология подробно рассматривается в ряде наших статей и в диссертации. См. Ю. Е. Березкин, Мочика. Опыт историко-этнографической реконструкции, Автореф. канд. дисс., Л., 1975. В данной статье некоторые вопросы уточнены.

[13] см. W. C. Farabee, Indian tribes of Eastern Peru, PPMAAE, v. X, 1922, стр. 123; A. Metraux, El universo y la naturaleza en las representaciones míticas de, dos tribus salvajes de la república Argentina, RIE, t. III, № 1, 1935; он же, Myths of the Toba and Pilaga indians of the Gran Chaco, MAFS, v. 40, 1946; он же, Religions et magies indiennes d'Amérique du Sud, P., 1967; E. Palavecino, Notas sobre la mitología chaqueña, «Homenaje á Fernando Marquez-Miranda», Madrid, 1964, стр. 284—292 и др.

[14] Мы заимствуем этот термин у Е. М. Мелетинского ввиду аналогий в структуре мира божеств у мочика и в рассмотренных им архаических эпосах Старого Света (Е. М. Мелетинский, Первобытное наследие в архаических эпосах, М., 1964, стр. 3—4; он же, «Эдда» и ранние формы эпоса, М., 1968, стр. 151—154). Как и в этих последних, в мочикском мифологическом эпосе божественной общине или племени противостоит демонское племя, в данном случае обитатели моря. Имеются сцены, где морские чудовища исполняют те же обязательные для любой общины обряды (так называемый ритуальный бег), что и люди, и божества (G. Kutscher, Nordperuanische Keramik, MA, I, 1954, рис. 68b, 69).

многие персонажи могут выступать и индивидуально, и как группа одинаковых существ. К зооморфным божествам близки бобы-воины.

Во главе общины стоят антропоморфные персонажи. Чаще всех встречается так называемый Аи-Апек, которого мы будем именовать также «божество А», изображавшийся с клыками во рту и змеями у пояса (признаки, восходящие к чавину). Изображения его соперника, «божества Б», имеют сходную иконографию, из-за чего его обычно путают с Аи-Апеком. По крайней мере с конца периода IV [15], но, возможно, и много раньше встречается еще один персонаж примерно такого же облика, выделенный Э. Бенсон и названный ею «горный бог» [16]. Не ясно, изображается ли он в социально интерпретируемых сценах; если да, то его образ по существу сливается в них с образом Аи-Апека, поэтому, чтобы не усложнять изложение, мы не будем касаться этого персонажа в дальнейшем. Со второй четверти периода IV появляется персонаж с клыками во рту, но без змей у пояса, окруженный ореолом из лучей [17]. Мы будем именовать его бог-с-лучами. Аи-Апек и почти наверняка бог-с-лучами были объектами культового почитания, причем последний ассоциировался с луной (его фигура изображена внутри лунного серпа) [18]. «Божество А», «божество Б» и в меньшей степени бог-с-лучами являются героями мифологического эпоса, в котором вместе с ними действуют зооморфные персонажи. «Божество А» (и, может быть, «Б» — это пока не ясно) выступает как даритель съедобных растений и главный истребитель чудовищ. Помимо перечисленных антропоморфных существ на росписях встречаются женский персонаж «хтонического» характера и несколько совершенно второстепенных фигур из окружения Аи-Апека.

Предлагаемая классификация мифологических персонажей основана на их участии или неучастии в действиях различного рода. Основное значение имеют сцены битв и воинских шествий, массовых церемоний, человеческих жертвоприношений, охоты, изображения персонажа в качестве руководителя (на троне, на вершине пирамиды), персонажей в роли слуг, изображения персонажей в виде портретных сосудов [19], сцены употребления персонажем наркотической смеси.

---

[15] О хронологических подразделениях внутри периода IV см. Ю. Е. Березкин, Хронология среднего и позднего этапов культуры мочика (Перу), СА, 1978, № 2.

[16] E. P. Benson, The Mochica. A culture of Peru, N. Y.— Washington, 1972, стр. 27—29; она же, Death-associated figures..., стр. 105.

[17] Впервые он был описан Г. Кучером (G. Kutscher, Iconographic studies as an aid in the reconstruction of Early Chimu civilization, TNYAS, ser. II, v. 12, № 6, стр. 202), позже большинства других персонажей, выделенных в 1930-х годах Р. Ларко Ойле. На изображениях бога-с-лучами конца периода V лучи исчезают, но персонаж идентифицируется по специфическому головному убору, появляющемуся с начала периода V.

[18] Сейчас два крупнейших монументальных комплекса мочика в низовьях Моче носят названия Уака-де-ла-Луна, т. е. «святилище луны» и Уака-дель-Соль, т. е. «святилище солнца» («уака» — реликвия, святилище, божество, древний памятник). Есть, однако, данные (D. Bonavía, Ricchata Quellccani. Pinturas murales prehispánicas, Lima, 1974, стр. 70—71), что нынешнее «святилище солнца» в прошлом связывалось местным населением с луной, а Уака-де-ла-Луна — с богом Пачакамаком, который, судя по записанным в XVI—XVII вв. мифам, может быть в ряде принципиально важных аспектов сопоставлен с Аи-Апеком. Заманчиво предположить, что в нынешней Уака-де-ла-Луна в мочикскую эпоху находился центр почитания Аи-Апека, а в Уака-дель-Соль — бога-с-лучами, т. е. бога луны.

[19] Портретными сосудами принято называть реалистические мочикские изображения голов людей с передачей индивидуальных черт. От них принципиально не отличаются головы полнофигурных скульптурных изображений. Трудно сказать, действительно ли на подобных изображениях запечатлены черты лица конкретных людей. Находимые в могилах скульптурные сосуды, судя по материалам научно раскопанных комплексов, во всяком случае не изображали погребенных.

Персонажи группы ли́са. Основная масса зооморфных божеств (морской орел, лис, муха, утка, колибри, олень, ягуар, пума, летучая мышь, змея, многоножка, игуана), а также бобы могут быть объединены в одну группу. Члены ее, во-первых, сражаются друг с другом со щитами и палицами в руках и изображаются идущими на войну; во-вторых, являются рядовыми участниками массовых церемоний; в-третьих, голова одного из этих персонажей, ли́са, служит моделью для портретных сосудов классического типа (голова молодого или средних лет мужчины в повязке особой формы: широкая лента охватывает лоб, из-под нее на уши, мочки которых обычно украшены вставками, спускаются толстые складки материи, возможно, набивной); в-четвертых, во время жертвоприношений убивают пленников, отсекая им головы ритуальным ножом.

Несколько особое положение внутри данной группы божеств занимает бог-игуана, постоянно сопровождающий Аи-Апека в качестве помощника, посыльного и т. п. При этом игуана участвует в церемониях и носит богатую одежду. Там, где антропоморфное божество сидит на троне, бог-игуана находится позади него, похоже, занимая определенное, предназначенное ему место. Такая расстановка персонажей аналогична расположению участников действия в немифологической сцене, изображающей привод пленников к правителю или военачальнику [20]. Позади знатного лица сидит воин, функции которого, по-видимому, тождественны функциям игуаны при антропоморфном божестве (помощник, слуга-посыльный).

На персонаж группы ли́са обычно надеты рубашка и юбочка, иногда плащ, реже длинная рубашка, на голове шлем или повязка описанной выше формы. Одежда почти всегда богато орнаментирована и дополнена ук рашениями. Некоторые из персонажей (морской орел, утка) занимаются рыбной ловлей, и в этом случае на них бедная одежда (набедренная повязка, волосы подвязаны простой лентой).

Не вызывает сомнения, что божества группы ли́са — воины и участники церемоний — соответствуют полноправному свободному населению. Богатые костюмы этих персонажей и то, что война и ритуал — почти единственные категории действий, в которых они заняты, позволяют предполагать здесь группу знати, скорее всего (учитывая возможный уровень развития мочикского общества) родовую аристократию. Однако принцип показа данных персонажей только как знатных лиц не всегда выдержан строго. Прежде всего его нарушают изображения божеств в набедренных повязках в сценах на море. Изображения людей-рыбаков, одетых точно так же, в искусстве мочика весьма многочисленны. В отличие от охоты, — судя по росписям, привилегированной забавы высшей знати (как позднее у инков) — рыболовство и морской промысел с древнейших времен и едва ли не до современности служит на северном побережье Перу важнейшей после земледелия отраслью хозяйства. И хотя рыбная ловля, в которой участвуют утка и орел, есть не просто добыча пищи, а поимка мифического чудовища, ассоциация персонажей с людьми низкого социального статуса несомненна. Кроме того, неизвестно, есть ли вообще среди мочикских божеств такие, которые на всех изображениях, где они показаны, соответствовали бы непривилегированной части общинников. По-видимому, знатные воины представляют не часть, а именно всю общину, как бы замещают ее. С этим согласуется тот факт, что персонажи группы ли́са составляют основную массу божеств, в то время как члены прочих групп, рассматриваемых ниже, представлены одним или несколькими персонажами.

Объясняется все это, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, отставание фиксации на идеологическом уровне тех или иных об-

[20] Kutscher, Nordperuanische Keramik..., рис. 23.

щественных процессов по сравнению с их действительным ходом закономерно. Подобно тому как в языках создателей древних цивилизаций от Месопотамии до Перу город и деревня обозначались одним словом «поселение», так же и появление в общине имущественного и социального неравенства долгое время игнорировалось. Во-вторых, как указывалось, мы имеем дело со своего рода эпосом (мифологическим и изложенным не словесно, а изобразительно) и потому должны учитывать законы жанра, требующие акцентирования внимания на определенных сюжетах (батальных) и определенных персонажах (знатных доблестных воинах). Это обстоятельство было продемонстрировано Ю. В. Андреевым на примере гомеровского эпоса, в котором даже лица подчиненного положения (Патрокл) принадлежат к знати (ср. бог-игуана) [21]. Под «народом» в эпосе фактически подразумевается не совокупность людей, принадлежащих к данной общине, а «социально однородная группа аристократических семей» [22]. Вывод Ю. В. Андреева, по-видимому, верен и в отношении других эпических традиций, в том числе архаических. В последних, однако, высокое общественное положение персонажей может не связываться со знатным происхождением, поскольку родословная часто отсутствует как таковая [23].

Вместе с тем сама возможность «уподобления» аристократии массе общинников свидетельствует об отсутствии в обществе жесткого, кастового деления на «воинов» и «земледельцев». Сцена с изображением церемонии, в которой наряду со знатными воинами участвуют люди в более бедных одеждах (см. ниже),— одно из подтверждений этого.

Персонажи группы Аи-Апека. «Божество А», во-первых, не изображается идущим на войну с оружием в руках и крайне редко сражается в социально интерпретируемых сценах [24]; Аи-Апек, во-вторых, участвует в церемониях в качестве руководителя (в этих и других сценах показан восседающим на троне, который стоит на вершине пирамиды); в-третьих, охотится на оленя (аналогично роскошно одетым персонажам в немифологических сценах); в-четвертых, если его голова изображается отдельно, то на ней либо вообще нет убора (изображение, социально неинтерпретируемое), либо это богато украшенный шлем, редко встречающийся на портретных сосудах; в-пятых, во время жертвоприношений, возможно, лично убивает пленников, но не исключено, что все подобные сцены имеют чисто мифологический характер, поскольку изображены не массовые церемонии, а единичная фигура божества с человеческой головой в руке.

Многое из сказанного относится и к богу-сове, который, однако, не охотится (возможно, дефект выборки, поскольку и аналогичные сцены с Аи-Апеком редки) и в отдельных случаях может вместе с персонажами группы ли́са изображаться либо идущим на войну, либо в качестве рядового участника обрядового действа. Может ли сова выступать как руководи-

---

[21] Ю. В. Андреев. Раннегреческий полис (гомеровский период), Л., 1976, стр. 71—72.

[22] Там же, стр. 73. И далее: «Основной социологический парадокс гомеровской поэзии состоит в том, что аристократия в ней практически подменяет собой общину и, если можно так выразиться, уподобляет ее себе» (стр. 74).

[23] Генетически божественная община мочика восходит к общине людей-животных, первонасельников мира, вопрос о происхождении которых в архаических индейских мифологиях никогда не ставится.

[24] Речь идет о столкновениях его с богом-орлом, во время которых оба противника используют обычное оружие (в столкновениях с чудовищами Аи-Апек вооружен не палицей, а ритуальным ножом). См. E. Fuhrmann, Peru II. Keramik der Chimu, Darmstadt, 1922, рис. 85; J. Imbelloni, L'antico Peru, «Le razze e i popoli della terra», v. IV, 1957, табл. IX—I; Kutscher, Nordperuanische Keramik..., рис. 56 a; и др. Можно полагать, однако, что в данном случае мифологическая субординация сознательно нарушена и орел выступает не как персонаж, подчиненный главе пантеона, а в качестве союзника «божества Б» — противника и соперника «божества А».

тель церемонии, не ясно. Росписей такого рода нет, но есть скульптурное изображение этого божества в головном уборе, предназначенном для ритуального бега, совершающего на вершине пирамиды какое-то сакральное действие [25]. Носилки с совой несут ящерица и мышь, а плот с восседающим на нем божеством тащат через реку люди в бедных одеждах [26]. В одной из сцен ясно видна разница между совой и лисом [27]. Лис — воин, пришедший с известием или за получением приказа, сова — начальник, отдающий приказ. Похоже, что в отсутствие антропоморфного божества сова действует в качестве военачальника, при нем же либо сливается с массой персонажей группы ли́са, либо занимает особое место, связанное с выполнением культовых и, может быть, хозяйственных функций (см. раздел «бог-сова»).

В тех случаях, когда бог-сова изображен в положении руководителя, на нем всегда богатое облачение воина: рубашка с оплечьем, юбочка, иногда поверх плащ, шлем. На Аи-Апеке в большинстве сцен такая же одежда, но там, где он руководит церемониями, на голове особый сложный убор с пуфом или тюрбаном и свешивающимися вниз лентами.

Фигура стоящего на пирамиде Аи-Апека имеет прямые аналогии с изображениями человека на пирамиде, одетого так же и руководящего точно такими же церемониями.

Существование у мочика общественной группы, иерархически более высокой, чем группа ли́са, не вызывает сомнений, однако требуется еще определить, какой властью были наделены представлявшие ее лица: локальной или центральной, объединявшей под своим началом всю мочикскую территорию или по крайней мере ее крупные части. Доводы в пользу первого предположения содержат материалы погребения «воина-жреца» (так называли его авторы раскопок) в Уака-де-ла-Крус в долине Виру [28]. Могила представляла собой прямоугольную яму площадью 3×1,25 м и глубиной более 3 м, выкопанную в культурном слое деревянной лопаткой (найдена в заполнении). На дне ямы находился тростниковый гроб с телом глубокого старика. В той же могиле были захоронены две женщины (видимо, удушенные шнурками), взрослый мужчина (положен на гроб старца) и мальчик (положен у его ног), а также две обезглавленные ламы. Инвентарь захоронения включал 25 керамических и несколько тыквенных сосудов, ткани, два десятка мелких предметов (в основном украшений) из меди, иногда позолоченной, бирюзы, перьев, дерева. Наибольшую ценность представляли три церемониальных деревянных предмета (жезл, палица и палка-копалка с медным лезвием) с резными изображениями и инкрустацией. Палка-копалка была украшена навершием, изображающим Аи-Апека, проводящего подобной же копалкой борозды в земле, и мальчика-сеятеля рядом с ним. Положение тела старца, его одежда, тождественные позам и одежде божества, аналогичное фигуре мальчика-сеятеля тело мальчика-жертвы у его ног — все это не оставляет сомнений в отождествлении погребенного с Аи-Апеком. Человек, погребенный в Уака-де-ла-Крус, безусловно, не был крупным правителем, царем. Если исходить только из оценки стоимости инвентаря могилы и затрат на ее сооружение, то погребение хотя и превосходит средний для мочика уровень, однако не требовало капитальных затрат общественного труда и в имущественном от-

[25] Частное собрание, Лима (фото Э. Табио).

[26] Это один из относительно редких случаев, когда люди и божество показаны в одной сцене. Создается впечатление, что художник, затрудняясь в подыскании подходящих мифологических персонажей, решил задачу простейшим путем, изобразив слуглюдей.

[27] R. Larco Hoyle, Pérou, Génève, 1966, рис. 47.

[28] W. D. Strong, C. Evans, Cultural stratigraphy in the Viru valley, Northern Peru, CSAE, v. IV, 1952, стр. 150—167.

ношении не уникально [29]. Выделяют его не положенные с покойными вещи, а сопроводительные жертвы.

Монументальный комплекс Уака-де-ла-Крус, у подножья которой располагается могильник с погребением «воина-жреца», не только не может претендовать на роль общемочикского центра, но и не занимает главенствующего положения в долине Виру. «Столицей» Виру можно считать комплекс монументальных сооружений в Уанкако, наиболее крупный из обнаруженных здесь и построенный в основном самими мочика, в то время как большинство других значительных памятников строилось еще в предшествующий период гальинасо и лишь использовалось и немного достраивалось после мочикской оккупации. Г. Уилли, основываясь на распределении памятников разного характера и назначения, наметил в пределах Виру в период господства мочика 4—8 районов, тяготеющих к ведущим архитектурным комплексам [30]. Площадь каждого из таких районов — порядка 20 кв. км. На наш взгляд, погребенный в Уака-де-ла-Крус представитель знати мог бы претендовать при жизни на власть в пределах такого района. Этот вывод согласуется с тем обстоятельством, что на изображениях пирамида, служащая резиденцией правителя или божества, в каждом случае имеет различный облик, причем размеры сооружений, по-видимому, не очень велики.

Изображения людей в роскошных головных уборах и одежде, сидящих в торжественной позе, встречаются в мочика уже с периода I. Изображения Аи-Апека тоже многочисленны с самых ранних этапов развития культуры. Представляется вероятным, что институт локальных правителей восходит к племенным вождям или жрецам, точно так же как образ Аи-Апека покоится на представлениях о племенном культурном герое. Подобным вождем-жрецом локальный правитель остается, по данным иконографии, и далее, хотя реально его функции могли измениться, поскольку, как мы постараемся показать, в период мочика IV он не представлял уже высшее звено в иерархии власти, а экономическая структура общества, несомненно, усложнилась. В большинстве случаев Аи-Апек или эквивалентное ему лицо в мире людей показан лишь в качестве ритуального руководителя, идеологического центра общины. Имеется, однако, роспись, свидетельствующая о том, что данный персонаж осуществлял, вероятно, и функции административно-хозяйственного руководства [31]. На этом изображении запечатлен человек в храме, одетый почти в точности так же, как правитель, встречающий кортеж со знатными пленниками, предназначенными для жертвоприношения [32]; он принимает «дань» — множество сосудов, наполненных какими-то продуктами, и кувшинов. Трое других людей находятся в доме у подножья пирамиды и, по-видимому, также участвуют в приеме подношений. Характерно, что в этой сцене, дающей более широкую, чем обычно, трактовку образа, показаны люди, а не божества, хотя мифологическая окраска присутствует и здесь: сосуды и кувшины имеют ножки, и малень-

---

[29] См. В. М. Массон, Становление раннеклассового общества на древнем Востоке, ВИ, 1967, № 5, стр. 86—87.

[30] G. R. Willey, Prehistoric settlement patterns in the Viru valley, Peru, SIBAE, Bull. 155, 1953, стр. 382—383.

[31] Benson, Death-associated figures..., рис. 29.

[32] Там же, рис. 24. В свою очередь в подобной сцене встречи пленников изображена сова (G. Kutscher, Chimu: eine altindianische Hochkultur, B., 1950, рис. 43; об этой же сцене см. Ю. Е. Березкин, Мифология мочика, СА, 1972, № 4, рис. 2). Враждебных ему мифических персонажей подводит к сидящему на троне Аи-Апеку бог-игуана (Kutscher, Chimu, рис. 64; возможно, также E. Seler, Peruanische Altertümer, B., 1893, табл.33—3; A. Baessler, Altperuanische Kunst, B., 1902—1903, Bd. 3, табл. 115, рис. 344).

кие человеческие фигурки с бичами в руках гонят их, как стадо, перед собой.

Бог-с-лучами. Из положения Аи-Апека как локального правителя следует, что на более высоком уровне иерархии в социально интерпретируемых мифологических сценах должен находиться персонаж, соответствующий лицу, обладающему властью более значительной, нежели та, которая была сосредоточена в руках вождя-жреца. Такой уровень действительно есть, и занимает его бог-с-лучами. Наиболее показательна роспись (относящаяся к самому концу периода IV), где к богу-с-лучами направляются мифические персонажи с кубками в руках [33]. Среди них находится и Аи-Апек. Он не несет кубок, однако руки его сложены в жесте адорации, что указывает на подчиненное положение по отношению к богу-с-лучами. Слуга Аи-Апека, игуана, обычно обращается к нему, сложив руки в подобном же жесте. Как и на всех других изображениях периода IV, бог-с-лучами на этой росписи представлен в типичной одежде воина, на голове у него простой конический шлем, украшенный лишь шишаком. Напротив, Аи-Апек показан в подчеркнуто церемониальном, невоенном наряде с многочисленными свешивающимися с убора лентами и украшениями.

Церемония передачи кубка, изображенная в данном случае, была, по-видимому, одной из важнейших у мочика и связана с другим обрядом — «игрой в бадминтон». Последний был впервые описан Г. Кучером [34]. Во время этой «игры» люди либо божества во главе со стоящим на вершине пирамиды правителем-жрецом (или Аи-Апеком) с помощью копьеметалок подбрасывали в воздух жезлы с перекрестьями, на каждом из которых был шнурок с чем-то вроде волана на конце; в воздухе воланы со шнурками отделялись от жезлов. В сценах с участием людей наряду со знатными воинами, стоящими близ правителя, на переднем плане, участвуют и другие группы мужского населения (мелкие фигурки в неорнаментированных одеждах, в простых повязках на голове). В сцене, где все участники — божества, эквивалентов этим фигуркам нет. На одной из росписей поднимающийся по пандусу пирамиды человек передает божеству (т. е. реально — правителю-жрецу) кубок. В другой сцене один из персонажей держит в руках большой мешок; фигура, держащая подобный мешок, встречается в сценах жертвоприношений и в военных сценах с участием божеств.

До сих пор, за отсутствием этнографических аналогий, не было предложено реконструкции смысла обряда. Помочь понять его могут данные, содержащиеся в одном из документов раннеколониального времени [35]. Там сообщается, что в некоторых случаях переход новых земель в собственность инки оформлялся как его выигрыш в игре, в которой земли служили ставкой (результат игры был предрешен). Насколько можно понять, инка затем возвращал полученные земли местной знати и храмам, став теперь, однако, их верховным сюзереном [36]. Игра заключалась в том, что

---

[33] K u t s c h e r, Chimu, рис. 62; об этой же сцене см. Б е р е з к и н, Мифология мочика, рис. 3 (персонаж, помеченный на этом рисунке цифрой 4, ошибочно идентифицирован как «воинская рубашка»; в действительности это мифическая Женщина, руководитель «бунта вещей», во время которого ожившие предметы воинской одежды и вооружения набрасывались на своих хозяев).

[34] G. K u t s c h e r, Das Federball-Spiel in der alten Kultur von Moche (Nord Peru), BA, Bd. IV, Ht. 2, 1956, стр. 173—184, См. также публикацию новых материалов по данной теме в книге Ch. B. D o n n a n, Moche art and iconography, Los Angeles, 1976, стр. 68—71.

[35] P. D u v i o l s, Un inédit de Christobal de Albornoz: La instrucción para descubrir todas las guacas del Pirú y sus Camayos y Haziendas, JSA, t. 56, 1967, № 1, стр. 23; R. T. Z u i d e m a, El juego de los ayllus y el Amaru, там же, стр. 41 слл.

[36] И. К. Самаркина доказывает, что испанские хронисты «не отличали проявление прав суверенитета государства, верховной власти распоряжаться подвластной территорией от права собственности государства на земли подданных» (И. К С а м а р к и-

инка подбрасывал в воздух сделанное из шерсти изображение змеи, а его соперники — особые предметы, *айлью*, в виде воланов из перьев с привязанными сзади шнурками (сухожилиями). Подробно ее правила неизвестны. На росписях мочика нет изображения змеи, но два других обстоятельства — использование воланов с веревкой на конце и руководящая роль в игре самого правителя — очень сходны. Было бы заманчиво видеть в «игре в бадминтон» церемонию скрепления определенных отношений между правителем и подданными.

Возвращаясь к сценам передачи кубка, отметим, что во всех случаях изображены, с одной стороны, правитель или антропоморфное божество («божество А» либо бог-с-лучами), с другой — люди-воины или мифологические персонажи группы ли́са (либо также ожившие предметы воинской одежды и вооружения и их руководитель — мифическая Женщина) с кубками в руках и с другими ритуальными предметами [37]. Если в качестве руководителя церемонии выступает бог-с-лучами (и только в этом случае), в числе предстоящих перед ним лиц могут находиться не только персонажи группы ли́са, но также Аи-Апек и бог-сова. В сценах передачи кубка правитель (или антропоморфное божество) изображается иногда в более пышном облачении, иногда же все главные участники действа в этом отношении равны. Акцент в церемонии поставлен не на том, что правитель пьет какой-то напиток (собственно, он нигде и не пьет, а лишь держит кубок), а на факте общения с ним других лиц, очевидно, более низкого ранга.

В Куско во время главного годового праздника Капак-Райми (в дни июньского солнцестояния) царствующий инка (либо другие члены его дома) с каждым из прибывших представителей провинциальной знати символически пили из парных кубков. Смысл обряда заключался в ежегодном подтверждении зависимости и союза между ними. Фактически местный правитель получал подтверждение своих прав на власть в пределах его области [38].

Почти на всех мочикских росписях, фиксирующих передачу кубка, изображены сцены принесения в жертву пленников, которых убивают люди либо божества. Не исключено, что и кубок наполнен кровью. В сцене «игры в бадминтон», где одновременно показана передача кубка, пленников нет, но на другой росписи с изображением «игры» на заднем плане также показаны лежащие на земле маленькие фигурки (убитые?). Две церемонии, «игры» и передачи кубка, связаны также наличием в обоих случаях упоминавшихся фигур божеств с большим мешком в руках.

Вероятно, обе церемонии либо вообще составляли последовательные части одного ритуала, либо были близки по смыслу, как близки по смыслу, при всей внешней несхожести, соответствующие инкские обряды [39]. Ос-

---

н а, Община в Перу, М., 1974, стр. 34—37). Для целей нашего исследования это уточнение, однако, не столь существенно, важен факт скрепления отношений господства-подчинения между инкой и подданными.

[37] D o n n a n, Moche art ..., рис. 104—108; K u t s c h e r, Iconographic studies..., рис. 4; L a r c o H o y l e, A cultural sequence..., рис. 20 c; J. C. T e l l o, Un modelo de escenografía plástica en el arte antiguo peruano, «Wira Kocha», v. 1, № 1, 1931, рис. 12.

[38] Инка Гарсиласо де ла В е г а, История государства Инков, Л., 1974, кн. VI, гл. XXIII, стр. 390—392. В иллюстрированной хронике Гуамана Помы содержится интересное дополнение к сообщению Гарсиласо. На одном из рисунков показано, как во время Капак-Райми инка пьет из парных кубков с солнцем (F. G u a m â n P o m a d e A y a l a, Nueva corònica y buen gobierno, TMIE, т. 23, P., 1936, стр. 246). Тем самым скрепляется тройная система: божество — правитель — подданные. Я признателен Ю. В. Кнорозову, обратившему мое внимание на рисунок Гуамана Помы.

[39] Мы далеки от мысли считать, что инкские обряды обязательно восходят к мочикским, хотя и это не исключено, учитывая ту роль, которую сыграли в формировании инкской культуры цивилизации побережья, особенно чиму, отчасти унаследовавшая традиции мочика. Скорее, однако, подобные обряды входят в комплекс элементов мате-

новное их назначение состояло в установлении и подтверждении связей и обязательств между сюзереном и подданными. Такого рода обряды типичны для самых различных древних и средневековых обществ. С какой периодичностью происходили данные церемонии у мочика, мы не знаем; известно лишь, что к ним приурочивались жертвоприношения, во время которых кровь пленников скрепляла союз между божеством, правителем и народом.

Предстояние Аи-Апека богу-с-лучами именно во время подобного обряда, фиксирующего отношения господства-подчинения, знаменательно. Надо полагать, что первоначально эти церемонии происходили лишь под руководством локальных правителей-жрецов, с появлением же нового звена власти стали исполняться и на более высоком уровне. Противопоставление нового верховного сюзерена и традиционного правителя как «воина» и «жреца» (судя по их костюмам) может указывать на закономерную эволюцию характера власти, на сосредоточение на высшем уровне иерархии военно-политического руководства и закрепление ритуально-магических функций за правителями более низкого ранга.

Вывод о сосредоточении у мочика в начальной фазе процесса государствообразования власти в руках вождей-жрецов (вероятно, непосредственно воплощавших единство общины и представлявших ее перед божеством-покровителем) и переходе высшей власти в более поздней фазе того же процесса в руки военно-политических руководителей (стоявших, надо думать, над общиной и вне ее) находит соответствия в работах исследователей, занимающихся изучением ранне- и предклассовых обществ других районов мира, от древних майя до Японии эпохи Ямато или индоевропейцев накануне их расселения и позднее [40]. В одних случаях речь идет о постепенной эволюции и сохранении за правителями их традиционного титула, в других (как это мы предполагаем у мочика) — на первый план выдвигается новое должностное лицо. В этом смысле особенно интересны параллели с Месопотамией, поскольку, как указывалось, исторические и природные условия Шумера обнаруживают довольно много общего с ситуацией, сложившейся на побережье Перу. В частности, по размерам орошаемой территории номовые государства Шумера сопоставимы с долинами перуанского побережья или же с небольшими группами таких долин [41]. По мнению И. М. Дьяконова, в древнейших письменных памятниках Месопотамии (эпохи Джемдет-Наср) встречается только термин «эн», обозначающий вождя-жреца, в дальнейшем же *эн* уступает место *энси* — главе государства с жреческими функциями — или *лугалю*. При этом в ранний период *энси* также выступает преимущественно как жрец, *лугаль* же — как выборный военачальник, хотя в конце раннединастического периода разницы между ними почти нет. Постепенно правитель шумерского города-государства превращается в единовластного царя, для которого выполнение жреческих функций — лишь одна из обязанностей, притом не главная [42].

риальной и духовной культуры, общий для разных групп населения Центральных Анд как единой историко-культурной области, процесс формирования которой начался не позднее эпохи чавина (а скорее всего значительно раньше).

[40] В. И. Гуляев, Проблема становления царской власти у древних майя, «Становление классов и государства», М., 1976, стр. 246—247; Н. А. Иофан, Становление протоканона в изобразительном искусстве Японии (На материале ханива), «Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки», М., 1973, стр. 32; В. Н. Топоров, Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам, «Этимология 1972», М., 1974, стр. 13.

[41] И. М. Дьяконов, О площади и составе населения шумерского «города-государства», ВДИ, 1950, № 2, стр. 78; он же ОГСДД, стр. 11—15.

[42] И. М. Дьяконов, Община на древнем Востоке в работах советских историков, ВДИ, 1963, № 1, стр. 29; он же, Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., ВДИ, 1968, № 4, стр. 9; он же, ОГСДД, стр. 122.

К сожалению, с уверенностью выделить фигуры крупного военно-политического руководителя мочика в немифологических сценах пока не удалось. Есть основания подозревать их в изображениях человека в одежде воина с ожерельем из крупных бусин на шее, в богато украшенном шлеме, опирающегося рукой на фигурку ягуара или оцелота. Человек, сидит по-видимому, на троне [43]. Датируются эти изображения периодом IV, скорее всего его началом и серединой. В носилках бога-с-лучами, у ног его, также покоится маленький ягуар или оцелот [44]. Не исключено, следовательно, что ручной оцелот считался атрибутом правителя. Это, однако, единственный подобного рода признак, а серия изображений, в которых он встречается, пока слишком велика, чтобы делать на ее основе твердые выводы.

Вопрос о крупном государстве у мочика. Мочикские росписи не дают ясного ответа на вопрос о масштабах власти лиц, иерархически соответствующих богу-с-лучами, иными словами, о том, была ли хотя бы в период расцвета мочика вся территория этой культуры объединена в рамках единого государства или нет.

В политической истории древнейших государств можно наметить ряд этапов. На первом этапе на основе нескольких слившихся сельских общин возникают города-государства, состоящие из столицы и небольшой округи, в пределах которой иногда расположены подчиненные столице мелкие центры. Такие города-государства И. М. Дьяконов предлагает именовать номами [45]. Территория нома обычно ограничена естественными рубежами. На втором этапе некоторым номам удается установить гегемонию над своими соседями, почти не затрагивающую внутреннего устройства и управления подчиненных центров, а реализующуюся главным образом в уплате дани. Как правило, подобные политические образования непрочны. Указанные два типа развития политической централизации выделяет В. И. Гуляев на примере городов-государств майя с учетом ближневосточных аналогий [46]. Третий этап политической централизации — образование крупных и более устойчивых государственных объединений при перестройке управления в центре и на местах.

Для эпохи становления древнейших государств эта схема носит едва ли не универсальный характер, хотя длительность и значение той или иной стадии в разных культурах неодинаковы. В одних развитие надолго задерживается на втором этапе (майя, микенская Греция), в других (инки, Египет) быстро достигает третьего, две же предыдущие стадии ограничиваются, так сказать, протогосударственной эпохой [47].

Определение уровня и характера развития мочикской государственности путем сопоставления данных по северному побережью Перу с подобной трехчленной моделью представляется необходимой задачей исследования.

---

[43] Benson, The Mochica, рис. 2—10; L. E. Valcarcel, Dioses, hombres y bestias, Lima, 1937, рис. 2.

[44] Березкин, Мифология мочика, рис. 1,3.

[45] И. М. Дьяконов, Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (По материалам Ура), сб. «Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.)», Ереван, 1973, стр. 31, 32.

[46] В. И. Гуляев, Города майя, СА, 1977, № 4, стр. 74—93.

[47] В этой связи большой интерес представляет новая трактовка В. А. Башиловым и С. Я. Серовым ранних этапов формирования инкского государства. Первоначально в бассейне р. Урубамбы сложилась группа независимых (если и связанных в какой-то «племенной союз», то равноправных) протогородских центров. Лишь в середине XV в. правители усилившегося Куско сперва разгромили своих соперников, а затем приступили и к завоеванию более удаленных районов, создав крупное централизованное государство. См. В. А. Башилов, С. Я. Серов, рец. на книги: V. Angles Vargas P'isaq, Metrópoli Inka, Lima, 1970 и Machu-pijchu, enigmática ciudad inka, Lima, 1972 — СЭ, 1975, № 4, стр. 184—187.

Среди американских археологов представление о мочика как о «царстве» сейчас господствует. Соответствующих взглядов придерживаются такие видные специалисты по древним культурам побережья, как К. Доннан, М. Мосли, Э. П. Ланнинг [48]. В своей последней работе Доннан, например, постоянно употребляет по отношению к мочика термин kingdom [49]. Эту же точку зрения в основном разделяет В. А. Башилов. Рассмотрим факты, существенные для определения справедливости подобного мнения.

Один из главных аргументов в пользу существования у мочика в периоды III — IV единого государства, можно сказать, воплощен в возвышающихся на левом берегу р. Моче крупнейших в Южной Америке пирамидах Уака-де-ла-Луна и Уака-дель-Соль, пространство между которыми, площадью не менее 60 га, покрыто остатками строений. Высота Уака-дель-Соль более 40 м. Подобный центр претендует на роль общемочикской столицы, поскольку ни в Моче, ни в других долинах нет аналогичных памятников. Отметим для сравнения, что площадь мочикских поселений в Виру не превышает 20—25 га, и хотя здесь встречаются пирамиды в несколько десятков метров высотой, они не велики по объему кладки, так как построены вокруг скального основания [50]. В долине Санты имеется по крайней мере одно крупное поселение (Пампа-де-лос-Инкас, площадью до 100 га, включая, правда, значительные незастроенные участки), но высота пирамид в пределах этого комплекса не превышает 8 м [51]. Нет очень крупных пирамид и в Чикаме.

Эта стройная картина несколько нарушается лишь наличием на окраине мочикской территории, в долине Непенья, монументального комплекса Паньямарка высотой 60—70 м и площадью 5 га [52]. Строительство его, возможно, началось еще до появления в этой долине мочика и продолжалось после их ухода, но то, что основной массив кладки принадлежит именно мочика, несомненно [53]. Вызывает удивление не размер Паньямарки как таковой, а несоответствие величины памятника тому ничтожному количеству маленьких поселений мочика, которое найдено в Непенье (при отсутствии синхронных поселений какой-либо другой культуры) [54]. Создается впечатление, что Паньямарка являлась центром не только Непеньи, но и соседней Санты, где много поселений, но нет крупных пирамид. Подобная система из двух долин повторяет в меньших масштабах систему Моче—Чикама (монументальный центр в меньшей из долин, основное поселение — в более крупной). Поскольку долина Чикамы по размерам орошаемой территории в шесть раз больше Санты (хотя потенциальные водные ресурсы последней выше) [55], естественно, что и центр Моче—Чикамы оказывается большим, чем центр Санты—Непеньи.

Таким образом, характер размещения архитектурных памятников по территории мочика наводит на мысль об известной самостоятельности южных долин при общем главенстве центра в Моче.

Существенный аргумент в пользу существования у мочика единого государства заключается в факте военной экспансии создателей этой куль-

---

[48] E. P. Lanning, Peru before the Incas, Englewood Cliffs, 1967, стр. 120.

[49] Donnan, Moche art..., стр. 4, 81, 90.

[50] Willey, Prehistoric settlement..., стр. 132—136, 160—165, 200—208, 225—226.

[51] Donnan, Moche occupation..., стр. 13, 27—29, 36—39, 46—47.

[52] D. Proulx, An archaeological survey of the Nepeña valley, Peru, RRDA, № 2, 1968, стр. 78—80; R. Schaedel, Mochica murals at Pañamarca, «Archaeology», v. 4, № 3, 1951, стр. 145—154.

[53] D. Proulx, Archaeological investigations in the Nepeña valley, Peru, RRDA, № 13, 1973, стр. 191.

[54] Там же, стр. 30—49.

[55] A. L. Kroeber, Archaeological explorations in Peru. Part. II. The northern coast, Field Museum of Natural History, Anthropology, Memoires, v. 11, № 2, 1930, стр. 76.

туры в период III, вряд ли возможной без определенной централизации управления. Это кажется тем более очевидным, что противники обитателей Моче и Чикамы — создатели культуры гальинасо, господствовавшие в Виру (и, вероятно, южнее), находились примерно на том же уровне социального развития, что и сами мочика. Причины экспансии можно видеть в относительной нехватке воды для орошения и необходимости в связи с этим вывода на новые земли избыточного населения, в заинтересованности господствующего слоя в военной добыче, а также в наличии чисто идеологических стимулов к войне в раннеклассовом обществе мочика. То, что в первое время после завоевания новые территории управлялись из центра в Моче весьма вероятно, хотя не исключает возможности их обособления в дальнейшем.

На протяжении периодов III—IV мочика рисовали на сосудах сражающихся воинов. Некоторые из этих росписей воспроизводят сцены битв с иноплеменниками, однако из более чем 30 известных автору статьи батальных изображений периода IV таковые составляют лишь четверть. В период V батальные росписи на сосудах из Моче и Чикамы исчезают, что объясняется скорее всего военными поражениями, в результате чего обращение к батальной тематике могло стать нежелательным. Батальные сцены встречаются, однако, на росписях периода V из долины Пакасмайо [56].

Можно ли считать сцены сражений на росписях изображениями реальных битв, современниками которых были вазописцы? Скорее всего, нет. Архаическое искусство имеет в своем репертуаре лишь такие сюжеты, которые связаны с мифологией и ритуалом, с основными мировоззренческими концепциями, с областью сакрального, а не мирского [57]. Конкретно в применении к мочика это демонстрирует К. Доннан [58]. Представляется вероятным, что на росписях изображены не обычные сражения, а какой-то их прототип или ритуальный эквивалент (конкретно о его характере судить пока трудно). Скорее всего и во время настоящих битв этот прототип имелся в виду, придавая сражению высший, религиозный смысл. Вновь и вновь повторяющиеся батальные и триумфальные сцены, многочисленные изображения предметов одежды и вооружения воинов, вероятно, свидетельствуют о подлинном культе войны в мочикском обществе, но не доказывают безусловно, что в эпоху создания подобных росписей между отдельными группами мочика развертывались значительные вооруженные конфликты.

В период мочика IV выявляются наметившиеся еще в период III расхождения между Моче—Чикамой, с одной стороны, и Сантой—Непеньей — с другой, в типах орнаментации парадной керамики и в наборе воспроизводимых на сосудах мифологических сцен. Так, только в южных долинах встречаются изображения божества маиса в виде человеческой фигуры, выступающей из сомкнутых кукурузных початков, изображения стоящего божества внутри арки, образованной телом двуглавой змеи, др.[59] Однако сосуды, типичные для Моче—Чикамы, в Санте — Непенье

[56] Долины Пакасмайо и Ламбайеке расположены севернее Чикамы. Мочика проникли туда только в период V, и их культура приобрела там значительное своеобразие (изменились погребальный обряд, строительная техника и пр.). Вопрос о том, было ли у мочика единое государство на позднем этапе развития, когда в зону распространения культуры входили долины от Ламбайеке до Моче, требует особого рассмотрения.

[57] См. Д. С. Раевский, Очерки идеологии скифо-сакских племен, М., 1977, стр. 10—12.

[58] Donnan, Moche art..., стр. 136.

[59] Proulx, Archaeological investigations..., табл. 5d. К. Доннан, исследовавший мочикские поселения в долине Санты, подчеркивает сходство местной керамики с сосудами из Моче — Чикамы, хотя сам же публикует такие образцы, которые, насколько нам известно, севернее Санты не встречаются (Donnan, Moche occupation..., табл. 4, f, g).

встречаются тоже, в то время как обратное явление (сосуды из южных долин — в северных) если и имеет место, то гораздо реже. Стенные росписи в Паньямарке также по сюжету и стилю близки хорошим образцам вазовой живописи из Моче—Чикамы. В целом распространение типов керамики и стилей росписей свидетельствует как о некотором обособлении южных долин, так и о том, что они находились в зависимости (по крайней мере культурной) от старых северных центров.

Все изображения бога-с-лучами происходят из Моче и Чикамы. Видимо, данный персонаж был не просто богом правящей династии, но, конкретно, божеством правителей этих двух долин. Отсутствие изображений бога-с-лучами в других долинах может объясняться как их независимостью от центральной области, так, впрочем, и тем, что здесь не умели украшать сосуды роскошными многофигурными композициями, на которых только и встречается этот персонаж [60].

Таким образом, исходя из имеющихся данных, невозможно с полной определенностью утверждать, что в периоды III—IV мочика были охвачены единым государством, хотя эта гипотеза довольно правдоподобна. Все свидетельства как будто сходятся на том, что в пределах мочикской территории долины Санта и Непенья занимали особое положение. Степень и форма этого обособления остаются неизвестными. Развернув обширные (в сравнении с размером метрополии) завоевания в период III, завершившиеся установлением достаточно прочного контроля над соседями, а иногда, по-видимому, вытеснением и истреблением прежних жителей захваченных долин, мочика, возможно, вступили на тот путь эволюции, который характерен для инков, а не для майя. Вскоре, однако, рост их государства прекратился, а затем завоеванные территории были снова утеряны. Вопрос, нельзя ли видеть одну из причин подобных неудач в непрочности мочикского объединения и в неумении создать аппарат эффективного управления обширными территориями, приходится пока оставить открытым, хотя основания для его постановки есть. Главное из них заключается в отсутствии на изображениях и, очевидно, в действительности знаков, недвусмысленно маркирующих фигуру царя. Сам факт появления военно-политических руководителей, стоящих выше правителей-жрецов, был, очевидно, осознан мочика, о чем свидетельствует утверждение в пантеоне бога-с-лучами. Ввиду того что до конца первой трети периода IV этот персонаж либо не был известен, либо занимал в системе верований маргинальное положение, само его возвышение скорее всего объясняется «социальным заказом», требованием отразить в мифологии новую политическую ситуацию. Однако те же росписи, которые указывают на возвышение бога-с-лучами (и косвенно — на возвышение нового главы политической иерархии), говорят и о незавершенности этого процесса. Костюм, атрибуты, размеры фигуры божества не выделяют его качественно среди других персонажей, равно как и в сценах без участия мифологических существ фигура предполагаемого царя также четко не выделена. Поэтому можно полагать, что если правители Моче и главенствовали над всей мочикской территорией, они не вполне учитывали отличия нового политического образования от прежних.

Рассмотрев вопрос о наличии крупного государства у мочика, обратимся теперь к низшим ступеням их общественной иерархии. Здесь нас ждет больше трудностей, чем при изучении привилегированных общественных

[60] К. Доннан предлагает реконструкцию несохранившейся части стенной росписи из Паньямарки с изображением церемонии передачи кубка (D o n n a n, Moche art..., рис. 109), где он помещает фигуру бога-с-лучами. Но с не меньшим основанием можно предполагать, что на этом месте находится Аи-Апек. Верно отмечая принципиальное сходство этой росписи из Паньямарки с изображениями из Моче и Чикамы, Доннан недостаточно обращает внимание на ее отличия от последних.

групп, поскольку представители низших слоев (особенно те, кто не был связан с выполнением культовых функций) специальным объектом изображений являлись редко и на росписях появляются, лишь сопровождая других персонажей. В мире божеств непривилегированные группы находят менее четкие аналогии, нежели знать. Надо полагать, что по мере накопления нового материала именно эта часть нашей реконструкции потребует наибольшей корректировки.

Персонажи группы баклана. Мифологические персонажи этой группы, во-первых, как правило, не участвуют в массовых церемониях (иногда участвуют баклан и ящерица); во-вторых, действуют в роли слуг, несущих носилки (мышь, ящерица), слуг-гребцов (бакланы), музыкантов, бьющих в тамбурин (баклан, морской лев); в-третьих, изредка изображаются в качестве воинов с оружием в руках, но их фигуры в этом случае меньше фигур прочих божеств (баклан, ящерица, мышь); в-четвертых, прислуживают во время жертвоприношений (стервятники-урубу), но сами пленников не убивают и с церемониальным ножом в руках не изображаются. Одеты персонажи, равно как и люди, занятые в аналогичных действиях, так же, как и представители группы ли́са, однако бедная одежда (набедренная повязка, простая лента, охватывающая голову), которая встречается на персонажах группы ли́са лишь в сценах рыбной ловли, здесь же, напротив, типична (особенно характерна для морского льва). На стервятниках-урубу всегда надеты специфические подпоясанные балахоны.

Неучастие тех или иных персонажей в массовых церемониях можно рассматривать как знак того, что люди, чей социальный статус соответствовал статусу этих божеств, не были полноправными членами общины. Скорее всего речь идет о слугах, челяди. Положение носильщиков, гребцов, музыкантов вполне тому соответствует. Напрашивается аналогия с такой категорией населения в государстве инков, как *янакуна*. *Янакуна* не составляли однородный социальный слой, положение и происхождение их было различно (с чем связаны противоречивые оценки этого положения в трудах хронистов и у современных исследователей), но всех их объединял разрыв связей с общинами [61]. *Янакуна* — часть населения, не принадлежащая общине и потому неполноправная. Положение персонажей группы баклана у мочика дает достаточно оснований для подобного сопоставления: так, они редко участвуют в церемониях, используются как разного рода слуги, у них бедный костюм.

Не исключено также, что с персонажами этой группы, особенно с теми, кто изображался иногда в качестве воинов и участников церемоний, может быть сопоставлена и какая-то часть общинников. Как указывалось, в ритуалах, проходящих с участием людей, а не божеств, наряду со знатными воинами, стоящими на переднем плане, также бывают показаны и маленькие фигурки в бедной одежде, в которых можно видеть представителей рядового населения.

Группа баклана не обладает внутренним единством. Главное, что связывает ее персонажей,— это непринадлежность к другим группам и низкое иерархическое положение. Такая ситуация объяснима, если предположить, что входящим в эту группу мифологическим персонажам соответствуют аморфные «низы» общества.

Бог-обезьяна. Бог-обезьяна не изображается вместе с другими божествами и не встречается в большинстве сцен тех категорий, в которых показаны прочие персонажи. Наиболее характерные для него ситуации: *1*) сидит, обнимая руками большой кувшин (очевидно, с опьяняющим напитком), *2*) употребляет наркотик-коку. Мешочки с листьями коки но-

[61] Самаркина, ук. соч., стр. 50—53.

сят и персонажи группы ли́са, а тыквенные сосудики с наркотиком — «божество А» и «божество Б», но сам процесс употребления наркотика показан лишь на примере обезьяны. Бог-обезьяна одет в длинную рубашку или плащ, головного убора чаще всего нет, и в периоды IV (по-видимому, со второй его половины) — V на голове иногда повязка, как на портретных сосудах классического типа.

Изображение бога-обезьяны, употребляющего наркотик [62], в том, что касается позы, прически и одежды, соответствует изображениям людей периодов III — начала IV (запечатленных либо с сосудами для коки, либо в некоторых других ситуациях — например, с маленьким ягуаром на руках), которые можно рассматривать как связанные с культом. Во всех этих случаях на голове у людей либо особая повязка с «ушками» по бокам, либо убор отсутствует вовсе. К середине периода IV ряд головных уборов и причесок, характерных для предшествующего времени, равно как и сюжетов, в которых были в прошлом заняты персонажи, одетые подобным образом, исчезает.

В представителях данной общественной группы можно видеть шаманов, заклинателей. В пользу этого свидетельствуют и ее изолированность, и довольно неопределенный социальный статус, и употребление наркотиков, повсеместно используемых южноамериканскими индейцами в качестве средства для приведения человека в экстатическое состояние, и, наконец, то, что изменения в ее положении (видимо, падение общественного престижа, поведшее к исчезновению соответствующих изобразительных сюжетов) приходятся на начало перида IV, т. е. на время, с которым связаны принципиальные изменения в социальной структуре.

Бог-сова. Появление на изображениях персонажей в костюмах, характерных для бога-совы, синхронно исчезновению тех персонажей, которые сопоставимы с богом-обезьяной, и приходится на начало периода IV. Те изображения, где бог-сова показан в качестве военачальника или иного лица высокого ранга, уже были рассмотрены ранее, и теперь мы обращаемся к совершенно иной серии памятников мочикского искусства. Речь идет об изображениях, где данное божество одето в длинную рубашку и платок, туго, без складок охватывающий голову, оставляя открытым только лицо [63]. В ряде росписей соответствующим образом одетая сова находится вблизи Аи-Апека, который руководит церемонией [64]. В руках у нее бич. Размером фигура уступает всем окружающим. В сценах с участием людей подобным же образом одетый персонаж находится близ святилища, возможно, в подсобном помещении храма, где хранятся в одном случае сосуды, в другом — ритуальные предметы [65]. К. Доннан публикует изобилующее деталями изображение совы-женщины, очевидно, выступающей в роли знахарки, шаманки [66]. Таким образом, есть основания видеть в представителях данной группы лиц, выполняющих какие-то культовые действия как во время массовых церемоний, так и, возможно, приватно. По-видимому, речь может идти как о низшем жречестве, так и о знахарях, шаманах. В последнем качестве функции бога-совы в период IV сближаются с функциями бога-обезьяны в период III.

[62] M. Schmidt, Kunst und Kultur von Peru, B., 1929, стр. 169, рис. 2.

[63] Две серии изображений бога-совы резко различаются в отношении костюма и исполняемых персонажем действий. Возможно, имеются разные виды обитавших на северном побережье сов, которые на немифологических изображениях различаются (D. Lavallée, Les représentations animales dans la céramique Mochica, MIE, IV, 1970, рис. 33). Кроме того, на некоторых изображениях, где бог-сова показан не в качестве знатного лица, это, вероятно, женщина, тогда как сова-воин, очевидно, всегда мужчина.

[64] Kutscher, Das Federball-Spiel..., рис. 3; он же, Chimu, рис. 2.

[65] Он же, Das Federball-Spiel..., рис. 1, 2.

[66] Donnan, Moche art..., рис. 80.

Есть, однако, основания видеть в представителях данной группы исполнителей не только ритуальных, но и организационно-хозяйственных функций. По крайней мере две росписи свидетельствуют об этом. Первая — упоминавшаяся сцена приема «дани», где в платке, туго охватывающем голову, изображены как маленькие фигурки с бичами в руках (ср. бич в руке совы), гонящие перед собой «стадо» сосудов, так и одно из лиц, принимающих «дань». Этот последний персонаж находится в доме, где кроме него присутствуют еще два человека, одетые примерно так же, как правитель, сидящий в здании на вершине пирамиды (на голове шлемы), но скромнее; фигура человека в платке — самая маленькая среди присутствующих и обращена в сторону, противоположную той, куда смотрят остальные. Вторая сцена — изображение работ в ткацкой мастерской, где заняты в общей сложности 14 человек (из них 8 ткачих), причем руководят ими люди, чьи головы укутаны платками [67]. Подобное высокоорганизованное производство в отрасли, обычно дольше других сохраняющей характер домашнего ремесла, почти наверняка являлось храмовым. Возможно, что ткачихи напоминали инкских *аклья-куна* — девушек, набиравшихся среди дочерей как знати, так и простых общинников и живших изолированно в «монастырях» (по терминологии хронистов). *Аклья-куна* считались женами солнца. Некоторые из них становились женами и наложницами инки и других знатных персон, но большая часть до старости оставалась в «монастырях», где в основном занималась ткачеством. Известно, что институт *аклья-куна* существовал на северном побережье до инков [68], откуда они его скорее всего и заимствовали.

Имеется также ряд менее развернутых изображений, сюжетно близких сцене приема «дани» [69]. На них представлены сидящие люди, перед которыми разложены сосуды с продуктами (на одной росписи, например, большая рыба) или куски материи. В некоторых случаях на одном из присутствующих (принимающем подношения представителе храма?) платок описанного типа.

У людей в платках на голове значительно чаще, чем у других, встречаются уродства на лице и теле, по-видимому, результат тропических болезней (лейшманиоз, верруга). Э. Бенсон, основываясь на работах ряда исследователей, выявила сакральную связь лейшманиоза с плодородием картофеля, до сих пор сохраняющуюся в представлениях индейцев некоторых районов Перу, и предположила, что группу жрецов пополняли люди либо естественным образом «отмеченные», либо с намеренно нанесенными телесными повреждениями, имитирующими сакральное уродство [70]. Эта гипотеза подтверждается тем, что сами антропоморфизированные мочикские духи растений, прежде всего картофеля, на изображениях почти всегда показаны в платках, туго облегающих голову, нередко с изуродованным лицом.

Отдельные изображения людей данной группы, равно как и соответствующие им отдельные изображения бога-совы с платком на голове, встречаются довольно часто, что свидетельствует о важном месте, которое занимала эта группа в структуре мочикского общества, ее иерархическое положение скорее всего было невысоким, если исходить, например, из относительных размеров фигур данных персонажей в сценах, где одновременно показаны представители группы лиса. Отсутствие представителей

[67] Benson, Death-associated figures..., рис. 28.

[68] A. de la Calancha, Corónica moralizada del orden de San Agustín en el Perú, con sucesos ejemplares en esta monarquía, Barcelona, 1638, кн. III, гл. II, стр. 555.

[69] Benson, Death-associated figures..., рис. 26, 27; A. L. Kroeber, The Uhle pottery collections from Moche, UCPAAE, v. 21, № 5, 1925, табл. 54 c; Strong, Evans, ук. соч., табл. XXVII f.

[70] Benson, Death-associated figures..., стр. 114.

группы совы среди рядовых участников церемоний и воинов объединяет их с персонажами группы баклана — людьми, вероятно, стоящими вне общины. Все это заставляет вспомнить различные категории теоретически неполноправных (стоящих вне общины) лиц, связанных с управлением и обслуживанием храмовых хозяйств в древней Месопотамии [71].

Таким образом, используя данные мифологии, мы выявили следующие группы в обществе мочика, существование которых получило более или менее явное отражение в иерархии божеств:

бог-с-лучами	Аи-Апек	сова	персонажи группы лиса	персонажи группы баклана	обезьяна	сова
крупные правители (с функциями военно-политического руководства)	локальные правители — жрецы	военачальники	знатные воины, родовая аристократия (в идеале все члены общины)	в основном, вероятно, неполноправное население, стоящее вне общины	шаманы	шаманы, знахари, низшее жречество (исполнители культовых и административно-хозяйственных функций)

С появлением новых доступных изучению росписей в данную схему, возможно, придется внести какие-то поправки, однако заведомо ясно, что на ряд важных вопросов иконографические материалы ответить вообще не могут. Насколько же резкой была граница между аристократией и рядовыми общинниками, в частности, в какой мере проявились различия в благосостоянии? Шла ли имущественная и социальная дифференциация равномерно в каждой общине или произошло выделение отдельных привилегированных кланов? Что представляли собой и насколько велики были храмовые хозяйства, существование которых как будто вытекает из анализа изображений? Сформулированные вопросы принадлежат к числу тех, материалы для решения которых могут быть получены при крупномасштабных археологических раскопках.

Одной из загадок мочикской, равно как и других доинкских цивилизаций, является отсутствие письменности. Ведение в крупных, прежде всего храмовых хозяйствах документов учета представляется не случайной особенностью древневосточных обществ, а наиболее показательным вторичным признаком цивилизации вообще. В частности, у инков учет велся с помощью «узелкового письма», *кипу*, которое хотя и не являлось «письмом» в прямом смысле слова, однако хорошо было приспособлено для фиксирования разного рода числовой информации. У мочика (и еще более несомненно в ту же эпоху у насельников южного побережья) существовала какая-то знаковая система [72], но была ли он пригодна для ведения хозяйственного учета, неизвестно. Можно надеяться, что новые археологические данные прояснят и этот вопрос.

[71] Дьяконов, ОГСДД, стр. 104—105; С. Л. Утченко, И. М. Дьяконов, Социальная стратификация древнего общества, XIII МКИН, М., 1970, отд. отт., стр. 13—15.

[72] Имеются в виду сцены интерпретации божествами мочика знаков на бобах фасоли, а также изображения бобов со знаками (более 200 вариантов) на погребальных мантиях, найденных на южном побережье п-ова Паракас. Значение указанных знаков в настоящем является предметом дискуссии. См. D. E. Ibarra Grasso, La escritura precolombina de los antiguos Mochicas sobre pallares o porotos, ZfE, Bd. 95, Ht. 1, стр. 98—103; V. de la Jara, Vers le déchiffrement des écritures anciennes du Pérou, «La nature», № 3387, 1967, стр. 241—247; она же, La découvert de l'écriture péruvienne, «Archeologia», № 62, 1973, стр. 9—15; Larco Hoyle, A cultural sequence..., стр. 175; A. Vivante, La escritura de los mochicas sobre porotos, RGA, v. 15, № 92, 1941, стр. 294—310.

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE MOCHICA THROUGH THE PRISM OF MYTHOLOGY
(ancient Peru)

Yu. Ye. Berezkin

The iconographic material of the moche civilisation on the northern coast of Peru (1st to 7th centuries A. D.) provides varied information about the culture of an ancient people, in particular it portrays a mythological epos. One peculiarity of the moche mythology is the precise social characterisation of its personages. The social structure of the world of divinities reflects that of real society, at least as the members of society, conceived it. Among the mythological persons the author distinguishes those who correspond to real social groups. Most of the zoomorphic divinities are of the fox group and correspond to the warrior nobility, the clan aristocracy. This aristocracy apparently embraced all members of the community, that is, all who enjoyed full community rights. The anthropomorphic god Ai-Apec corresponds to the local ruler-priests, the cormorant; the sea lion and several other types correspond to servants (persons who did not have full rights and were perhaps not part of the community); the owl corresponds, in some situations, to the lower priesthood, who performed cult and administrative functions, while in other cases the owl is a military chief, perhaps also a master of ceremonies. At the middle stage of moche evolution (period IV) the so-called god-with-rays is introduced into the pantheon, standing higher in rank than Ai-Apec and apparently corresponding to a great ruler whose functions are primarily not priestly but military and political. The appearance of this god in the pantheon probably marks the creation of a new rank in the social hierarchy. It is contemporaneous with other important changes in moche culture, reflecting a formative process. The author discusses the question as to the existence of a unified state at the high point of this ancient civilisation.

ПУБЛИКАЦИИ

С. И. Ходжаш

ЦАРСКИЕ СКАРАБЕИ, СКАРАБЕОИДЫ И ПЕЧАТИ I ТЫС. до н. э. ИЗ СОБРАНИЙ ГМИИ им. А. С. ПУШКИНА И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА[1]

В собраниях ГМИИ им. А. С. Пушкина и Государственного Эрмитажа имеются коллекции скарабеев, скарабеоидов и печатей многих фараонов, правивших Египтом в I тыс. до н. э. Некоторые из этих памятников представляют большой интерес как с исторической, так и с художественной точки зрения.

Выделение скарабеев, принадлежащих конкретным царям, сопряжено с рядом трудностей. Прежде всего в позднее время печати с именами наиболее популярных фараонов использовались как амулеты, и по этой причине они могли быть изготовлены спустя много лет после смерти фараона, имя которого на себе содержали. Далее, одно и то же имя могли носить как фараон, так и частные лица, и, наконец, в I тыс. несколько фараонов носили одинаковые имена.

В данной статье публикуются лишь царские скарабеи, изготовленные при жизни правящего фараона. Критерием для определения таковых служит форма жука, наличие в надписи второго имени царя или полной его титулатуры, палеографические особенности надписи, сходство с тождественными памятниками, найденными в точно датированных археологических слоях. В тех случаях, когда скарабей мог быть изготовлен при жизни двух или нескольких фараонов, в примечаниях оговариваются все возможные варианты.

---

[1] Начало публикации скарабеев из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина и Гос. Эрмитажа см. С. И. Ходжаш, Египетские скарабеи Позднего Среднего царства из ГМИИ им. А. С. Пушкина и Государственного Эрмитажа, ВДИ, 1973, № 3, стр. 56—79; С. И. Ходжаш, Царские скарабеи, скарабеоиды и печати эпохи Нового царства из ГМИИ им. А. С. Пушкина и Государственного Эрмитажа, ВДИ, 1976, № 2, стр. 85—113. Пользуясь возможностью, приношу большую благодарность моим коллегам — сотрудникам Государственного Эрмитажа И. А. Лапис и Н. Б. Ланда, оказавшим большое содействие в работе над Эрмитажным собранием, а также доктору исторических наук О. Д. Берлеву за ценные указания по данной работе. Определение материала памятников проведено проф. М. Д. Дорфманом. Энтомологические определения сделаны проф. В. Д. Панфиловым. Графические таблицы выполнены художницей Н. Е. Семпер, фотографические таблицы — фотографом ГМИИ им. А. С. Пушкина Э. В. Большаковой.

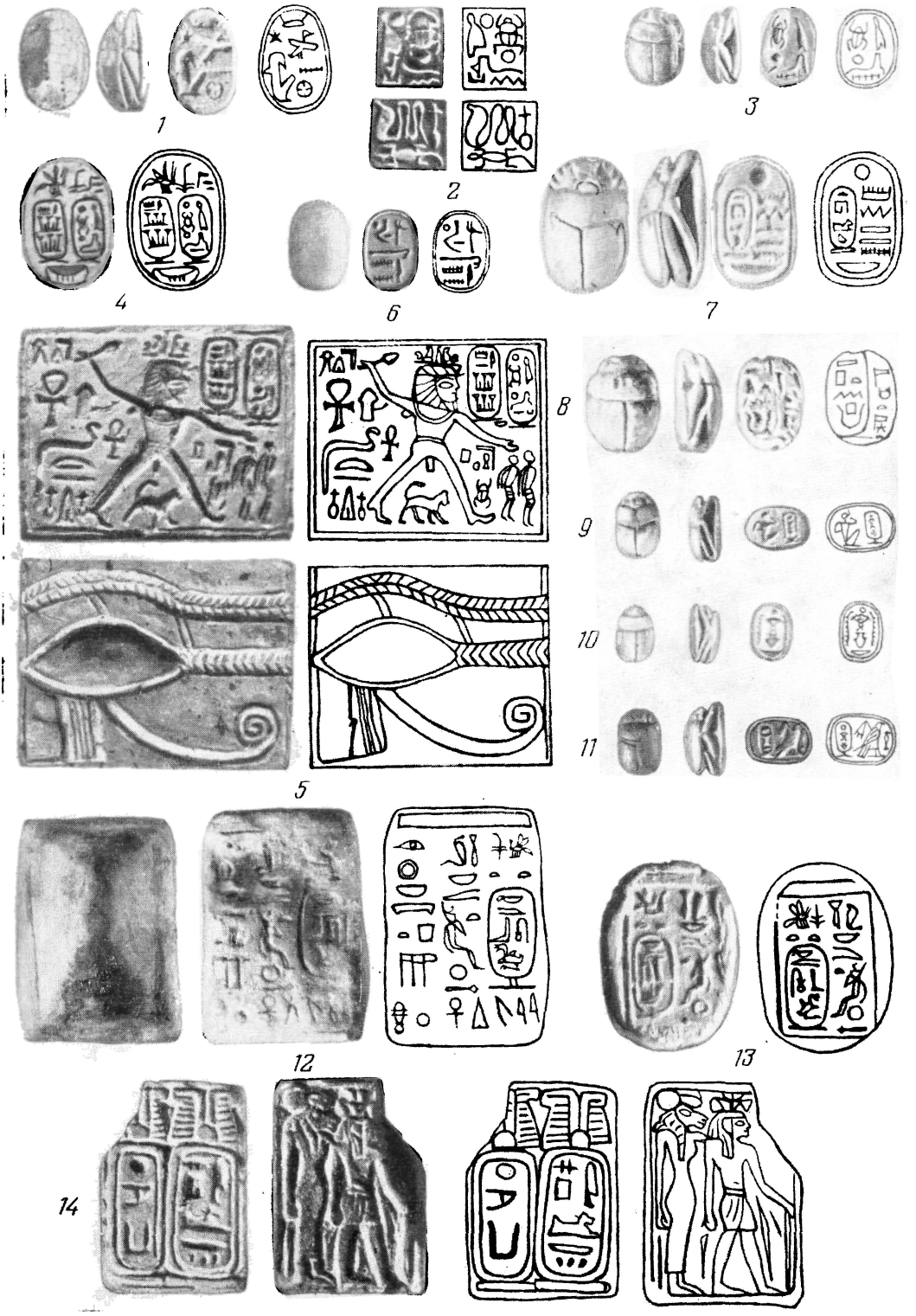


Рис. 1. Царские скарабеи, скарабеоиды и печати I тыс. до н. э. ГМИИ им. А. С. Пушкина и Государственного Эрмитажа

XXI ДИНАСТИЯ

ПСУСЕНЕС I [2]

1. Скарабей ГМИИ, № 2377, по инвентарю Голенищева № 227, стеатит светло-коричневый с зеленой глазурью, размер 1,7 × 1,2 × 0,8 см. Головка скарабея с наличником в зазубринках надкрылья обозначены одной процарапанной линией, ножки показаны рельефом, на основании надпись: pꜣ-śbꜣ-ḫʿ-n-njwt [3].

XXII ДИНАСТИЯ

ШЕШОНК I [4]

2. Табличка прямоугольная, ГМИИ, № 7747, куплена у В. П. Алетникова в 1958 г., яшма серо-зеленая, размер 4 × 1,2 × 0,5 см. На одной стороне таблички изображена змея, ящерица и знак nfr, на другой — имя фараона Шешонка I — ḥḏ-ḫpr-n-rʿ śtp-n-rʿ [5].

3. Скарабей ГМИИ, № 2374, по инвентарю Голенищева № 262, стеатит светло-желтый, размер 1,3 × 1 × 0,6 см. Головка скарабея с гладким наличником выполнена рельефом, передняя спинка и надкрылья обозначены одной процарапанной линией, ножки показаны скульптурно, между ножками сквозное отверстие. На основании надпись: ḥḏ-ḫpr-n-rʿ śtp-n-rʿ.

В отличие от таблички ГМИИ, № 7747, на данном скарабее второе rʿ не выписано. Как можно судить по другим скарабеям Шешонка I, подобное написание допускалось [6].

4. Скарабей Эрмитаж, № 6030 [7], происхождение неизвестно, стеатит светло-коричневый, размер 2,3 × 1,8 × 1,2 см. Головка скарабея с наличником в зазубринках выполнена рельефом, передняя спинка и надкрылья обозначены двумя параллельными процарапанными линиями, над надкрыльями маленькие треугольнички, ножки показаны рельефом. На основании надпись: nb tꜣwj njśwt bjt (ḥḏ-ḫpr-rʿ śtp-n-rʿ)| (šš⟨nḳ⟩⟨mrj⟩-jmn)| «Владыка обеих земель, царь Верхнего и Нижнего Египта (ḥḏ-ḫpr-rʿ stp-n-rʿ)| (šš⟨nḳ⟩⟨mrj⟩-jmn)|».

По форме и написанию иероглифов скарабей Эрмитаж, № 6030 типичен для скарабеев Шешонка I. Аналогичные экземпляры опубликованы Питри [8] и Матуком [9].

5. Табличка прямоугольная, ГМИИ, № 3656, по инвентарю Голенищева № 970, фаянс светло-желтый, размер 4,7 × 3,5 × 0,7 см. На одной стороне изображена сцена триумфа фараона над врагами. Фараон одет в короткую набедренную повязку, на голове у него клафт с уреем и корона *атеф*. В правой поднятой руке он держит палицу, левую заносит над

---

[2] H. Gauthier, Le livre des rois d'Égypte, III, P., 1913, стр. 189—191.

[3] Кроме Псусенеса I это имя носил фараон Псусенес II. См. Gauthier, Le livre..., III, стр. 299. Имя фараона Псусенеса II — ḥr-pꜣ-śb-ḫʿ-nʿ-njwt — писали как со знаком «сокол», так и без него, т. е. так же как имя фараона Псусенеса I. Известно, что кроме царей это же имя носил верховный жрец Амона из рода Херихора, живший во время XXI династии (см. Gauthier, Le livre..., III, стр. 272, 279).

[4] Там же, III, стр. 306 сл.

[5] То же имя носили один из царей XXI династии Смендес (Несубанебджед) (Gauthier, Le livre..., III, стр. 287 сл.) и царь XXII династии Такелот II (H. Gauthier, Le livre des rois d'Égypte, II, P., 1910, стр. 352—354).

[6] F. Matouk, Corpus du scarabée égyptien, Beirut, 1971, № 783.

[7] W. Golénischeff, Ermitage imperial. Inventaire de la collection égyptienn, СПб., 1891, № 1348.

[8] W. M. Fl. Petrie, Historical scarabs, L., 1889, № 1767—1769.

[9] Matouk, Corpus..., № 783.

плененными врагами. Фигура фараона вдвое выше врагов, рядом с ним — лев. Это роднит данную сцену с изображениями Рамсеса II, показываемого обычно в сопровождении льва. Вероятно, композиция на табличке восходит к сцене триумфа фараона Шешонка на портале Карнакского храма, где были высечены анналы, повествующие о ратных подвигах царя [10]. На табличке перед фараоном изображены два картуша с именами Шешонка, помещенными на знаке «золото». Поле таблички позади фигуры фараона заполнено иероглифами. Своеобразие выгравированной на табличке композиции в том, что изображение и надпись едины, а фигура фараона составляет часть текста. Надпись и сопровождающие ее картуши отличаются от иероглифов «благопожелания» меньшими размерами. Чтение надписи следует начинать с правого нижнего угла, переходя в левую сторону таблички: (ḫftjw)[11] ḫpr(w) ḫr (ṯbwtj) [12] ḥm nṯr (ḥḏ-ḫpr-rʿ śtp-n-rʿ)| (šš⟨nḳ⟩⟨mrj⟩-jmn)| ʿnḫ(w) ḏt «Враги повержены под подошвы величества бога (ḥḏ-ḫpr-rʿ śtp-n-rʿ)| (šš⟨nḳ⟩⟨mrj⟩-jmn)|, да живет он вечно».

Расположенные в нижней части таблички иероглифы «благопожелания» могут быть прочитаны следующим образом: dj nṯr sꜣ dj jmn ʿnḫ nfr nfr «Да даст бог защиту, даст Амон [13] жизнь прекрасную, прекрасную». Око wḏꜣ, изображенное на обратной стороне таблички, является логическим завершением композиции лицевой стороны: согласно древнеегипетским религиозным представлениям око разило врагов бога солнца, по этой причине фараон уподобляет себя гневному оку Солнца, поражающему его врагов.

ШЕШОНК III [14]

6. Табличка овальная, ГМИИ, № 2468, по инвентарю Голенищева № 459, размер 1,4 × 1 × 0,6 см. На основании надпись: wśr-mꜣʿt-rʿ[15] śtp-n-jmn.

XXV ДИНАСТИЯ

ТАХАРКА [16]

7. Скарабей ГМИИ, № 2179, по инвентарю Голенищева № 230, фаянс светло-зеленый, размер 2,3 × 1,6 × 1,1 см. Головка скарабея с гладким наличником выполнена рельефом, передняя спинка и надкрылья обозначены одной процарапанной линией, над надкрыльями маленькие треугольнички, ножки показаны скульптурно, между ножками сквозное отверстие. На основании надпись: mn tꜣ n (thrḳ)| «Да будет прочна (устойчива) земля Египта для (thrḳ)|» [17]

---

[10] М. Э. Матье, Искусство древнего Египта, М., 1961, стр. 482.

[11] В данном случае изображение схваченных фараоном врагов передает иероглифы ḫftjw «враги».

[12] Ноги фараона обозначают иероглифы ṯbwtj — «подошвы».

[13] Знак «обелиск» в данном случае обозначает имя бога Амона — jmn. Изображенная на обелиске вытянутая вперед рука символизирует покровительство бога фараону.

[14] Gauthier, Le livre..., III, стр. 369—370.

[15] Имя wśr-mꜣʿt-rʿ носил также фараон XX династии Рамсес III и целый ряд царей XXII — XXIII династий. Однако в имени Рамсеса III элемент mꜣʿt передавался иероглифом, изображавшим богиню правды, а в период XXII — XXIII династий вместо сидящей богини изображали знак «перо истины» или «серп». Список царей I тыс. до н. э., носящих имя wśr-mꜣʿt-rʿ śtp-n-jmn, имеется в указателе Gauthier, Le livre..., III, стр. 430 сл.

[16] H. Gauthier, Le livre des rois d'Égypte, IV, Le Caire, 1915, стр. 23—40.

[17] Изображенный над надписью солнечный диск, а также знак «владычество», помещенный внизу, не входят в текст.

ШЕПЕНУПЕТ [18]

8. Скарабей ГМИИ, № 4064, по инвентарю Голенищева № 258, стеатит светло-коричневый, размер 1,7 × 1,3 × 0,8 см. Головка скарабея с гладким наличником выполнена рельефом, передняя спинка и надкрылья обозначены одной процарапанной линией, ножки показаны рельефом. На основании надпись: ḥmt nṯr dwꜣt nṯr (šp-n-wpt)| «Жена бога, почитательница бога (šp-n-wpt)|». Аналогичный скарабей с именем Шепенупет имеется в Британском Музее [19].

XXVI ДИНАСТИЯ

ПСАМТИХ I [20]

9. Скарабей ГМИИ, № 7788, дар делегации деятелей культуры Арабской Республики Египет в 1958 г., фаянс светло-голубой, размер 1,3 × 1 × × 0,5 см. Головка скарабея с наличником в зазубринках выполнена рельефом, передняя спинка и надкрылья обозначены одной процарапанной линией, над надкрыльями маленькие треугольнички, ножки показаны рельефно. На основании начертан картуш с именем (wꜣḥ-jb-rʿ)|, перед которым изображен фараон в короне с уреем.

10. Скарабей ГМИИ, № 2287, по инвентарю Голенищева № 440, стеатит светло-коричневый, размер 1,1 × 0,8 × 0,5 см. Головка скарабея с гладким наличником выполнена рельефом, передняя спинка и надкрылья обозначены одной процарапанной линией, над надкрыльями маленькие треугольнички, ножки показаны рельефно. На основании надпись: wꜣḥ-jb-rʿ между двумя иероглифами, означающими «год». Хотя имя wꜣḥ-jb-rʿ носили несколько фараонов, по стилю начертания иероглифов скарабей ГМИИ, № 2287 можно датировать предположительно XXVI династией.

11. Скарабей ГМИИ, № 7552, из собрания А. В. Живаго, фаянс темнозеленый, размер 1,2 × 1 × 0,5 см. Головка скарабея с гладким наличником выполнена рельефом, передняя спинка и надкрылья обозначены одной процарапанной линией, ножки показаны рельефно. На основании надпись: ḥsj ḥr (wꜣḥ-jb-rʿ)| «Да похвалит Хор (wꜣḥ-jb-rʿ)|».

XXVII ДИНАСТИЯ

КАМБИЗ [21]

12. Печать ГМИИ, № 4431, по инвентарю Голенищева № 992, глинистый мергель, размер 4,1 × 3 × 2,9 см. Печать имеет форму трапеции с навершием в виде пирамиды. На основании печати надпись: njswt [22] bjt

---

[18] Имя šp-n-wpt носили три царицы Третьего Переходного периода (см. Gauthier, Le livre..., III, стр. 386, 388 сл.; IV, стр. 25—28, 82—85). Поскольку в написании имени первой из них, жены царя Осоркона III, картуш не зафиксирован, рассматриваемый скарабей мог принадлежать либо Шепенупет, дочери царя Осоркона III, либо Шепенупет — дочери Псамтиха I.

[19] M. Hall, Catalogue of Egyptian Scarabs, ets., in the British Museum, L., 1913, № 2503.

[20] Имя wꜣḥ-jb-rʿ носили два фараона XXVI династии: Псамтих I — как тронное (см. Gauthier, Le livre..., IV, стр. 67—81) и Априй — как личное (там же, стр. 12), а также ряд царей Третьего Переходного периода.

[21] Gauthier, Le livre..., IV, стр. 136—139.

[22] Знак «небо» над титулатурой Камбиза не случаен: он показывает, что Камбиз как царь Египта отождествляется с солнцем.

(km-bwʾ-tʾ)| [23] mrjj wʾdt [24] nb jmt [25] ʿʾt [26] jrt rʿ [27] nb pt nb ntrw dj ʿnḫ mj rʿ «Царь Верхнего и Нижнего Египта Камбиз, возлюбленный (богиней) wʾdt, владычицей (города) jmt, великой, Оком Солнца, владычицей неба, госпожой богов, которому дана жизнь, подобно Солнцу».

13. Оттиск печати ГМИИ, № 4006, по инвентарю Голенищева № 993, глина красноватая, размер 3,4× 2,8 × 1 см. На оттиске печати имеется титулатура и имя Камбиза, заключенные в картуш. На карточке с фотографией оттиска печати Голенищев написал, что № 993 является оттиском печати № 992. Однако сравнение обоих памятников не подтверждает этого предположения. На оттиске иероглифы на миллиметр меньше, чем на печати, и несколько отличаются начертанием. Кроме того, на оттиске отсутствуют знаки, расположенные внизу печати, и знаки последнего вертикального столбца. С тыльной стороны оттиска печати в глине имеются остатки веревки, более двух тысяч лет назад перевязывавшей какой-то папирус с текстом письма или юридического документа.

АСПЕЛЬТ III [28]

14. Табличка прямоугольная, ГМИИ, № 2470, по инвентарю Голенищева № 964, песчаник серый, размер 3,7 × 2,7 × 0,8 см. Верхний угол отколот. На одной стороне таблички изображение бога Нефертума с цвет-

СПИСОК ЛИЧНЫХ ИМЕН НА СКАРАБЕЯХ И ПЕЧАТЯХ ФАРАОНОВ I ТЫС. ДО Н. Э. ИЗ ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Личное имя	№ статьи	№ по инвентарю Музея	Происхождение
jsprt	14	ГМИИ 2470	ИГ 964
wʾḥ-jb-rʿ	9	ГМИИ 7788	АРЕ
wʾḥ-jb-rʿ	10	ГМИИ 2287	ИГ 440
wʾḥ-jb-rʿ	11	ГМИИ 7552	Живаго
wśr-mʾʿt-rʿ śtp-n-jmn	6	ГМИИ 2468	ИГ 459
pʾ-śbʾ-ḫʿ-n-njwt	1	ГМИИ 2377	ИГ 227
mrj-kʾ-rʿ	14	ГМИИ 2470	ИГ 964
ḥd-ḫpr-rʿ śtp-n-rʿ	2	ГМИИ 7747	Алетникова
ḥd-ḫpr-rʿ śtp-n-rʿ	3	ГМИИ 2374	ИГ 262
ḥd-ḫpr-rʿ śtp-n-rʿ	4	Э 6030	GJ 1343
ḥd-ḫpr-rʿ śtp-n-rʿ	5	ГМИИ 3656	ИГ 970
šp-n-wpt	8	ГМИИ 4064	ИГ 258
šš < nḳ > < mrj > -jmn	4	Э 6030	GJ 1343
šš < nḳ > mrj-jmn	5	ГМИИ 3656	ИГ 970
km-bwʾ-tʾ	12	ГМИИ 4431	ИГ 992
km-bwʾ-tʾ	13	ГМИИ 4006	ИГ 993
thrḳ	7	ГМИИ 2179	ИГ 230
Имена богов			
wʾdt	12	ГМИИ 4431	ИГ 992
wʾdt	13	ГМИИ 4006	ИГ 993
ḥr	11	ГМИИ 7552	Живаго
Географические названия			
jmt	12	ГМИИ 4431	ИГ 992
jmt	13	ГМИИ 4006	ИГ 993

[23] G. Posener, La première domination perse en Egypte, Le Caire, 1936, стр. 100, 164—175.

[24] K. Bonnet, Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte, B., 1952, стр. 681; Ch. Coche, Une novelle statue de la déesse léontocéphale ouadjit wp tʾwy, RdE, 22, P., 1970, стр. 51—62; L. Habachi, Edjo Mistress of Nebt (Bilifya, near to Ihnâsya El-Medineh), ÄZ, Bd. 90, стр. 41—49.

[25] P. Montet, Géographie de l'Egypte anciénne, P., 1957, стр. 173.

[26] «Великая» — эпитет богинь-львиц, Очей Солнца.

[27] Так как богини-львицы, Очи Солнца олицетворяют реальный солнечный диск, они именуются также «владычицами неба» и «госпожами богов».

[28] Gauthier, Le livre..., IV, 136—139.

ком лотоса на голове и с жезлом в руке. Рядом с Нефертумом стоит богиня Сохмет с солнечным диском на голове и знаком «жизнь» в руке. На другой стороне таблички два картуша: (mrj-kꜣ-rʿ)| (jsprt)| [29].

Опубликованные в данной статье царские скарабеи, скарабеоиды и печати очень важны для изучения древнеегипетской истории I тыс. до н. э.

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. *Э* — Государственный Эрмитаж; *ИГ* — инвентарь В. С. Голенищева; *Алетникова* — куплен у В. П. Алетникова в 1958 г. *Живаго* — коллекция А. В. Живаго, поступившая в ГМИИ в 1940 г. по завещанию; *APE* — дар делегации деятелей культуры Арабской Республики Египет в 1958 г. *G. J.* — W. Golénischeff, Ermitage imperial. Inventaire de la collection égyptienne, СПб., 1891.

ROYAL SCARABS, SCARABOIDS AND SEALS OF THE I MILLENNIUM B. C. IN THE PUSHKIN MUSEUM OF FINE ARTS AND THE HERMITAGE

S. I. Hodjash

The first two parts of this publication (scarabs of the late Middle and New kingdoms) appeared in *VDI* 1973, 3 and 1976, 2.

In the collections of the Pushkin Museum and the Hermitage there are scarabs, scaraboids and seals of many pharaohs who ruled in the I millennium B. C. Since in this later period seals inscribed with a pharaoh's name were used as amulets, scarabs were made bearing the names of pharaohs long since dead. In the I millennium several kings had the same name. In the present article the author publishes only royal scarabs made in the lifetime of the pharaohs whose names they bore. Criteria for authenticity of a scarab are the shape of the beetle, the presence of a second name or titulary, palaeographic features of the inscription, likeness to other objects of similar type found in archaeologically dated contexts. In cases where a scarab might have been made in the lifetime of two or several pharaohs all possible variants are taken into account in the footnotes. Some of the scarabs published here are of particular interest from both the historical and the artistic tandpoint.

---

[29] F. Hintze, Studien zur Meroitischen Chronologie und zu den Opfertafeln aus den Pyramiden vom Meroe, B., 1959, стр. 22—24.

Э. И. Соломоник

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ НАДПИСЕЙ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

1. В 1969 г. при доследовании 20-й куртины оборонительных стен Херсонеса (руководитель раскопок И. А. Антонова) было найдено несколько надгробных памятников, разбитых на части и вторично использованных в качестве простого строительного материала [1]. Среди них оказалась верхняя часть стелы из плотного желтоватого сарматского известняка с черными включениями (рис. 1). Размеры: высота 44,5 см, ширина 42,5—43 см, наибольшая толщина 15,6 см.

Стела слегка расширена книзу и украшена карнизом простого профиля. Ее поверхность хорошо обработана, но на лицевой стороне много мелких выбоин, а оборотная сильно оббита. От былой раскраски сохранились лишь следы красных «ов» под карнизом. Надпись хорошо размещена в две строки, глубоко вырезана по едва заметным линейкам и обведена красной краской. Высота букв — 2,6—3 см. По характеру шрифта ее можно датировать IV в. до н. э.[2]

'Αρτεμίδωρος
Ξανθία.

Перевод: Артемидор, сын Ксанфия.

Теофорное имя Артемидор неоднократно встречалось в Херсонесе. Наряду с многочисленными посвятительными граффити оно свидетельствует о культе Артемиды в Херсонесе начиная с эллинистического времени. Мужское имя Ξανθίας отмечается в этом центре впервые, но близкое ему Ξάνθος известно как в эллинистический, так и в римский период.

2. В кладке протейхизмы античного времени, на участке, расположенном против ворот в 16-й куртине (раскопки И. А. Антоновой), в 1970 г. был обнаружен обломок надгробного памятника необычной формы из желтоватого известняка. Оборотная сторона обработана грубо (рис. 2). Размеры: высота 38 см, ширина 31,5 см, толщина 16 см, высота площадки с надписью 11 см, высота гладкого карниза под площадкой 4 см.

Сохранилась правая половина двухстрочной надписи, глубоко вырезанной по линейкам. Высота букв 2—2,3 см, расстояние между строками 1,5 см. Буквы близко примыкают друг к другу и имеют на концах небольшие утолщения и апексы. В конце стк. 1 верхушки N и E повреж-

---

[1] См. Э. И. Соломоник, И. А. Антонова, Надгробия врачей из античного Херсонеса, ВДИ, 1974, № 1, стр. 94.

[2] Ср. Э. И. Соломоник, НЭПХ, 1973, № 137—142.

Рис. 2. Надгробие с греческой надписью. 1970 г.

дены, в начале стк. 2 видна вертикаль от П или N. По шрифту надпись можно отнести к концу IV — началу III в. до н. э.

[— — — — — —]α Θευγένειο[ς]
[— — — — —]ίου γυνά.

Перевод: Такая-то, дочь Теогена, жена такого-то.

Имя Теоген, засвидетельствованное в Херсонесе [3], впервые встречается здесь с Θευ- вместо Θεο-[4], однако аналогичное явление наблюдается в именах Νευμήνιος и Νεύπολις [5]. Отметим, что εο с редкой его заменой через ευ характерно в начале койнэ для мегарской группы дорийского

[3] IOSPE, I², 403, A, 10; 478; 699.

[4] Ср. херсонесскую амфорную ручку с клеймом, найденную в Истрии (V. Canarache, Importul amforelor stampilate la Istria, București, 1957, № 489).

[5] IOSPE, I², 403, B, 18; И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М.—Л., 1953, № 80. Вслед за П. О. Карышковским (ВДИ, 1954, № 1, стр. 71) мы полагаем, что это мужское имя, а не топоним. Ср. клеймо на херсонесской амфорной ручке: НЭ, XI, 1974, стр. 124.

диалекта [6]. Родительный падеж на -εος или -ειος также характерен для дорийского диалекта [7].

3. Квадр, вынутый из башни XVII (Зенона) во время раскопок 1960—1961 гг. (руководитель С. Ф. Стржелецкий). Едва заметная надпись была обнаружена Е. Н. Жеребцовым. Лицевая сторона плиты из сарматского известняка хорошо обработана, остальные — грубо оббиты. Размеры: 53,5 × 53,5 см, толщина 22,5—24,5.

Как известно, эти раскопки дали большое количество стел и архитектурных деталей эллинистического времени, использованных при строительстве башни [8]. Судя по остаткам надписи, квадр был также изготовлен из надгробной стелы. Под верхним краем плиты видны остатки двухстрочной надписи, вырезанной по линейкам. Высота букв около 3,5 см. Поврежден конец первой строки, где сохранились остатки букв Ω, Р, и, возможно, А. Вторая строка почти полностью сбита; в начале этой строки видна часть Δ, а ближе к концу — Т и Р. Надпись, скорее всего, относится к IV в. до н. э.

Наиболее вероятно следующее восстановление текста.

Ματροδώρ[α или -ος]
Δ̣[αμα]τρ[ίου].

Матродор (-а) — одно из теофорных имен от Μάτηρ θεῶν — Матери богов Кибелы, культ которой засвидетельствован в Херсонесе не только находками изображений богини, но и целой группой посвятительных граффити на чернолаковых сосудах [9]. По образцу первого имени мы дополняем и второе в дорийской форме. Оба теофорных имени (второе — от Деметры) имели широкое распространение в Херсонесе и других античных центрах.

4. В 1970 г. при раскопках В. Н. Даниленко в портовой части Херсонеса, в восьмом слое помещения 36 Г, вместе с материалом IX—X вв. оказалась прямоугольная мраморная плитка с четырехстрочной надписью античного времени (рис. 3). Мрамор белый с блестками. Весь левый край и оба угла справа отбиты. Плитка была изготовлена из обломка мрамора со слегка выгнутой поверхностью и частью вырезанной окружности на обратной стороне (возможно, из края большого лутерия) [10]. Размеры: высота 7,7 см, ширина 10 см, толщина у верхнего и нижнего края 1 см, дальше — до 1,8 см.

Надпись вырезана без линеек, буквы разной высоты (от 0,8 до 1,4 см), но резчик стремился расположить строки симметрично по отношению к вертикальной оси. Формы букв имеют ряд отличительных особенностей: у А, Λ срезаны углы и отчеркнуты горизонталями, А с ломаной гастой, М и Σ широкие и со слегка расставленными боковыми гастами, Т и О меньше остальных букв, Е с горизонталями одинаковой длины и др. Они позволяют датировать надпись, скорее всего, II в. до н. э. [11] В нача-

[6] Б. Н. Граков, Энглифические клейма..., Труды ГИМ, вып. I, М., 1926, стр. 179. Ср. C. D. Buck, The greek dialects, Chicago, 1955, стр. 165.

[7] См. Соломоник, НЭПХ, 1964, стр. 87, прим. 64.

[8] СХМ, вып. IV, Симферополь, 1969.

[9] Э. И. Соломоник, Некоторые группы граффити из античного Херсонеса, ВДИ, 1976, № 3, стр. 128—131, рис. 7—9. В Херсонесе много различных теофорных имен как в лапидарных надписях, так и среди граффити. Это противоречит мнению некоторых ученых, что такие имена мало встречаются в областях дорийского диалекта. См. H. Solin, Analecta epigraphica, XV—XXVII, «Arctos». Acta philologica Fennica, VIII. Helsinki, 1974, стр. 147.

[10] Ср. IOSPE, I², 466, 713; Соломоник, НЭПХ, 1964, № 35.

[11] Ср. IOSPE, I², 348, 351, 475, 487 и др. IOSPE, I², 713 датирована Латышевым III в. до н. э., видимо, ошибочно, так как эта вставка вырезана из обломка декрета, датированного им II в. до н. э. (№ 690).

Рис. 1. Стела с греческой надписью. 1969 г.

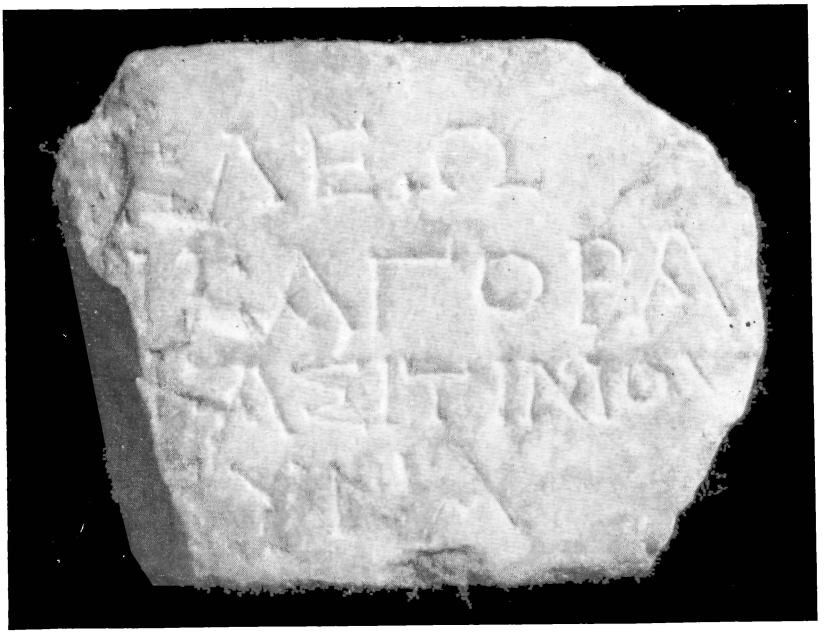


Рис. 3. Вставка от надгробной стелы. 1970 г.

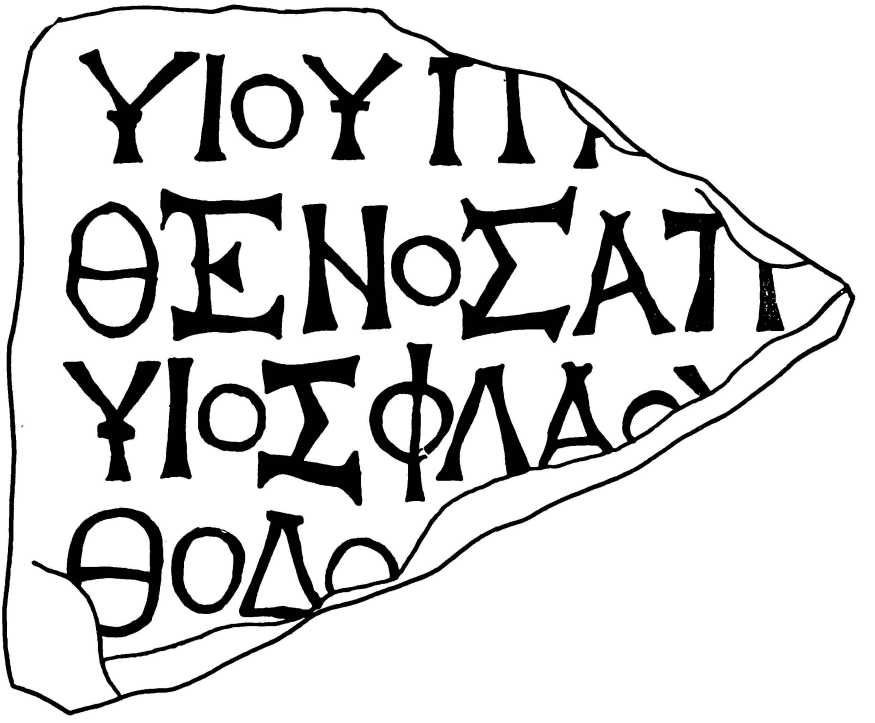


Рис. 4. Фрагмент декрета. Фото и прорисовка. 1971 г.

ле стк. 1 сохранилась часть буквы К, в конце стк. 3 — верхушка от Υ, в начале стк. 4 — горизонталь от Γ.

Κ̣λεὼ
[N]ικαγόρα
[Νι]κασιτίμου
γυνά.

Перевод: Клеó, дочь Никагора, жена Никаситима.

Назначение таких плиток с надписями теперь не вызывает сомнений. Они украшали своеобразную группу херсонесских стел, которые до недавнего времени не имели аналогий в других городах Причерноморья [12]. Судя по имеющимся находкам, стелы со вставками появились в Херсонесе в самом конце IV в. до н. э. и получили наибольшее распространение в III — II вв. до н. э. Аналогичный порядок слов в формуле эпитафии (такого-то жена) встречается на большинстве херсонесских надгробий IV — II вв. до н. э. [13].

Женское имя Клеó происходит от имени Музы истории (иначе — Κλειώ и Κλίω), впервые встречается в лапидарных надписях Херсонеса, но отмечено на одной чернолаковой тарелке [14]. В аналогичной форме оно известно, например, на Боспоре и в Дельфах (КБН, 196; IOSPE, I, 1705). Мужские имена Никагор (в дорийской форме) и Никаситим — не новые для Херсонеса [15], но второе из них отсутствует в греческих словарях и пока встречается только в этом центре [16].

5. Во время раскопок И. А. Антоновой около Карантинной бухты к северо-востоку от круглой башни XIX в 1971 г. был найден левый край мраморной плиты с остатками четырех строк надписи. Обе стороны хорошо сглажены, лицевая покрыта темным налетом (рис. 4). Размеры: высота фрагмента 9,5 см, ширина 11,5 см, толщина 2,2—2,5 см.

Надпись четко вырезана по линейкам. Высота букв 1,4—1,6 см, расстояние между строками 0,5—0,6 см. В конце стк. 1 видна косая гаста, вероятно, от А; в конце стк. 2 — часть П с широкой горизонталью, в конце стк. 3 — верхушка от О и небольшая косая черточка от Υ, в конце стк. 4 — часть буквы О. По остаткам надписи легко определить, что это обломок декрета римского времени с перечнем лиц, скрепивших его своими печатями. Во второй строке дополняется имя богини Девы — Παρ]θένος, которая занимала первое место в таких списках (мужских имен на -θένος нет). Из 24 букв греческого алфавита в надписи представлено только 12, однако и они позволяют значительно уточнить ее датировку на основе палеографической таблицы херсонесских декретов II в. н. э. [17] Формы букв А, Θ, Λ, Υ сходны с датированной надписью 130/131 г. н. э.; формы

[12] См. Соломоник, НЭПХ, 1964, стр. 180 сл. В 1975 г. в Ольвии была найдена мраморная плитка от надгробия IV в. до н. э., но значительно бóльших размеров и с четырехстрочной метрической надписью (Ю. И. Козуб, А. А. Белецкий, Стихотворная эпитафия Эпикрата из Ольвии, ВДИ, 1977, № 1, стр. 172—175).

[13] IOSPE, I², 504, 505, 507, 510—512, 514, 520, 521, 523, 525, 708, 712—714; Соломоник, НЭПХ, 30, 34, 35, 37, 142, 145, 147, 151, 156, 158, 162, 168, 174, 181, 182. Исключение составляют IOSPE, I², 524 (II в. до н. э.) и НЭПХ, 139 и 140 (IV в. до н. э.) с иным порядком слов (жена такого-то), характерным для всех херсонесских эпитафий римского периода. См. IOSPE, I², 452, 455, 458, 513, 517. Судя по сводке Н. С. Беловой (ВДИ, 1977, № 5, стр. 107 сл., прим. 12), второй вариант формулы распространяется на Боспоре раньше, чем в Херсонесе, а именно с III—II вв. до н. э.

[14] Е. І. Соломонік, Кілька написів на посудинах з Херсонеса, Арх. дослідження на Україні в 1969 р., Киев, 1972, стр. 152 сл.

[15] IOSPE, I², 403, 416; Соломоник, НЭПХ, 1964, № 74; В. В. Борисова, Керамические клейма Херсонеса, НЭ, XI, 1974, стр. 118, № 87.

[16] Ср. другие сложные имена с этими компонентами: Никасибул, Никасимах, Диотим и др.

[17] Соломоник, НЭПХ, 1973, стр. 275.

О, Σ — с надписью № 112 несколько более позднего времени (около 140 г. н. э.); очертания же П и Ф почти совпадают во всех трех надписях. Таким образом мы вправе датировать новый фрагмент примерно серединой 30-х гг. II в. н. э.

По принятой формуле можно частично дополнить строки декрета:

[— — — — — — — — — — — — — — — — γραμματεύοντος τοῦ δεῖνος],
1 υἱοῦ, Πα̣[— — — 'Εσφραγίσαντο· στίχος α' θεὰ βασίλισσα Παρ]-
2 θένος, 'Απ̣[ολλώνιος? τοῦ δεῖνος πρῶτος ἄρχων, ὁ δεῖνα]
3 υἱὸς Φλαο̣[υίου 'Αρίστωνος?, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος, Τ. Φλάουιος Πυ]-
4 θόδο̣[τος υἱὸς Φλαουίου 'Αγεπόλεως? — — — — — — — — — — —]

Перевод: ... при секретаре таком-то сыне Па... Приложили печати — ряд первый: богиня царица Дева, Аполлоний (?), сын такого-то первый архонт, такой-то, сын Флавия Аристона (?), такой-то, сын такого-то, Т. Флавий Пифодот, сын Флавия Агеполиса (?)...

Имена дополнены на основе других декретов этого времени, где наблюдается весьма устойчивый состав [18]. Такой-то, сын Флавия...— вероятнее всего, один из сыновей Аристона: Т. Флавий Агеполис или Т. Флавий Аристон. Они неизменно стоят в первом ряду списка и соответственно избирались на должность первого архонта. Т. Флавия Пифодота мы также встречаем в первом ряду одного из декретов. Вслед за В. В. Латышевым, предполагавшим, что деление на три ряда в херсонесских декретах соответствует трем столбцам текста в рукописном документе, И. И. Толстой [19] выдвинул другую гипотезу, заслуживающую внимания исследователей. Поскольку в третьем ряду единственного тогда целого декрета (IOSPE, I², 359) перечислены только магистраты, лица первых двух рядов без указания магистратур могли составлять, по мнению Толстого, какую-то официальную коллегию, например, особую комиссию Совета из 12 человек с председателем во главе. Однако после находки новой надписи [20] оказалось, что в третьем ряду могут находиться лица без указания магистратур, а во втором — некоторые магистраты. Еще в одном декрете II в. н. э., сложившемся из четырех фрагментов [21], выявилась аналогичная картина, хотя общее число лиц и некоторых магистратов иное.

Сопоставление шести декретов (частью фрагментированных) позволило продолжить изучение списков лиц, скреплявших своими печатями постановления Совета и Народного собрания [22]. Здесь нет надобности возвращаться к этим надписям, но недавно было высказано мнение, что фрагмент «г» принадлежит не декрету № 112, а другой надписи [23]. Не повторяя все приведенные в книге аргументы, подчеркнем лишь ряд важных моментов. Фрагмент «г» был утерян после войны, и сведения о нем можно почерпнуть только из публикации А. К. Тахтая; ни эстампажа, ни негатива для получения четкого отпечатка без ретуши тоже не сохранилось. Поэтому судить приходится по форме и размерам плиты, тексту и шрифту надписи.

Фрагменты «а» и «б» сложились полностью по горизонтали, фрагмент «в» примкнул к ним слева, дополняя строки 8—12. Фрагмент «г» подходит вверху к фрагментам «б» и «в» в той же 12 строке. Это точно соответ-

[18] Там же, стр. 28 сл.

[19] И. И. Толстой, Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, Пг., 1918, стр. 107.

[20] Е. Г. Суров, Новая херсонесская надпись, ВДИ, 1960, № 3, стр. 157.

[21] Соломоник, НЭПХ, 1973, № 112.

[22] Там же, стр. 25 слл. Интересные соображения по поводу херсонесского Совета см. в статье Л. А. Пальцевой (ВДИ, 1977, № 3).

[23] В. И. Кадеев, Херсонес Таврический в I в. до н. э. — III в. н. э., Автореф. дисс. на соиск. степ. докт. ист. наук, М., 1975, стр. 33.

ствует и высоте фрагмента «г», равной 29,5 см. (Видимо, в этом месте плита была некогда расколота сильным ударом на части, образовав радиально расходящиеся линии разлома.) Дальше совпадает количество строк до конца надписи (с 12 по 22) и гладкая поверхность внизу, причем низ плит смыкался полностью, так как в последней строке совместилось слово γραμμ-ατεύς, а над ней в маленькой лакуне на 2—3 буквы легко умещается конец имени Ἡροῖδας с частью Σ на соседнем фрагменте плиты. Отметим также имя Боиск, сын Хрестиона, архонт, хорошо складывающееся в строках 19—20 и известное в надписи № 111. Совпадают размеры букв, включая очень маленькую *омикрон* (у Тахтая указано 0,6 см, на остальных частях плиты — от 0,5 до 0,7 см). Полностью совпадает и шрифт надписи; следует только учесть, что в одной и той же надписи в этот период встречаются разные формы некоторых букв. Так, в очень близких по шрифту декретах, видимо, выполненных в одной мастерской, имеются три разные формы *омеги* [24] — особенность, характерная и для № 112 [25]. Таким образом, мы не видим оснований для отторжения фрагмента «г» от надписи № 112.

Касаясь вопроса о рядах, мы указывали на возможное использование некоторых музыкально-театральных терминов для обозначения должностных лиц [26]. К приведенным в книге примерам можно добавить должность эсимнетов. Должность эсимнетов, характерная для Мегар, была затем перенесена в ее колонии и проникла в Херсонес [27], причем это название, вероятно, перешло на высших должностных лиц с победителей на музыкальных состязаниях [28].

6. В 1974 г. проводились доследования в северо-восточной части городища. В засыпи помещения 8 в первом квартале (руководитель раскопок М. И. Золотарев) был найден фрагмент плиты из серого мрамора, оббитый со всех сторон. Камень, видимо, побывал в огне; в центре большая круглая выбоина от вторичного использования плиты (рис. 5). Размеры: высота около 15 см, ширина около 16 см, толщина 5,3—5,5 см. Сохранились остатки 7 строк сильно поврежденной надписи. Буквы вырезаны глубоко, но небрежно. В стк. 2 резчик забыл провести черту внутри буквы Θ, а в стк. 5 — горизонталь на П. Высота букв 1,5 см, расстояние между строками 0,6 см.

Надпись представляет собой (как и № 5) часть декрета с перечнем подписавших его лиц, только на этот раз, судя по упоминанию продика в пятой строке, сохранился самый низ плиты с остатками последних строк декрета. По шрифту надпись можно сравнить с несколькими декретами: с НЭПХ, 1973, № 111 около 120 г. н. э. (характерный Y, формы Е, П, N, Σ, лигатуры), с IOSPE, I², 360, датированным Латышевым 119—120 г. н. э. (А с ломаной гастой), с IOSPE, I², 359, 129/130 г. н. э. (формы Δ, П, О, Θ) и с IOSPE, I ², 358, близким по времени к № 359 (формы О и Θ). В итоге новый фрагмент следует отнести к 20-м годам II в. н. э. В стк. 2

---

[24] IOSPE, I², 362 и 366. К ним примыкает по шрифту IOSPE, I², 390, 721 (= НЭПХ, 1973, № 120) и др., но все они имеют свои отличительные особенности, которые необходимо учитывать при определении частей одной плиты. Ср. также IOSPE, I², 694 с разными А и Y.

[25] Следует попутно отметить, что в публикации Тахтая в ряде строк буквы в тексте и на изображении не совпадают, что можно объяснить некоторыми искажениями фотографии после ретуши; например, стк. 7 — ΕΛΛΣF (в тексте — ΕΛΛΟΣ Γ), ΜΜΤΡΟΔ (в тексте — ΜΗΤΡΟΔ), стк. 9 — ΜΡΑΚΛΕ (в тексте — ΗΡΑΚΛΕ) и др. Подобные искажения были возможны и в очертаниях отдельных букв.

[26] Соломоник, НЭПХ, 1973, стр. 33 сл.

[27] В. В. Латышев, Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса, ЖМНП, июнь, 1884, стр. 50.

[28] S. Luria, Kureten, Molpen, Aisymneten, AAASH, XI, Budapest, 1963, стр. 36.

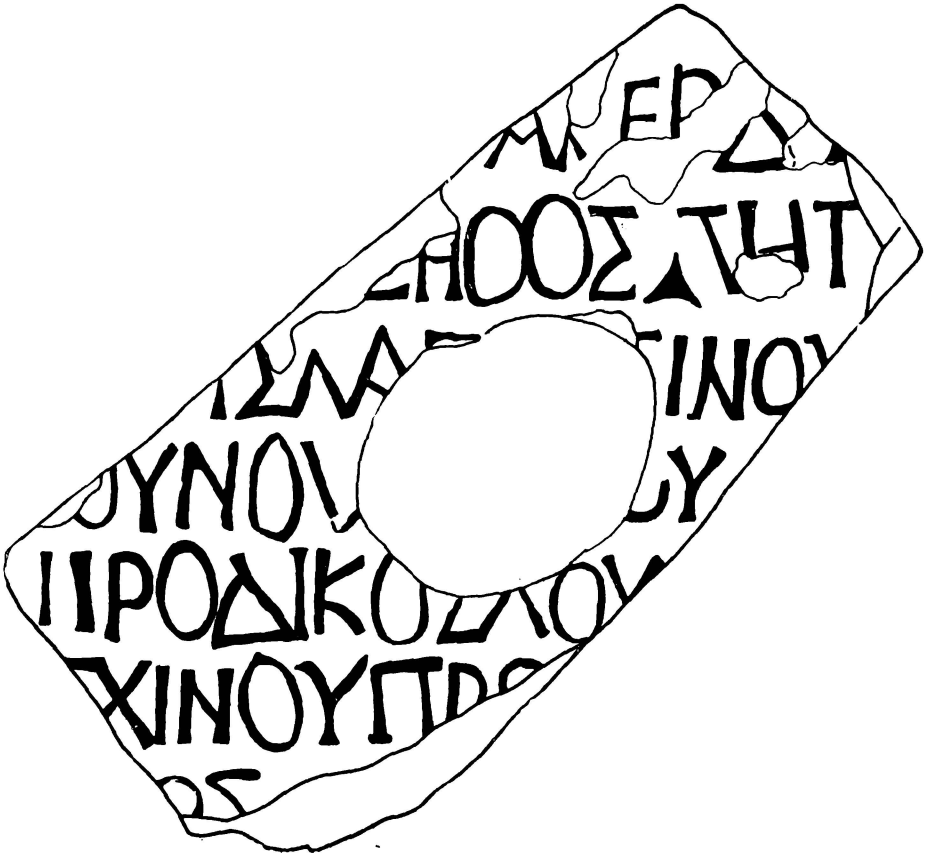


Рис. 5. Фрагмент декрета. Фото и прорисовка. 197[illegible] г.

после имени Зет стоит разделитель в виде треугольника с вытянутыми концами, а затем неясный знак. Так как после имени Зета нет патронимика, возможно, этот знак указывал на совпадение имени и отчества [29]. Другой вариант — дополнить имя как Т. Флавий Зет, причем, по примеру ранних декретов, без патронимика (ср. НЭПХ, № 111).

— — — — — — М]ά̣χ̣ε̣ρ̣ Δ[— — — — — — —
— — — — — —] Ζ̣ῆ̣(θ)ος· (знак) Η̣Π̣[— —
Δαμοκλ?]ῆ̣ς Λα̣[γορ]ε̣ίνου [— — — — —
— — — — —]ου Νου[μηνί?]ου [— — — —
5 — — — — —]πρόδικος Λού[κιος — — —
ὁ δεῖνα Αἰσ]χίνου Προ[— — — — — —
— — — — — —]ος̣[— — — — — — — — — —

Перевод: ...Мацер...Зет...Дамокл (?), сын Лагорина, ...Нумения (?), ... такой-то продик, Луций..., такой-то, сын Эсхина, Про...

Имя Лагорин встречается в надписях Херсонеса римского времени [30], причем в декрете 129/130 г. н. э. (IOSPE, I², 359) в третьем ряду записан Дамокл, сын Лагорина, номофилак; это, возможно, тот же магистрат, который отмечен в новом фрагменте. Дополненные нами имена Мацер и Луций — римские (от Macer и Lucius). Второе из них дважды повторяется в декрете 130/131 г. н. э., где названы Луций Антоний Руф и Луций, сын Гилара [31]. Имя Эсхин до сих пор было засвидетельствовано в Херсонесе лишь в эллинистический период [32]. В стк. 4 хорошо укладывается патронимик Нумений, но не вполне ясным остается перед ним окончание второго слова в родительном падеже. Поэтому, например, не исключено дополнение имени на -ουνος, хотя оно относится к редким.

Начиная с декрета 129/130 г. н. э. появляется деление на три ряда и определенный порядок размещения магистратов, при котором последние два места в списке занимают продик и секретарь Совета. В этом отношении новый фрагмент следует сравнить с декретом около 120 г. н. э., где между продиком и секретарем названо еще одно лицо [33]. Возможно, сходство между ними было еще больше, и весь список также не имел деления на ряды. Для более точного определения, когда было введено это деление, остается ждать находки новых датированных декретов, относящихся к 120-м годам н. э.

7. В 1969 г. Херсонесский музей проводил консервационные работы в районе башни Зенона. При этом в забутовке протейхизмы Е. Н. Жеребцовым была обнаружена плита из светло-серого мелкозернистого песчаника с остатками четырех строк надписи (инв. 20/36504). Плита разломана на три части и оббита со всех сторон. Ее поверхность грубо обработана со следами косых насечек от зубатки; обратная сторона полностью сбита (рис. 6). Размеры: высота 17 см, ширина 28 см, толщина 10,5 см.

Надпись глубоко вырезана остроугольным резцом. Буквы крупные, высотой около 3 см, расстояние между строками 1,7—2 см. Для шрифта

---

[29] Ср. «н»-образный знак в НЭПХ, № 112 после имени Руф (фото на стр. 21, конец стк. 3 снизу). Заметим, что имя Зет, сын Зета, встречается в декрете НЭПХ, № 111. О знаках при одинаковых именах сына и отца см. R. Koerner, Die Abkürzung der Homonymität in griechischen Inschriften, B., 1961, стр. 10.

[30] IOSPE, I², 359, 452, 454, 482.

[31] Суров, ук. соч., стр. 157.

[32] IOSPE, I², 403; Соломоник, НЭПХ, 1973, № 161.

[33] Соломоник, НЭПХ, 1973, № 111.

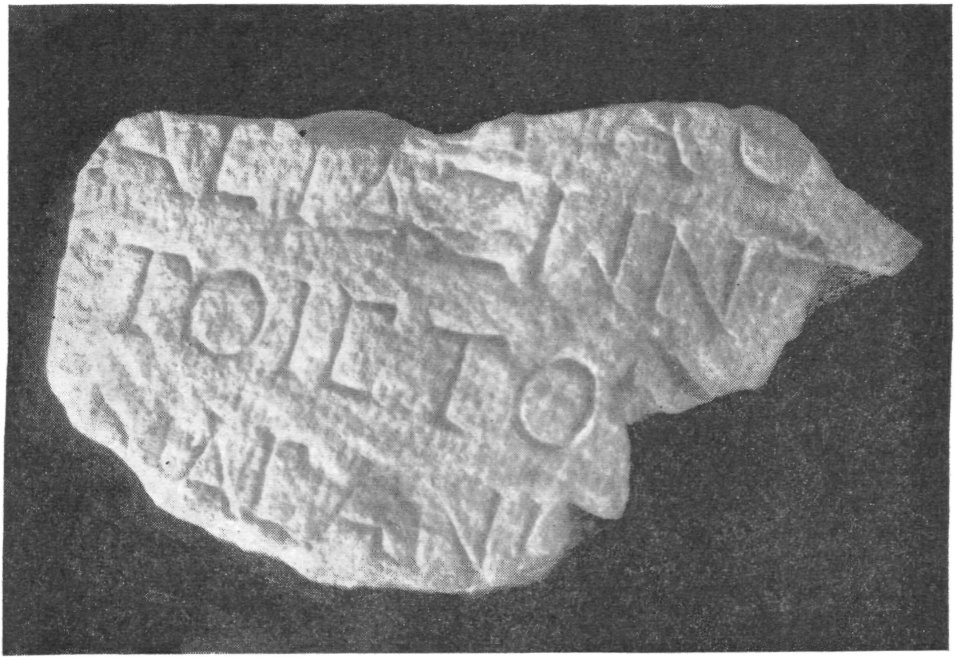


Рис. 6. Стенка саркофага с греческой надписью. Фото и прорисовка. 1969 г.

характерны угловатые формы Ω и Σ и резко выраженные апексы, датирующие надпись концом II — началом III в. н. э. [34]

Текст может быть примерно восстановлен следующим образом:

[34] Ср. IOSPE, I², 413, 457, 491; Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг., Севастополь, 1938, стр. 39; НЭ, III, 1962, стр. 11, табл. IV, 2; НЭ, VI, 1966, стр. 10, табл. X, 5.

[ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]
καὶ — —]αθ[— — — —
— — —]ασια ζῶντ[ες
ἑαυ]τοῖς τὸ [μνῆμα
κατεσκ]ευάσαν Η или Ε — — —

Перевод: Такой-то и такая-то при жизни соорудили себе надгробие...

Судя по обломку камня, надпись была, вероятно, вырезана на стенке саркофага. Недалеко от места его находки из забутовки 20-й куртины извлечены крышка, дно и стенки саркофага из такого же камня и стенка саркофага из другого камня (см. ниже № 8). В этом районе еще в 1907—1908 гг. были найдены части большого саркофага из песчаника с остатками стихотворной эпитафии (IOSPE, I², 516). Имена погребенных не сохранились; ΑΣΙΑ во 2 стк. могло быть окончанием женского имени или патронимика (от мужского имени на -ασίας) [35].

Формула с теми же глаголами («жить» и «сооружать») получила широкое распространение на различных надгробных памятниках, в том числе и саркофагах [36]. Установление надгробий при жизни входит в обычай в эпоху империи, причем формула эпитафии приобретает характер строительной надписи с употреблением глагола κατασκευάζω и указанием, кто, когда и кому соорудил данный памятник [37]. Сам же этот обычай происходит из Малой Азии [38].

Название памятника, дополненное в третьей строке, может быть μνῆμα или μνημεῖον. Этот широкий термин тоже встречается на надгробных сооружениях самого разного типа (стелах, саркофагах и др.), особенно часто в Малой Азии [39]. После N в четвертой строке виден остаток еще одной буквы — Η или Ε. В конце эпитафии могло быть указано, что, если кто-нибудь (ἐὰν δέ τις) повредит памятник или использует саркофаг для другого захоронения, то должен будет платить штраф [40].

8. Летом 1968 г. во время работ музея в районе 20-й куртины Е. И. Жеребцов вынул из забутовки три фрагмента плиты от стенки саркофага с надписью и два — от дна (инв. 23/36504). Темно-серая плита с черными включениями резко выделяется среди известных в Херсонесе пород камня. По определению петрографа В. А. Супрычева, саркофаг изготовлен из андезито-дацита — крымской изверженной породы, которая встречается в виде валунов в окрестностях Балаклавы [41].

Первый фрагмент высотой 56 см и шириной около 50 см; два фрагмента, сложившихся по вертикальному излому,— высотой 71 см, шириной около 58 см. Толщина плиты 14—16 см. Сверху и снизу остатки заглубленной рамки, а слева — угол от tabula ansata, на которой была размещена пя-

[35] См. F. Dornseiff — B. Hansen, Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen, B., 1957, стр. 23 и 134.

[36] Ср. IOSPE, I², 221 (Ольвия); MAMA, IV, 171 и 173 (Аполлония); V. Barbu, Monumente funerare cu inscripţii din Tomis, «Noi monumente epigrafice din Scythia Minor», Constanţa, 1964, стр. 48 и 51 (саркофаги из Том).

[37] W. Larfeld, Griechische Epigraphik, München, 1914, стр. 451, § 264; стр. 454, § 269. О вариантах формулы с ζῶν см. E. Lane, An unpublished inscription from Lakonia, «Hesperia», XXXI, 4, 1962, стр. 398.

[38] J. Kajanto, A study of the greek epitaphs of Rome, Acta Instituti Romani Finlandiae, т. III, 3. Helsinki, 1963, стр. 7.

[39] J. Kubinska, Les monuments funéraires dans les inscriptions grecques de l'Asie Mineure, Warszawa, 1968, стр. 12 и 15; Е. Придик, Надписи из Малой Азии, ЖМНП, 1900, ч. 328, стр. 21, № 10 (саркофаг из Маден Шехер). Оба термина одновременно встретились в новой стихотворной эпитафии из Ольвии (Козуб, Белецкий, ук. соч., стр. 174).

[40] REG, 85, 1972, № 278 и 363; ZPE, 19, 1975, стр. 223.

[41] Мелкие куски такого камня видны в разных местах 20-й куртины и в средневековом кольце башни Зенона. Вероятно, они также принадлежат памятникам, вторично использованным при строительстве оборонительных сооружений.

тистрочная надпись. Поле для надписи высотой 55,5 см хорошо сглажено, остальная часть плиты обработана грубо (рис. 7). Буквы вырезаны красиво и четко рукой опытного мастера. Их высота 4,5—5 см, О, Θ, Σ, Е сделаны по циркулю; между словами свободные промежутки. Для шрифта характерны: хорошие пропорции букв; большое круглое О; курсивные формы Е, Σ, М; незамкнутые горизонтали в буквах Е, Н, Θ; А с ломаной гастой; А и Λ с вытянутой вверху левой чертой; четкие штрихи и апексы. Сильно поврежденная Ω в 1 стк. была подчеркнута внизу одной или двумя линиями. По всем этим признакам надпись относится ко II в. н. э., скорее всего к его первой половине [42].

АΘ — — — ṆΩṆ ΟΥ — — — — —
Ε — — — ṂΟΡΟΣ v ΚΛ̣ — — —
— — — — ΟΑΕΙΤΗΣ v Ο̣ — —
— — — Ε v ΧΑΙΡΟΙΣ v ΟΛ̣ — —
5 ΓΝΟΥΣ — — — — —

Большая лакуна и нестандартный текст эпитафии позволяет дать несколько вариантов дополнения сохранившихся остатков надписи.

''Αθ[λιος Νά]ν̣ων Οὐ[λπίου — — —
Ε[— — — — —]μ̣όρος ΚΛ̣[— — — —
— — — 'Ολβιοπ]ο(λ)είτης Ο̣[— — —
— — — — — —]ε χαίροις ΟΛ̣[— — —
5 γνούς [— — — — —

Стк. 1. Дополнение ''Αθ[λιος Νά]νων (несчастный Нанон) ср. по смыслу с ἀτυχὴς Λούκις [43]. Надпись могла начинаться со слова ἀθλητής и др., а также с имени ('Αθήναιος, 'Αθλίας), но тогда для патронимика подходит лишь одно редкое имя Καννώνος, ου. Имена же Нанон, Ксенон, Менон, Ульпий имели широкое распространение. *Стк. 2.* Кроме μόρος (судьба, смерть), можно дополнить δύσμορος (несчастный) [44]. *Стк. 3.* Полагаю, что А ошибочно вырезана вместо Λ. Можно дополнить и какой-либо другой этникон, например, Κλαυδιοπολείτης (в Вифинии), а также слово πολείτης (гражданин). Заметим, что на многих саркофагах (особенно малоазийского происхождения) указаны этниконы [45]. *Стк. 4.* χαίροις, вероятно, dat. pl. от χαῖρον (радость). *Стк. 5.* Здесь, скорее, начало слова, размещенного далеко от края плиты. Если первая поврежденная буква Г, то читается γνούς — part. aor. от глагола γιγνώσκω (знать, познавать) [46]. Если все же считать это окончанием слова (например, имени мастера, изготовившего саркофаг) и принять первую букву за П, то можно дополнить несколько редких имен: Τεπνοῦς, Μυρόπνους и др. [47] Судя по 3 стк., вероятно, в этом саркофаге из необычного черноватого камня был погребен не херсонесит, а какой-то иноземец [48].

---

[42] Ср. IOSPE, I², 484; Соломоник, НЭПХ, 1973, стр. 275; «Hesperia», 39, 1970, 2, стр. 79—93.

[43] «Споменик», 77, Београд, 1941—1948, стр. 279.

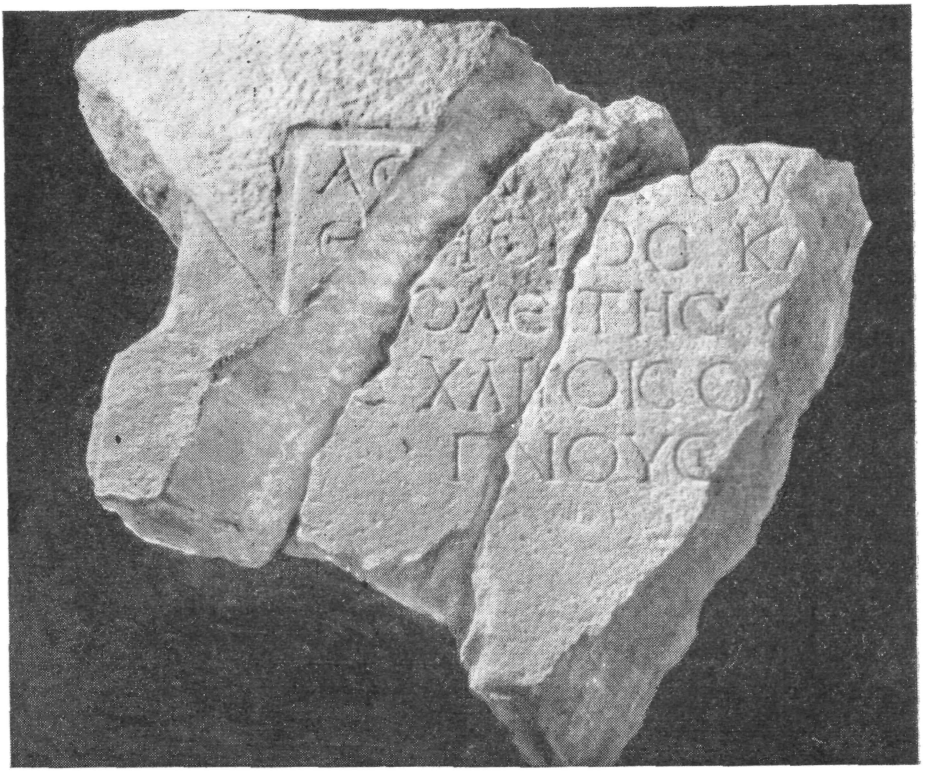
[44] Ср. «Споменик», 77, № 60 и 366. Если первая буква от П, то можно читать ἔμ]πορος (купец).

[45] Tituli Asiae Minoris, II, 2, Vindobonae, 1930, № 448—456 (Патара); II, 3, 1944, № 722; G. E. Bean, Inscriptions in the Antalya Museum, «Belleten», XXII, № 85, Ankara, 1958, стр. 57 (Памфилия); Noi monumente epigrafice din Scythia Minor, 1964, стр. 41—52 (Томы).

[46] Ср. употребление этой формы глагола в эпитафии римского времени из Вифинии (L. Robert, Enterrements et épitaphes, «Antiquité classique», 37, 2, Bruxelles, 1968, стр. 422).

[47] См. Dornseiff — Hansen, ук. словарь, стр. 308.

[48] Ср. IOSPE, I², 542 — мраморный оссуарий, сооруженный жителем Амастрии.



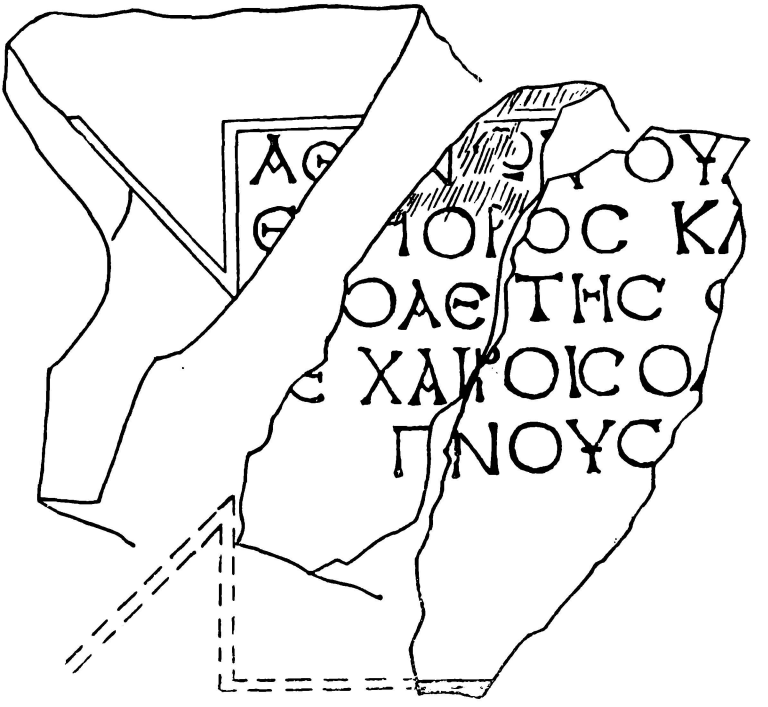


Рис. 7. Стенка саркофага с греческой надписью. Фото и прорисовка. 1968 г.

9. Когда текст статьи был уже подготовлен к печати, М. И. Золотарев доставил новую находку — небольшой фрагмент плиты с остатками четырех строк греческой надписи, обнаруженный им в конце 1975 г. в кладке помещения 9 (северо-восточный район, первый квартал). Плита из серого плотного известняка обломана со всех сторон. Вверху сохранилась полочка и часть плоской рамки. Поверхность ее сглажена; на лицевой стороне видны продольные бороздки от обработки зубаткой (рис. 8). Размеры: высота около 15 см, ширина около 8 см, толщина 8,5 см.

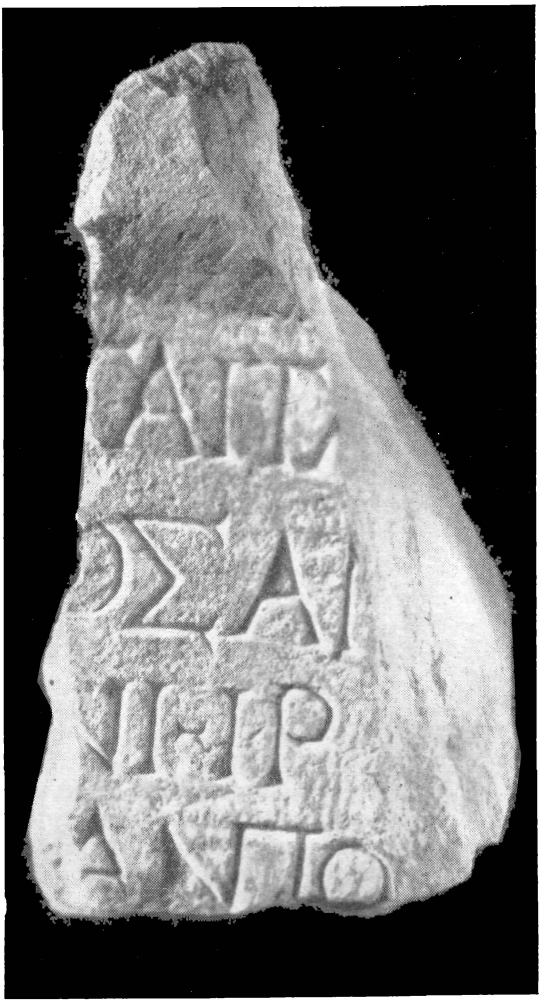


Рис. 8. Фрагмент декрета. 1975 г.

Буквы глубоко вырезаны применявшимся в римское время остроугольным резцом. Их высота 1,5—1,7 см, во 2 стк. — 1,9 см. В начале стк. 1 в край уходит горизонталь от Т, в конце стк. 1 — косая черта и часть горизонтали от А; а в конце стк. 2 сохранилась часть буквы М или N; в стк. 3 после Р пустое пространство, а у самого края — уголок от знака-разделителя. Для шрифта характерны следующие особенности; широкое Н с незамкнутой горизонталью, круглое О разных размеров, широкая Σ, П с выступающей за края поперечной чертой, Р с незамкнутой снизу петлей, четкие апексы на концах всех букв; в последней строке N и П даны в лигатуре. (Датировки надписи мы коснемся ниже.) Хотя в каждой строке сохранилось всего по 3—4 буквы, в надписи легко распознать начало декрета о проксении и дополнить его по принятой формуле.

[Πρόεδροι Χερσονασιτᾶν τῶν ποτὶ] τᾶι Τα[υρικᾶι]
[εἶπαν· ἐπειδὴ ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος — —]ος Ἀμ[αστρι]-
[ανὸς? — — — — — — ἀγαθός ἐστι ἀ]νὴρ ν [— — — —]
[— — — — — εὔνους ὢν διατελεῖ περὶ τ]ὰν πό[λιν]
5 [ἁμῶν — — — — —]

Перевод: Проэдры херсонеситов, что в Таврике, постановили: поскольку такой-то, сын такого-то, амастриец (?), — — — — хороший человек — — — —, будучи всегда благорасположенным к нашему городу — — — —

В стк. 2, несомненно, конец одного и начало другого слова. На ΟΣ мог быть патронимик типа Δίων]ος; если же имя и отчество были короткими, то стояло еще одно слово, например, ναύκλαρος (ср. IOSPE, I², 364—366). Дальше обычно указывали этникон, который можно, скорее всего, дополнить как амастриец или амисец. Жители Амастрии упоминаются в трех надписях Херсонеса II в. н. э.— декрете о проксении и двух эпитафиях (IOSPE, I², 358, 542, 543).

В процессе изучения надписи мы обнаружили, что в 1909 г. вблизи от места новой находки был найден большой фрагмент той же плиты [49]. Надпись хранится в Херсонесском музее (инв. № 4495) и опубликована В. В. Латышевым в IOSPE, I², 701. Совпадают все показатели: порода камня, обработка обеих сторон, обрамление плиты, ее толщина (от 8,5 см вверху до 8,2 см внизу), формы, пропорции и размеры букв (высота 1,5—1,7 см), наличие лигатур и разделителей-треугольников. Сравнивая эти надписи, можно говорить не только о сходном шрифте, но о «почерке» одного резчика, особенно по разновеликим О, широкому Н и размашистым апексам (рис. 9). Второй фрагмент относится к нижней части плиты (середина пока отсутствует) и содержит список лиц, подписавших декрет, а точнее — второй ряд этого списка, ибо в последней строке буквой Г обозначено начало третьего ряда.

Рассмотрим шрифт надписи, состав и количество сохранившихся имен, сравнив их с другими декретами. По палеографическим особенностям наиболее близкие аналогии дает IOSPE, I², 362 (138—161 гг.) и декрет, сложившийся из четырех фрагментов и датированный нами около 140 г. н. э. [50] Латышев также отмечал большую близость между шрифтом IOSPE, I², 701 и 363 (=НЭПХ, 112) и только из-за некоторых особенностей отказался считать эти фрагменты частями одной плиты (упустив при этом их абсолютную «несовместимость», так как плита № 701 известняковая, а № 363 — мраморная). Как и в других декретах первых веков н. э., здесь встречается несколько римских имен: Крисп, Ульпий, Элий. Сын Ульпия отмечен в списках двух декретов: IOSPE, I², 389 (во втором ряду) и 390. Имя Элий давали в честь императора Адриана (117—138 гг.). Демократ, сын Боиска, подписавший еще несколько декретов (он везде стоит также во втором ряду) [51], вероятно, одно и то же лицо. Сын Флавия Агеполиса (ср. НЭПХ, 113), должно быть, относится по времени не к основателю этого рода, а к его внуку — Агеполису (б) [52].

Таким образом, и по шрифту, и по именам рассматриваемый декрет следует поместить между НЭПХ, 112 и 113 и датировать 40-ми годами II в. н. э.

В двух целых декретах второй ряд содержит по 8 имен, а № 112 — вдвое больше [53]. Из-за облома плиты слева и сверху мы не можем установить точное количество имен во втором ряду, но их было больше восьми, так как после имени сына Боиска не поставлен указатель второго ряда. Этот существенный момент также сближает данный декрет с № 112, указывая на увеличение списков лиц, скреплявших своими печатями постановления Совета и Народного собрания.

Как правило, декреты начинались с пожелания доброго счастья (ΑΓΑΘΑΙ ΤΥΧΑΙ), но иногда его опускали (ср. IOSPE, I², 367, 368).

[49] Архив ГХМ, д. 102, л. 28, № 1725 — раскопки Р. Х. Лепера в северо-восточной части городища, пом. 20. Там же найден обломок другого декрета: IOSPE, I², 698.

[50] Соломоник, НЭПХ, 112.

[51] Там же, стр. 28, табл., пятый снизу.

[52] Там же, стр. 40 (генеалогическая табл.). Ср. № 113 середины II в. н. э., где сын Агеполиса стоит в первом ряду.

[53] Там же, стр. 26, табл. 1.

Рис. 9. Фрагмент того же декрета. 1909 г.

В языке надписи наблюдаются формы дорийского диалекта. В имени Героид Латышев исправил О на Ω. В надписях IV—III вв. до н. э., действительно, соблюдается общепринятая орфография (IOSPE, I², 343, 400, 525), однако в четырех декретах II в. н. э. стоит *омикрон* [54]. Поэтому в написании Ἡροΐδας следует, видимо, признать не ошибку резчика, а принятую форму этого имени в Херсонесе римского времени.

В 1909 г. Лепер нашел на северо-восточном участке городища много обломков декретов. Возможно, часть из них была поставлена там в притворах храмов. Так как в конце декретов указывали место их установки, есть надежда, что новые находки позволят локализовать храмы некоторых богов.

Итак, издаваемые памятники дают различные формы надгробий (известняковые стелы, стелы с мраморными вставками, саркофаги), новые варианты эпитафий и образцы дорийского диалекта, обогащают ономастикон Херсонеса эллинистического и римского времени и позволяют продолжить изучение декретов первой половины II в. н. э.

SOME NEW INSCRIPTIONS IN THE CHERSONESUS MUSEUM

E. I. Solomonik

1. Grave stele of Sarmatian limestone; 4th century B. C.

Ἀρτεμίδωρος | Ξανθία

2. Fragment of a grave stele, limestone; 4th or beginning of 3rd century B.C.

— — — —]α Θευγένειο[ς | — — — —]ιου γυνά

3. Gravestone of Sarmatian limestone; 4th century B.C.

Ματροδώρ[α or —ος] | Δ[αμα]τρ[ίου]

4. Marble inset of a grave stele; 2nd century B. C.

Κλεὼ | [N]ικαγόρα | [Νι] κασιτίμου | γυνά

5. Fragment of a marble plinth with remnants of four lines of a decree; 2nd century A. D.

6. Fragment of the lower part of a marble plinth with remnants of seven lines of an inscription; 2nd century A. D.

7. Wall of a sandstone sarcophagus with remnants of four lines concerning the erection of a monument in someone's lifetime; end of 2nd or beginning of 3rd century A.D.

8. Wall of a sarcophagus of andesito-dacite with remnants of five lines of an inscription; 2nd century A.D.

9. Two fragments of a limestone plinth with remnants of twelve lines of a decree; 2nd century A. D.

---

[54] Соломоник, НЭПХ, 111 и 112; Суров, ук. соч.

В. В. Рубан, В. Н. Урсалов

ОЛЬВИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ АНТИЧНЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ВИЛЛ БУГСКОГО ЛИМАНА

Исследования сельских вилл в районе Ольвии, ведущиеся в последние годы, дали богатейшие материалы для изучения социально-экономической истории и культуры населения ольвийской периферии [1]. Поскольку указанные памятники — новое явление для данной территории, то первоочередной задачей, предшествующей интерпретациям исторического плана, должно послужить определение их хронологии. В результате раскопок античных вилл удалось получить несколько разнородных категорий датирующего материала — амфоры и амфорные клейма, чернолаковая и расписная керамика, монеты. Однако в рамках настоящей статьи не представляется возможным охватить все перечисленные источники в целом, поэтому предлагаемая публикация посвящена рассмотрению исключительно нумизматического материала. Описание монет приводим по географическому принципу, согласно расположению вилл вдоль побережья Бугского лимана с севера на юг (см. рис. 1).

Дидова Хата, вилла № 1

1. Бронзовая монета «борисфен».
Л. ст.: голова бородатого речного божества с рожками влево.
Об. ст.: горит с луком, сагарис; справа от горита сокращение этникона ΟΛΒΙΟ, слева от сигариса аббревиатура антропонима ΘΕΥ. Монета имеет литейный дефект, в целом же сохранность хорошая. Диаметр 20—21 мм, вес 8,02 г, найдена в 1975 г. Группа V А, № 42, около 300—280 гг. до н. э. [2]

Дидова Хата, вилла № 3

2. Бронзовая монета «борисфен».
Л. ст.: голова бородатого речного божества с рожками влево.

---

[1] В. В. Рубан, Античная усадьба на побережье Бугского лимана, АО 1973 года, М., 1974, стр. 335 сл.; он же, Открытие античных усадеб на территории ольвийской хоры, в кн. «XIV Международная конференция античников социалистических стран», Ереван, 1976, стр. 367 сл.

[2] При датировках ольвийских монет, условно называемых «борисфены», мы опираемся на хронологию этих монет, разработанную П. О. Карышковским [П. О. Карышковский, Ольвийские «борисфены», НСф, вып. 3, 1968, стр. 62—85; он же, Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.), Автореф. докт. дисс., Л., 1969, стр. 13].

Об. ст.: горит с луком; сагарис; справа от горита надпись, ΟΛΒΙΟ, слева от сагариса сокращение имени ΒΟΣ. Сохранность хорошая. Диаметр 21 мм, вес 10,25 г, найдена в 1 969 г. Группа V С, № 63, около 280—260 гг. до н. э.

3. То же, что и № 2. Сохранность хорошая. Диаметр 20—21 мм, вес 10,07 г, найдена в 1975 г.

4. Бронзовая монета «борисфен».

Л. ст.: голова бородатого речного божества с рожками влево.

Об. ст.: горит с луком, сагарис; справа от горита надпись ΟΛΒΙΟ, слева от сагариса сокращение имени ΕΓΙ. Часть монеты отломана в древности, однако общая сохранность хорошая. Диаметр 19 мм, вес 4,90 г, найдена в 1971 г. Группа X, № 88, около 250—240 гг. до н. э.

5. Бронзовая монета «борисфен».

Л. ст.: голова бородатого речного божества с рожками влево.

Об. ст.: горит с луком, сагарис; справа от горита надпись ΟΛΒΙΟ, слева от сагариса монограмма . Часть монеты отломана в древности, однако общая сохранность хорошая. Диаметр 21 мм, вес 8,70 г, найдена в 1971 г. Группа VI, № 72, около 260—250 гг. до н. э.

6. Бронзовая монета «борисфен».

Л. ст.: голова речного бородатого божества с рожками влево.

Об. ст.: горит с луком, сагарис; справа от горита надпись ΟΛΒΙΟ, слева от сагариса дифферент не сохранился. Сохранность хорошая. Диаметр 19 мм, вес 6,90 г, найдена в 1971 г. По иконографическим особенностям изображения речного божества монета близка опубликованной П. О. Карышковским под № 85 (группа IX, около 250—240 гг. до н. э.).

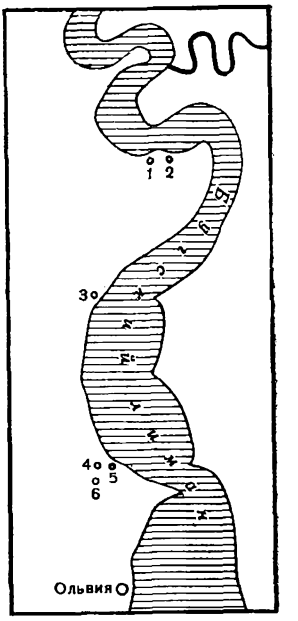


Рис. 1 Карта находок ольвийских монет на античных виллах побережья Бугского лимана: *1* — Дидова Хата, вилла № 1; *2* — Дидова Хата, вилла № 3; *3* — Козырка VIII, вилла № 1; *4* — Чертоватое II, вилла № 1; *5* — Чертоватое II, вилла № 3; *6* — Чертоватое II, вилла № 5

Козырка VIII, вилла № 1

7. Бронзовая монета «борисфен».

Л. ст.: голова речного бородатого божества с рожками влево.

Об. ст.: горит с луком, сагарис; справа от горита надпись ΟΛΒΙΟ, слева от сагариса монограмма .

Сохранность хорошая. Диаметр 21,5 мм, вес 11,25 г, найдена в 1976 г. Группа V C_1 — VI, № 67, около 260—250 гг. до н. э.

Чертоватое II, вилла № 1

8. Бронзовая монета «борисфен».

Л. ст.: голова бородатого речного божества с рожками влево.

Об. ст.: горит с луком, сагарис; справа от горита надпись ΟΛΒΙΟ, слева от сагариса дифферент не сохранился.

Сохранность хорошая. Диаметр 21 мм, вес 8,35 г, найдена в 1974 г. Средние группы, около 300—260 гг. до н. э.

9. *То же, что и № 8. Дифферента нет. Сохранность хорошая.* Диаметр 19 мм, вес 8,5 г, найдена в 1973 г. Средние группы около 300—260 гг. до н. э.

10. То же, что и № 9. Сохранность хорошая. Диаметр 20 мм, вес 9,8 г, найдена в 1973 г. Средние группы около 300—260 гг. до н. э.

11. Бронзовая монета [3].

Л. ст.: голова Деметры в стенной короне влево.

Об. ст.: коленопреклонный лучник влево; под изображением лучника сохранились следы надписи ΟΛΒΙΟ, от имени Сострата нет ни одной буквы.

Сохранность средняя. Диаметр 17,5 мм, вес 5,55 г, найдена в 1976 г. Дата — около 300—280 гг. до н. э. [4]

12. Бронзовая монета [5].

Л. ст.: голова Деметры в стенной короне влево.

Об. ст.: коленопреклоненный лучник влево, справа от лучника надпись ΟΛΒΙΟ.

Сохранность хорошая. Диаметр 13—14 мм, вес 1,60 г, найдена в 1974 г. Дата — около 330—280 гг. до н. э. [6]

Чертоватое II, вилла № 3

13. Бронзовая монета «борисфен» (рис. 2, *1*).

Л. ст.: голова бородатого речного божества влево.

Об. ст.: горит с луком, сагарис; справа от горита надпись ΟΛΒΙΟ, слева от сагариса сокращение имени Φ|.

Сохранность хорошая. Диаметр 22 мм, вес 10,80 г, найдена в 1975 г. [7] Группа II С, № 17, около 315—300 гг. до н. э.

14. Бронзовая монета «борисфен» (рис. 2, *2*).

Л. ст.: голова бородатого речного божества влево.

Об. ст.: горит с луком, сагарис; справа от горита надпись ΟΛΒΙΟ, слева от сагариса сокращение имени Μ.

Сохранность хорошая, диаметр 20 мм, вес 8,9 г, найдена в 1975 г. Группа V В, № 47, около 280—260 гг. до н. э.

15. Бронзовая монета «борисфен».

Л. ст.: голова бородатого речного божества влево.

Об. ст.: горит с луком, сагарис; справа от горита надпись ΟΛΒΙΟ, слева от сагариса монограмма Ε.

Сохранность хорошая. Диаметр 20—21 мм, вес 9,10 г, найдена в 1977 г. Группа III, № 21, около 315—300 гг. до н. э.

Этим списком, однако, не исчерпываются данные об античных монетах из сельских вилл побережья Бугского лимана. О находках монет с изображением головы рогатого Пана в Чертоватой балке сообщает А. С. Уваров [8], а П. О. Бурачков пишет, что по соседству с Волошской косой находили мо-

---

[3] Аналогию см. B. Pick, Die antiken Münzen von Dacien und Moesien, B., 1898, рис. X, 1.

[4] Карышковский, Монетное дело..., стр. 14.

[5] Аналогию см. Pick, ук. соч., табл. X, 2.

[6] Карышковский, Монетное дело..., стр. 14, табл. 4.

[7] Публикуемые здесь под № 13 и 14 монеты уже упоминались: В. В. Рубан, В.М. Отрешко, Раскопки поселения Чертоватое II, АО 1975 года, М., 1976, стр. 387.

[8] А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, т. I, СПб., 1851, стр. 45.

Вклейка к статье ***В. В.*** *Рубана,* ***В. Н.*** *Урсалова*

Рис. 2. Ольвийские «борисфены» из виллы № 3 поселения Чертоватое II (увеличено в два раза)

неты с рогатым Посейдоном [9]. Поскольку как в Чертоватой балке, так и в районе Волошской косы известны только остатки вилл при отсутствии синхронных им поселений [10], то упоминаемые Уваровым и Бурачковым монеты следует считать найденными на виллах. В самих же монетах нетрудно узнать «борисфены» с изображением рогатого речного божества. По всей вероятности, в Чертоватой балке «борисфены» находили в таком большом количестве, что даже само название балки Уваров пытался объяснить именно этими находками.

Таким образом вышеприведенный список ольвийских монет, а также данные Уварова и Бурачкова свидетельствуют о том, что на античных сельских виллах Бугского лимана встречаются монеты только двух серий — «борисфены» и синхронная их первым четырем группам разменная медь с изображением Деметры в стенной короне на аверсе и лучника на реверсе. На основании изучения импортной чернолаковой и расписной керамики из этих вилл одним из авторов этой статьи в свое время были определены хронологические рамки существования жизни на них, охватывающие период последней трети IV — первой половины III в. до н. э. [11] В настоящее же время на базе приведенного здесь нумизматического материала представляется возможным уточнить момент гибели вилл, который был весьма близок времени выпуска последних групп «борисфенов», т. е. около 250—240 гг. до н. э. [12] Это подтверждается также тем обстоятельством, что здесь нет «борисфенов» с надчеканкой, а также монет с изображением головы Геракла в львиной шкуре и оружия на оборотной стороне, выпуск которых следовал непосредственно за прекращением чеканки «борисфенов» около 240 г. до н. э. [13] С другой стороны, на виллах Бугского лимана отсутствуют бронзовые монеты Ольвии с Деметрой и орлом на дельфине, широко распространенные в слоях первых двух третей IV в. до н. э. на поселениях этого района [14]. Такая датировка указанных монет из поселений по сопутствующему материалу полностью соответствует дате их выпуска, установленной П. О. Карышковским, который распределяет их на две основные серии: первая из них состоит из восьми фактурно-стилистических групп и относится примерно к 380—340 гг. до н. э. другая является непосредственным предшественником выпуска «борисфенов» [15]. Следовательно, этим подтверждается ранее выявленная дата появления сельских вилл на побережье Бугского лимана, а время их существования теперь может быть определено довольно надежно. С учетом изложенных данных можно считать, что жизнь на виллах существовала в период между 330 г. и 250—240 гг. до н. э.

Однако такая датировка гибели вилл, причем насильственной и внезапной, сопровождавшейся также большими пожарами и разрушениями [16], не увязывается с хронологической схемой античных памятников Нижнего

---

[9] П. О. Бурачков, Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России, ч. I, Одесса, 1884, стр. 47—48.

[10] Поселение Чертоватое I находится гораздо севернее Чертоватой балки, на полпути между с. Прибугское и Кателино (Л. М. Славін, Поселення ольвійської периферії біля с. Чортуватого, Вісник КДУ, 1958, № 1. Сер. іст. та філос., вип. 2, стр. 139—149).

[11] Рубан, Открытие античных усадеб..., стр. 368.

[12] Карышковский, Монетное дело..., стр. 13.

[13] П. О. Карышковский, Монеты ольвийской коллегии Семи, в кн. «Художественная культура и археология античного мира», М., 1976, стр. 113—115.

[14] В. В. Рубан, Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг., в кн. «Новейшие открытия советских археологов», ч. II, Киев, 1975, стр. 89.

[15] Карышковский, Монетное дело..., стр. 14.

[16] Рубан, Открытие античных усадеб..., стр. 367 сл.

Побужья, предложенной Ф. М. Штительман [17] и принятой как советскими [18], так и зарубежными исследователями Ольвии [19]. Указанные авторы считают, что бóльшая часть приольвийских поселений прекращает свое существование во II в. до н. э., и связывают упадок хоры прежде всего с экономическим кризисом Северного Причерноморья вообще [20], либо же с хозяйственным кризисом Ольвии в частности [21].

Если виллы на Бугском лимане погибают около 250—240 гг. до н. э., то было бы весьма странным и непонятным существование ничем не защищенных поселений [22] на той же самой территории до II в. до н. э. В специальных статьях, посвященных хронологии античных поселений правобережья Бугского лимана, один из авторов настоящей публикации затрагивал вопрос о жизни поселений в III в. до н. э. и попытался показать, что они погибают одновременно с виллами [23]. В самом деле, просматривая публикации археологических материалов античных памятников правого берега Бугского и северо-западного побережья Днепровского лиманов [24], мы не найдем в них сведений ни о так называемых мегарских чашах, ни о родосских или книдских клеймах, которые импортировались в Ольвию преимущественно во второй половине III — первой половине II в. до н. э. [25] По сравнению с общим количеством материала IV — первой половины III в. до н. э. из поселений и вилл указанной территории находки эпохи развитого эллинизма здесь буквально единичны [26] и могут рассматриваться как случайный и не определяющий фактор, а следовательно, время около 250—240 гг. до н. э. можно считать моментом гибели практически всех населенных пунктов (без возобновления жизни на них) ольвийской хоры, лежащей к западу от Бугского лимана. Что же касается поселений на его восточных берегах, то там нередки находки обломков мегарских чаш и родосских клейм; это позволяет думать, что жизнь в этих поселениях теплилась и во второй половине III — первой половине II в. до н. э. [27]

---

[17] Ф. М. Штительман, Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э., Автореф. канд. дисс., М., 1952, стр. 8; она же, Поселения античного периода на побережье Бугского лимана, МИА, № 50, 1956, стр. 255.

[18] Л. М. Славин, Некоторые итоги изучения ольвийской хоры, в кн. «Художественная культура и археология античного мира», М., 1976, стр. 182; В. В. Лапін, Хора Ольвії, в кн. «Археологія Української РСР», т. II, Київ, 1971, стр. 311.

[19] A. Wąsowicz, Olbia pontique et son territoire, P., 1975, стр. 103—105.

[20] Штительман, Городища, поселения и могильники..., стр. 22; она же, Поселения античного периода..., стр. 272.

[21] Лапін, ук. соч., стр. 311; Славин, ук. соч., стр. 182; Wąsowicz, ук. соч., стр. 105.

[22] В. В. Рубан, О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени, в кн. «150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР», Киев, 1975, стр. 132.

[23] Он же, Из истории античных поселений правого берега Бугского лимана IV — III вв. до н. э., МАСП, вып. 9 (в печати); он же, К вопросу о датировке поселения Козырка II, в кн. «Проблемы археологии Северного Причерноморья», Киев (в печати).

[24] М. С. Синицин, Поселення в с. Варварівка за розкопками 1938 р., Праці ОДУ, р. XCV, т. 149, сер. іст. наук, вип. 7, Археологічний збірник, ч. I, Одеса, 1959, стр. 113—133; Л. М. Славін, Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійского оточення у 1949—1950 рр., АП, т. V, 1955, стр. 127—150; Штітельман, Поселення біля Закисової балки, АП, т. VII, 1958, стр. 131—142; Г. С. Русяєва, Поселення Пітухівка I біля Ольвії, Археологія, т. XXI, 1968, стр. 206—213.

[25] Е. И. Леви, Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры, в кн. «Ольвия. Теменос и агора», М.—Л., 1964, стр. 225—280.

[26] Штітельман, Поселення..., табл. 1, 12. Датируемые исследовательницей монеты с Деметрой в стенной короне и лучником II в. до н. э. (Штительман, Поселения античного периода..., стр. 270), как уже говорилось, относятся к 330—280 гг. до н. э. (Карышковский, Монетное дело..., стр. 14).

[27] Рубан, О периодизации античных памятников..., стр. 132.

Факт гибели населенных пунктов основной части ольвийской житницы по-иному заставляет отнестись и к проблеме кризиса Ольвии в эпоху эллинизма. Однако столь сложный и обширный комплекс вопросов, естественно, не может быть рассмотрен на страницах краткой публикации. Отметим лишь, что к настоящему времени в науке сложились две основные точки зрения относительно кризиса Ольвии указанного периода. Согласно одной из них, высказанной еще в прошлом столетии В. В. Латышевым, главная причина кризиса Ольвии заключалась в неблагоприятных для эллинов изменениях этнического характера в среде варваров, окружавших Ольвию [28]. По мнению же Н. В. Шафранской, Ольвия в это время была подвержена панэлинскому кризису, связанному с разложением полиса как государства, а III в. до н. э. автор не считает периодом упадка Ольвии [29]. Основным недостатком названных концепций (хотя автору первой из них и нельзя этого ставить в вину по вполне понятным причинам) является то, что в них учтены явления, не выходящие, как говорится, за пределы стен города, поэтому Ольвийское государство в целом не оказалось в поле зрения исследователей. Что же касается хоры Ольвии, то упадок городского хозяйства во II в. до н. э. был механически перенесен на поселения, а прекращение жизни на них, как указывалось [30], связывается с экономическим кризисом Ольвии.

Нам же представляется, что зависимость между указанными явлениями была обратной: именно полнейшее разорение основной части земледельческой территории, составлявшей экономическую опору греческого полиса [31], и положило начало хозяйственному кризису Ольвии, который, вступив во взаимодействие с финансовым [32] и политическим кризисом, фактически привел Ольвию доримского времени к полному упадку.

В заключение отметим также, что описанные здесь монеты, не говоря уже о том, что они — яркое свидетельство высокого уровня развития торговли на виллах, основанной на товарно-денежном обмене, имеют и другое, не менее важное значение для выяснения политического отношения этих вилл к Ольвии. Если учесть, что постановление ольвиополитов, предложенное Канобом, сыном Трасидаманта, предписывало, надо думать, для территории всего государства вести торговые операции только посредством ольвийских денег (πωλεῖν δὲ καὶ ὠν[εῖσθαι] πάντα πρὸς τὸ νόμισμα τὸ τῆ[ς πόλ]εως, πρὸς τὸν χαλκὸν καὶ τὸ ἀργύριο[ν τὸ] 'Ολβιοπολιτικόν) [33], то напрашивается вывод о том, что сельские виллы на побережье Бугского лимана, равно как и поселения этого района, входили в состав ольвийского полиса и составляли его земледельческую территорию.

---

[28] В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 44.

[29] Н. В. Шафранская, К вопросу о кризисе Ольвии в III в., ВДИ, 1951, № 3, стр. 9—20. Ср. D. P. Kallistov, Die Poliskrise in den Städten der Nördlichen Schwarzmeerküste, Hellenische Poleis. Krise — Wandlung — Wirkung, Bd. II, B., 1974, стр. 551—586.

[30] См. прим. 20 и 21.

[31] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 46, ч. 1, стр. 470.

[32] Карышковский, Монетное дело..., стр. 24—25.

[33] IOSPE, I², № 24. 13—16. Следует подчеркнуть, что декрет был издан во время, весьма близкое ко времени возникновения вилл в окрестностях Ольвии (Ю. Г. Виноградов, П. О. Карышковский, Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до. н. э., ВДИ, 1976, № 4, стр. 25).

OLBIAN COINS FROM ANCIENT AGRICULTURAL VILLAS ON THE BUG ESTUARY

V. V. Ruban, V. N. Ursalov

In their publication of coins found in these villas the authors date the villas roughly in the period from the 330's to 250—240 B. C. The coins belong to only two series of Olbian minting: the «Borysthens», issued ca. 330—240 B. C., and the coins with Demeter wearing a mural crown and an archer, issued ca. 330—280 B. C. On the basis of this numismatic material and archaeological evidence the authors attempt to show that the main part of the Olbian *chora* was devastated at the beginning of the third quarter of the 3rd century B. C. This must have initiated the economic decline of the Olbian polis. The coin-finds in rural villas testify to developed trade and also show that the villas were part of the Olbian state, forming, together with other settled areas, the city's agricultural territory.

С. И. Финогенова

РЕЗНЫЕ КАМНИ ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ И ТИРАМБЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

(Из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина)

В собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина имеется несколько резных камней (инталий), происходящих из раскопок некрополей Фанагории и Тирамбы, а также несколько стеклянных литиков, служивших вставками перстней и найденных в некрополях тех же городов. Сопровождающий их материал позволяет говорить об определенных временных границах их бытования: I в. до н. э. — II в. н. э. Отсутствие сюжетного единства, разнообразие стилей и характера резьбы затрудняют выделение среди них каких-либо групп.

При раскопках некрополя Фанагории в 1950 г. был найден небольшой железный фрагментированный перстень с гранатовой вставкой. Форма камня — овальный кабошон, на выпуклой поверхности которого неглубокой резьбой было нанесено изображение стоящей женской фигуры [1] (рис. 1, *1*). Сильная потертость наиболее выпуклой части и трещины на поверхности камня в значительной степени испортили изображение и затруднили его определение [2].

Женская фигура занимает центральную часть камня по продольной оси. На ней длинный хитон, на который накинут короткий хитониск. Женщина стоит слегка прогнувшись корпусом вперед и откинув плечи назад. Правая рука плотно прижата к телу и согнута в локте, видно лишь предплечье, поднятое кверху. Левая рука отведена назад. Трещины на камне не позволяют рассмотреть, какой предмет держит женщина в этой руке. Но если предположить, что длинная горизонтальная линия перед ее грудью и правой рукой — передняя часть змеи, то ее хвост должен быть сзади, около левой руки. В том, что перед грудью женщины изображена змея, нас убеждают размеры этой прямой линии, слишком длинной для того, чтобы считать ее кистью руки, как это могло показаться при беглом рассмотрении [3]. Наличие змеи на изображении определяет женскую фигуру как Гигиею. Сходные сюжеты неоднократно встречены на ряде резных камней. Из Пантикапея, например, происходит несколько золотых перстней с резными гранатами, на

---

[1] Инв. № ГМИИ, Ф-535, найден в некрополе холма «И», в погребении 28, размеры камня: 1,1 × 0,8 см.

[2] По определению Н. М. Никулиной, на гемме изображена Деметра: Н. М. Никулина, Перстни из Фанагории, СА, 1964, № 3, стр. 191—193.

[3] Похожий жест свойствен Немезиде, оттягивающей рукой верхний край хитона.

которых изображена Гигиея, кормящая змею [4]. Время их бытования I в. до н. э. — I в. н. э. Для всех них характерен схематизм в исполнении сюжета, большая небрежность и грубоватость в манере резьбы. Интересно отметить еще одну особенность, свойственную изображениям на вышеупомянутых геммах из Пантикапея: пропорции фигур сильно вытянуты, их контуры намечены прямыми графическими линиями, что создает впечатление эскизности.

Как отмечает М. И. Максимова, изображение Гигиеи — одно из наиболее частых женских божеств на резных камнях боспорского производства [5]. Геммы с Гигиеей найдены в Херсонесе [6], время их бытования — I в. н. э. Стиль и манера исполнения очень близки названной выше группе камней, что позволяет говорить о возможном сбыте продукции боспорской мастерской за пределы Боспорского царства. В собрании Гос. Эрмитажа имеется еще один резной камень с Гигиеей, происхождение которого, к сожалению, не известно [7].

Необходимо отметить еще одну черту, характерную для всех названных камней. Все они темно-красные гранаты в форме овального кабошона. Такие геммы были очень распространены в конце эпохи эллинизма и нередко встречаются в первые века нашей эры. Изображения на них даны почти во всю длину овала, пропорции фигуры значительно вытянуты, и ее контуры нанесены легкими вертикальными штрихами тонкого резца.

Образ Гигиеи встречается на геммах и в более позднее время. На городище Урбниси найден темно-красный резной плоский сердолик с фигурой Гигиеи и змеей в центре [8]. Схематизм и беглость в изображении фигуры очень сближают его с вышеназванными камнями, однако в нем уже отсутствует вытянутость фигуры, столь характерная для последних. По форме оправы этот перстень датируется II—III вв. н. э., но не исключено и более длительное бытование камня, вторично использованного. К этому же времени относится резной камень из собрания Государственного музея Грузии, где Гигиея изображена стоящей [9].

Возвращаясь к резному камню из собрания ГМИИ, необходимо отметить его стилистическую близость и общность в манере исполнения с группой вышеназванных камней из Гос. Эрмитажа и с теми геммами, которые особо выделяет М. И. Максимова, считая их изделиями боспорского производственного центра [10]. Нет расхождения и во времени их бытования, ибо инвентарь погребения датирует гемму из ГМИИ I в. до н. э.—I в. н. э., что совпадает со временем существования боспорской камнерезной мастерской. Было бы слишком смело утверждать принадлежность ее к группе, описываемой М. И. Максимовой. Однако несомненно, что она боспорского производства, ибо сохраняет все основные стилистические черты местного камнерезного искусства этого времени.

Среди всей группы гемм особо выделяется инталья из Тирамбы в виде округлого оранжевого сердолика, вся плоская поверхность которого занята

---

[4] Гос. Эрмитаж, инв. № П. 14. 22; П. 1891. 824; ПАН. 26. Пользуясь случаем, мы хотим выразить глубокую благодарность О. Я. Неверову за оказанную большую помощь в работе. М. И. Максимова, Боспорская камнерезная мастерская, СА, 1975, № 4, рис. 2, *10*, *11*.

[5] Максимова, ук. соч., стр. 79.

[6] Гос. Эрмитаж, инв. № Х. 1892. 6; Т. В. Кибальчич, Южно-русские геммы, Берлин, 1910, табл. IV, *129*, стр. 39; табл. V, *161*, стр. 41.

[7] Гос. Эрмитаж, инв. №. Ж.418.

[8] К. А. Джавахишвили, Памятники глиптики городища Урбниси, Тбилиси, 1972, табл. VI, *100*.

[9] М. Н. Лордкипанидзе, Геммы Государственного музея Грузии. Каталог, т. IV, Тбилиси, 1967, табл. IV, *43*.

[10] Максимова, ук. соч., стр. 75—82.

изображением коленопреклоненного юноши (рис. 1, *2*) [11]. Обнаженная фигура юноши представлена в профиль, правая рука поднята кверху, в согнутой левой он держит пальмовую ветвь. Под изображением проведена линия почвы. Подобный сюжет с фигурами коленопреклоненных юношей, иногда сатиров, неоднократно встречается на резных камнях. В частности, на двух интальях из коллекции Г. Г. Лемлейна имеется подобный сюжет в том же повороте фигуры, с той лишь разницей, что на одной инталье юноша держит пальмовую ветвь не в левой, а в правой руке, а на другой — юноша в правой руке держит яблоко, а за отведенной назад левой рукой виднеется небольшая ветка [12]. Однако позы и поворот фигур объединяют их в единую группу с нашей геммой.

Тот же сюжет имеется и в ряде гемм, хранящихся в Гос. Эрмитаже [13] и относящихся к I в. до н. э.— I в. н. э. Тем же временем можно датировать и нашу инталью. Этой дате не противоречит и техника резьбы «in globolo», для которой свойственна разметка основных точек фигуры небольшими круглыми углублениями. Техника «in globolo», четкие контуры фигуры, объемность и заполированность врезанного изображения указывают на италийское происхождение этой геммы. Перстень с интальей, очень близкой по технике резьбы к описываемой, имеется в собрании ГМИИ. Он также происходит из некрополя Тирамбы, и на его резном камне изображены два Амура [14]. Гемма принадлежит руке первоклассного италийского мастера, отличается прекрасным качеством и хорошей сохранностью. Другая италийская гемма с изображением раненого воина находится в Гос. Эрмитаже [15]. Оба камня относятся к I в. до н. э.— I в. н. э.

Геммы первых веков нашей эры представлены тремя резными камнями. Один из них происходит из некрополя Фанагории (рис. 1, *3*) [16]. Это небольшой темно-вишневый сердолик, слегка расширяющийся к гнезду. Камень имеет горизонтальную отполированную поверхность, на которую нанесено изображение. Малые его размеры накладывают в известной степени отпечаток на манеру исполнения. Миниатюрность интальи затрудняет более конкретное определение фигуры. На очень маленьком поле геммы (0,5 см) вырезана фигура стоящей женщины, повернутая в пол-оборота вправо. Длинный хитон, подпоясанный под грудью, вертикальными складками спускается с плеч до линии почвы. Плащ окутывает колени. Правая рука женщины опущена вдоль тела, левая держит неясный предмет, изображенный двумя прямыми вертикальными линиями, из которых одна короче другой. Голова с пышной прической повернута в профиль вправо.

Умелый подбор резчиком соответствующих инструментов довольно точно и уверенно передает общие контуры фигуры. Изображение повторяет основную схему стоящей женской фигуры, например расположение вертикальных складок на хитоне, трактовку плаща у колен двумя-тремя штрихами. Однако резьба выполнена очень небрежно и схематично, отдельные линии заходят одна за другую, отсутствует тщательность в отделке, нарушены пропорции фигуры по отношению к осевой линии. Миниатюрность, схематизм изображения, отсутствие четких атрибутов затрудняют определение женской фигуры и позволяют лишь высказать предположение.

Некоторая статичность и торжественность позы указывают на то, что перед нами женское божество, возможно Деметра (если рассматривать длинные предметы в ее руке как схематичное изображение колосьев). Но считать

[11] Т-68, НЕ, VI/4, № 174, размер 1 × 0,9 см.
[12] Гос. Эрмитаж, инв. № Ж. 6896; Ж. 6897.
[13] Гос. Эрмитаж, инв. № Ж. 6509; Ж. 3686; Ж. 2681; Ж. 4454; Ж. 1313; Ж. 462.
[14] ГМИИ, инв. № Ф-1161; А. К. Коровина, Тирамба (городище и некрополь), Сообщения ГМИИ, IV, 1968, стр. 78, рис. 33.
[15] Гос. Эрмитаж, инв. № Ж. 6509.
[16] Ф-64, м. 192, № 6337.

акую атрибуцию бесспорной нет достаточных оснований, хотя эта богиня изображается обычно стоящей или сидящей с колосьями (часто опущенными) в одной руке и с фруктами или жертвенным пирогом — в другой. У ее ног часто помещен муравей — символ трудолюбия. Такие геммы часто встречаются в Северном Причерноморье [17], имеются они и в собрании Бергау [18]. Наиболее близкой аналогией является небольшая инталья из собрания Гос. Эрмитажа, происходящая, по-видимому, из Пантикапея [19] и датирующаяся I в. н. э. Похожи не только очертания фигуры, размеры камня, но и стиль резьбы, беглый и схематичный.

Гемма из ГМИИ, о которой шла речь выше, вставлена в бронзовую оправу. Она была найдена в могильном комплексе I—II вв. н. э. и датируется тем же временем. Этому не противоречит и форма сохранившейся части самого перстня.

Ко времени I—II вв. н. э. относится еще один резной камень из собрания ГМИИ, также происходящий из некрополя Фанагории, найденный в могиле I—II вв. н. э. (рис. 1, *4*) [20]. Это овальный оранжевый сердолик с вертикальными гранями, на плоской полированной поверхности которого в полный рост вырезан стоящий петух. Четкие контуры очерчивают его фигуру, отличающуюся заметными диспропорциями. От небольшой головки с сильно вытянутым клювом отходит длинная, постепенно расширяющаяся книзу шея, которая переходит в тяжелое приземистое туловище. Две короткие ножки исполнены прямыми штрихами. Интересна техника резьбы: круглым резцом сняты по всей поверхности изображения отдельные участки, затем прямым тонким резцом прочерчены линии, передающие его оперение. Варьирование глубин снятого камня на отдельных участках создает впечатление объемности фигуры. Глубокая резьба сочетается с легкими мелкими штрихами, которыми переданы гребень и бородка петуха. Преднамеренная упрощенность, отход от детальности и реалистичности, обычно свойственные большинству резных камней с этим сюжетом [21], наложили свой отпечаток на изображение, наделив его лаконизмом и крайним схематизмом в передаче основных черт. Это придает фигуре птицы особую эффективность, еще более усиливающуюся контрастностью блестящего полированного фона и матового изображения, что определяет своеобразие стиля резчика, указывает на умелое владение резцом, несмотря на ряд небрежностей, которые проявляются в выходе резца за контуры фигуры на груди и хвосте, в передаче линии почвы двумя несходящимися линиями, в трактовке отдельных деталей, например, головы, лап, хвоста.

Среди большого количества изображений петухов и вообще птиц мы не нашли ни одного изображения, которое по общим очертаниям фигуры было бы похоже на наше. Большинство из них передает подробно все детали тела и оперенья птиц [22] или же выполнены в иной манере. Наиболее

---

[17] Кибальчич, Южно-русские геммы, табл. V, *170*, стр. 42; табл. VI, *204*, стр. 44.

[18] A. Thiele, Die Sammlung Bergau antiker vertieft geschnittener Steine, Nürnberg, 1885, табл. I, *31—34*, *36—48*; табл. IV, *419*.

[19] Гос. Эрмитаж, инв. № Ж. 431.

[20] Ф-64, м. 192, № 632.

[21] Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen, Bd. I, Teil 2, München — Wiesbaden, 1970, табл. 90, *784—786*, *788*; 103, *899*; 179, *2033—2040*; Bd. III, табл. 20, *161*, *162*; 71, *501*, *502*; A. Furtwängler, Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium, B., 1896, табл. 19, *2074*, *2151*; G. Lippold, Gemmen und Kameen des Altertums und Neuzeit, Stuttgart, 1922, табл. XCVI.

[22] E. Furtwängler, Die antiken Gemmen, Lpz — B., 1900, табл. XXIX, *56*, *65*; Lippold, ук. соч., табл. XCVI; Imhoof-Blumer, O. Keller, Tier und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des classischen Altertums, Lpz, 1889, табл. XXI, *41*.

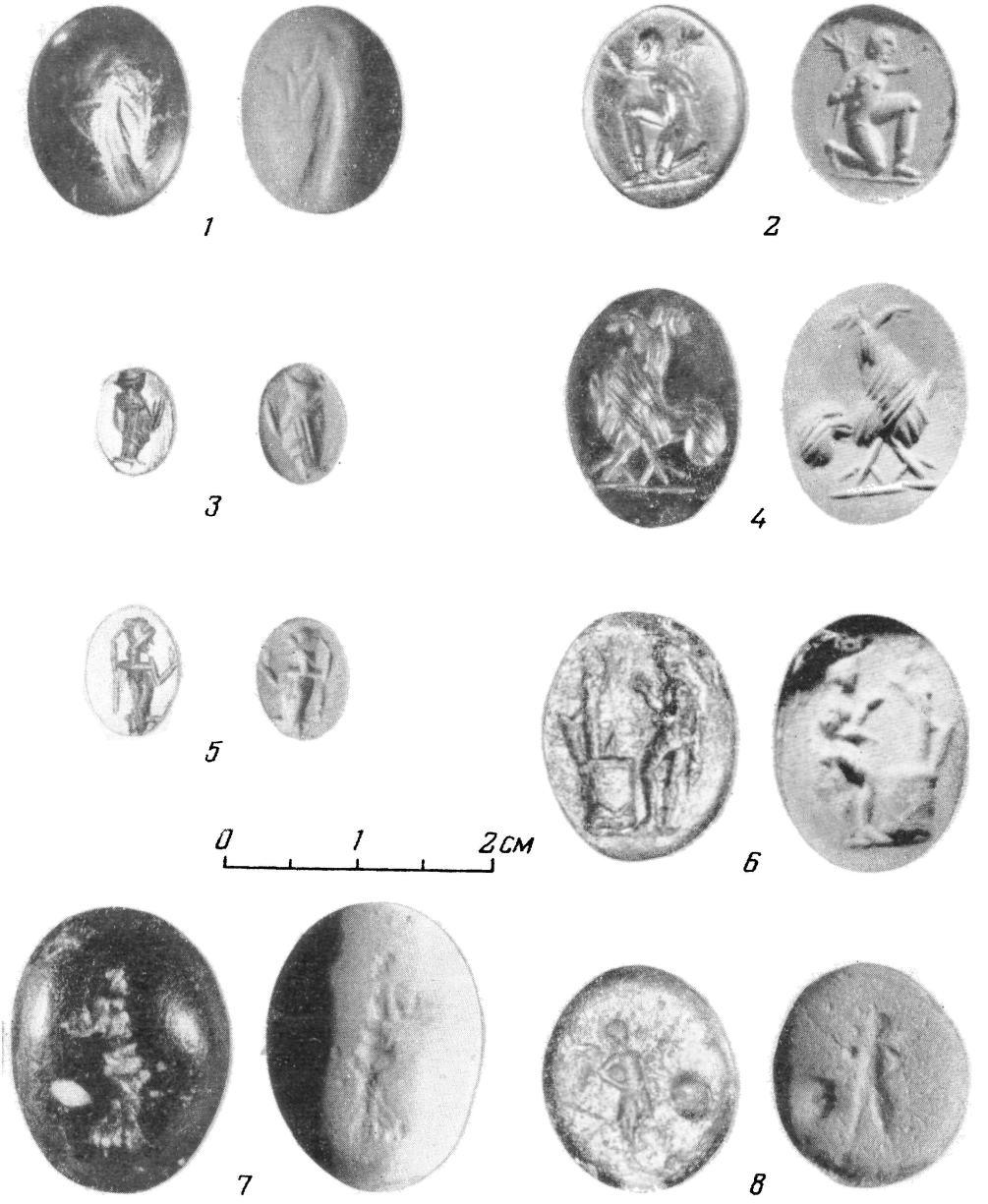


Рис. 1. Резные камни и слепки с них из раскопок Фанагории и Тирамбы. ГМИИ им. А. С. Пушкина

близка по технике резьбы инталья I в. н. э. из венской коллекции, опубликованная в фундаментальном своде античных гемм немецких собраний [23]. На ней, так же как и на нашем камне, поверхность обработана несколькими отдельными выемками, которые в свою очередь образованы рядом одинаково направленных штрихов.

Поскольку камень из Фанагории найден в могильном комплексе, его приблизительная датировка определяется инвентарем погребения, т. е. I—II вв. н. э.

Очень близок вышеописанному камню другой резной темно-красный сердолик из собрания ГМИИ, также найденный в некрополе Фанагории, но не в могильном комплексе, а в слое (рис. 1, *5*) [24]. На крошечном поле плоского овала (0,6 см) представлена стоящая Афродита. Ее фигура изображена в фас, голова повернута в профиль вправо. В левой руке она держит небольшое круглое зеркало, а правой — поправляет пышную прическу. Длинный хитон прямыми складками спускается до линии почвы, с правой поднятой руки свешивается широкий рукав.

Среди многообразия художественных типов этой богини образ стоящей Афродиты с зеркалом в руке нередко встречается на резных камнях. Почти точная повторяемость позы на большинстве их них наводит на мысль, что этот тип Афродиты был воспроизведением с какой-то статуи. Такие случаи нередки в глиптике. Наиболее наглядным подтверждением этой мысли служит резной камень I—II вв. н. э. из коллекции Бартона Берри, где черты статуарности выражены наиболее ярко [25]. Другой резной сердолик из того же собрания повторяет фигуру богини в зеркальном ракурсе [26], но в ее изображении уже заметны черты схематизма, изменены или утрачены отдельные детали в облике.

Наиболее близка резному камню из ГМИИ группа гемм I—II вв. н. э., происходящих из Пантикапея [27], Херсонеса [28], Ольвии [29], Урбниси [30]. Все они представлены овальными камнями, плоская горизонтальная поверхность которых почти целиком занята изображением стоящей Афродиты. Две из них в композиционном отношении очень близки нашей инталье и почти повторяют позу богини. С уверенностью можно говорить о стилистическом сходстве: нарушение пропорций фигуры, эскизность и схематизм общих контуров, очерченных несколькими прямыми штрихами тонкого резца. Однако нарочитая небрежность, характерная для изображений более позднего времени, заставляет отнести гемму из ГМИИ не ко II, а к III в. н. э.

Наряду с дорогими резными камнями, требующими большого мастерства и длительной обработки, широкое хождение в античное время имели стеклянные литики, по цвету и внешнему облику подражающие драгоценным камням. Они были значительно дешевле последних, так как отливались или с самих инталий, или с форм, снятых с гемм, и, как правило, не требовали дополнительной обработки резцом. Однако известны литики не дешевой массовой продукции, а высокого качества отделки и потому высоко ценившиеся. Особенно часто встречаются красные стеклянные литики, подражающие сардеру, зеленые, подражающие изумрудам, и синие, имитирующие никколо.

---

[23] Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen, Bd. I, Teil 2, табл. 66, *391*.

[24] Ф-64, II, III/5, № 124; размеры камня 0,6 × 0,4 см.

[25] B. Berry, Ancient Gems, Indiana University Art Museum Publication, 1968, стр. 64, рис. 117.

[26] Там же, рис. 207.

[27] Гос. Эрмитаж, инв. № П. 1872. 182; ПАН. 28; П. 1891. 783.

[28] Кибальчич, Южно-русские геммы, табл. II, *67*, стр. 34.

[29] Там же, табл. II, *69*, стр. 34.

[30] Джавахишвили, ук. соч., табл. VI, *108*.

Ранние античные литики в форме скарабея относятся к IV в. до н. э. Наибольшее распространение они получили в период расцвета римского стеклообрабатывающего производства, т. е. I в. до н. э.— I в. н. э. Однако встречаются они в более позднее, императорское время [31].

Из склепа № 54 некрополя Тирамбы происходит бронзовый перстень с литиком из зеленой глухой пасты, имитирующей изумрудную плазму (рис. 1, *6*) [32]. На плоской лицевой стороне изображен Bonus Eventus — гений доброй судьбы. Bonus Eventus — любимая фигура в римском искусстве, представленная часто на монетах и геммах [33]. Плиний упоминает статую Bonus Eventus, которую создал Евфранор, положив в основу образ Триптолема [34]. Статуя представляла собой стоящего юношу с патерой в правой руке и пучком колосьев и маков в левой. На многочисленных геммах с Bonus Eventus его изображения всегда сопровождаются такими атрибутами, как колосья, ветка, виноградная лоза, маки, чаша с фруктами. У ног его часто стоит корзина с фруктами или сосуд с вином [35]. Все эти дары земли предназначались для жертвенного алтаря. Именно эта сцена жертвоприношения и изображена на литике перстня из Тирамбы. Перед небольшим алтарем с колонкой, вокруг которой обвивается какое-то растение, стоит юноша, опираясь на правую ногу и слегка согнув в колене левую. В его правой руке патера или чаша, левая — протянута к алтарю; за спиной виднеется свисающий с плеч плащ. Лицевая поверхность литика сильно повреждена ирризацией, однако в углублениях врезанной фигуры, алтаря, дерева кое-где видны следы золочения. Вероятно, вся поверхность литика была позолочена тисненой фольгой, тончайший слой которой стерся на более выпуклых местах. Случаи золочения инталий и литиков известны в античной глиптике. В частности, о золочении инталий в античной Колхиде и Иберии упоминает М. Н. Лордкипанидзе [36]. Очень близкой аналогией, почти повторяющей композицию на нашем литике, служит литик темно-желтого стекла из Мюнхенского собрания [37]. Схожие вплоть до мельчайших деталей, они отличаются лишь различными расположениями фигур (поворот фигуры справа налево на нашем литике и слева направо на мюнхенском). Другой литик I в. до н. э.— I в. н. э. с аналогичным сюжетом имеется в собрании Бергау в Берлине [38]. Описываемый нами перстень из Тирамбы на основании приведенных аналогий можно отнести к I в. н. э., времени, когда этот сюжет был особенно распространен в римской глиптике. Этой дате не противоречит и инвентарь склепа, где был найден перстень.

Из могилы I в н. э. некрополя Фанагории происходит еще один бронзовый перстень с литиком голубого стекла (рис. 1, *7*) [39]. На его выпуклой, сильно потертой поверхности изображена женская фигура в длинной

[31] Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen, Evamaria Schmidt. Glaspaste..., стр. 81—82.

[32] Т-66, склеп № 54, № 73.

[33] H. Mattingly, Coins of the Roman Empire in the British museum, vol. I L., 1923, табл. 49, *16—18*, *23*, *24*, стр. 289, 290; табл. 50, *4*, стр. 293; vol. 2, табл. 14, *19*, стр. 86; табл. 46, *18*, стр. 241; Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen, Bd. I, Teil 2, табл. 76, *456—457*; G. M. A. Richter, Catalogue of engraved Gems of the classical style, N. Y., 1920, стр. 116—117, табл. 49, *187*; Кибальчич, Южнорусские геммы, табл. IV, *132*; Гос. Эрмитаж, инв. № П. 1889. 7; Ж. 1382; Ж. 5274, Ж. 2142, Ж. 5273, Ж. 2100, Ж. 2101, Ж. 2102, Ж. 2104.

[34] Plin., N. h. XXXIV, 77.

[35] См. прим. *27*.

[36] М. Н. Лордкипанидзе, Корпус памятников глиптики древней Грузии, т. I, Тбилиси, 1969, стр. 152.

[37] Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen, Bd. I, Teil 2, 147, *1522*.

[38] Furtwängler, Beschreibung der geschnitten Steine im Antiquarium, табл. 34, *4713*.

[39] ГМИИ, Ф-1182.

одежде. За ее спиной развивается короткий плащ. Выдвинутая вперед правая нога, расходящиеся у ног веерообразные складки, отлетающий легкий плащ — все говорит о том, что это изображение танцовщицы. Глубина и четкость линий, которыми выполнены контуры фигуры и детали одежды, наводят на мысль, что изображение не литое, а резанное вручную по стеклу. Ручная подправка или же полное исполнение рисунка резцом по стеклу известны в античной глиптике. Иногда такие литики отличались высокохудожественным исполнением и ценились наравне с резными камнями [40]. Наш литик, напротив, изготовлен довольно небрежно, линии рук и торса почти не проработаны. Но несмотря на эти недостатки, мастер умело передал динамику движения в расположении ног, складок платья и плаща. Своеобразная манера передачи движения веерообразными складками развевающейся одежды впервые встречается в эллинистическом искусстве, в первые века н. э. она становится особенно излюбленной не только в монументальной скульптуре [41], но и в прикладном искусстве, в частности на монетах и геммах [42].

В качестве примера камнерезного искусства, где эти черты представлены наиболее ярко, можно привести изображение танцовщицы на резном сердолике из Гос. Эрмитажа [43]. Большое сходство с изображениями на монетах указывает на возможность изготовления и резных камней, и монетных штампов одними и теми же мастерами. Близки по стилю две геммы I — начала II в. н. э. из Британского музея [44] и гемма начала III в. н. э. из музея Августа в Риме [45]. Подражают общепринятому типу Ники (или Виктории) изображения на двух геммах I—II вв. н. э. из Мцхеты [46] и из Херсонеса [47]. Таким образом, мастер нашего литика для передачи динамики движения использует изобразительные средства, очень распространенные в римском искусстве первых веков н. э.

Вероятно, к этому же времени относится небольшой округлый литик желтого стекла, происходящий из Тирамбы (рис. 1, *8*) [48]. Сильная потертость поверхности очень затрудняет определение сюжета. Небольшое крыло за спиной юноши позволяет видеть в нем Эрота. Его стройная обнаженная фигура представлена в трех-четвертном повороте с широко расставленными ногами. Согнутая в локте правая рука упирается в бок, вытянутая вперед левая — почти не видна. Эрот, по-видимому, стоит на небольшом шаре и играет мячом.

Интальи или литики с композицией, аналогичной вышеописанной, найти нам не удалось. Обращает на себя внимание одна отливка с литика I в. н. э. из желтой стеклянной пасты, находящаяся в собрании Гёттингена [49]. На ней изображен летящий юноша Эрот с виноградной лозой в руке. Сходство с изображением на нашем литике весьма отдаленное, общие

---

[40] М. И. Максимова, Античные резные камни, Л., 1931, стр. 22.

[41] J. Charbonneaux, R. Martin, F. Villard, Hellenistic art, N. Y., 1973, табл. 241, стр. 278; табл. 278; стр. 266; табл. 254, стр. 240; табл. 260, стр. 243; табл. 304, стр. 283.

[42] Mattingly, ук. соч., vol. I, табл. 44, *2—4*, *11*; 46, *8*; 50, *19*; 52, *19—24*; vol. 2, табл. 2, *1*, *13*, *19*; 16, *1*, *9*, *19*; 17, *2*, *9*; 40, *9*; 74, *9*.

[43] Гос. Эрмитаж, инв. № Ж. 457.

[44] G. M. A. Richter, Engraved Gems of the Greeks, Etruscans and Romans, vol. I, L., 1968, стр. 549; H. B. Walters, Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum, L., 1926, табл. XXIII, *1726*.

[45] R. Steiger, Gemmen und Kameen in Römermuseum August, Antike Kunst, IX, 1966, табл. 9, *16*.

[46] Лордкипанидзе, Геммы Государственного музея Грузии, т. IV, табл. III, *13*.

[47] Гос. Эрмитаж, инв. № X, 1892. 8.

[48] Т-60, случ. нах. № 56.

[49] Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen, Bd. I, табл. 38, *117*.

черты проявляются лишь в слегка удлиненных пропорциях, придающих особую стройность фигуре,— это качество в изображении человеческого тела характерно не только для прикладного искусства, но часто и для скульптур августовского времени [50]. Предположительно литик с Эротом можно отнести к I в. н. э.

Описанная выше коллекция из ГМИИ, включающая в себя восемь гемм и литиков, ограничена относительно небольшим хронологическим отрезком: I в. до н. э.— II в. н. э. Особый интерес представляет резной камень, близкий по стилю к группе гемм боспорской камнерезной мастерской. Наличие инталий италийского происхождения и двух литиков с сюжетами, очень распространенными в римском искусстве, свидетельствует о явном тяготении к западным (а не к восточным, как в раннее время) областям античной культуры.

CARVED STONES FROM RECENT EXCAVATIONS IN PHANAGORIA AND TYRAMBE

S. I. Finogenova

The Pushkin Museum of Fine Arts has several carved stones (*cabochons*) and glass paste from ancient cemeteries in Phanagoria and Tyrambe dated in the 1st century B. C.— 3rd A. D. Though the carving varies in style, character and subject matter it is possible here and there to distinguish groups. The earliest of the gems described by the author is a small *cabochon* with the figure of Hygiea cut on its centre. Two carved stones from the Tyrambe necropolis belong to the group of Italian gems of the 1st century B. C. — 1st A. D. On one of them is depicted a kneeling youth with a palm branch, on the other an Eros. Of two stones belonging to the 1st — 2nd centuries A. D. one, from the Phanagoria necropolis, has a figure of Demeter carved on it, the other a standing cock. The latest of the gems has a crudely worked intaglio of Aphrodite. Besides semiprecious stones, requiring great skill and patience on the part of the cutter, glass paste, in colour and form imitating *cabochons*, were very popular in antiquity. On one of these, from Tyrambe at the turn of our era, is depicted the spirit (*genius*) of good luck before an altar, on another, from Phanagoria, a woman's figure in long draperies. Both subjects were popular in Roman art and are also found on coins of the Imperial period. The objects described show that imported gems are often found in Bosporus along with products of local craftsmanship. The presence of Italian work among the imported gems shows that the Bosporans were attracted by the culture of the West.

[50] E. Stronc, La a scultura romanda Augusto a Costantino, vol. I, Firenze, 1923, рис. 18, 19, табл. XV.

А. М. Куликова

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО Ж.-Ф. ШАМПОЛЬОНА П. Л. ШИЛЛИНГУ

Многолетняя предыстория отечественной египтологии несомненно содержит много ярких фактов, в настоящее время еще скрытых от исследователей в недрах архивов. Примером тому служит публикуемый ниже ценный документ — неизданное письмо Ж.-Ф. Шампольона к П. Л. Шиллингу.

Основоположник египтологии Жан-Франсуа Шампольон (1790—1832) публикацией своей основной работы, изданной в Париже в 1822 г.[1], привлек к себе внимание русской общественности. Открытие Ж.-Ф. Шампольона обсуждалось на страницах журналов и в модных литературных салонах, в университетских аудиториях и в переписке целого ряда лиц. Появились работы с популярным изложением его системы чтения египетских иероглифов, а также с критикой этой системы [2].

Как об этом свидетельствуют его письма, Ж.-Ф. Шампольон в свою очередь следил за своими сторонниками и критиками в России. К настоящему времени в нашей литературе опубликовано шесть писем Ж.-Ф. Шампольона. Два из них посланы Алексею Николаевичу Оленину [3] (1763—1843), директору Публичной библиотеки, президенту Академии художеств, также отдавшему дань занятиям археологией древнего Востока, в частности Египта. Еще три письма Ж.-Ф. Шампольона адресованы владельцу известного книжного магазина в Петербурге Сен-Флорану [4],

---

[1] См. J.-F. Champollion, Lettre à M. Dacier... relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques, P., 1822. Русский перевод см. Ж.-Ф. Шампольон, О египетском иероглифическом алфавите, (Л.), 1950.

[2] Б. (С. Г. Батеньков), О египетских письменах, «Сын отечества», М., 1824, ч. 95, стр. 49—65, 97—116, 172—180, 241—258, 289—303; ч. 96, стр. 3—19, 49—64; Th. Ausonioli (Gouliano ff), Opuscules archéographiques, P., 1826; П. А. Вяземский, Известие о книге «Opuscules archéographiques», par. Th. Ausonioli (Археографические опыты, соч. Ф. Авзониоли, ч. I, Париж), М., 1826; Essai sur les hieroglyphes d'Horapollon et quelques mots sur la Cabale, P., 1827; Г. С. (Г. И. Спасский), О древней египетской гробнице, «Азиатский вестник», кн. 2, СПб., 1827, стр. 115—118.

[3] А. В. Мачинский, Переписка Ж. Ф. Шампольона с А. Н. Олениным, ПИДО, № 4, М.—Л., 1934, стр. 72—89. Ссылка на Архив Академии истории материальной культуры (бывший Архив Имп. Русского археологического общества), более точный шифр в статье отсутствует. В настоящее время письма, опубликованные А. В. Мачинским, храняется в Архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в фонде А. Н. Оленина (ф. 7, ед. хр. 88).

[4] Мачинский, ук. соч.; И. С. Кацнельсон, Неизданное письмо Франсуа Шамполлиона, ВДИ, 1947, № 2, стр. 179—182. Автор дает ссылку на Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ОР ГПБ), собрание автографов. В настоящее время данное письмо в собрании автографов отсутствует.

который был «корреспондентом» французского «книгопродавца» П. Дюфара, снабжавшего русских заказчиков новинками западноевропейской литературы [5]. Эти три письма можно считать дополнением к переписке А. Н. Оленина, поскольку по содержанию они являются ответами на его вопросы. Прибавим сюда еще два письма А. Н. Оленина Ж.-Ф. Шампольону [6], и мы получим группу писем, датированную 1823—1824 гг., относящуюся к началу заочного знакомства А. Н. Оленина с Ж.-Ф. Шампольоном и содержащую сведения об издании «Обзора иероглифической системы», о других работах и источниках по египтологии. Известно еще одно изданное письмо Ж.-Ф. Шампольона [7]. Оно написано во время пребывания французского египтолога в Италии и отправлено из Флоренции в Рим 25 июня 1825 г. на имя С. О. Коссаковского. Станислав Осипович Коссаковский (1795—1872), поляк по происхождению, находился на русской дипломатической службе и в 1822—1826 гг. занимал пост первого секретаря посольства России в Италии. Прослушав в Риме несколько лекций Ж.-Ф. Шампольона, он заинтересовался его системой и изложил основные ее принципы в своей работе «Compte rendu sur le système hiéroglyphique de M. Champollion» [8]. В упомянутом письме речь идет об участии Ж.-Ф. Шампольона в подготовке празднования коронации Карла X во французском посольстве в Риме, а также об обелиске одного из флорентийских музеев, оказавшегося подделкой.

В одном из перечисленных выше писем есть подтверждение того, что в 1823 г., уезжая за границу, А. Л. Шиллинг должен был передать французскому египтологу одно из посланий А. Н. Оленина [9]. Этот факт не привлек внимание исследователей, и до последнего времени имя П. Л. Шиллинга не связывалось с египтологией. Однако знакомство с его биографией побудило автора данной статьи искать среди его материалов сведения по истории этой востоковедческой дисциплины.

Павел Львович Шиллинг фон Канштадт (1786—1837) — чрезвычайно интересная личность в истории науки. Дипломат и участник войны с Наполеоном, изобретатель электромагнитного телеграфа и известный ориенталист, директор первой в России литографии и обладатель редчайшей восточной коллекции — таков диапазон его интересов, знаний и занятий. Его жизнь описана чрезвычайно неровно. Так, достаточно изучены его вклад в развитие техники [10], его деятельность как организатора типолитографирования восточных текстов [11] и собирателя ценных восточных книг,

[5] ОР ГПБ. ф. 542 Олениных, ед. хр. 1036, л. 2.

[6] Одно из этих писем опубликовано: Мачинский, ук. соч. Второе письмо не издано, оно хранится в ОР ГПБ, ф. 542 Олениных, ед. хр. 150.

[7] И. С. Кацнельсон. Материалы для истории египтологии в России, «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2, М., 1956, стр. 224—231. Ссылка на ОР ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, более точный шифр в статье отсутствует. В настоящее время этому письму присвоен шифр: ОР ГПБ, ф. 993 П. К. Сухтелена, картон 35,5 лл. К письму приложена копия египетской надписи.

[8] Рукопись работы хранится в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (далее — Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР), р. III, оп. 2, ед. хр. 46. И. Г. Лившиц опубликовал текст этой работы в статье «Новые документы по истории египтологии», см. JWH, v. VI, № 3, Neuchatel, 1960, стр. 610—624.

[9] См. отпуск неопубликованного письма А. Н. Оленина к Ж.-Ф. Шампольону от 17/29 августа 1923 г.— ОР ГПБ, ф. 542 Олениных, ед. хр. 150, л. 1. На первом листе французского текста письма пометка по-русски: «с бароном Шиллингом».

[10] См., например, И. Гамель, Телеграфия и барон Павел Шиллинг, «С.-Петербургская газета», № 166, 1860, специальный выпуск на нем. яз. Изобретатель электромагнитного телеграфа барон П. Л. Шиллинг фон-Канштадт, СПб., 1886; А. В. Яроцкий, Павел Львович Шиллинг, 1786—1837, М., 1963 и др.

[11] См., например, Л. И. Чугуевский, Из истории издания восточных текстов в России в первой четверти XIX века, в сб. «Страны и народы Востока», вып. XI, М., 1971, стр. 280—294.

литографий и рукописей, большая часть которых сейчас находится в Рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР [12]. Известно, что часть рукописей он передал Парижской Академии наук [13]. Вместе с тем совершенно не освещено его участие в развитии научного востоковедения. Из биографии П. Л. Шиллинга известно, что, окончив Кадетский корпус (1797—1802) и почти сразу расставшись с военной карьерой, он 10 лет провел в Мюнхене в качестве сотрудника русского посольства, где познакомился со многими европейскими учеными, изучал источники и литературу и приобрел знания в самых различных научных областях. Именно названный период можно считать своеобразным «университетом» в его жизни [14]. Самостоятельные научные занятия П. Л. Шиллинга, прерванные войной с Францией, возобновились в Париже, куда он вошел с русской армией и где пробыл до июня 1815 г., время от времени выезжая в Мюнхен [15]. В Париже он близко познакомился с французскими востоковедами, и это, несомненно, стало исходным пунктом его увлечения ориенталистикой.

Приведенные факты позволили предположить, что завязавшиеся знакомства оставили след в виде переписки, в которой, вполне вероятно, могли быть сведения и по египтологии, поскольку именно эта отрасль знания вызывала в это время у парижских востоковедов повышенный интерес. Изыскания в архивах показали, что П. Л. Шиллинг переписывался с такими французскими ориенталистами, как С. де-Саси, А. Ремюза, Г.-Ю. Клапрот, причем с последним — в течение многих лет.

Генрих-Юлий Клапрот (1783—1835), непосредственной специальностью которого было исследование языков народов Кавказа и Сибири, самостоятельно изучал коптский язык и египетские иероглифы, яростно критиковал Ж.-Ф. Шампольона и поддерживал Ивана Александровича Гульянова (1793—1841) — русского египтолога, безуспешно пытавшегося создать собственный метод дешифровки надписей древнего Египта. В личном фонде П. Л. Шиллинга сохранилось 15 писем Г.-Ю. Клапрота за 1820—1833 гг., где наряду с вопросами, связанными с изучением Кавказа, Сибири, Тибета, Монголии, есть сведения о Ж.-Ф. Шампольоне, его системе дешифровки и несогласии с ней [16].

В одном из писем И. А. Гульянова к Николаю Ивановичу Гречу (1787—1867) встретилось имя П. Л. Шиллинга. «Не имея минуты времени писать к (барону) Шиллингу, знакомому всем вашим ориенталистам — пишет И. А. Гульянов, — я весьма был бы Вам обязан, если бы Вы взяли на себя труд сообщить ему на словах все, что относится до путаницы арабской» [17]. (Речь идет об одной из гульяновских работ). Таким образом, И. А. Гульянов, долгие годы находившийся за границей, обращается за разъяснением спорного вопроса к П. Л. Шиллингу как авторитету в данной отрасли знания. Письмо датируется 24 августа 1828 г. Действительно, к этому времени П. Л. Шиллинг — признанный специалист, уже долгие годы изучавший восточные языки и собиратель тибетских, монгольских, маньчжурских, китайских, японских и других рукописей. Он — член-

---

[12] См. А. В. Яроцкий, О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда, «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 6, М., 1963, стр. 218—253; Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, М., 1972, стр. 82, 83, 152, 154, 157.

[13] Барон П. Л. Шиллинг фон-Канштадт, ЖМНП, ч. 15, 1837, отд. VI, стр. 457.

[14] К. Ч. (К. Чевкин), Барон Павел Львович Шиллинг, «Северная пчела», № 217, 1838, стр. 3 (867).

[15] Отдел документальных фондов Центрального музея связи им. А. С. Попова, ф. 7. П. Л. Шиллинга, оп. 1, ед. хр. 16, л. 1—2; Гамель, ук. соч., стр. 1.

[16] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 60, л. 13 об., 29—30.

[17] Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 64, л. 2 об.

Paris le 25 Août 1827

Mon cher Ami,

Je hasarde encore cette lettre pour vous prier bien de la charger une personne qui se rend à St Pétersbourg. Il y a longtemps que j'ignore de vos nouvelles et votre silence m'a fait craindre que ma lettre de la fin de janvier, envoyée à Mr de Maurizio pour vous être adressée ne vous ait point été remise. Je me hâte donc de vous prier de ne point douter de mon véritable et vive affection pour vous, pour toute la famille de mes parents. Comptez donc toujours sur mon cœur comme je me plais à me reposer sur le vôtre et croyez que tous jouissances hiéroglyphiques et l'intérêt toujours croissant de mes études ne me feront jamais perdre le souvenir de ceux qui comme vous m'ont mis quelque prix à mon attachement.

Depuis mon retour d'Italie (au mois de Novembre 1826) je me suis presque exclusivement occupé de l'organisation du Musée Egyptien établi au Louvre autour duquel on m'a donné la direction. Je suis d'avance du plaisir que j'aurai à vous montrer, lorsque vous viendrez à Paris, cette suite d'intéressants monuments qui remettent pour ainsi dire sous les yeux, le culte, la croyance et la vie publique et privée d'un grand peuple tout entier. Mon Musée s'enrichit tous les jours et j'y ai réuni, ces jours passés, une admirable suite de bijoux en or et j'espère que le Pacha d'Egypte vient de faire au Roi de Prusse, sur des copies des Catacombes de

Mémoire de Hussendorfer à l'Ambassade d'Autriche à St Pétersbourg

Факсимиле письма Ж.-Ф. Шампольона П. Л. Шиллингу

Thèbes et de Memphis. Il y a des choses charmantes sous le rapport du travail d'orfèvrerie : quelques unes sont uniques sous le rapport de leur intérêt historique ; je vous citerai seulement ici le cachet royal de la Reine Cleopâtre femme d'Evergète IIe lequel pèse plus de cinq onces d'or et présente le portrait de la princesse admirablement gravé. J'ai aussi l'espoir de compléter notre série de bijoux égyptiens, par l'acquisition de ceux que vient d'apporter M. Drovetti Consul général de France en Egypte qui possède des objets en or, tels que colliers bracelets et coupes de la plus grande magnificence ayant appartenu au roi Mœris et à sa cour, d'après les inscriptions qui portent quelques uns d'entr'eux.

Le peu de temps qui me reste m'occupe à la rédaction de mon grand Dictionnaire hiéroglyphique, je recueille chemin faisant une foule de notes pour la Grammaire et je continue ce double travail malgré les nouvelles découvertes de M. de Guigniaut qui voudrait avoir un nouveau système d'interprétation, le mien ne lui convient pas du tout. J'ai publié un petit écrit sur sa prétendue découverte où j'ai montré la faiblesse du découvreur et la nullité de son travail. M. Klaproth qui n'entend rien aux choses égyptiennes a voulu le soutenir dans tous cas. Il a pris la peine de descendre du grand plateau de la Tartarie et j'ai été obligé de l'y renvoyer le plus poliment du monde : aussi vient-il d'imprimer une brochure pleine de mauvaises raisons et d'injures contre moi. Je ne répondrai ni aux unes ni aux autres. Le système de ces messieurs est jugé, je ne perdrai donc pas mon temps à écraser des gens qui sont déjà renversés sans espoir de se relever.

Les brochures que je joins à cette lettre vous mettront au courant de toute cette affaire : je les ai déjà adressées à M. de Steinbüchel pour qu'il vous les fît parvenir, me défiant de la complaisance de

Факсимиле письма Ж.-Ф. Шампольона П. Л. Шиллингу
(продолжение)

Факсимиле письма Ж.-Ф. Шампольона П. Л. Шиллингу
(окончание)

корреспондент Азиатского общества в Париже (1822) [18], член Британского общества азиатской литературы (1824) [19] и член-корреспондент имп. Академии наук по разряду литературы и древностей Востока (1828) [20].

Поездки П. Л. Шиллинга во Францию, его связи с Азиатским обществом и Академией наук в Париже, переписка с французскими ориенталистами, интерес к полемике вокруг дешифровки египетских иероглифов, а главное признание в Европе его востоковедной деятельности [21] — все это вполне объясняет, почему именно он стал одним из адресатов Ж.-Ф. Шампольона в России.

Письмо Ж.-Ф. Шампольона к П. Л. Шиллингу, открывающее еще одну страницу в истории русско-французских научных связей XIX в., написано 25 августа 1827 г. в Париже [22]. Общий тон и содержание его свидетельствуют о давних и дружеских отношениях этих двух людей П. Л. Шиллинг — близкий друг семьи Ж.-Ф. Шампольона. Возможно, их знакомство началось еще с пребывания П. Л. Шиллинга во Франции в 1814—1815 гг. Во всяком случае документально подтверждено, что в 1823 г., уезжая за границу, П. Л. Шиллинг должен был передать французскому египтологу одно из писем А. Н. Оленина [23]. Особо следует подчеркнуть тот факт, что как выясняется из приводимого ниже письма, оно — не единственное в переписке данных лиц и что предыдущее послание французского египтолога было отправлено в конце января 1827 г. Вероятно, эти ученые изредка обменивались вестями, передавая их со случайными оказиями. В известном издании писем Ж.-Ф. Шампольона [24] имя П. Л. Шиллинга среди адресатов не встречается. Возможно, другие следы их научных и личных контактов отыщутся со временем в архивах России и Франции.

Публикуемое далее письмо относится к периоду наивысшего расцвета деятельности французского египтолога и наиболее полного прижизненного признания его научной методологии. Все большее число ученых становилось сторонниками его системы. Правительство Франции теперь уже не могло не поддерживать его ценные начинания. Ж.-Ф. Шампольон в это время строит обширные планы дальнейшего развития египтологии. Упорно работая над составлением египетских словаря и грамматики, он также ведет организационную деятельность по созданию научно-технической египтологической базы (египетский отдел Лувра, экспедиции в Италию и Египет с целью сбора источников). Об этом Ж.-Ф. Шампольон сообщает П. Л. Шиллингу в приведенном ниже письме. Французский текст письма публикуется с полным сохранением авторской орфографии. Исключение составляет лишь расстановка прописных и заглавных букв в соответствии с современными правилами написания (для сравнения см. воспроизведение подлинника документа). Отмечены исправления, сделанные рукой Ж.-Ф. Шампольона. В русском переводе имеется ряд примечаний, сообщающих дополнительные сведения о лицах и событиях, названных в письме.

---

[18] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 60, л. 11.

[19] Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее — ААН), ф. 85, оп. 3, ед. хр. 2, л. 1.

[20] Диплом о присвоении П. Л. Шиллингу звания члена-корреспондента имп. Академии наук см. ААН, ф. 1, оп. 1а—1829, № 41, § 417.

[21] См., например, Н. И. Греч, Барон Павел Львович Шиллинг, «Северная пчела», № 142, 1853, стр. 3—4 (567—568).

[22] Хранится в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 46.

[23] ОР ГПБ, ф. 542 Олениных, ед. хр. 150, л. 1. Письмо датировано 17/29 августа 1823 г. На первом листе французского текста письма пометка по-русски: «с бароном Шиллингом».

[24] Lettres de Champollion le jeune recueillies et annotées par H. Hartleben, BÉ, t. 30, P., 1909.

* * *

Paris le 25 Août 1827

Mon cher ami,

je hasarde encore cette lettre pour vous bien le charger une personne qui se rend à St Petersbourg [1], Il y a longtemps que je desire de vos nouvelles et votre silence me fait présumer que ma lettre de la fin de janvier, envoyée à Mr De Mairian pour vous etre adressée ne vous a point été remise. Je me hâte donc de vous prier de ne point juger de ma véritable et vive affection pour vous, par la la [2] rareté de mes epitres. Comptez donc toujours sur mon cour comme je me plais à me reposer sur la vôtre et croyez que les jouissances hieroglyphiques et l'interet toujours croissant de mes etudes ne me feront jamais perdre le souvenir de ceux qui comme vous mettent quelque pris à mon attachement.

Depuis mon retour d'Italie (au mois de novembre 1826) je me suis presque exclusivement occupé de l'organisation du Musée Egyptien établi au Louvre et dont on m'a donné la direction. Je jouis d'avance du plaisir que j'aurai à vous montrer, lorsque vous viendrez â Paris, cette suite si interessante de monuments qui remettent pour ainsi dire sous les yeux, le culte, la croyance et la vie publique et privée d'un grand peuple tout entier. Mon Musée s'enrichit tous les jours et j'y ai réuni, ces jours passés, une admirable suite de bijoux en or présent [3] que le pacha d'Egypte vient de faire au roi de France aux depens des catacombes de Thèbes et de Memphis. Il y a des choses charmantes sous le rapport du travail d'orfèvrerie: quelques unes sont uniques sous le rapport de leur interêt historique: je vous citerai seulement ici le cachet royal de la reine Cleopâtra femme d'Evergète IIe lequel pèse phus de cinq onces d'or et présente le portrait de la princesse admirablement gravé.

J'ai aussi l'espoir de completter notre serie de bijoux egyptiens, par l'acquisition de ceux que vient d'apporter Mr Drovetti consul général de France en Egypte qui possède des objets en or, tels que colliers bracelets et coupes de la plus grande magnificence ayant appartenu au roi Moeris ou à sa cour d'après les inscriptions que portent quelques uns d'entr'eux.

Le peu de temps qui me reste est consacré à la rédaction de mon grand **Dictionnaire hieroglyphique**; je recueille chemin faisant une foule des notes pour **la Grammaire** et je continue ce double travail malgrè les nouvelles découvertes de Mr De Goulianow qui voudrait créer un nouveau système d'interprétation, le mien ne lui convenant pas du tout. J'ai publié un petit ecrit sur sa prétendue découverte oú j'ai montré la faiblesse du découvreur et la nullité de son travail. Mr Klaproth qui n'entend rien aux [4] choses egyptiennes a voulu se méler dans tout cela. Il a pris la peine de descendre du Grand plateau de la Tartarie et j'ai été obligé de l'y renvoyer le plus poliment du monde: aussi vient il d'imprimer une brochure pleine de mauvaises raisons et d'injures contre moi. Je ne repondrai ni aux unes ni aux autres. Le systeme de ces messieurs est jugé; je ne perdrai donc pas mon temps à écraser des gens qui sont déja renversés sans espoir de se relever.

Les brochures que je joins à cette lettre vous mettront au courant de toute cette affaire: je les ai déja adressées à Mr de Steinbüchel pour qu'il vous

---

[1] В конце первой страницы письма имеется следующее разъяснение: «Monsieur De Hummelauer à l'ambassade d'Autriche à St. Petersbourg».

[2] Артикль «la» ошибочно повторен два раза.

[3] Слово «en» исправлено на «présent».

[4] Слово «des» исправлено на «aux».

les fit parvenir, me défiant de la complaisance de Mr de Mairian à la solde du quel se trouve Mr Klaproth et qui est le mecène de Mr **Joulianos-Amonidi-Goulianow.**

L'appreçu de mes Résultats historiques vous apprendra que je sollicite dans ce moment ci de gouvernement les moyens d'exécuter mon voyage d'Egypte: si l'on veut bien sentir l'importance de cette proposition pour la science, j'assurerai ainsi à l'histoire une immense moisson de documents [5] inattendus. Je ferai tout pour exécuter ce voyage; et si le gouvernement ne fait point en cette occasion ce que l'interet des bonnes etudes exige. j'aurai recours au Génie mercantile du siecle et je ferai de ce voyage une spéculation commerciale en acceptant les offres qu'on m'a faites au nom de grands librairies et de grands capitalistes. Mais cette voie me repugne et je ne l'adopterai que dans le cas ou mon gouvernement ne sentirait pas tous tout ce qu'il y aurait de glorieux et d'utile à ce que cette expedition litteraire fut faite au son nom et avec son attache.

Ma femme et mon frere sont bien sensibles à votre bon souvenir. J'ai mille choses à vous dire de leur part et de celle de Planta qui, aujourd'hui, est commandant de la place de Briançon au sommet des Alpes. — J'espere que votre santé se sera améliorée. — Soignez la, jusqu'a ce que vous soyez sorti du climat à **Antitheses** que vous etes obligé d'habiter quelque temps encore. J'attends de vos nouvelles par la voie la plus courte: ne fut-ce qu'un mot, je serais content de vous savoir en bon etat; conservez moi votre amitié et croyez à toute la sincerité de l'attachement du tout votre de coeur.

J. Fr. Champollion le jeune

Rue Mazarine № 19 (au lieu de 28, mon ancien logement)

Перевод

Париж, 25 августа 1827 г.

Мой дорогой друг,

еще раз попытаюсь послать Вам письмо, поручив его человеку, направляющемуся в С.-Петербург [1]. Уже давно я желаю получить известие от Вас, и Ваше молчание заставляет меня полагать, что мое письмо, датированное концом января, посланное к г. де Мериану [2] для того, чтобы его переслали Вам, Вам так и не было передано. Все же спешу Вас просить не судить о моем подлинном и горячем расположении к Вам по редкости моих писем. Итак, всегда рассчитывайте на мое почтение к Вам, так же как и я считаю возможным полагаться на Ваше, и поверьте, что иероглифические утехи и все возрастающий интерес моих занятий никогда не заставят меня забыть тех, кто, как Вы, придают хоть какую-нибудь ценность моей привязанности к ним.

Со времени моего возвращения из Италии (в ноябре 1826 г.) [3] я почти исключительно занят организацией Египетского музея, помещенного в

---

[5] Слово «resultats» исправлено на «documents».

[1] В конце первой страницы письма имеется приписка, уточняющая, что этим человеком был «господин де Гуммелауер при посольстве Австрии в С.-Петербурге». Известно, что он служил вторым секретарем австрийского посольства в России, был знаком с Ж.-Ф. Шампольоном и ранее передавал ему письма русских корреспондентов. См. ОР ГПБ, ф. 542, ед. хр. 1036, л. 1—1 об.

[2] Андрей-Адольф Мериан (1772—1828) — французский лингвист, с 1823 г. — почетный член имп. Российской академии.

[3] В 1824 — 1826 гг. Ж.-Ф. Шампольон совершил научную поездку по городам Италии. Особенно плодотворным было исследование им папирусов и других египетских источников в музее Турина. Подробнее об этой поездке см. H. Hartleben, Champollion. Sein Leben und Werk, t. 1—2, B., 1906 (t. 1, p. 501—593; t. 2, стр. 1—66); В.В. Струве, Франсуа Шамполлион (к столетнему юбилею дешифровки иероглифов), «Анналы», № 2, 1922, стр. 14.

Лувре, управление которым поручено мне [4]. Я заранее наслаждаюсь удовольствием, которое я получу, показывая Вам, когда Вы приедете в Париж, это столь интересное собрание древностей, которые ставят, так сказать, перед глазами культ, верования, общественную и частную жизнь великого народа столь большой древности. Мой музей обогащается каждодневно, и я собрал там в последнее время, великолепный набор золотых украшений, дар паши Египта королю Франции [5] за счет катакомб Фив и Мемфиса. Там есть очаровательные вещи с точки зрения ювелирной работы; некоторые из них уникальны в отношении их исторического интереса; я Вам назову здесь царскую печать царицы Клеопатры II, супруги Эвергета II, которая весит более пяти унций золота и представляет собой портрет царицы, восхитительно гравированный [6]. Я также питаю надежду пополнить наше собрание египетских ювелирных украшений приобретением тех, что привез г. Дроветти, генеральный консул Франции в Египте [7], имеющий изделия из золота, такие, как ожерелья, браслеты и кубки необычайного великолепия, некогда принадлежащие царю Мерису [8] или его придворным, судя по надписям, которые содержат некоторые из них.

То немногое, что у меня остается от моего времени, поглощается редактированием моего большого «Иероглифического словаря» [9]; я собираю попутно множество заметок для «Грамматики» [10], и я продолжаю эту двойную работу, несмотря на новые открытия г. де Гульянова, который пожелал создать новую систему интерпретации, поскольку моя его не устраивает никоим образом. Я опубликовал небольшую работу по поводу воображаемого открытия, сделанного им, в которой я показал слабость открывателя и ничтожество его труда [11]. Г. Клапрот, который не понимает ничего в египетских делах, захотел вмешаться во все это. Он не пожалел сил для того, чтобы спуститься с Великого плато Тартарии [12], и я был вынужден отправить его назад самым наивежливейшим образом; он также только что опубликовал брошюру, полную нелепостей и оскорблений в мой адрес [13]. Я не отвечу ни на эти нелепости, ни на оскорбления [14]. Сис-

[4] Во время поездки (см. прим. 3) в 1826 г. в Ливорно Ж.-Ф. Шампольон приобрел на средства французского правительства богатое собрание древностей, которое легло в основу созданного в Лувре Отдела Египта. Ж.-Ф. Шампольон был назначен хранителем этого Отдела. В этой должности он оставался с 31 октября 1826 г. по 31 июля 1828 г. Подробнее см. Hartleben, ук. соч., t. 2, p. 67—172; Струве, ук. соч., стр. 14—15.

[5] В 1827 г. главой Египта был Мухаммед-Али (время правления — 1805—1849), королем Франции Карл X (время правления — 1824—1830).

[6] Время правления Клеопатры II — 5 октября 170 г. — 27 сентября 145 г. до. н. э.

[7] Бернард Дроветти (1775—1852) — дипломат и археолог, участник Египетского похода Наполеона (1799), в 1820 —1829 гг. генеральный французский консул в Египте. Собрал в этой стране замечательную коллекцию, бóльшая часть которой обогатила хранилища Туринского музея (ср. прим. 3). Отдельные ее части попали в Берлин и Францию (Лувр).

[8] Из работы Ж.-Ж. Шампольона-Фижака (см. Champollion-Figeac, Égypte ancienne, P., 1869, стр. 304—312) видно, что братья Шампольоны отождествляли царя Мёриса с Тутмосом III.

[9] Египетский иероглифический словарь Ж.-Ф. Шампольона был издан после его смерти. См. «Dictionnaire égyptien en écriture hiéroglyphique», P., 1841—1843.

[10] Исследование Ж.-Ф. Шампольона по египетской грамматике было издано после его смерти под названием: «Grammaire égyptienne», P., 1836—(1841).

[11] См. рецензию Ж.-Ф. Шампольона на работу И. А. Гульянова (псевдоним — Ф. Авзониоли) «Археографические опыты» (Париж, 1826) — A. M. (Champollion), Opuscules archéographiques; par M. Th. Ausonioli, P., 1824 (!) «Bulletin des sciences historiques, antiquités, philologie», t. 5, P., 1826, стр. 164—170.

[12] Имеется в виду круг тюркологических интересов Г.-Ю. Клапрота.

[13] См. работу Г.-Ю. Клапрота «Lettre sur la découverte des hiéroglyphes acrologiques, adressé a Mr. de Goulianoff», P., 1827.

[14] Известна рецензия Ж.-Ф. Шампольона на приведенную выше работу Г.-Ю. Клапрота — см. «Bulletin des sciences historiques, antiquités, philologie», t. 7, P., 1827, стр. 289—299.

тема этих господ обречена, поэтому я не стану тратить время для того, чтобы раздавить людей, которые уже повержены без надежды на то, что им удастся подняться.

Брошюры, которые я прилагаю к этому письму [15], введут Вас в курс всего этого дела; я их уже выслал раньше г-ну де Штейнбюхелю [16] для того, чтобы он Вам их препроводил, поскольку я не полагаюсь на обязательность г-на де Мериана, на содержании которого находится г. Клапрот и который является меценатом г-на Юлианос-Амониди-Гульянов [17].

Просмотр моих «Исторических результатов» [18] поставит Вас в известность о том, что я в настоящий момент хлопочу у правительства о предоставлении мне средств, необходимых для осуществления моей поездки в Египет; если они соблаговолят понять важность этого предложения для науки, я соберу таким образом для истории колоссальную жатву документов, совершенно неожиданных. Я сделаю все возможное для того, чтобы осуществить эту поездку; и если правительство не сделает в этом случае того, чего требуют интересы науки, то я прибегну к помощи меркантильного гения века и превращу эту поездку в коммерческую спекуляцию, приняв предложения, которые мне были сделаны от имени крупных книгоиздателей и крупных капиталистов. Но этот путь меня отталкивает, и я его приму лишь в том случае, если мое правительство не поймет того, сколько славы и пользы оно получило бы, если бы эта эпиграфическая экспедиция была предпринята от его имени и под руковдством его представителя [19].

Моя жена [20] и брат [21] весьма ценят Вашу добрую память о них. Мне надо Вам сказать тысячу вещей и от их имени и от имени Планта [22], который командует крепостью Бриансон на вершине Альп. Я надеюсь, что Ваше здоровье улучшится. Заботьтесь о нем до тех пор, пока Вы не покинете эту пародию на климат, в котором Вы еще какое-то время вынуждены жить. Я ожидаю от Вас вестей самым коротким путем: хотя бы одно слово; я был бы доволен уже одним знанием того, что у Вас все благополучно; сохраните мне Вашу дружбу и поверьте в полную искренность привязанности всецело преданного Вам сердцем

Ж.-Ф. Шампольона младшего

Улица Мазарини № 19 (вместо № 28, моей старой квартиры).

А. М. Куликова

AN UNPUBLISHED LETTER OF J.-F. CHAMPOLLION TO P. L. SCHILLING

A. M. Kulikova

The author publishes a hitherto unknown letter from J.-F. Champollion to P. L. Schilling, which opens a new page in the history of Franco-Russian scientific ties.

[15] Речь идет, по-видимому, о рецензиях Ж.-Ф. Шампольона на работы И. А. Гульянова и Г.-Ю. Клапрота, названных выше в примечаниях.

[16] Антон Штейнбюхель (1790—1883) — австрийский ориенталист, профессор археологии и нумизматики Венского университета, коллекционер восточных древностей.

[17] Очевидно, автор письма подчеркивает греческое происхождение И. А. Гульянова.

[18] О какой работе Ж.-Ф. Шампольона идет речь — установить не удалось.

[19] В 1828 г. после долгих хлопот и споров Ж.-Ф. Шампольон по поручению французского правительства возглавил научную экспедицию в Египет и Нубию. В ее составе были французские и итальянские ученые. Экспедиция продолжалась с августа 1828 г. по декабрь 1829 г. Подробнее см. Hartleben, ук. соч., t. 2, стр. 173—372. См. работу Ж.-Ф. Шампольона «Lettres écrites d'Egypte et de Nubie en 1828 et 1829», P., 1833.

[20] Ж.-Ф. Шампольон женился 30 декабря 1818 г. на дочери фабриканта Розине Блан (род. в 1794 г.)

[21] Старший брат Ж.-Ф. Шампольона — Жак-Жозеф Шампольон-Фижак (1778—1867). Жены братьев были кузинами.

[22] Сведений о данном лице найти не удалось.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИСТЕМЫ САБЕЙСКОГО ЭПОНИМАТА

Датировка по специальным должностным лицам (эпонимам) представляет собой важнейший источник для изучения структуры общества: функций должностных лиц и характера их деятельности, принципов комплектования государственного аппарата, законов наследования власти и т. д. Особенно большое значение она имеет для изучения древнейеменской цивилизации, известной лишь по эпиграфическим источникам, что заставляет обращать особое внимание на формальные стороны жизни общества, лучше отраженные в памятниках и открывающие путь к пониманию социального строя.

Исследование сабейского эпонимата показало, что должностные лица, по которым велась датировка, занимали высокое положение в государственном аппарате и исполняли различные политические, экономические и религиозные функции, образовывавшие неразрывное единство. Обязанностью сабейских эпонимов было обеспечение плодородия полей, что включало заботы об орошении, о наблюдениях за хозяйственным годом и календарем, о выполнении соответствующих религиозных церемоний, вероятно, ведение астрономических и астрологических наблюдений.

Таков же был характер и других постов государственного управления, включая и должность верховного правителя, мукарриба или царя. Система эпонимата по существу совпадала с системой государственного устройства, что и определяет важность ее изучения.

Из всех проблем, связанных с сабейским эпониматом, наиболее спорным является вопрос о времени его возникновения. Хотя ранние надписи списка сабейских эпонимов племени Х̱алил безусловно относятся к числу самых ранних известных памятников южноарабской письменности и восходят к «домонументальному» периоду письма [1], их датировка колеблется между XI и VI веками до н. э. [2] Однако надписи списка эпонимов племени Х̱алил не связаны непосредственно с датировкой. Датированные надписи относятся в подавляющем большинстве ко II—III вв. н. э. Поэтому принципы сабейской системы датировки по эпонимам — правила датировки, продолжительность эпонимного срока, порядок смены эпонимов — установлены на материале поздних надписей. Это вызывает сомнения в том, что те же правила действовали в неизменном виде и в ранний период [3]. Так, Ж. Рикманс писал: «Было бы рискованно сделать вывод, что

[1] Ж. Пиренн относит к «домонументальному» письму даже большинство надписей списка: J. Pirenne, La Religion des Arabes préislamiques d'après trois sites rupestres et leur Inscriptions, «Studia Instituti Anthropos», v. 28, Fribourg, 1976, стр. 179.

[2] Г. Виссман относит их к 700 г. до н. э. (H. Wissmann, Die Mauer der Sabäerhauptstadt Maryab, Instanbul, 1976, стр. 20, 53), Ж. Пиренн — к V—IV вв. до н. э. (Pirenne, ук. соч., стр. 179).

[3] См., например, рецензии: G. Garbini, OA, V, 1965, стр. 143—145; W. W. Muller, «Oriens», v. 20, 1967, стр. 267.

продолжительность эпонимата, наблюдаемая в самых поздних текстах III в. н. э., должна быть непременно той же в древний период» [4] (разрядка моя. — *А. Л.*). В последнее время очень четко выразил это отношение к проблеме М. Роденсон: «Кажется разумным в настоящее время ограничиться доказанными результатами для южноарабского эпонимата первых веков н. э.» [5].

Такая постановка вопроса при всей своей внешней логичности и убедительности представляется неправомерной, потому что она не учитывает особенностей изучаемого предмета — эпонимата, т. е. системы датировки. С самого своего возникновения [6] эпонимат является системой, все элементы которой взаимосвязаны и обусловливают друг друга. Изменение любого из этих элементов разрушает систему, лишает ее основного смысла — возможности датировать, вести летосчисление. Таким образом, имея дело с эпониматом, историк получает редкую возможность проверить свои выводы, просчитав результаты их действия в системе датировки.

В качестве основных элементов системы сабейского эпонимата, необходимых для ее функционирования, выделяются три: черед трех племен, генеалогическая последовательность эпонимов (от отца к сыну) и семилетняя продолжительность эпонимного цикла [7]. Легко убедиться, что изменение каждого из элементов разрушает систему. Так, изменение продолжительности эпонимного цикла неминуемо должно привести к нарушению генеалогического порядка наследования поста эпонима [8]; к тем же последствиям приведет и изменение череда (т. е. числа эпонимных племен; замена одного племени другим не отразится на функционировании системы). Нарушение генеалогической последовательности не приведет к таким серьезным последствиям, если сохранится счет поколений; соответственно это правило, вероятно, выполнялось не столь строго, как другие, и нарушалось гораздо чаще. Однако для удобства отсчета времени и установления места эпонима в хронологическом ряду оно, вероятно, соблюдалось формально (путем усыновления или аналогичного искусственного приема).

Датировочные формулы надписей должны подчиняться тому же правилу системности: быть достаточными для точного и однозначного определения времени события, т. е. содержать все «переменные элементы» системы [9]. Таких переменных элементов в системе сабейского эпонимата, какой она представляется по надписям I—III вв. н. э., всего два: имя эпонима и название рода (племени) [10]. Зная эти элементы, легко опреде-

[4] J. Ryckmans, Deux importants ouvrages de la «Sammlung Eduard Glaser», BiOr, XXIV, 1967, стр. 144.

[5] См. рец. M. Rodinson, «Revue de l'histoire des religions», v. 188, 1977, стр. 213.

[6] Первоначально система эпонимата возникла, конечно, не как способ датировки, а как составная часть общей системы организации общества, направленная на обеспечение его хозяйственных потребностей, прежде всего орошения. Но ее связь с орошением и сельским хозяйством обеспечили цикличность системы и ее календарную определенность (что и обеспечило ее использование для счета времени). Во всяком случае с момента первого использования для датировки эпонимат уже должен рассматриваться как система датировки.

[7] А. Г. Лундин, Государство мукаррибов Саба' (Сабейский эпонимат), М., 1971, стр. 54—65.

[8] Например, при десятилетнем цикле (иногда предполагаемом на основе датировки девятым годом эпонима в Ja 735) генеалогическая последовательность должна разрушиться уже за 3—4 поколения: если первый эпоним вступит на пост в 30 лет, то его сын — уже в 40, а внук — в 50.

[9] Поэтому представляется невозможным предположение Дж. Гарбини о первоначальном «естественном» годичном сроке эпонимата (Garbini, ук. соч., стр. 145): датировочные формулы надписей явно недостаточны для определения времени события. Даже при наличии дополнительного хронологического списка эпонимов обычная формула ранних надписей «в эпонимат N из рода X» (без имени отца) недостаточна: шесть характерных имен и три племени дают лишь 18 неповторяющихся сочетаний, и совпадения неизбежны уже в пределах одного поколения. В ма'инском и катабанском эпониматах, где эпонимный цикл был равен двум годам, характерные имена эпонимов, видимо, отсутствуют.

[10] Эпонимный срок, генеалогическая последовательность и порядок череда — постоянные элементы, заранее известные читателю-современнику. Поэтому они не отражены в датировочных формулах и их приходится устанавливать по косвенным признакам или даже вычислять по их совместимости в действующей системе.

лить место эпонима в пределах цикла череда вперед и назад, т. е. в пределах пяти эпонимных циклов (35 лет, т. е. на протяжении всей активной жизни человека). Упоминание отца эпонима — уже избыточный элемент, нужный лишь для подсчетов на долгие сроки, превышающие продолжительность жизни. Формула «N, сын M, из рода X» дает возможность однозначно установить дату в пределах восьми эпонимных циклов, т. е. более полувека [11]. Поэтому в ранних надписях такие упоминания отцов довольно редки; они становятся нормой лишь во II в. до н. э.

Подход к эпонимату как к системе позволяет и даже вынуждает считать механизм ее действия единым для всего периода существования системы и переносить даже отдельные необходимые элементы, выявленные на материале поздних надписей, на весь период существования системы, включая самые ранние этапы. С того момента, когда эпонимат начинает использоваться для датировки, его следует рассматривать как систему, действующую по известным нам принципам. В доказательстве нуждается не наличие отдельных элементов, а, наоборот, их изменение и даже сама возможность (системность) предполагаемого изменения.

Характеризуя сабейский эпонимат, нужно отметить прежде всего архаичность этого института. В нем действуют племена, вероятно, еще кровнородственные (ḫw), тогда как уже в период мукаррибов эти племена отодвинуты на второй план территориальными племенами šʿḃ. Лишь в самый ранний период в надписях можно обнаружить единичные упоминания племен — ḫw [12]. Главным божеством в системе сабейского эпонимата является ʿAṯar, древнейший из богов Южной Аравии, хотя в Сабейском государстве он уже вытеснен с позиций «национального бога» божеством луны ʾАлмакахом. В указанной системе широко использовался принцип первородства в племени и табуированные имена. Все эти черты очень архаичны и заставляют отнести создание системы к весьма раннему времени.

Больше того, для времени расцвета системы эпонимата как способа датировки, для времени ее наибольшего употребления (I—III вв. н.э.) все эти черты прямо анахроничны. Из племен, участвующих в системе череда, фактически сохранилось лишь одно — Ḫазфарам [13], да и оно не играет заметной роли в Сабейском государстве. Племена (точнее, ветви) Фадаḫам и Ḫазмат совершенно не упоминаются в надписях (кроме датировок). Впрочем, эти ветви настолько редко упоминаются даже в ранний период, что невозможно надежно установить, к каким именно эпонимным племенам они принадлежат [14]. Система характерных имен к рубежу нашей эры отмирает даже у сабейских правителей, сохраняясь только у эпонимов. Принцип первородства, как будет показано ниже, еще во II—I вв. до н. э. поддерживается искусственно и сохраняется чисто формально. Таким образом, в I—III вв. н. э. система эпонимата представляет собой явный анахронизм как в целом, так и в отдельных деталях. Это позволяет уверенно говорить о том, что и в I тыс. до н. э. система сабейского эпонимата существовала в том же виде, в каком она предстает перед нами в надписях I—III вв. н. э.

Наиболее ранние надписи, датированные по эпонимам, Ja 540 и CIH 555, относятся к древнейшему периоду истории Южной Аравии, известному по надписям [15]. Но оба текста отличает особенность в датировочных формулах, употребление термина ršwt «жречество» вместо ḫrf «эпонимат». Г. Виссман следующим образом оценивает эту особенность: «Это не позволяет сделать заключение, что перед нами настоящая датировка по

[11] Именно эти качества системы сабейского эпонимата дали возможность реконструировать хронологический перечень общесабейских эпонимов для I—III вв. н. э. на основании всего около полусотни датированных надписей: Л у н д и н, Государство мукаррибов Саба', стр. 121—123.

[12] См. Л у н д и н, Государство мукаррибов Саба', стр. 224, 232 сл.

[13] Но и Ḫазфарам — лишь остаток племени Ḫалил, одна ветвь, сохранившаяся от племени. Ḫалил же упоминается только в застывшей формуле kbr(ʾkbr) ḫll «кабир(ы) Ḫалил» как воспоминание о знатном происхождении.

[14] См. Л у н д и н, Государство мукаррибов Саба', стр. 226—231.

[15] Ja 540 Г. Виссман относит к переходному периоду между палеографическими ступенями I и II, т. е. к середине VIII в. до н. э. (W i s s m a n n, Die Mauer..., стр. 19), CIH 555 — Ж. Пиренн — к графическому стилю A 3 (J. P i r e n n e, Paléographie des Inscriptions Sud-Arabes, I, Brussel, 1956, стр. 110).

эпониму»[16]. Но в остальном перед нами — стандартные датировочные формулы с месяцем без номера года, называющие оба переменных элемента даты: имя эпонима и название рода. Род эпонимов Ḫазфарам показывает несомненную преемственность этих дат и засвидетельствованных позднее бесспорных датировок по «настоящим эпонимам»[17].

Жреческие функции сабейских и катабанских эпонимов составляли важнейшую сторону их деятельности. Самый термин ršwt «жречество» употребляется в значении «эпонимат» также в катабанских надписях RES311 и HI 3 в гораздо более позднюю эпоху (около рубежа нашей эры) параллельно и одновременно с термином ḫrf[18]. Таким образом, термин ršwt в Ja540 и CIH 555 можно рассматривать либо как полную параллель к ḫrf «эпонимат», либо как обозначение специального (начального или конечного) года эпонимного цикла, позднее вытесненное формулой с месяцем без года[19].

Однако и термин ḫrf встречается в очень раннюю эпоху в надписи RES 5102. К сожалению, палеография текста неизвестна, но эпиграфические признаки (употребление бустрофедона, тип надписи и особенно нестандартность формуляра) позволяют отнести ее к древнейшему периоду истории Йемена. Слово ḫrfn «эпонимат» выписано полностью, но вся дата очень необычна. Она вписана отдельной строкой в середине надписи, разрывая обычный формуляр вотивного текста, и состоит из знака k, в который вписан знак ḫ, затем — слово ḫrfn и отдельный знак w. Уже Г. Рикманс определил ее как дату по эпониму, хотя и не связывал с другими сабейскими датировками по эпонимам и не предложил толкования лигатуры kḫ и знака w[20]. По-видимому, формулу можно объяснить как сокращение: ḫrfn w[dd'l] k[br] ḫ[ll] «эпонимат Ва[дад'ила] ка[бира] Ḫа[лил]»[21]. Эта дата приобретает особое значение: в ней содержится не только самое раннее бесспорное упоминание термина ḫrf «эпонимат», но и все необходимые переменные элементы обычной датировочной формулы, имя эпонима и родовое обозначение. Более того, эти элементы даны в сокращенном (зашифрованном) виде, что предполагает у читателя-современника хорошее знакомство с системой эпонимата и правилами ее действия. Имя Вадад'ил принадлежит к числу характерных имен эпонимов, так что имеется только один возможный вариант его расшифровки. Родовое обозначение также стандартно и относится к одному из эпонимных племен, хотя и отличается по форме от родового обозначения эпонимов в синхронных надписях CIH 555 и Ja 540[22]. Таким образом, надпись RES 5102 является свидетельством существования системы сабейского эпонимата уже в древнейший период сабейской истории.

Но и отдельные элементы системы эпонимата можно проследить далеко вглубь за рубеж нашей эры. Весьма важны для этого три новые датированные надписи из Ṣирваḫа, недавно опубликованные М. Хёфнер[23]: Gl 1533 = Ja 2855; Gl 1572, 1573. По палеографическим данным эти тексты могут быть датированы примерно III—II вв. до н. э. Они содержат следующие даты:

[16] W i s s m a n n, Die Mauer..., стр. 3, прим. 7.

[17] Л у н д и н, Государство мукаррибов Саба', стр. 136—151.

[18] А. Г. Л у н д и н, Катабанская сакральная надпись RES 311, ВДИ, 1976, № 3, стр. 23. Близкий термин ršw/ršy употреблялся в том же значении и в сабейских надписях еще в I в. н. э. Так, в надписи Condé, изданной Г. Виссманом (H. von. W i s s m a n n, Die Geschichte des Sabäerreichs und der Feldzug des Aelius Gallus, «Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt», II, Bd. 9, 1, B., 1976, стр. 430 сл.), читается следующая дата: 'lm/wrḫhw/wršyhw/wrḫ/.../ḏḫrf/m' [dkrb...] «документ, месяц и эпонимат которого — месяц... эпонимата Ма'[адкариба...]». Ср. также CIH 607,4: wrḫm/wršw/ḏn/wtfn «месяц и эпонимат этого указа», к сожалению, в поврежденном контексте.

[19] Л у н д и н, Государство мукаррибов Саба', стр. 62—63.

[20] G. R y c k m a n s, Inscriptions Sud-Arabes, VIII, «Le Muséon», v. 62, 1949, стр. 68—69 (Ry 373).

[21] Л у н д и н, Государство мукаррибов Саба', стр. 63, прим. 18.

[22] Может быть, обозначение kbr/ḫll использовано вместо ḫzfrm, чтобы избежать смешения с ḫdmt и обеспечить однозначность расшифровки.

[23] M. H ö f n e r, Inschriften aus Ṣirwaḥ, Ḫaulan (I. Teil). «Sammlung Eduard Glaser, VIII», SBAW, Bd. 291, 1973, стр. 29—42. См. также M. H ö f n e r, Inschriften aus Ṣirwaḥ, Ḫaulan (II. Teil), «Sammlung Eduard Glaser, XII», SBAW, Bd. 304, 1976, стр. 39—40; A. J a m m e, Carnegie Museum 1974—75 Yemen Expedition, Pittsburgh, 1976, стр. 87—94.

Gl 1533, 12—14; bḏ/nswr/qdmn/gyl/ḫrf/yṯʿm/bn/ḥzfrm/ḏrfdn/ṯkmtn
Gl 1572, 9—11: b[ḏ/nswr]qdmn/gyl/ḫrf/yqhmlk/bn/y[ṯ]ʿm/kbr/ḫll
Gl 1573, 4—5: ḫrf/ʾlkrb/bn/yqhmlk/kbr/ḫll

Датировочные формулы этих надписей также полностью следуют стандарту, применявшемуся в надписях I—III вв. н. э. [24], т. е. не показывают никаких признаков изменений в системе эпонимата. Обратимся, однако, к отдельным элементам.

Генеалогическая последовательность эпонимов легко прослеживается в надписях [25]; эпонимы всех трех текстов составляют генеалогическую цепь: ʾИлкариб, кабир Х̱алил, сын Йакахмалика, кабира Х̱алил, сына Йаçаʿама. Родовая принадлежность Йаçаʿама в двух надписях, где он упомянут, обозначена по-разному: в Gl 1572— кабир Х̱алил, в Gl 1533 — из Х̱азфарам зу-Рафдан. Это еще раз подтверждает взаимозаменяемость обозначений kbr/ḫll (обычное — bn/kbr/ḫll [26]) и bn/ḥzfrm.

Интересно родовое обозначение в Gl 1533 bn/ḥzfrm/ḏrfdn (ср. также Ja 693, 740). Такие двойные обозначения рода были известны и ранее, в надписях Fa30 bn/ḥzfrm/ḏḏmrn и CIH 73 bn/ḥzfrm/ḏtṯwrn. По-видимому, их следует понимать как обозначения ветвей рода: «из ветви Рафдан (Дамран, Таçваран) рода Х̱азфарам». Необычность употребления частиц bn и ḏ можно объяснить тем, что сочетание bn/ḥzfrm благодаря долгому и частному употреблению в датировочных формулах превратилось в застывшую традиционную формулу [27]. Однако А. Жамм, даже не упоминая такого толкования, трактует формулу как «упоминание нового эпонима, происходящего из ветви ḥzfrm, принадлежащей к племени rfdn» [28]. В принципе, конечно, возможно существование ветвей с одинаковыми наименованиями в разных племенах. Но как объяснить, почему именно в эпонимате три племени, Рафдан, Дамран и Таçваран, представлены одноименными ветвями? Такое совпадение представляется в высшей степени маловероятным.

Двойные обозначения рода эпонимов, как мы уже отмечали, близки по времени (II—I вв. до н. э.) [29]. К этому же периоду относится и новое упоминание того же типа в Gl 1533. По-видимому, в это время род Х̱азфарам, разросшийся за долгий период существования, распадается на несколько ветвей. Пост эпонима становится объектом борьбы между этими ветвями и переходит от одной ветви к другой в соответствии с реальным соотношением их сил и влияния. Эта борьба продолжается довольно долгое время; еще во II в. н. э. надпись Schreyer I упоминает эпонима из новой ветви Х̱алил — Шарасхумува. Позднее, видимо, право на эпонимат вновь закрепляется за какой-то одной ветвью, второе родовое обозначение становится ненужным и исчезает из надписей.

По-видимому, это позволяет утверждать, что уже в III—II вв. до н. э. принцип первородства в племени сохраняется лишь формально: на пост эпонима претендует несколько ветвей Х̱азфарам и реальная практика замещения должности эпонима лишь искусственно приводится в соответствие с традиционными правилами, так что «первенцем» Х̱алил объявляется представитель то одной, то другой ветви.

Новые надписи из Çирваха, как и большинство ранее известных датированных надписей I тыс. до н. э., упоминают эпонимов племени Х̱алил, а эпонимы рода Фадах̱ам для этого времени неизвестны [30]. Но принцип череда племен засвидетельствован и в надписях I тыс. до н. э.: по эпонимам из Х̱азмат датированы надписи CIH 80 и неиздан-

---

[24] Выражение gyl/ḫrf вместо обычного ḫrf не меняет значения элементов датировочной формулы. Оно встречается и позднее в надписи RES 4646 (III в. н. э.).
[25] См. Höfner, Inschriften..., (I. Teil), стр. 41.
[26] См., однако, близкую по времени (II—I вв. до н. э.) надпись CIH 80 и RES 5102.
[27] Лундин, Государство мукаррибов Саба', стр. 69—70 и табл. 11; стр. 130 сл.
[28] Jamme, Carnegie Museum..., стр. 93.
[29] Лундин, Государство мукаррибов Саба', стр. 131, 222.
[30] Самый ранний известный эпоним из Фадах̱ам ʾАбкариб, сын Вадад'ила (74—80 гг. н. э.), упомянут в надписи Schreyer I, составленной в 123 г. Наиболее ранняя надпись, датированная эпонимом из Фадах̱ам, Nami NAG 1, относится к концу I в. н. э. (см. Лундин, Хронологический список сабейских эпонимов I—III вв. н. э., НАА, в печати).

ная Gl 1200 [31], а декрет CIH 601, восходящий к III в. до н. э., содержит две даты: одну — по эпониму из Хазмат, другую — по эпониму из кабиров Халил. Таким образом, CIH 601 не только свидетельствует, что уже в III в. до н. э. существовала датировка по эпонимам из Хазмат, но и показывает, что эпониматы Халил и Хазмат составляли единую систему. Надпись CIH 601 можно рассматривать как прямое доказательство существования череда племен в III в. до н. э. Отсутствие упоминаний эпонимов из Фадахам в I тыс. до н. э.— просто случайная лакуна в имеющейся документации.

Среди датированных надписей I тыс. до н. э. отсутствуют также датировки «с номером года». Это вызывает настолько большое удивление, что многие специалисты сомневаются в существовании в этот период семилетнего эпонимного цикла. Новые датированные надписи также не содержат таких дат. По-видимому, это явление нуждается в специальном объяснении.

Точные даты с указанием года, а не только эпонимного цикла нередки в I тыс. до н. э. При этом они следуют формулам, известным для I—III вв. н. э.: с месяцем без номера года (CIH 555, 601 — дважды, Ja 540, RES 3951, 4966 [32], Gl 1572) или формуле с tkmtn (Gl 1533, Fa 30). Наличие двух формул доказывает, что сабейский эпонимат и в начале I тыс. до н. э. не был одногодичным, как предполагал Дж. Гарбини [33]. Вряд ли можно предположить и двухгодичный срок, как в Ма'ине и Катабане, ибо отличается термин, используемый для обозначения первого года.

Промежуточные годы сабейского эпонимата (со второго по шестой) вообще упоминаются в сабейских надписях реже, чем специальные — начальный и конечный. Они известны нам с частотой от одного (Nami NAG 12, пятый год) до пяти (Ja 613, 615 и т. д., шестой год) упоминаний, тогда как формулы «без года» и с tkmtn, обозначающие начальный и конечный годы эпонимного цикла [34], упомянуты по девять раз. Видимо, объяснение этого факта следует искать в особенностях употребления датировок в сабейской эпиграфике.

Сабейские надписи вообще очень редко носят дату по эпониму. Существует лишь несколько категорий текстов, в которых ставилась дата, иногда довольно неожиданных, как, например, надписи с упоминаниями о болезни (CIH 81, Ja 645 и т. д.) или моления о дожде (Ja 653, 735 и т. д.). Наиболее часты даты в юридических надписях: декретах (CIH 601, RES 3951), долговых документах (Fa 30, Gl 1533, 1572, 1573), так называемых «ватфах» (CIH 99, 380, 609 и т. д.), иногда — в межевых надписях (CIH 555, Ja 540). Датированные надписи I тыс. до н. э. — почти сплошь юридические документы: декреты, межевые надписи, долговые документы [35]. По-видимому, отраженные в них действия были непосредственно связаны с семилетним хозяйственным циклом, т. е. со сроком эпонимата. По всему Ближнему Востоку в древности была распространена практика периодической отмены долгов, возвращения проданных земель, снятия недоимок и т. п., связанная с юбилейным годом или с особым постановлением царя. Вероятно, такая же практика или ее пережитки существовали и в Южной Аравии, о чем свидетельствует обычай «возобновления» (hgdd/sgdd) царских декретов (см. катабанскую надпись RES 3693, сабейские CIH 610, RES 4176). Именно поэтому долговые и земельные документы составлялись в начальный год эпонимного цикла или возобновлялись в последний год.

[31] Ср. также поврежденную дату RES 3959 : bwr [h/.... bn/hd] mt/tny [n], но палеография и датировка этой надписи неизвестны. Г. Виссман по упоминанию правителя датирует ее временем около 70 г. н. э.: Wissmann, Die Geschichte des Sabäerreichs ..., стр. 431.

[32] В тексте месяц не сохранился. Но формула dt/hybt показывает, что RES 4966 принадлежит к числу молений о дожде (ср. lqbly/dhbt Ja 653,5; 735,5). Надписи такого содержания обязательно имеют дату (Fa 71, Sh 18). Это позволяет восстанавливать дату RES 4966: bd' [bhy?/] bhrfy/hlk'mr/bn/kbr/hll.

[33] G. Garbini, OA, V, 1965, стр. 145.

[34] Лундин, Государство мукаррибов Саба', стр. 61—65. Ср. также Лундин, Хронологический список...

[35] Единственное исключение — посвятительная надпись RES 5102. Надпись с молением о дожде RES 4966, судя по формуле bthty/'lmqh «согласно решению 'Алмаḳаха», также носила юридический характер. Однако фрагментарность текста не позволяет установить связь «решения», с молением о дожде и определить общее значение надписи.

Семилетний цикл прямо не засвидетельствован в надписях I тыс. до н. э. Но изменение срока эпонимата — серьезнейшая ломка системы, которая затрагивает и все другие элементы. Такая ломка неминуемо должна была найти отражение в датировочных формулах надписей. Однако самое тщательное исследование не показывает никаких следов ломки системы по крайней мере с III в. до н. э. и даже со времени самых ранних датированных надписей VIII в. до н. э.

Единственный элемент системы эпонимата, в котором заметны различия между материалом I—III вв. н. э. и более раннего времени,— это имена эпонимов. Для I—III вв. н. э. выделяется шесть характерных имен, которые носит подавляющее большинство общесабейских эпонимов: ʾАбкариб, Тубба‘кариб, Сумхукариб, Ма‘адкариб, Наша’кариб и Вадад’ил[36]. Лишь два эпонима в этот период носят нехарактерные имена: Би‘аšтар, сын Ма‘адкариба, из Халил (CIH 282, 81—87 гг. н. э.) и Хайвам, сын ʾАбкариба, из Халил (Ja 645; RES 4727, 165—171 гг. н. э.); по-видимому, причина появления этих имен — преждевременная смерть «будущих» эпонимов и их замена братьями[37].

Ни в датированных надписях I тыс. до н. э., ни в списке эпонимов из Халил эти характерные имена не играют большой роли, а иногда даже и вовсе не встречаются например, имена Тубба‘кариб и Наша’ кариб в списке). Тем не менее, в списке племени Халил можно выявить также шесть характерных (наиболее часто употребляемых имен: Йухḳам, ‘Аммкариб, Вадад’ил, Би‘аçтар, ʾИлкариб и Йаça‘ам[38].

Оба перечня характерных имен сильно различаются: в них совпадает только одно имя — Вадад’ил. По-видимому, это объясняется разным характером перечней: для I—III вв. н. э. это характерные имена общесабейских эпонимов, тогда как второй перечень дает характерные имена лишь одного эпонимного племени, Халил, т. е. на две трети — имена локальных эпонимов. Действительно, для I —III вв. н. э. известны три надписи, упоминающие локальных эпонимов: CIH 90; Ja 703 и, вероятно, RES 4133. При этом из пяти имен лишь одно относится к характерным — это Сумхукариб в Ja 703,3[39].

Датированные надписи I тыс. до н. э. рисуют весьма пеструю картину: в них засвидетельствовано более десяти имен эпонимов, в том числе пять характерных имен I—III вв. (кроме ʾАбкариб) и пять имен списка из Халил (кроме Йухḳам). Но число надписей невелико и статистика очень ненадежна. Каждый новый текст может изменить всю картину, как ее изменили новые датированные надписи из Çирваḫа: в них впервые в датированных текстах засвидетельствованы как имена эпонимов характерные имена списка из Халил Йаça‘ам и ʾИлкариб[40]. Таким образом, выделить характерные имена эпонимов для надписей I тыс. до н. э. не представляется возможным. Следует лишь отметить, что в это время к числу наиболее часто употребляемых имен эпонимов принадлежат два имени, не встречающиеся среди характерных ни в списке эпонимов из Халил, ни в надписях I—III вв. н. э.: Йаḳахмалик (CIH 80; Gl 1572, 1573) и Халак’амар (RES 3951, 4966, Gl 1200 и в формуле ḏt/bytˁ Nami 27 и И 3[41].)

По-видимому, можно предположить, что состав характерных имен сабейских эпонимов постепенно изменялся во времени. Первоначально характерные имена общесабейских эпонимов были более близки к именам эпонимов из Халил (хотя перечни ха-

[36] Л у н д и н, Государство мукаррибов Саба‘, стр. 44—46, 123—125.

[37] Там же, стр. 144 сл.

[38] Там же, стр. 46—50. Раньше автор включал в число характерных имен альтернативно ʾИл’амар или Йаça’ам. Новые датированные надписи из Çирваḫа позволяют отдать предпочтение второму. Имя Муйаça ‘ам, встречающееся и в списке, и в датированных надписях I тыс. до н. э., вероятно, следует рассматривать как вариант характерного имени Йаça ‘ам.

[39] Может быть, Сумхукариб был одновременно общесабейским и локальным эпонимом одного из племенных эпониматов. См. Л у н д и н, Государство мукаррибов Саба’, стр. 124 сл.

[40] Имя ʾИлкариб ранее было известно лишь как имя эпонима из племени Йухаčḫим (CIH, 290; RES 3991), не принадлежащего к общесабейскому эпонимату.

[41] А. Г. Л у н д и н, Новые материалы о южноарабском эпонимате, ВДИ, 1974, № 4, стр. 98—105.

рактерных имен не совпадали полностью), чем в I—III вв. н. э. Однако изменение перечня (но не числа) характерных имен нельзя считать сколько-нибудь существенным изменением в системе эпонимата.

Семилетний срок сабейского эпонимата связан с весьма архаическими религиозными представлениями: с обычаем «субботнего года», восходящим к общесемитским верованиям. Эти верования послужили обоснованием и оправданием семилетнего эпонимного цикла. Возникновение такого цикла в поздний период, в начале нашей эры или даже в последние века I тыс. до н. э., вряд ли можно считать возможным. Семилетний хозяйственный цикл принадлежит к наиболее архаичным чертам сабейского эпонимата, и его возникновение следует отнести ко времени зарождения системы эпонимата.

Таким образом, все важнейшие элементы системы сабейского эпонимата, необходимые для ее нормального функционирования: черед трех племен, генеалогическая последовательность эпонимов и семилетний эпонимный цикл — прямо засвидетельствованы в датированных надписях уже в III—II вв. до н. э. и прослеживаются, хотя и не столь четко и отчетливо, уже в самых ранних датированных надписях VIII—VII вв. до н. э. Имеющиеся источники не дают никакой возможности говорить об изменениях в системе сабейского эпонимата (по сравнению с первыми веками нашей эры) до этого времени. Учитывая общую архаичность системы эпонимата, время ее возникновения следует отнести, как мы указывали [42], к начальному периоду истории древнейеменской цивилизации, т. е. к концу II тыс. до н. э.

А. Г. Лундин

THE TIME OF APPEARANCE OF THE SABAEAN EPONYMATE SYSTEM

A. G. Lundin

The eponymate — a system of dating by special officials — is a most important source for studying the structure of society, especially in ancient South Arabia, where eponyms stood high in the system of state organisation and had very varied functions. In particular the Sabaean eponyms performed economic, political and religious functions which were all closely interconnected. Their dating function was neither their only nor their chief function. It was accompanied by supervision of the calendar, of irrigation, and by the performance of the religious rites connected with these duties. The same pattern may be seen in the activities of other official persons in South Arabian society: the priests, the members of the council of elders, minor officialdom and even the head of state, the *mukarrib*. For example, the rules governing the alternation in office of Sabaean eponyms correspond to the rules for recruitment to the all-Sabaean council of elders. Thus the Sabaean eponymate reflects the whole state and social organization of ancient Yemen, that is why it is important to study this institution.

[42] А. Г. Лундин, Сабейский эпонимат и сабейская хронология, «XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1963, стр. 11; он же, Государство мукаррибов Саба', стр. 245—251.

ИЗ ОБЛАСТИ СКИФСКОЙ КОСМОЛОГИИ

(Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы)

Золотая пектораль, найденная Б. Н. Мозолевским в 1971 г. в скифском кургане Толстая Могила [1], сразу же по праву заняла одно из ведущих мест среди всемирно известных памятников греко-скифской торевтики и вполне заслужила название «гени-

[1] Б. Н. Мозолевский, Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине (предварительная публикация), СА, 1972, № 3, стр. 286—293.

Рис. 1. Пектораль из Толстой Могилы. Схематическая прорисовка

ального произведения» (рис. 1) [2]. Однако значение пекторали не исчерпывается ее художественными достоинствами. Не менее существенно содержание украшающих пектораль композиций, так как это ценнейший источник для постижения мировоззрения народа, памятником культуры которого пектораль является. Этой стороне изучения скифских древностей в последние годы по праву уделяется все больше внимания [3]. В этом аспекте пектораль заслуживает специального анализа поскольку, как справедливо отметил Б. Н. Мозолевский [4], по количеству образов она не имеет себе равных среди скифских древностей, а следовательно, объем представленной здесь «мифологической информации» является беспрецедентным. Расшифровка этого уникального по

[2] Там же, стр. 286.

[3] Д. С. Раевский, Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея, СА, 1970, № 3; он же, О семантике одного из образов скифского искусства, сб. «Новое в археологии. К 70-летию А. В. Арциховского», М., 1972; Е. Е. Кузьмина, О семантике изображений на чертомлыцкой вазе, СА, 1976, № 3; С. С. Бессонова, Золотой налобник из Волковецкого кургана, «Новейшие открытия советских археологов (Тезисы докладов конференции)», ч. II, Киев, 1975, стр. 14—15 и т. д.

[4] Мозолевский, ук. соч., стр. 293.

объему из дошедших до нас скифских мифологических текстов, естественно, имела бы большое значение для изучения скифской культуры.

Вопрос об интерпретации изображения на пекторали уже затрагивался некоторыми авторами. Так, В. Н. Даниленко в работе, опубликованной пока, к сожалению, только в виде тезисов [5], трактует его как сложную композицию из трех фризов, нижний из которых содержит «зооморфизированные сцены борьбы стихий», средний — «фантастическое древо жизни с волшебными птицами», а верхний — «фриз пастушеского благоденствия и умиротворенности». Люди, изображенные в верхнем поясе, по В. Н. Даниленко, представляют различные скифские племена: слева от зрителя, судя по наличию у них повязок-диадем, помещены скифы царские, справа — скифы-кочевники. Содержание центральной сцены, воплощающей смысл всей композиции,— передача «волшебной рубахи-панциря, изготовленной из бараньего руна ‹...› левому царственному персонажу, возможно, Атею». Два обстоятельства заставляют меня не согласиться с этим толкованием. Во-первых, в ряде пунктов оно опирается на неточную или произвольную трактовку деталей изображения. Так, содержанием центральной сцены, без сомнения, является не передача, а совместное шитье одежды из руна [6], причем в ней нет никаких признаков панциря; повязка на голове левого персонажа центральной группы не имеет ничего общего с теми узкими ремешками, иногда чем-то украшенными (скорее всего, нашивными бляшками), которыми повязаны волосы некоторых героев на изделиях торевтики, например на кульобской вазе, и которые традиционно толкуются как символ царского достоинства [7]; к тому же нет никаких оснований утверждать, что подобные диадемы носили не только скифские цари, но все скифы царские.

Однако наиболее существенно второе обстоятельство. Толкование В. Н. Даниленко предполагает, что в композиции пекторали сочетаются совершенно разнородные по характеру и природе образы и представления: мифологическое («зооморфизированные» образы стихий, древо жизни) и сказочное («волшебная рубаха-панцирь») соседствует здесь с отражением конкретных исторических отношений между различными скифскими племенами и даже с изображением реального исторического лица — царя Атея. При этом характер и причины объединения всего этого разнохарактерного материала в рамках одного текста остаются совершенно необъясненными. Известно, что архаическому мировоззрению присущ синкретизм, но синкретизм не тождествен эклектизму, а толкование пекторали В. Н. Даниленко представляется именно эклектичным.

На чем может основываться толкование пекторали? При интерпретации содержания скифских памятников наиболее доступным и эффективным является путь от сюжета, поиски прямого соответствия между действием персонажей изображения и содержанием известного по другим источникам повествования [8]. В случае с пекторалью однако, этот путь оказывается недоступным, во всяком случае, на данном этапе. Как в античных источниках, содержащих фрагменты скифской мифологии, так и среди мифов и сказаний других индо-иранских народов, привлечение которых в данной связи вполне оправдано, мне не удалось найти никаких мотивов, перекликающихся с содержанием верхнего фриза пекторали, позволяющим предполагать какой-либо сюжет. Это заставляет при интерпретации семантики пекторали идти от *структуры* памятника, т. е. анализировать всю совокупность представленных мотивов и отношений между ними. Такая интерпретация должна каждый из входящих в декор пекторали образов рассматривать с трех точек зрения: что он означает, почему он включен в данную композицию, почему он помещен именно в данном месте композиции. Естественно, чем большее число мотивов, рассмотренных под таким углом, будет учтено, тем более надежной будет интерпретация.

---

[5] В. Н. Даниленко, Исторические сюжеты некоторых шедевров эллино-скифской торевтики, Сб. «150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции», Киев, 1975, стр. 88—89.

[6] Мозолевский, ук. соч., стр. 291.

[7] И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, вып. II, СПб., 1889, стр. 14.

[8] Раевский, Скифский мифологический сюжет...

Нетрудно заметить, что предлагаемый метод толкования пекторали исходит из полного отрицания вероятности того, что ее декор представляет случайное сочетание произвольно выбранных мотивов. Более того, представляется совершенно исключенным случайный характер хотя бы одного из представленных здесь образов. В этом памятнике практически все является значимым и все элементы взаимосвязаны между собой. Для подтверждения правильности такого подхода особенно существенны специально подчеркиваемые ниже случаи, когда привлекаемый в ходе интерпретации материал позволяет объяснить не отдельные представленные на пекторали мотивы, а определенные их сочетания, или хотя бы подтверждает постоянный, неслучайный характер таких сочетаний, т. е. выясняется, что эти элементы представляют стабильную систему, выступающую в качестве подсистемы по отношению к макросистеме — композиции пекторали в целом.

Первый случай такого совпадения выявляется, как только мы начинаем анализ памятника и останавливаемся на том факте, что речь идет именно о пекторали. В скифской культуре и в Причерноморье в целом пекторали встречаются крайне редко. Уже отмечалась определенная близость пекторали из Толстой Могилы и из одного из погребений таманского кургана Большая Близница, хотя последняя значительно уступает первой по художественным достоинствам [9]. Их объединяет прежде всего близость художественного решения — ажурная композиция из рельефных фигур, размещенных между перевитыми шнурами, сходящиеся концы которых оформлены в виде львиных голов. Для нас, однако, важнее совпадение представленных на обеих пекторалях образов. Пасущиеся козы и овцы на ожерелье из Большой Близницы прямо соответствуют верхнему фризу рассматриваемого памятника, а замыкающие с обоих концов таманскую пектораль фигурки собак, преследующих зайца, находят аналогии в подобном же мотиве нижнего фриза пекторали из Толстой Могилы [10]. Собственно в Северном Причерноморье находки пекторалей этими двумя случаями ограничиваются. Однако поскольку объектом нашего анализа является скифский памятник, нельзя пройти мимо пекторалей, входящих в состав знаменитого комплекса из Зивийе [11], особенно в свете предположения, что пекторали вообще были характерным элементом урартского убора и именно оттуда были заимствованы скифами [12]. Весьма существенно, что в числе образов, представленных на сегментовидной пекторали из Зивийе мы тоже находим изображение зайцев, причем они также располагаются ближе к краям композиции. Такое охранение на протяжении двух с половиной веков схемы построения композиции пекторали бесспорно свидетельствует о том, что она являлась выражением какой-то продолжавшей жить концепции. О других совпадениях в построении названных пекторалей речь пойдет ниже.

Поскольку наше толкование исходит из структуры памятника, остановимся на принципах построения композиции, украшающей пектораль (см. рис. 2). По внешнему контуру пектораль фактически представляет почти правильный круг. Ряд размещенных друг в друге эксцентрических окружностей из плетеного шнура (1—4), центры которых размещены по одной линии (АВ), делит всю поверхность пекторали на три серповидные фигуры (I—III), в поле которых размещены три пояса (фриза, регистра) изображений. Линия АВ, на которой находятся центры этих окружностей, является осью, относительно которой изображения каждого пояса в основном симметричны с

---

[9] Мозолевский, ук. соч., стр. 293; Даниленко, ук. соч.

[10] М. И. Артамонов, Сокровища скифских курганов. Ленинград — Прага, 1966, стр. 72. Погребение Большой Близницы обычно связывается с культом Деметры. Однако нет никаких причин противопоставлять его на этом основании собственно скифским курганам и отказываться от семантического сопоставления найденных в них древностей. Достаточно вспомнить близость изображений, найденных в Большой Близнице и в Деевом кургане (там же, стр. 74). Причины этой близости заслуживают специального подробного анализа.

[11] По мнению Р. Гиршмана, в состав комплекса из Зивийе входило две трапециевидные и одна сегментовидная пектораль.

[12] R. Ghirshman, Persia from the ori in to Alexander the Great, L., 1964, стр. 104, 308 сл.

точки зрения содержания. В нижнем поясе нарушение симметрии проявляется лишь в том, что в левой части объектом терзания в одной из групп является олень, тогда как в соответствующей ей правой группе — кабан. Сложнее выражена симметрия в верхнем поясе. Обе части композиции включают тот же набор животных в той же последовательности и в сходных ситуациях — это кормление детенышей (доение овцы в определенном аспекте можно рассматривать как синоним кормления) или отдых после него. Эти ситуации даны в строгом чередовании, но обе части композиции как бы «сдвинуты по фазе» относительно друг друга, так как чередование начинается с антитетических ситуаций: справа лошадь кормит жеребенка, корова с теленком отдыхают, овцу доят, тогда как слева лошадь с жеребенком отдыхают, корова кормит теленка, овцу уже подоили. Композиция среднего пояса строго симметрична по набору образов (одна птица в центре и по две с каждой стороны), слегка различно лишь их размещение.

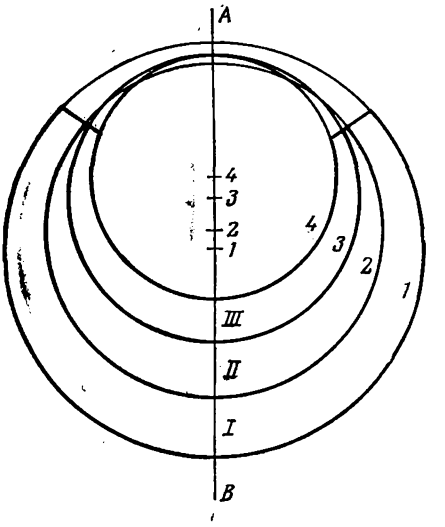


Рис. 2. Схема построения пекторали

Если «горизонтальная» структура памятника не обнаруживает существенного различия правой и левой частей, то «вертикальное» его строение рисует совершенно иную картину. Так, верхний и нижний фризы включают группы людей и животных, объединенных каким-то действием, и потому имеют в известной мере повествовательный характер, тогда как средний с пятью птицами, размещенными на причудливо изгибающихся побегах аканфа, по преимуществу орнаментален.

Верхний и нижний фризы также существенно разнятся между собой. Прежде всего показательно само именование одного из них верхним, а другого нижним, продиктованное композиционным решением размещенного в них изображения: фигуры обоих регистров одинаково ориентированы на плоскости пекторали по оси «верх — низ»[13]. В то же время, если рассматривать самую пектораль как круг, то нижний регистр является внешним по отношению к верхнему. Пространственное отношение между этими двумя регистрами можно поэтому рассматривать одновременно как реализацию оппозиций «верх — низ» и «внутреннее — внешнее» (resp. «центральное — периферическое»). Различаются два эти регистра и с точки зрения содержания. Так, люди присутствуют лишь в верхнем фризе. Здесь же бесспорно преобладают домашние животные (кроме замыкающих композицию с обеих сторон уток). Внизу же представлены преимущественно дикие животные, чуждые хозяйственной деятельности человека: львы, олень, кабан, заяц, кузнечики. Исключение в нижнем регистре составляют лишь терзаемые лошади и преследующие зайцев собаки. Существенным представляется и то, что в верхнем фризе мы видим лишь сугубо реальных животных, с которыми человек сталкивается в повседневности, тогда как в нижнюю композицию включены и фантастические создания — грифоны[14]. Наконец, наиболее существенным с точки зрения содержания противопоставлением верхнего и нижнего фризов является то, что в нижнем

[13] Иное решение мы видим, например, на браслетах из кургана Куль-оба. Здесь изображение также членится на два пояса, но фигуры этих поясов помещены ногами друг к другу и головами в разные стороны. Здесь нельзя говорить о верхнем или нижнем регистре.

[14] В этой связи следует отметить, что для обитателей Причерноморья в известной степени фантастическим, во всяком случае баснословным, животным являлся и лев, не обитавший в припонтийских степях. Его образ, видимо, воспринятый скифским искусством в Передней Азии, также скорее всего воплощал существо, противопоставляемое реальной фауне.

фризе бесспорно преобладают мотивы, связанные со смертью — шире всего здесь представлены сцены терзания, и по смыслу к ним примыкает мотив преследования зайца собакой; в верхнем же регистре большинство животных изображены с детенышами (как уже отмечалось, сцена доения овцы также связана с идеей плодоносящей функции животного), т. е. здесь подчеркнут мотив жизни, рождения. На это различие обратили внимание все исследователи, писавшие о пекторали, но мы видим теперь, что оно не единственное, что два «повествовательных» фриза противопоставлены по целому ряду аспектов и что вся композиция пекторали может рассматриваться как реализация следующих оппозиций:

1. Верх	— низ
2. Внутреннее	— внешнее
(resp. центр	— периферия)
3. Человеческое	— чуждое человеку
4. Домашнее	— дикое
(resp. освоенное	— неосвоенное)
5. Реальное	— фантастическое
6. Жизнь (рождение)	— смерть

Эти противопоставления составляют, по существу, две группы: одна отражает различия между регистрами пекторали с точки зрения содержания размещенного в них изображения (случаи 3—6), вторая — с точки зрения их взаиморасположения в пространстве (1, 2). В совокупности же все они могут рассматриваться как воплощающие свойственные весьма широкому кругу древних народов представления о строении космоса, который мыслился как состоящий из противопоставленных друг другу «этого мира» и «мира иного».

С точки зрения содержания происходящего в нем, т. е. в аспекте, соответствующем первой группе противопоставлений, «этот» мир характеризуется как зона обитания людей и вполне реальных, знакомых человеку по повседневности существ, как мир живых, тогда как «тот», потусторонний мир чужд человеку, населен фантастическими, зачастую враждебными ему существами, и в то же время является обителью смерти. Эти представления соответствуют третьей, пятой и шестой из приведенных выше оппозиций, характеризующих два регистра пекторали. Противопоставление мира людей иному миру включает также осознание первого как упорядоченного, организованного и освоенного, в то время как его противочлен — зона хаоса, лежащего вне мира людей, неосвоенное пространство (см. оппозицию 4). В конечном счете это противопоставление есть выражение ключевой для архаического понимания космического и социального порядка оппозиции природы и культуры. Таким образом, все рассмотренные нами характеристики, противопоставляющие два повествовательных фриза пекторали, позволяют видеть в ее композиции выражение древних космологических представлений [15].

Трактовка эта получает подтверждение при обращении ко второй группе противопоставлений, отражающей пространственные отношения между фризами. Дело в том, что охарактеризованные элементы дихотомичного космоса четко локализуются в пространстве, им приписывается стабильное взаиморасположение как в горизонтальной так и в вертикальной системе координат.

В вертикальной модели мир людей естественно помещается в наземном пространстве, тогда как обитель смерти, как правило, локализуется в подземном царстве, т. е. отношение между двумя рассматриваемыми мирами может быть выражено посредством оппозиции верх/низ (случай 1 нашей системы противопоставлений). Наличие у скифов представления о существовании хтонического подземного мира, противопоставляемого миру людей, находит подтверждение в сохранившихся фрагментах

---

[15] Сводку данных, характеризующих рассмотренные оппозиции как типичнейшие для архаических космологических моделей, см. Е. М. Мелетинский, Поэтика мифа, М., 1976, passim. Там же ссылки на обширную литературу.

скифской мифологии [16]. После серии работ В. Н. Топорова не приходится доказывать, что архаические мифологические представления о вертикальной структуре мироздания чаще всего находили выражение в концепции мирового дерева которое представляет «образ некоей универсальной концепции, определявшей в течение долгого времени модель мира человеческих коллективов Старого и Нового Света» [17].

Обсуждение данной работы в научной аудитории Москвы и особенно Ленинграда убедило автора в том, что, несмотря на многочисленность опубликованных в последние годы исследований, посвященных этой концепции, ее понимание в ряде случаев сопряжено с определенными недоразумениями, вызванными, в частности, ее условным наименованием. Это заставляет кратко сформулировать, что понимается здесь под концепцией мирового дерева и какие ее аспекты имеют отношение к нашей теме. В основе этой концепции лежит система ориентации человека в пространстве — членение его на «то, что подо мной», «тот уровень, на котором нахожусь я» и «то, что надо мной». Абсолютизация и автономизация этого членения превращает эту структуру из чисто пространственной в космологическую, отражающую представление о строении мироздания. При этом каждый из элементов этой трихотомичной системы приобретает свои качественные и функционально-мифологические характеристики. Верхний мир — небо — мыслится как благой, светлый, обитель богов; средний — как зона обитания людей; нижний — как хтонический, обитель мрака и смерти. Как и любая система, созданная мифологическим мышлением, эта космологическая система является не чистой абстракцией, а находит выражение в предметных образах. Применительно к данной космологической системе роль такого образа выполняют предметы, в восприятии которых доминирует идея вертикали. Чаще всего в этом качестве выступает образ дерева, который в силу самой присущей ему морфологической трехчленности (крона, ствол, корни) легче всего соотносится с охарактеризованной трихотомической космологической схемой и потому является наиболее адекватным зрительным выражением концепции. Это обстоятельство и породило само ее название, однако следует подчеркнуть сугубо условный его характер, поскольку в роли эквивалента мирового дерева зачастую выступают и иные вертикальные образы: космический столп, мировая гора и т. п. Поэтому концепция мирового дерева и образ священного дерева в искусстве древности суть совершенно различные явления, смешение которых порождает существенные недоразумения.

Итак, согласно концепции мирового дерева, вселенная представляет ряд расположенных друг под другом «миров», и вертикальный предмет, связующий эти миры, может трактоваться как символ стабильного космического порядка. Как отмечает В. Н. Топоров, эта концепция «оставила по себе следы в религиозных и космологических представлениях, отраженных в текстах разного рода, в изобразительном искусстве, архитектуре, планировке поселений, в хореографии, ритуале, играх, в социальных структурах, в словесных поэтических образах и языке» [18]. При этом способы воплощения этой концепции в изобразительном искусстве могут быть различны: от изображения самого дерева [19] до воплощения тех или иных атрибутов, устойчиво ассоциировавшихся с различными его частями, или еще более опосредованных символов, по замечанию В. Н. Топорова, «относящихся, строго говоря, уже

[16] Э. А. Грантовский, Индо-иранские касты у скифов, XXV МКВ. Доклады делегации СССР, М., 1960, стр. 7, 10; Д. С. Раевский, Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии, М., 1977, стр. 121.

[17] В. Н. Топоров, К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха, сб. «Ранние формы искусства», М., 1972, стр. 93.

[18] В. Н. Топоров, О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева, ТЗС V, Тарту, 1971, стр. 9.

[19] Примером этого в искусстве Северного Причерноморья является композиция на обкладке ритона из Мерджан, где весь набор мотивов: дерево, женщина под ним, конский череп, укрепленный на вертикальном шесте,—находит соответствия в индо-иранских представлениях, связанных с рассматриваемой концепцией (см. В. В. Иванов, Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva — «конь», сб. «Проблемы истории языков и культуры народов Индии», М., 1974; Раевский, Очерки..., стр. 106).

к интерпретации мирового дерева»[20]. В композиции пекторали имеется целый ряд элементов, позволяющих трактовать ее именно как воплощение концепции мирового дерева, выраженной разными средствами.

Как символ мирового дерева следует, видимо, рассматривать прежде всего растительный побег, заполняющий поле среднего регистра пекторали[21]. Его место в композиции, позволяющее трактовать его как элемент, связывающий верхний и нижний фризы, вполне соответствует такому толкованию. Существенны в этом плане и симметрично размещенные на ветвях побега птицы, некоторые из которых изображены клюющими ветви, а некоторые — нет: это традиционный образ, связанный с символикой мирового дерева[22], о чем уже писалось в связи с толкованием скифских древностей[23]. Представленный на пекторали побег изображает, видимо, аканф — растение, в ряде случаев явно символизирующее мировое древо[24].

Если средний фриз можно трактовать как изображение мирового дерева (хотя и в известной степени символическое), то некоторые другие элементы декора пекторали должны, видимо, быть трактованы как атрибуты его частей (второй из указанных способов изобразительного воплощения данной концепции). Поскольку в образе мирового дерева выражается принцип вертикальной организации пространства, именно на вертикальной оси композиции пекторали[25] наиболее вероятна находка подобных символических атрибутов[26]. Здесь прежде всего обращает на себя внимание висящий лук в центре композиции верхнего регистра. В мировом искусстве, и в частности в искусстве Северного Причерноморья и Евразийского степного пояса, очень част мотив лука, висящего в ветвях дерева, которое по ряду признаков может быть интерпретировано именно как мировое дерево[27], поэтому он может трактоваться как атрибут и знак верхней части мирового дерева, сохраняющий это значение даже при изолированном воплощении[28]. Висящий лук, помещенный в верхней

---

[20] Топоров, О структуре..., стр. 9.

[21] Даниленко, ук. соч.

[22] В. Н. Топоров, О брахмане. К истокам концепции, сб. «Проблемы истории языков и культуры...», стр. 62—64.

[23] Кузьмина, О семантике..., стр. 70—71.

[24] Существенно, например, что аканф — неотъемлемый элемент декора коринфских капителей (Vitr., IV, I, 9—10; см. A. H. Christie, Pattern Design. An Introduction to the study of formal ornament, N. Y., 1969, стр. 119, слл.), символизирующих крону мирового дерева, воплощением которого является сама колонна (Топоров, О брахмане..., стр. 69).

[25] В этой связи весьма существенно, что осевым элементом в композиции сегментовидной пекторали из Зивийе является изображение дерева.

[26] Именно на вертикальной оси композиции расположена точка, из которой «произрастает» побег аканфа среднего регистра, что подтверждает толкование этой оси как воплощения мирового дерева.

[27] Такова композиция на пряжках из Сибирской коллекции Петра I, интерпретируемая М. П. Грязновым как эпизод эпоса (М. П. Грязнов, Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири, АСГЭ, вып. 3, Л., 1961, стр. 22, рис. 10). Представленный здесь сон или смерть героя под деревом безусловно связан с семантикой нижней части мирового дерева — с миром смерти. Смерть героя под деревом, в ветвях которого висит лук, представлена и на прорезной пластине из Зубова кургана (R. Ghirshman, Iran. Parther und Sasaniden, München, 1962, стр. 273, рис. 355). Такое же дерево есть в росписи склепа Анфестерия в Керчи, весь сюжет которой очень близок уже упомянутой мерджанской композиции, что позволяет и здесь предполагать то же значение образа дерева (А. П. Иванова, Искусство античных городов Северного Причерноморья, Л., 1953, рис. 54). Можно вспомнить ряд изображений лука в ветвях дерева, под которым отдыхает Геракл, и т. д.

[28] Не исключено, что здесь играет роль еще одна система символов, присущая скифской культуре. Как известно, в скифской космологической схеме, соотнесенной с сословно-кастовой стратификацией, верху (небу, солнцу) соответствует сословие воинов (Грантовский, Индо-иранские касты...; Раевский, Очерки...), а лук, по одному из вариантов скифского мифа (Herod., IV, 9), является атрибутом именно этого сословия (подробнее см. Раевский, Очерки...). Поэтому лук — опять-таки знак верхней зоны мироздания.

части вертикальной оси композиции, может поэтому трактоваться как знак верхней части мирового дерева [29].

Вторым атрибутом, представляющим интерес в рассматриваемом аспекте, является одежда из руна. Семантика этого мотива подробно будет рассмотрена ниже. Сейчас же для нас существенно, что эта одежда помещена тоже на оси композиции, непосредственно под луком. Мотив руна, висящего на дереве, зафиксирован в разное время у различных индоевропейских народов. Так, в хеттских ритуалах, связанных с почитанием бога Телепинуса, фигурирует овечья шкура, свешивающаяся с дерева [30]. Следует вспомнить и греческий миф о золотом руне, которое после принесения самого барана в жертву вешается на дереве, корни которого стережет дракон. Последнее обстоятельство ясно указывает, что речь здесь идет именно о мировом дереве, неотъемлемым атрибутом нижней части которого является змей. Наконец, в некоторых областных русских наречиях кора дерева и шкура животного обозначаются одним и тем же термином, что еще А. Н. Афанасьев поставил в связь с культом мирового дерева [31]. Поэтому руно и одежда из него может трактоваться как атрибут средней части мирового дерева.

Итак, анализ как композиции пекторали в целом, так и атрибутов, размещенных по ее вертикальной оси, позволяет рассматривать ее построение как основанное на представлении о вертикальной структуре мира, выраженном посредством образа мирового дерева. Выше мы видели, однако, что взаиморасположение двух повествовательных фризов пекторали характеризуется не только отношением верх/низ, но и внутреннее/внешнее. Последнее отношение не менее существенно для интерпретации семантики композиции, так как тоже характеризует взаимосвязь между «этим» и «иным» мирами в космологической модели, но не вертикальной, как в случае с мировым деревом, а горизонтальной. Так, в древнеиндийской космологии, зафиксированной различными источниками, но наиболее полное выражение нашедшей в джайнизме, мир трактуется как гигантский диск, представляющий целую систему концентрических континентов, обтекаемых океанами, причем жизнь людей, животных и растений процветает лишь в центре этого диска — на круглом омываемом океаном континенте Джамбудвипа [32]. Подобные представления находят выражение и в космологии других индоевропейских народов, в частности в скандинавской «эддической» мифологии, для которой характерно «противопоставление обитаемой людьми средней огороженной части земли (Мидгард) тому, что находится за пределами, вне, снаружи этой ограды (Утгард), в сфере враждебной и культурно неосвоенной. Оппозиция Мидгард — Утгард есть несомненно реализация элементарного семантического противопоставления «своего» и «чужого», а в неявной форме также упорядоченного и неупорядоченного (в терминах К. Леви-Стросса — «культуры» и «природы»), города и пустыни

---

[29] Легко предугадать возражение, основанное на том, что висящий лук — не более чем атрибут одного из персонажей центральной сцены композиции. Однако этим утверждением вовсе не исключается предлагаемое толкование. Каждый из представленных на пекторали элементов можно одновременно толковать как элемент сюжета, композиции, символической системы классификации и т. д. Это не альтернативные, а дополняющие друг друга уровни интерпретации. Лишь учитывая это обстоятельство, мы можем получить убедительный ответ на вопрос, почему именно данный персонаж снабжен именно таким атрибутом, помещенным в композиции именно на это место.

[30] В. В. Иванов, Разыскания в области анатолийского языкознания, сб. «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964, стр. 40—41; В. Н. Топоров, К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями, сб. «Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов», М., 1975, стр. 31.

[31] А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, II, М., 1868, стр. 491.

[32] W. Kirfel, Die Kosmographie der Inder, Bonn — Leipzig, 1920, стр. 6*, 214 сл.; Sm. S. Sengupta, Jain Cosmography. In: «Religion and Culture of the Jains», Calcutta, 1973, стр. 16.

(аналогично: «дом» — «лес»), центра и периферии, близкого и далекого»[33]. Не приходится доказывать близость этой системы и композиции пекторали. Скандинавский материал представляет для нас особый интерес, так как в нем, как показало недавнее исследование Е. М. Мелетинского, нашло яркое выражение сочетание в единой космологической модели двух пространственных «подсистем»: вертикальной, основанной на образе мирового дерева, и горизонтальной, только что охарактеризованной. Как отмечает Е. М. Мелетинский, «вертикальная модель соотносится с горизонтальной через ряд отождествлений, которые в сущности являются трансформациями»[34]. Совершенно аналогичная ситуация наблюдается и в нашем случае, когда один и тот же пояс изображения может быть охарактеризован одновременно как «верхний» и «внутренний» (или, соответственно, «нижний» и «внешний»), т. е. когда верх отождествляется с центром, а низ с периферией, когда две модели — горизонтальная и вертикальная — совмещаются на одной плоскости[35].

Итак, анализ структуры композиции пекторали позволяет полагать, что в ней нашли выражение свойственные древним индоевропейским народам представления о горизонтальном и вертикальном строении мира. Посмотрим, как согласуются с этим толкованием входящие в состав композиции конкретные образы.

Начнем с нижнего регистра. Как уже отмечалось, в нем преобладают мотивы, связанные с темой смерти, прежде всего так называемые сцены терзания. Мотив этот широко представлен в искусстве степного пояса Евразии, в частности на греко-скифских памятниках Северного Причерноморья. Семантика его не получила еще среди исследователей общепринятого толкования[36]. В последнее время большое внимание этому вопросу уделила Е. Е. Кузьмина. При толковании семантики этого мотива она исходит из того, что «в мифологии ираноязычных народов основой миропорядка была циклическая смена противоположных явлений в природе: дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти — диалектическая борьба и *возрождение через уничтожение*»[37] (курсив мой.— *Д. Р.*), причем подмена микрокосма и макрокосма приводила к тому, что «акт космогонического творения и возрождения мира мог восприниматься как акт смерти и возрождения отдельного индивида» (там же) и соответственно наоборот.

---

[33] Е. М. Мелетинский, Скандинавская мифология как система, ТЗС, т. 7, Тарту, 1975, стр. 40. Существенно наблюдение автора, что если в вертикальной модели скандинавской космологии отражена трихотомия вселенной, то «в „горизонтальной" модели небо практически земле не противопоставляется, ... жилище богов Асгард типологически неотделимо от Мидгарда» (там же), т. е. горизонтальная модель дихотомична. Это позволяет нам понять, почему при преобладании в скифской мифологии тернарных структур, соотнесенных с вертикальной космической моделью (о них речь еще пойдет ниже), в структуре пекторали противопоставляются лишь два регистра: внутренний, как и в скандинавском материале, воплощает одновременно средний и верхний миры, тогда как внешний символизирует нижний мир. В то же время при первом взгляде на пектораль ее трехъярусная композиция безусловно связывается с представлением о трехчленной структуре вселенной.

[34] Мелетинский, Скандинавская мифология..., стр. 42.

[35] Подобные отождествления, являющиеся инструментом согласования горизонтальной и вертикальной «подсистем» космической модели, распространены в архаических культурах весьма широко (см., например, об отождествлениях «север — верх» и «юг—низ» в традициях древних индоиранцев: Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский, От Скифии до Индии, М., 1974; обратные соотношения, т. е. представления о «юге — верхе» и «севере — низе», зафиксированы, к примеру, у селькупов (см. Е. Д. Прокофьева, Старые представления селькупов о мире, в кн. «Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера», Л., 1976, стр. 112 сл). Иной способ согласования обеих подсистем демонстрируют джайнистские источники, согласно которым вселенная напоминает трехмерную фигуру 8, петли которой суть верхний и нижний миры, тогда как мир людей помещается в точке соединения этих петель и одновременно в центре гигантского горизонтального диска (Sengupta, ук. соч., стр. 16). Здесь вертикальная и горизонтальная модели не накладываются одна на другую, а сопряжены в трехмерном пространстве.

[36] Последнюю сводку мнений по этому вопросу см. Г. А. Федоров-Давыдов, О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства, сб. «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 3, Л., 1975. Однако предложенное автором толкование этого мотива не кажется мне убедительным.

[37] Кузьмина, О семантике..., стр. 69.

Иными словами, гибель объектов терзания в рассматриваемых композициях есть, если следовать предлагаемому Е. Е. Кузьминой толкованию, необходимое условие для постоянного возрождения мира, для вновь и вновь повторяющегося его обновления. Уже отмеченный принцип построения пекторали, где темы смерти (терзание) и рождения, отраженные в двух регистрах, композиционно противопоставлены и в то же время как бы взаимообусловленны, является, на мой взгляд, лучшим подтверждением такой интерпретации мотива терзания. Животные, терзаемые в нижнем регистре пекторали, погибают во имя того, чтобы произошел акт рождения, воплощенный в образах верхнего регистра. Подобное осознание диалектического единства жизни и смерти вообще чрезвычайно характерно для архаического мировоззрения. Как писал М. М. Бахтин, «смерть здесь входит в целое жизни как ее необходимый момент, как условие ее постоянного обновления и омоложения. Смерть здесь всегда соотнесена с рождением, могила — с рождающим лоном земли. Рождение — смерть, смерть — рождение — определяющие (конститутивные) моменты самой жизни (...). Смерть включена в жизнь и наряду с рождением определяет ее вечное движение»[38]. Каждая смерть в таком культурном контексте может рассматриваться как своего рода жертвоприношение, совершаемое во имя сохранения и обновления жизни. Мотив же терзания в искусстве народов скифского мира может интерпретироваться как изобразительный эквивалент такого жертвоприношения, необходимого для стабильного существования установленного миропорядка.

Прямое подтверждение такого толкования находим мы в археологическом материале, происходящем из самого кургана, в котором найдена пектораль. По данным В. И. Бибиковой, во рву Толстой Могилы «обнаружены остатки трех видов животных: домашней лошади, дикой свиньи и благородного оленя»[39], т. е. именно тех и только тех животных, которые представлены в качестве объектов терзания на пекторали[40]. Учитывая, что во рву кургана содержались кости животных, съеденных во время тризны, а тризна есть жертвенный ритуал, мы получаем доказательство того, что лошадь, олень и дикий кабан представляют для коллектива, оставившего погребение в Толстой Могиле, традиционный набор жертвенных животных и, следовательно, подтверждение правильности толкования нижнего фриза пекторали как выражающего идею жертвоприношения, идею смерти во имя жизни[41]. Показательно, что в Толстой Могиле перечисленные животные были съедены именно в ходе тризны — ритуала, тесно связанного с идеей жизни, существующей вопреки смерти и благодаря смерти (это в последнее время было хорошо показано В. Я. Петрухиным на скандинавском материале[42]). Поэтому поедание этих животных в ходе погребального пиршества и изображение терзания их в нижнем регистре пекторали суть два способа выражения одной идеи, магическое значение их одинаково.

[38] М. Бахтин, Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса, М., 1965, стр. 58.

[39] В. И. Бибикова, К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила, СА, 1973, № 4, стр. 64.

[40] Совпадение это служит лучшим доказательством того, что в наборе украшающих пектораль мотивов ни один элемент не случаен, а отражает традицию, присущую оставившему курган населению.

[41] Для понимания причин выбора именно мотива терзания как воплощения идеи жертвоприношения во имя возрождения жизни небезынтересным представляется один пассаж Лукреция. Описывая гибель человека, терзаемого хищником, поэт характеризует эту ситуацию так:

Плотью живой он в живую уходит могилу.

(Lucr., V, 993)

Говорится это по поводу, весьма далекому от предмета нашего анализа, но в этом пассаже скорее всего отразилось традиционное понимание древними интересующей нас в данный момент ситуации. Терзаемое существо как бы погибает заживо, до последней минуты оставаясь «живой плотью», а поедающий его зверь — это «живая могила». Именно такой вид смерти, когда умирающее существо в то же время как бы и не умирает, а остается жить в поглотившем его существе,— наиболее подходящий для воплощения идеи умирания во имя сохранения и возрождения жизни.

[42] В. Я. Петрухин, Погребальный культ языческой Скандинавии, Автореф. канд. дисс. М., 1975, стр. 13—14.

Специально следует остановиться на том, что в центральной части нижнего регистра мы видим троекратное терзание лошади. Е. Е. Кузьмина уже сопоставила некоторые аспекты почитания коня у скифов с жертвоприношением этого животного у других индо-иранских народов, в частности с древнеиндийским ритуалом ашвамедха (О семантике..., стр. 71—72). Между тем в ашвамедхе четко засвидетельствовано представление о связи жертвенного коня с тремя зонами космоса [43]. Эти три зоны, как уже говорилось, известны и скифской космологии. Вполне вероятно, что троекратное терзание лошади на пекторали есть иной способ выражения того же представления о трехчастной жертве. Учитывая, что конь в индоиранской традиции выступает как посредник между тремя мирами и в этом отношении эквивалентен мировому дереву [44], существен тот факт, что терзание коня помещено на той же вертикальной оси композиции, которая выше трактовалась как эквивалент мирового дерева.

По сторонам от рассмотренных групп помещены сцены терзания оленя и кабана львами [45]. Конкретная символика этих образов, столь частых в искусстве Скифии, равно как и природа этого различия между правой и левой частями композиции, в остальном тождественными, остаются пока неясными и могут быть решены лишь с учетом всего имеющегося материала. Нам в данный момент приходится ограничиться изложенным выше толкованием мотива терзания в целом.

Несколько полнее следует остановиться на следующих за названными сценах — преследовании зайца собакой. Известно, что у древних индоиранских народов образ собаки тесно связан с представлением о смерти, о пути в загробный мир и т. п. Собаки — обязательные спутники Ямы, первого умершего и божества смерти древнеиндийской мифологии; в зороастризме они связаны с мостом Чинват, ведущим в загробный мир [46]. Подобные представления, видимо, находят выражение в помещении собак в могилу — важном элементе погребального ритуала в савромато-сарматском мире и в древней Средней Азии [47]. Поэтому изображение собаки, преследующей какое-либо животное, вполне уместно в композиции нижнего регистра пекторали, толкуемого как воплощение мира смерти.

Поддается ли объяснению то обстоятельство, что в качестве объекта преследования здесь выступает именно заяц? Выше уже отмечалось непременное присутствие этого мотива в декоре пекторалей, происходящих из скифского мира. Образ этого животного вообще достаточно широко представлен в искусстве народов евразийских степей, в том числе у скифов [48]; в частности, распространены здесь и сцены его терзания или преследования, причем по-разному трактованные: терзание зайца хищной птицей, преследование его собакой или всадником. Последний мотив представлен на пластинах из Куль-обы и Александропольского кургана и трактовался как воплощение известного из Геродота (IV, 134) эпизода скифо-персидской войны [49].

Согласно этому рассказу, когда оба войска выстроились друг против друга и приготовились к сражению, перед скифским строем пробежал заяц. Увидев его, скифские воины сломали строй и бросились за ним в погоню. По словам Геродота, Дарий усмотрел в этом пренебрежение скифов к его военной мощи; сам же историк скорее склонен был толковать этот эпизод как проявление скифского анархизма.

---

[43] В. В. Иванов, Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии, ТЗС, т. IV, Тарту, 1969, стр. 69; он же, Опыт истолкования..., стр. 95—96.

[44] Иванов, Опыт истолкования..., стр. 94—95.

[45] Б. Н. Мозолевский (ук. соч., стр. 290) видит в терзающих животных льва и леопарда. В других случаях (например, на сосуде из Куль-обы) терзающие животные представлены львом и львицей, что подчеркнуто отвислыми сосцами самки.

[46] R. Schlerath, Der Hund bei den Indogermanen, Paideuma, Bd 6, Ht 1, Wiesbaden, 1954. Цит. по: S. Hummel, Der Hund in der religiösen Vorstellungswelt des Tibeters, Paideuma, Bd. 6, Ht 8, 1958, стр. 500.

[47] Б. А. Литвинский, Курганы и курумы Западной Ферганы, М., 1972, стр. 118—120.

[48] А. И. Шкурко, Звериный стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии (VII—III вв. до н. э.), Автореф. канд. дисс., М., 1975, стр. 17, табл. I.

[49] Б. Н. Граков, Скифы, М., 1971, стр. 81.

Рассказ этот вполне можно было бы рассматривать как одну из тех реальных (или псевдореальных) подробностей, какие Геродот во множестве включал в свое повествование, чтобы придать ему большую убедительность, но тогда необъяснимой остается популярность подобных сцен в скифском искусстве. Б. Н. Граков полагал, что и у Геродота и в изображениях отражен эпизод из скифских эпических сказаний о войне с Дарием [50]. Этому противоречит, однако, наличие того же мотива за пределами Скифии, в частности, на умбоне из амударьинского клада, где он к тому же сочетается со сценами охоты на оленя и козла. Кроме того, такая интерпретация предполагает различную семантику мотивов охоты всадника на зайца и терзания (преследования) его каким-либо животным или птицей. Существует ли толкование, объясняющее все названные факты — эпизод, рассказанный Геродотом, содержание куль-обского, александропольского и амударьинского изображений, мотив терзания или преследования зайца? Очевидно, что оно должно исходить из семантики образа этого животного в скифском мире.

В этой связи интересно сопоставление, предложенное недавно Е. Е. Кузьминой. Для толкования упомянутой сцены на амударьинском умбоне она привлекла сказание из осетинского Нартского эпоса, многие сюжеты и мотивы которого, как давно установлено, восходят к скифо-сарматскому времени. Это сказание повествует о герое, который преследует до края земли встретившегося ему на охоте белого зайца. Заяц этот оказывается морской царевной и от ее брака с героем-преследователем рождается Батрадз — один из центральных персонажей Нартского цикла [51]. Е. Е. Кузьмина обоснованно сопоставляет этот рассказ с присущим мифологии скифов представлением, согласно которому их прародительницей была дочь водной стихии (Herod., IV, 5; IG, XIV, № 1293 A), точнее богиня земли и воды, воплощение нижнего мира и порождающего начала [52]. Если нартское сказание и скифская мифологема действительно имеют общий генезис, то образ зайца в скифской зооморфной символике олицетворяет, видимо, именно эту стихию. Тогда его помещение в нижнем регистре пекторали, все образы которого, согласно предлагаемому толкованию, воплощают идею нижнего мира, вполне объяснимо [53].

Толкование зайца как зооморфного воплощения мифической прародительницы скифов следует сопоставить с тем значением, которое приписывалось ему в античном мире. Здесь образ зайца устойчиво связывался с различными аспектами идеи плодородия [54], причиной чего явилась, видимо, прежде всего его чрезвычайная плодовитость. Некоторые древние авторы пишут, например, о редкой способности самки зайца зачинать нового детеныша еще до рождения предыдущего (Varr., Rer. rust., III, 12, 5) Связь образа зайца с идеей плодородия послужила, вероятно, причиной того, что в поздней античности он выступает как элемент символики времен года. [55] Ему же

---

[50] Там же.

[51] Е. Е. Кузьмина. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада, сб. «Искусство Востока и античности», М., 1977, стр. 20 сл.

[52] Подробнее о семантике этого образа см. Раевский, Очерки...

[53] С осетинским и скифским мотивом можно сопоставить русскую примету, согласно которой «плывя по воде, не должно поминать зайца, потому что этого не любит водяной» (А. Н. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865, стр. 634 сл.). Это пережиточное табу, скорее всего, косвенно указывает на связь зайца с той же водной стихией и дает основание предполагать весьма древние корни и широкий ареал этого представления.

[54] Факт этот по-разному объяснялся учеными нового времени. Так, Л. Стефани полагал, что одной из основных причин того, что заяц связывался с вакхическим культом и почитанием Афродиты и Эрота, послужило его «афродизическое сладострастие» (Л. Стефани, Объяснение некоторых ваз императорского Эрмитажа, ОАК за 1862 г., СПб., 1863, стр. 65). Это толкование кажется более убедительным, чем мнение Е. Г. Кагарова, что причиной связи зайца с культом Афродиты явилась «вера в эротическое действие его мяса» (Е. Г. Кагаров, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, СПб., 1913, стр. 237).

[55] Стефани, ук. соч., стр. 73.

приписывали магические свойства в сфере любовных чар [56]. В греческой вазописи, традиции которой не могли не оказать влияния на иконографию греко-скифского искусства, был популярен и мотив преследования зайца, например, Эротами, причем последних иногда изображали в сопровождении собак [57].

Близость свойственного античному миру толкования зайца как символа плодовитости к скифскому мифу, трактовавшему его как воплощение стихии-прародительницы, объясняет семантику этого образа там, где две эти традиции встретились — в греко-скифском искусстве. Если мы теперь вернемся к предложенному выше толкованию сцен терзания в нижнем фризе пекторали как изобразительного эквивалента жертвоприношения, то включение в этот ряд мотива преследования зайца становится вполне объяснимым: известно, что выбор жертвенного животного зачастую определялся стремлением обеспечить самому жертвователю и представляемому им коллективу те силы и способности, которые приписываются этому животному [58]. Если правильно предложенное выше толкование и гибель животных в нижнем регистре пекторали совершается во имя того, чтобы произошло возрождение, представленное в верхнем регистре, то олицетворяющий плодородие и плодовитость заяц является здесь наиболее уместной жертвой. Именно такое магическое значение можно реконструировать для всех изображений охоты на зайца, его терзания или преследования. Те же представления лежат, вероятно, и в основе рассказанного Геродотом эпизода: если скифы верили, что принесение в жертву зайца обеспечивает плодовитость, плодородие, богатство, то легко реконструировать примету, согласно которой встреченного зайца надо непременно убить и это принесет благополучие. Потому, видимо, и удалось забежавшему зайцу расстроить ряды скифов, уже готовых сразиться с Дарием.

Завершают композицию нижнего регистра две пары обращенных друг к другу кузнечиков. Мне не удалось найти прямых указаний на значение этого существа в символике древних индоиранцев. В античной культуре кузнечик, видимо, связывался с землей и ее богинями [59], т. е. с тем же поглощающим и порождающим миром, образ которого стоит за всеми мотивами нижнего регистра пекторали. Заслуживает внимание и то, что в древнеиндийских источниках (см., например, Чхандогья упанишада, VI, 9, 3; VI, 10, 2) населяющие землю существа трактуются как своего рода иерархический ряд, начинающийся со льва и тигра, включающий кабана и завершающийся «крылатыми насекомыми». Если исключить стоящие несколько особняком вследствие участия в них фантастических грифонов три центральные группы — терзание лошадей, то именно этот ряд изображен в нижнем фризе пекторали. Не отражает ли этот факт стремления выразить идею всеобъемлющего характера процесса умирания во имя возрождения, подвластности ему всех земных существ?

Обратимся к содержанию верхнего фриза. Как уже говорилось, весьма существенно, что здесь преобладает мотив выкармливания детенышей. Однако не менее важным является сам набор и последовательность персонажей представленных здесь сцен. На обеих сторонах композиции мы видим человека, лошадь, корову, овцу [60], козу, утку. Если оставить в стороне последнее существо, о значении которого речь пойдет ниже, то представленный здесь ряд весьма показателен, так как является стабильным для самых разных индоевропейских традиций и отражен в различных

[56] Там же, стр. 67. Это представление присуще было, видимо, и иранскому миру, причем в течение долгого периода. Как указал мне Ш. М. Шукуров, которому я приношу благодарность за эти сведения, заяц — частый атрибут любовных сцен в средневековой персидской миниатюре.

[57] Там же, стр. 66.

[58] В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, Л., 1963, стр. 27.

[59] Л. Стефани, Объяснение нескольких древностей, найденных в 1864 году в Южной России, ОАК за 1865 г. СПб., 1866, стр. 87—88. Показательно, что находка изображений кузнечика, весьма редких в Причерноморье, также объединяет Толстую Могилу и Большую Близницу. См. там же, стр. 80 сл., 95 сл.

[60] Помещенный рядом с овцой в обеих частях композиции человек мной в этот ряд не включается, так как, согласно предлагаемому толкованию, он не является самостоятельным персонажем, а помещен здесь для воплощения мотива доения.

источниках. Так, согласно древнеиндийским представлениям, человек, лошадь, корова, овца и коза — это пять частей скота, т. е. пять элементов, составляющих в совокупности понятие «скот». В индийской традиции эта пентада сопоставляется с другими пятичленными классификационными рядами, отражающими различные аспекты восприятия мироздания. Ниже приводится сокращенный вариант таблицы, составленной по материалам Чхандогья упанишады и отражающей взаимную соотнесенность целой группы таких пятичленных рядов, в том числе того, который представлен в композиции пекторали [61]:

Скот (II, 18)	*Жизненные силы (II, 11)*	*Солнце (II, 14)*	*Времена года (II, 16)*	*Миры (II, 17)*	*Члены тела (II, 19)*	*Божества (II, 20)*
козы	разум	восходящее	весна	земля	волосы	огонь
овцы	речь	взошедшее	лето	воздушное пространство	кожа	ветер
коровы	глаз	полдень	дождливый	небо	мясо	солнце
лошади	ухо	вторая половина дня	осень	страны света	кости	звезды
человек	дыхание	заходящее	зима	океан	мозг	луна

Данные «Артхашастры» (III, 60, 6) позволяют дополнить эту таблицу случаем соотнесения тех же животных с различными варнами: лошадей — с кшатриями, коров — с вайшьями, овец — с шудрами и коз с брахманами. Тот же ряд из пяти существ трактовался в Индии как традиционная иерархия жертвенных животных [62].

В древнеиндийской традиции представление о пятичленном иерархическом ряде «человек — лошадь — корова — овца — коза» отражено наиболее четко и в максимально полном виде, но следы его обнаруживаются в значительно более широком ареале. Они улавливаются у древних иранцев: в Авесте (Яшт V) повествуется о принесении в жертву Ардвисуре Анахите «ста коней, тысячи быков, десяти тысяч овец». Ж. Дюмезиль проследил следы тех же представлений в культуре древней Греции и Рима. [63] Они выявлены и в балтийской и славянской традициях [64]. Все это указывает на глубокую древность и широкое распространение этой концепции и позволяет считать исторически вполне вероятным бытование ее и в скифской среде. Подтверждением этого служит и верхний регистр пекторали, который в таком случае представляет именно все «части скота». По аналогии с терминологией элевсинских культов, оперировавших понятиями «всезерния», «всеплодия», «всеовощья» [65], можно сказать, что рассматриваемый фриз воплощает идею «всескотия». При этом крайне существенно, что представлен именно скот плодоносящий, размножающийся. Уже упоминавшийся пассаж Чхандогья упанишады приписывает особую магическую силу представлению об этих классификациях, в том числе о «пяти частях скота»: знающий их «обладает скотом, достигает полного срока жизни, живет в блеске, богат потомством и скотом, велик славой» (II, 18). В свете сказанного композицию верхнего *регистра можно трактовать как изобразительное воплощение магической формулы обеспечивающей благополучие, и прежде всего — умножение скота.* В условиях Скифии с ее по преимуществу скотоводческим хозяйством этот аспект был весьма существенным.

С предложенным толкованием рассмотренных мотивов декора пекторали согласуется и содержание центральной сцены верхнего регистра. У разных народов весьма

[61] Чхандогья упанишада, М., 1965, стр. 169.
[62] S. Lévi, La doctrine du sacrifice dans les Brâhmanas, P., 1868, стр. 133 сл.
[63] G. Dumézil, La religion romaine archaique, P., 1966, стр. 530.
[64] В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей, М., 1974, стр. 79—80.
[65] Б. Л. Богаевский, Земледельческая религия Афин, т. I, Пг., 1916, стр. 192—216.

широко с древнейших времен до наших дней распространена вера в магические свойства шкуры, в частности овечьего руна, или одежды из нее: они призваны обеспечить плодородие и богатство (представление о связи между тем и другим хорошо известно и легко объяснимо). Приведем несколько примеров, отражающих веру в магические свойства руна и шерсти, относящихся к разному времени и заимствованных из традиции разных индоевропейских народов. Уже упоминавшийся хеттский ритуал, в котором фигурирует висящее на дереве руно, связан с культом Телепина, умирающего и воскресающего божества плодородия [66]. По данным В. В. Иванова и В. Н. Топорова, в славянской (и шире — в индоевропейской) традиции гнездо из руна — место обитания змея в архаическом мифе о поединке бога грозы с его противником [67], причем последний (а именно его олицетворяет змей) в древнейшей своей сущности есть божество, обеспечивающее плодородие и богатство [68]. По некоторым данным, одежда из овечьих или козьих шкур — атрибут римских Ларов, божеств, также связанных с богатством и процветанием [69]. Шерсть — неотъемлемый атрибут обеспечивающих плодородие элевсинских ритуалов: вместе с различными плодами земли ее возлагают на алтари [70], шерстяными повязками обвивают иресиону — священную ветвь, увешанную различными плодами [71].

Обильные свидетельства о приписывании шерсти и шкуре свойства обеспечивать плодородие, богатство, благополучие содержатся в этнографических материалах. Овечья шерсть трактуется как надежный апотропей, например у различных восточнославянских народов [72]. Известны представления о связи шкуры именно с плодовитостью скота. Так, у сербов в XIX в. существовало поверье, что для того, чтобы овцы дали обильный приплод, овчары должны встать на руно [73]. Весьма показательны и некоторые элементы свадебных обрядов. У различных народов существует обычай сажать молодых на вывернутую меховую шубу [74]. В шубы, одетые мехом наружу, облачены родители, встречающие новобрачных после венчания [75]. Оба эти ритуала призваны обеспечить молодым плодовитость и богатство. В свете приведенных данных шитье одежды из руна, изображенное в одном ряду с приносящим потомство скотом, должно, скорее всего, трактоваться как отражающее именно эти магические представления [76]. Однако если символика этой сцены более или менее прояснилась, то вопрос о ее содержании на данный момент приходится оставить открытым. В ней можно видеть какое-то ритуальное действие, совершавшееся в определенный календарный момент. Допустимо также и предположение, что здесь воплощен сюжет конкретного скифского мифа, однако ни реконструировать его содержание, ни определить, кто в нем действует, пока не удается. В этой связи заслуживает внимания наблюдение Ж. Дюмезиля, что в индоевропейской традиции покровителями скотоводства выступают обычно парные божества, хотя его попытка найти

[66] Иванов, Разыскания..., стр. 40—41; Иванов, Топоров, ук. соч., стр. 50—51; Топоров, К объяснению..., стр. 31.

[67] Иванов, Топоров, ук. соч., стр. 88.

[68] Там же, стр. 154.

[69] Dumézil, ук. соч., стр. 338; Иванов, Заметки..., стр. 54, 58. По толкованию других исследователей Лары были облачены в одежду из собачьих шкур (см. J.-A. Hild, in: Ch. Daremberg et E. Saglio, *Dictionaire des antiquités grecques et romaines*, vol. III_2, стр. 645, s. v. Lares).

[70] Богаевский, ук. соч., стр. 209.

[71] Там же, стр. 218. Само название иресионы народная этимология возводила к корню, служившему для обозначения шерсти (там же, стр. 222).

[72] С. А. Токарев, Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в., М.— Л., 1957, стр. 55, 57.

[73] Афанасьев, ук. соч., т. I, стр. 692.

[74] Там же, стр. 689; Е. Г. Кагаров, Состав и происхождение свадебной обрядности, Сб. МАЭ, вып. VIII, Л., 1929; Токарев, ук. соч., стр. 134.

[75] Кагаров, Состав..., стр. 176.

[76] Если принять гипотезу В. В. Иванова и В. Н. Топорова (ук. соч., стр. 52—54) о существовании связи между представлениями о шерсти, шкуре и волосах, то, не исключено, именно здесь следует искать объяснение того, что один из персонажей центральной сцены на пекторали представлен с подвязанными волосами, а другой — с распущенными. Однако конкретный смысл этого противопоставления пока неясен.

следы этого мотива в мифологии скифов не представляется убедительной [77]. Поэтому его существование здесь, в принципе вполне возможное, пока ничем, кроме содержания рассмотренной композиции, не подтверждается [78].

Итак, подробный анализ образов, входящих в композицию верхнего фриза нектарали, подтверждает их связь с идеей жизни, прежде всего с существованием и преумножением скота — основы, на которой зиждилось благоденствие скифского общества. Нам предстоит, однако, коснуться еще одного аспекта интерпретации верхнего регистра. Выше уже приводились данные о присущей древнеиндийской традиции соотнесенности пятичленных классификационных рядов, когда каждый ряд, обладая собственным «ближайшим» значением, в то же время указывает на все остальные ряды, является как бы их метафорой. Такие отождествления весьма типичны для мифологического мышления [79]. Возникает вопрос, присуще ли представленной в верхнем регистре пентаде лишь ближайшее значение, т. е. отражает ли она лишь одну из сторон мироздания, или в скифской традиции она была столь же многозначна, предполагала существование столь же многочисленных кодов, как и в индийской. В этой связи чрезвычайно существенна деталь, на которую обратил внимание А. М. Хазанов: у обеих коров верхнего фриза на лбу изображены солярные розетки [80]. Возвращаясь к приведенной выше таблице, мы видим, что по индийской традиции именно корове как элементу ряда «скот» в ряду «миров» соответствует небо, а в ряду «божеств» — солнце. Такое совпадение не только указывает на многозначность представленной к композиции пентады, но и свидетельствует, что соотнесенность кодов была одной и той же в скифской и индийской традиции. Эти данные позволяют утверждать, что содержание рассматриваемой композиции не исчерпывается той скотоводческой магией, которая была выявлена выше, а отражает самые разные аспекты восприятия мира, его пятичленную модель, выраженную одним из возможных кодов [81].

Нам осталось рассмотреть последний элемент верхнего регистра — замыкающие его с обеих сторон изображения утки. В древней Индии при толковании ряда человек — лошадь — корова — овца — коза как иерархии приносимых в жертву существ каждый следующий элемент ряда путем сложных спекулятивных отождествлений трактовался как эквивалентная замена предыдущего [82]. Соответственно существо, завершающее ряд, должно толковаться как тождественное в с е м предыдущим. Рассматривая в свете этой концепции верхний фриз нектарали, трактуемый, как сказано, как воплощающий «этот» мир, мы должны завершающий композицию элемент толковать как олицетворение этого мира в целом. Но именно такая семантика образа утки и вообще водоплавающей птицы была присуща иранскому миру и на основании анализа совершенно иных источников реконструирована мной ранее для скифского искусства [83]. Это совпадение, как представляется, может служить аргументом в защиту как интерпретации данного мотива, так и семантики декора всей нектарали [84].

---

[77] G. D u m é z i l, La société scythique avait-elle des classes fonctionelles? Indo-Iranian Journal, vol. V, N 3, 1962, стр. 201 сл.

[78] В связи с предложенным выше толкованием вертикальной оси нектарали и размещенных на ней элементов как эквивалента мирового дерева следует отметить, что и у многих индоевропейских народов дерево это связано с культом парных божеств или божественных близнецов (см. В. Н. Т о п о р о в, Заметки по балтийской мифологии, Балто-славянский сборник, М., 1972, стр. 302 сл.).

[79] М е л е т и н с к и й, Поэтика мифа, стр. 231—233.

[80] А. М. Х а з а н о в, Золото скифов, М., 1975, стр. 127.

[81] Не построением ли нектарали на основе пятичленной модели вызвано включение в средний фриз пяти фигурок птиц на мировом дереве?

[82] L é v í, ук. соч., стр. 137.

[83] Р а е в с к и й. О семантике...

[84] В ходе обсуждения этой работы в Ленинграде было высказано мнение, что в верхнем регистре нектарали утка изображена лишь слева от зрителя, в правой же части представлена какая-то иная птица. Если это суждение справедливо, то мы имеем еще одно отклонение от совпадения образов левой и правой частей композиции. И само это обстоятельство, и семантика образа этой птицы требуют в таком случае дополнительного истолкования.

Итак, проанализировав все мотивы, украшающие пектораль из Толстой Могилы, мы приходим к выводу, что они связаны единой идеей. Смысл всей композиции можно выразить так: вселенная состоит из противостоящих друг другу частей — «этого мира», мира живых, в котором обитают люди и который является ареной их деятельности, и «того мира» — обители смерти и враждебных человеку чудовищ; «тот» мир расположен под миром людей и одновременно вокруг него; противопоставленные друг другу, эти миры в то же время взаимосвязаны и взаимообусловлены; смерть является непременным условием жизни, залогом постоянного возрождения и обновления живого мира; это обновление проявляется, в частности, в регулярном появлении приплода домашнего скота [85], что служит одним из проявлений мирового порядка; стабильность этого порядка, обеспечиваемая выполнением определенных сакральных ритуалов, является поэтому гарантией процветания скифского общества. Иными словами, с точки зрения семантики пектораль представляет воплощение скифской космологической модели, с точки зрения синтактики — совмещение на одной плоскости вертикальной и горизонтальной структур этой модели, а в плане прагматики служит для обеспечения благосостояния коллектива, культовым атрибутом которого она является.

Прагматический аспект интерпретации пекторали требует не только анализа ее декора, но и привлечения данных о ее назначении, как бы скудны они не были. Б. Н. Мозолевский указывает, что, несмотря на сравнительно небольшие размеры, курган Толстая могила не знает себе равных в Скифии по количеству сопровождающих захоронений и по ценности ряда предметов инвентаря, прежде всего самой пекторали (ук. соч., стр. 307). Эти обстоятельства, равно как и то, что прямые аналогии многим найденным в Толстой могиле вещам связывают ее с наиболее значительными курганами Скифии, прежде всего с Чертомлыком, убедительно свидетельствуют о далеко не рядовом статусе погребенного здесь лица. Позволительно предположить, что Толстая Могила — царский курган, не только в традиционном условном значении этого термина, применяемого практически ко всем могилам скифской знати, а в самом конкретном смысле, т. е. что она служила усыпальницей царя, был ли он владыкой всей Скифии, как Атей, или царьком более мелкого политического образования. Предложенная интерпретация пекторали подтверждает эту версию, поскольку согласуется с сакральными функциями, присущими царям в архаических обществах. Царь трактовался как сакральная фигура, важнейший элемент космологической структуры, воплощение стабильности космического и социального порядка [86], знание которого является его прерогативой. Он олицетворяет весь подвластный ему коллектив, все входящие в его состав социальные категории, доказательства чему мы находим и в собственно скифских материалах [87]. Будучи лицом, связующим различные элементы социального космоса, и в то же время сакральной фигурой, осуществляющей контакт людей с богами, царь трактуется как один из эквивалентов мирового дерева [88]. Поэтому пектораль, являющаяся выражением той же концепции,— важный элемент имеющего культовое значение царского убора. Пектораль — нагрудное украшение, и ее вертикальная ось (по предложенному толкованию — воплощение мирового дерева)

[85] Если прагматика пекторали связана с идеей плодородия, то небезынтересно, что ее ближайшая аналогия — пектораль из Большой Близницы – найдена в погребении, которое приписывается жрице Деметры, т. е. служительницы типологически сходного культа. Показательно и совпадение синтаксиса обеих пекторалей, развертывающегося, однако, в пространстве различно, в полном соответствии с отмеченным выше принципом отождествления верха с центром и периферии с низом. На пекторали из Большой Близницы центральную часть занимает сцена брачных игр животных, сближающаяся по смыслу с образами плодоносящего скота в верхнем регистре убора из Толстой могилы, тогда как периферическую ее зону занимает мотив преследования зайца собакой (resp. мотив смерти), тождественный содержанию нижнего регистра ожерелья из Толстой могилы.

[86] В. Н. Топоров, О космологических источниках раннеисторических описаний, ТЗС, VI, Тарту, 1973, стр. 115.

[87] Раевский, Очерки..., гл. IV, 3.

[88] Топоров, О космологических источниках..., стр. 115.

совмещается в пространстве с фигурой царя, имеющей то же значение. С другой стороны, как ожерелье, обнимающее шею царя, нектораль — в полном согласии с выявленным выше ее значением имитации горизонтальной структуры мироздания — является как бы диском, через центр которого проходит вертикальная мировая ось — та же фигура царя (ср. сказанное выше о сопряжении горизонтальной вселенной и вертикальной мировой оси в космологии джайнизма). В то же время царь — не только персонификация коллектива, он — гарант его благополучия. Таким образом, все аспекты синтактики и прагматика нектораль наиболее полно интерпретируются, если трактовать ее как элемент личного убора именно царя. Однако этот вывод должен быть проверен анализом всего комплекса инвентаря Толстой Могилы.

Разумеется, всем сказанным не исчерпывается проблема толкования проанализированного памятника. Как и всякий памятник мифологического мышления, нектораль из Толстой Могилы может и должна интерпретироваться на разных уровнях. Семантика некоторых из представленных здесь образов осталась совершенно невыясненной, другие интерпретированы лишь частично. Эти аспекты толкования, естественно, еще не раз будут привлекать внимание исследователей.

Несколько слов в заключение. В ходе интерпретации нектораль автор старался по возможности ограничивать круг данных, привлекаемых для толкования тех или иных мотивов, сферой родственных скифам индоиранских народов. Однако в тех случаях, когда фрагментарно сохранившегося индоиранского материала оказывалось недостаточно, приходилось выходить в более широкую сферу. В ходе таких сопоставлений наглядно проявилась значительная близость скифских представлений тому, что засвидетельствовано у других индоевропейских народов. В этом нет ничего неожиданного, но, будучи подтверждено конкретными примерами, это обстоятельство позволяет по-новому взглянуть на историю греко-скифского искусства. Часто высказывается мнение, что, поскольку шедевры торевтики из скифских курганов, как правило, изготовлены греческими мастерами, они лишь весьма приблизительно могут рассматриваться как достоверно отражающие скифские представления. Полагают, что греческие мастера не могли столь глубоко вникать в эти чуждые им представления, почему созданные ими памятники суть в значительной мере плод их собственной художественной фантазии. Представляется, что, будь это так, греческая продукция не нашла бы столь широкого сбыта в скифской среде. Для нас сейчас, однако, существенно другое. Рассмотренные здесь материалы свидетельствуют: эти представления не были совершенно чужды греческим мастерам. За иными именами, сюжетами, терминами угадывалось то общее, что восходит к единому древнему источнику. Это-то общее и помогало постижению античными мастерами тех представлений, которые им предстояло воплотить в зримых образах. Это и сделало возможным создание шедевров, удовлетворивших скифских потребителей две с половиной тысячи лет назад и восхищающих зрителей в наши дни [89].

Д. С. Раевский

---

[89] Автор приносит глубокую благодарность Б. А. Литвинскому и В. Я. Петрухину, замечания которых позволили внести очень существенные дополнения в предлагаемую интерпретацию, и В. П. Толстикову, выполнившему прорисовку нектораль для данной статьи. Статья была завершена в октябре 1976 г., и поэтому автор не имел возможности учесть ряд ценных наблюдений и соображений о семантике нектораль, содержащихся в опубликованных позднее работах, в первую очередь в специальной статье Б. Н. Мозолевского (Б. Мозолевський, Синтез скіфо-античної думки. До інтерпретації нектораль из Товстої Могили, Всесвіт, 1978, № 2) и в работе Э. Фаркаш (Ann Farkas, Interpreting Scythian Art: East vs. West, Artibus Asiae, XXXIX, 2, Ascona).

THE COSMOLOGY OF THE SCYTHIANS REFLECTED IN THEIR ART
(a semantic interpretation of the pectoral from the Tolstaya Mogila)

D. S. Rayevsky

The gold pectoral found in 1971 in the Scythian kurgan «Tolstaya Mogila» in the Ukraine has no equal for the number of figures depicted on it and so also for the volum of information it provides on Scythian mythology. Study of the composition and subject matter of the decoration on this pectoral shows it to be a veritable embodiment of typical Scythian notions about the horizontal and vertical structure of the universe. Two «narrative» panels in the composition reflect a series of semantic opposites which are characteristic of archaic cosmologies (above — below, inside — outside, human — non-human, wild — tame, real — fantastic, life — death) and, in the final analysis, express the concept of a universe consisting of two worlds («this», the world of people, and «that», the world of death) which are at once mutually opposed and mutually conditioned. The alternation of life and death is an essential component of an ordered world; one of its manifestations is the regular process of reproduction among domestic cattle, the prime condition of well-being in Scythian society. The function of the pectoral, which was part of the king's ritual attire, is defined in the notion of the essential sanctity of the king as personification of social order and guarantor of his people's prosperity. The cosmological scheme depicted on the pectoral is a particular expression of a cosmological idea common to Indo-European peoples in antiquity.

К ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ФРАКИЙСКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ГРЕКО-РИМСКИХ НАДПИСЕЙ
*(Ἥρως) ΠΕΡΚΩΝΙΣ RESP. ΠΕΡΚΟΥΣ

Включая минимальные отрезки текста, обычно ономастические, на языке автохтонного населения, а также в силу своей этнической, хронологической и географиче ской определенности греческие и римские надписи с территории древней Фракии и Дакии, аналогично прочим областям греко-римского мира, содержат данные первостепенной важности, не всегда используемые в должной мере, как для насущных задач реконструкции конкретных фракийских апеллативных лексем, так и соответственно для открывающихся (в зависимости от реконструкции) возможностей более точной языковой и хронологической стратиграфии разнородных элементов топонимического и — шире — ономастического континуума восточных областей Балканского п-ова, состоящего по крайней мере из пятнадцати компонентов: славянского, фракийского, дакийского, фригийского, древнемакедонского, кельтского, германского, иранского (скифского), греческого, латинского, восточнороманского, турецкого, хетто-лувийского, вообще малоазийского и, наконец, доиндоевропейского.

Значение эпиграфического материала в решении обеих взаимосвязанных задач наглядно иллюстрируется интерпретацией, в частности этимологической, эпитетов Хэроса Περκωνει и Περκῳ (дат. п.), засвидетельствованных в двух прекрасно сохранившихся вотивных надписях [1] под рельефами, обнаруженными недалеко от Варны, изображающими этого конного бога, без сомнения, главного в исконно фракийском «пантеоне». Некоторый стойко повторяющийся набор изобразительных мотивов в одной из

---

[1] № 283 bis и 283 по G. Mihailov, Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae, I², Serdicae, 1970, стр. 237.

трех групп памятников: всадник на коне, чаще в движении, каменное возвышение, копье или другое оружие в правой руке и т. д., сопутствующие мотивы: жертвенник, дерево, змея, бычок либо другое жертвенное животное, антропоморфная фигура или люди на заднем плане по левую руку, иногда впереди и т. п., позднейшие реминисценции в христианских культах Георгия Победоносца, Ильи Пророка, Федора Тирона и пр., безысключительно повсеместная распространенность изображений, особенно в пределах совр. Болгарии (свыше двух тысяч стел), а также в Македонии и Восточной Сербии — все это недвусмысленно характеризует Хэроса как верховного бога, на определенной стадии приобретшего черты громовержца [2]. Однако прямых подтверждений данной функции у фракийского бога-всадника в античных письменных источниках до сего времени обнаружено не было.

Две упомянутые выше надписи, к анализу которых мы приступаем, содержат совершенно бесспорные засвидетельствования Хэроса, и притом на уровне связного текста фрако-греческих надписей, именно в качестве бога-громовержца.

В 1960 г. М. Мирчев опубликовал надпись и фотографию рельефа посвятительной мраморной стелы, найденной близ села Галата в окрестностях Варны, относящейся приблизительно к I в. до н. э. — I в. н. э. (хранится в Варненском музее, инв. № II, 373). Из-за нечеткости некоторых важных деталей на фотографии, в общем удовлетворительной, считаем необходимым привести все описание памятника целиком: «...представлен бог-конник в движении направо. Конник с повернутой немного наперед головой, одет в короткий перепоясанный хитон и развевающийся сзади плащ. Его правая рука лежит поверх гривы коня. Жеребец без седла и узды с высоко поднятой левой передней ногой. Перед ним в правом углу алтарь, просто отделанный снизу доверху. За алтарем находится фигура молящегося с поднятой кверху правой рукой. Сзади молящегося ствол дерева с слабо разветвленной кроной, которая выходит за рамку рельефа. По дереву вьется змея с направленной к коннику головой» [3]. Не вдаваясь в семантику иконографических атрибутов — алтарь, жертвенное животное, древо мира и т. д., характерных для верховного божества, приведем прорись надписи, помещенной под рельефом вверху нижней рамки; надпись, видимо, выполнена без словораздела; щербина между 3-ей и 4-ой буквами от начала в первой строчке, видная на снимках [4], вероятно, естественного происхождения:

ΗΡΩΕΙΠΕΡΚΩΝΕΙ
ΜΕΝΑΝΔΡΟΣΑΜΥΝ
ΤΟΡΟΣ

Первый издатель надписи М. Мирчев (ук. соч., стр. 44), прочитав ее Ἥρῳ Εἰπερκωνει//Μένανδρος Ἀμύν//τορος «Хэросу Ейперконису Менандр, (сын) Амюнтора, (приносит в дар)», связал неверно прочитанный, как будет видно ниже, эпитет Εἰπερκωνις с созвучным эпитетом Хэроса — Περκῳ в другой вотивной надписи из Галаты (II—I вв. до н. э.) под аналогичным рельефом, наполненным большим числом деталей, чем рассмотренное, и имеющим два дополнительных мотива: правая рука, отстраненная от шеи коня, стоящего всеми четырьмя ногами на земле, держит потир или чашу; перед алтарем стоит фигурка служителя, ведущего навстречу коню (налево) жертвенное животное; правее алтаря две пары молящихся мужей, одна над другой, повернутых налево, в хитонах и мантиях с правыми руками, поднятыми в молитвенном жесте. Надпись и рельеф также впервые опубликованы Мирчевым [5]. В его чтении с незначительными

[2] О «громовных» чертах Хэроса см. В. Н. Топоров, К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры., «I симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика. Предварительные материалы. (Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации.)», М., 1972, стр. 34; В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей, М., 1974, стр. 210 сл. (с литературой).

[3] М. Мирчев, Нови епиграфски паметници от Черноморието, «Известия на Варненского Археологическо дружество», XI, Варна, 1960, стр. 44, № 23.

[4] Там же, стр. 57, рис. 26; Mihailov, ук. соч., табл. 140, № 283 bis.

[5] М. Мирчев, Гръцки епиграфски паметници от черноморското крайбрежие и вътрешността, «Известия на Варненското Археологическо дружество», VIII, Варна, 1951, стр. 21.

уточнениями Михайлова [6], присовокупившего ι подписное в дат. п., надпись имеет следующий вид: Ἀρτεμίδωρος καὶ Πολέμαρχος οἱ Θεοξένου Περκῳ Ἥρωι ἐπηκόῳ «Артемидор и Полемарх (сыновья) Теоксена Перкосу (либо Перкусу.— *Л. Г.*) Хэросу внемлющему». Толкуя надпись, издатель справедливо отметил, что, кроме обычного для посвятительных греческих надписей ἐπήκοος, к имени бога присоединено еще одно имя — «по всей вероятности, местное, фракийское Περκος, которое встречается впервый раз» [7]. В дополнении к своему компендиуму Д. Дечев учел без комментариев это Περκος со ссылкой на статью Мирчева [8]. В свою очередь Михайлов в своих весьма важных заметках к указанному труду Дечева лишь добавляет топоним Πέρκη — древнее название Фракии, по Арриану у Евстафия и Стефану Византийскому (ниже подробнее), не делая попыток связать его с эпитетом Περκος [9]. В то же время именно Михайлов, производя ревизию первой из приведенных выше надписей, квалифицировал начальный слог в выделенном Мирчевым Εἰπερκωνις в качестве окончания дат. п. к предыдущему слову. Предложенное новое чтение Ἥρωει Περκωνει//Μένανδρος Ἀμύντορος [10] «Хэросу Перкону Менандр, (сын) Амюнтора» делало вычлененный в результате этого эпитет * Περκωνις вполне удовлетворительным с комбинаторной точки зрения, включив его в один ряд с упомянутыми выше Περκος и Πέρκη и открыв тем самым далеко идущие перспективы в истолковании фракийских ономастических единиц с основой **Perk-*.

Судя по имеющимся у нас данным, эти чрезвычайно интересные теонимические лексемы, до наших публикаций [11] не привлекли специального внимания. Прежде всего это выразилось в отсутствии каких-либо попыток их интерпретации во фракологической литературе, если не считать краткой ремарки К. Влахова в его «Дополнениях и поправках...» к Дечеву под Περκων: Parallelform von Περκος [12], что во всяком случае диахронически, видимо, некорректно.

В контексте изложенного выше комплекса данных, в известном смысле общего порядка (изобразительное искусство, религиозный фольклор, дистрибуция стел с рельефами), оказывается совершенно очевидной неслучайность совпадения вплоть до полного формально-семантического отождествления фрак. * Περκωνις (из туземного фрак. **Perkūn-*), восстановленного по дат. п. Περκων-ει, с балтийским именем бога грозы **Perkūn-*, в лит. *Perkūnas*, латыш. *Perkons* и т. д., и закономерного употребления первого в качестве эпитета к фракийскому богу-всаднику Ἥρως; греч. ω в надписях Фракии могла передавать *ū*, ср. Γαλλίας Λυγδωνησίας при лат. *Gallia Lugdūnensis* и вообще чередовалось с ου [13]. Таким образом, сочетание Ἥρωει Περκωνει может быть с максимальной долей вероятия истолковано как «Хэросу — Громовержцу». При этом фрак.

---

[6] Mihailov, ук. соч., № 283.

[7] Мирчев, Гръцки епиграфски паметници...

[8] D. Detschew, Die thrakischen Sprachreste, Wien, 1957, стр. 539.

[9] Г. Михайлов, Към въпроса за тракийската лексика, «Списание на българската Академия на науките», 3, 1958, стр. 140.

[10] Mihailov, ук. соч., № 283 bis.

[11] См. Л. А. Гиндин, Древнейшая ономастика Восточных Балкан. (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы), докт. дисс., М., 1973, стр. 155 сл.; соответственно автореферат, М., 1974, стр. 14 сл.; ср. он же, Фрако-хетто-лувийские индоевропейские ареальные изоглоссы, [Дискуссия:] «Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. (Декабрь 1973 г.)», М., 1973, стр. 22 сл.; ср. В. Н. Топоров, К вопросу о древнебалканских связях в области языка и мифологии, «Доклады и сообщения Советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы», М., 1974, стр. 14; Иванов, Топоров, Исследования в области славянских древностей, стр. 105. Авторы включают в более широкую сферу лингво-культурных взаимодействий предложенное нами впервые отождествление данных фракийских лексем с балт. **Perkūn-* и являющееся в настоящей работе предметом специального рассмотрения. V. I. Georgiev, Die Thrakischen Götternamen. Ein Beitrag zur Religion der alten Thraker, «Linguistique Balcanique», XVIII, 1, стр. 46.

[12] K. Vlahov, Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch, «Годишник на Софийския университет, филол. фак-т», LVII, 2, стр. 280.

[13] G. Mihailov, La langue des inscriptions greques en Bulgarie. Phonétique et morphologie, Sofia, 1943, стр. 29 сл., особенно § 8, 36.

* *Perkūn-* следует рассматривать не в качестве религиозного термина, проникшего из балтийского языкового ареала, но как параллельное образование на базе генетически близкого материала в рамках широко прослеживаемых в настоящее время фракийско-балтийских и вообще балкано-балтийских языковых связей [14].

С индоевропейской точки зрения фрак. **Perkūn-*, подобно балт. **Perkūn-*, может представлять собой субстантивированное адъективное производное с носовым суффиксом и делабиализацией гуттурального от именной *u*-основы **perkuu-*, засвидетельствованной на апеллативном уровне формально и семантически в чистом виде лишь ассимилятивным лат. *quercus* «дуб» и глоссовым кельт. *ἔρκος* = греч. δρυμός «дубовый лес» (ниже подробнее); относительно продуктивного во фракийском суффиксального элемента *-n-*, ср., например, этноним Βι-θυ-νο-ί (из и.е. **-tū-no-* к и. е. **teū-* «набухать, быть мощным» в др. инд. *tāviti* «он силен»). В таком случае балт. и фрак. **Perkūn-* в этимологическом смысле претерпело следующую эволюцию значения: «дубовый (вообще)»→ → «божество дуба» → «божество грома, обитающее на дубе» [15]; параллель к последнему семантическому звену в греч. Ζεύς φηγωναῖος [16]. Полное словообразовательное тождество без дальнейшего сдвига значения в религиозную сферу наблюдается в кельт. *Hercynia silva* (Caes.), *Hercynius saltus* (Tac.), Ἀρκύνια ὄρη (Aristot.) «das deutsche Mittelgebirge», ср. др. в. нем. *Fergunnea* «Erz- oder Fichtelgebirge», ср. в. нем. *Virgunt* «Waldgebirge westlich Böhmens», гот. *fairguni* «ὄρος, Gebirge», (герм. **ferguniō*, собственно «гора, поросшая лесом, гора-лес», возможно, из пракельт. **perkunia*, ср. англ.-сакс. *firgen* «Waldhöhe» [17].

Возвращаясь к фракийскому, отметим, другой знаменательный факт. Вторая из рассматриваемых здесь надписей сохранила именную не суффигированную основу **perkuu-* в параллельно употребленном эпитете-теониме Περκῳ (Ἥρωι), допускающим восстановление основы на *-u* с номинативом * Περκους, вопреки Мирчеву и др., предполагающим явно вторичное * Περκις [18], ср. личное имя Τορκους → Τορκος < хетт. *Tarḫu-* [19] при дат. п. Τορκῳ (греческое слитное II склонение). В целом весь синтагматический отрезок текста... Περκῳ Ἥρωι ..., где Περκῳ является в сущности апеллативом, возведенным в ранг теонима, вполне правомерно толкуется «Дубу — Хэросу», resp. «Божеству грома, обитающему на дубе» и т. п.

[14] Топоров, К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры; он же, К фракийско-балтийским языковым параллелям, «Балканское языкознание», М., 1973; I. Duridanov, Thrakisch-dakische Studien, I. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen, Sofia, 1969, (=«Linguistique balkanique», XIII, 2); ср. N. Jokl, Reallexikon der Vorgeschichte, hrsg. v. M. Ebert, XIII, стр. 284 сл.

[15] Ср. R. Jakobson, While Reading Vasmer's Dictionary, «Slavic Word», 11, 4, 1955, стр. 615, сл.; ср. В. В. Иванов, К этимологии балтийского и славянского названия бога грома, «Вопросы славянского языкознания», 3, 1958, стр. 101 сл.— оба с отнесением всего круга слов, сопоставимых с балт. **Perkūn-*: слав. **Perun-* в том числе название дуба — и.е. **perkuus* к и.е. глагольному корню **per-* «ударять», «поражать»; Р. Якобсон, Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1970, стр. 610 сл.; см. еще З. А. Макаев, Армяно-кельтские изоглоссы, «Кельты и кельтские языки», М., 1974, стр. 54, где вопреки мнению В. В. Иванова (ук. соч., стр. 108, прим. 56) поддерживается традиционный взгляд на принадлежность арм. harkanem «бить, ударять» к и.е. **per-/-g-*.

[16] См. ἡ παλαιὰ φηγός — священный дуб-оракул Зевса в Додоне (Soph. Trach. 171, ср. там же 1168: δρῦς).

[17] См. J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, Bern—München, 1951, ст р. 822 сл.; A. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 3. neubearb. Aufl. v. J. B. Hofmann, II, Heidelberg, 1954, стр. 402 сл.; специально о связи балто-славянского бога грома **Per(k)ūn-* с дубом см. Вячеслав В. Иванов, Владимир Н. Топоров, К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале), «Sign — Language — Culture», The Hague — Paris, 1970, стр. 331 сл., 335 и др.

[18] Мирчев, Гръцки епиграфски паметници..., стр. 21 и др.

[19] См. Л. А. Гиндин, «Анатолийские» лексико-ономастические основы в ономастике древней Фракии, I, «Thracia. Primus Congressus studiorum Thracicorum», II, Serdicae, 1974, стр. 363.

Развернутая здесь этимологическая интерпретация эпитетов Хэроса *Περκωνις и *Περκους, характеризующих на уровне конкретного текста фракийского бога-всадника в качестве громовержца, находит веское подтверждение, снижая до минимума элемент гипотетичности, в возможности параллельной идентификации, предложенной В. Н. Топоровым [20], самого теонима Ἕρως с анат. (капп.) *Perua* — главным божеством гор. Канеса, хетт.-лув. *Perwa*: *Pirwa*, изображаемым часто на коне (печати) [21], в реконструкции бога-громовержца; ср. хеттские апеллативы: *pirwa-*, *peru-*, *P/peruna-*: : *piruna-* «скала» при достоверной связи бога грома с культом камней, различных возвышенностей и мифопоэтических представлений о «каменном небе» [22]. Отождествление начала фрак. Ἕρως (< * *Hērw-*) и хетт.-лув. *Perwa* может быть осуществлено на почве трансформаций и.е. *p, давших в армянском h, ср. греч. πέδον «нога», при арм. *het* «след», греч. πῦρ «огонь» при арм. *hur* «то же»; здесь уместно напомнить о весьма вероятном балканском происхождении протоармян.

Надо думать, оба рассмотренных эпиграфических факта, учитывая обрисованный выше культурно-исторический и лингвистический контекст, дают вполне достаточные основания для постулирования фракийского апеллатива в форме *$perku(s)$ при условии отмеченной выше делабиализации и.е. *k^{u}. Однако фракийский реликтовый фонд располагает сверх того еще одной лексемой, упоминаемой вскользь выше, сохраненной греческой литературной традицией и придающей нашей реконструкции насколько возможно достоверный вид.

Стефан Византийский, основываясь на Арриане, сообщает под Θράκη: ἔστι δὲ: ἡ Θράκη χώρα ἡ Περκη ἐκαλεῖτο καὶ Ἀρία. В формальном плане Πέρκη, наряду с производным от него гом. Περκώτη — город на малоазийском берегу Геллеспонта (Il. II, 835 сл. и др.; Herod., V, 117 и т. д.) [23], не осуществив, как и рассмотренные эпитеты Хэроса, «передвижения согласных» (подобно другим случаям [24]), может непосредственно восходить к той же и. е. основе с показателем женского рода, а именно — к *$perk''ā$ [25]; относительно основы женского рода ср. др. в. нем. *forha* «сосна» и пр. < и.е. $pr̥k^{u}a$ [26]. Это обуславливает интерпретацию Πέρκη [χώρα] «дубовая страна». Эквивалентная формально-семантическая параллель последней реконструкции наблюдается в цитированной выше кельтской глоссе, извлеченной Майером из схолии к Аполлонию Родосскому (...ὅθεν τὸν μὲν δρυμὸν ἕρκος φασί) и некоторых других источников, т. е. ἕρκος = = δρυμός «дубрава, дубовый лес» [27], ср. приведенное выше кельт. *Hercynia silva* и пр. Ареально близкий фракийскому иллирийский, по всей вероятности, также располагал апеллативом *$perkus$: *$kerkus$ (с регрессивной ассимиляцией, аналогично латинскому) < и.е. *$perk''us$ со значением «дуб», соответствующим лат. *quercus*. На его основе образовался ряд иллирийских личных имен, таких, как: Κέρκυρα, по ассимиляции *e-u* > *o-u* Κόρκυρα — адриатический остров, совр. *Korfu*, Κερκίνη, *Cercetius* — названия гор, этноним Κέρκυρες [28], подобно фракийскому, в иллирийском имеется и теоним — имя

[20] См. его работы, указанные в прим. 3 и 11.

[21] См. специально: H. Otten, Pirua — der Gott auf dem Pferde, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», II, 1, 1951; некоторые дополнения — H.Th. Bossert, Zu dem Aufsatz von Otten: Pirva der Gott auf dem Pferde, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», II, 2, 1951.

[22] Иванов, ук. соч., стр. 109 с литературой.

[23] См. Гиндин, Древнейшая ономастика Восточных Балкан, автореф. докт. дисс., стр. 27.

[24] См. -απα : αβα в фрак. гидронимии и топонимии, к и. е. *ap-«вода», «река» либо и. е. *ab- «то же» (Detschew, ук. соч., стр. 19), топонимы Μηκό-περνα : Μηκό-βερνα (там же, стр. 302 сл.), личные имена Γουδίλας:Κουτίλας/-ης (там же, стр. 265 ; Κοθήλας (=Gudila) (там же, стр. 249); Δενδου-, Δεντου-, -δενθης, -*dentes*, к и. е. *$g'ent(i)$ «род и пр.» (там же, стр. 125).

[25] H. Hirt, Die Urheimat der Indogermanischen, «Indogermanische Forschungen», I, 1892, стр. 481., прим. 1;, A. Mayer, Zwei Inselnamen in der Adria, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», 70, 1—2, 1951, стр. 90.

[26] Pokorny, ук. соч., стр. 822.

[27] Mayer, ук. соч., стр. 80.

[28] A. Mayer, Die Sprache der alten Illyrier, II, Wien, 1959. стр. 62 сл.

нимфы в Воклюзе (юг Франции) *Percernes*, совпадающее с кельт. (гойдельск.) этнонимом в Галлии *Querquerni*, ср. венет. ЭН *Quarquēni*, лат. *Quercens*, *Querquēnsia* [29].

Необходимо отметить, что интерпретированные надписи, относящиеся к рубежу новой и старой эры, содержат самую древнюю письменную фиксацию теонимических основ, возводимых к и.е. **perk^{u}u-*: **perk^{u}-n-*. Тем самым снимается утверждение Порцига о сохранении в чистом виде имени бога-громовержца, представлявшегося индоевропейцам как «божество дуба», только в балтийских языках (лит. *Perkūnas* и др.) [30]. Более того, фракийский, по всей видимости, сохранил оба члена древнейшей формально-семантической индоевропейской корреляции: *u*-основа со значением «дуб» — производная от нее *n*-основа со значением «божество дуба». С иными суффиксами подобная же картина восстанавливается и для иллирийского (см. выше); в прочих индоевропейских традициях налицо либо апеллатив, как в латинском, либо теоним, как в балтийских. Рассмотренные нами греческие надписи из Фракийского Причерноморья, содержат вкрапления синтагматических отрезков текста, даже столь минимальных по протяженности, как наши ...Περκῳ Ἥρωι... и Ἥρωει Περκωνει..., на языке аборигенов, практически не оставивших эпиграфического наследия [31], переводят языковую реконструкцию, достаточно условную, тем более в сфере ономастики, в регистр реально фиксированной лексической единицы, хронологически и пространственно приуроченной. Это важнейшее обстоятельство открывает возможности конкретно исторической, а не относительной, этногенетической и хронологической стратиграфии, исчисляемой в абсолютных величинах, ономастических реликтов, сопоставимых с индоевропейским богом грома **Per(k)un-* [32], засвидетельствованных на Балканах.

Диахронически, т. е. в вертикальной проекции, ономастическое пространство интересующего нас ареала с точки зрения этой индоевропейской основы распадается на два строго разграниченных в указанном отношении слоя.

Первый слой — исконно фракийские лексемы. К нему принадлежат прежде всего оба проанализированных эпитета Хэроса (фрак. **Perkū(n)-*, соотносимое с балт. **Perkūn-*; I в. до н. э.— I в. н. э.). Затем два топонима, отразивших алломорф той же фракийской основы без гуттурального расширителя, аналогичный слав. **Perun-*: Πέρινθος (начиная с Геродота — Herod., IV, 90; V, 2), *Perinthus* (начиная с Ливия — Liv., XXXII, 33, 7), Πείρινθος (кажется, единожды в позднем источнике — Memn., fr. 40; этникон Πειρίνθιοι — только в Arist. Oec. II) — город в Пропонтиде, поздняя Гераклея, совр. турецк. Eregli. Окказиональность последней формы делает фиксацию Πέρινθος единственно авторитетной [33]; второй топоним Φόρουννα, согласно Стефану Византийскому (s.v.): πόλις Θρᾴκης. Πολύβιος ἐννάτῳ, *Phorynna*, выявленный Томашеком из следования *Iamphorynna*, дважды отмеченного Ливием (Liv., XXVI, 28, 8, 15) и справедливо прочитанного как *iam Phorynna* [34] — столица и крепость фракий-

[29] H. Krahe, Die Sprache der Illyrier, I, Wiesbaden, 1955, стр. 85.

[30] В. Порциг, Членение индоевропейской языковой общности, М., 1964, стр. 288.

[31] Немногим более двух десятков предположительно туземно-фракийских очень коротких надписей, в том числе с о. Самофракия, все еще не получили однозначной интерпретации.

[32] О родстве, в частности, балт. *Perkūnas* и слав. *Perunъ*, привлекающих наше внимание здесь специально и объединяемых одной формулой-реконструкцией, из сравнительно новой литературы с использованием важных фактов хеттского языка (*P/perunaš* «скала» и пр., упоминаемые выше), см. R. Jakobson, While reading Vasmer's dictionary, «Slavic Word», 11, 4, стр. 615 сл.; Иванов, ук. соч., стр. 106 сл.; О. Н. Трубачев в дополнениях к своему переводу словаря Фасмера, полемизируя с автором (М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, III, М., 1971, стр. 247).

[33] Вопреки L. A. Gindin, Le «pélasgique et le thrace», «L'ethnogenèse des peuples balkaniques, Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques, Plovdiv, 23—28 avril, 1969», Sofia, 1971, стр. 241; ср. I. Duridanov, Die Stellung des Thrakischen im Kreise der indogermanischen Sprachen, Thracia I, Primus congressus studiorum Thracicorum, Serdicae, 1972, стр. 238.

[34] W. Tomaschek, Die alten Thraker, II, 2, «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien», CXXXI, 1894, стр. 65.

ского племени Maedi; греч. передача Μαιδοί, населявших область по среднему течению Стримона[35]. Πέρινθος Вл. Георгиев весьма правдоподобно сопоставил с др. инд. *párvata-* «гора» < и.е. **peru̯-n̥-to-*[36]; Φόρουννα он же отождествил с *Перин* (*планина*), *Пирин* — название горного массива в Болгарии (*и* в первом слоге после редукции неударного *е*), территория обитания этого племени находилась в области Пиринских гор. При этом Φόρουννα, видимо, из *Φερουννα в результате ассимиляции *е-и* > *о-и* (см. выше о Κόρκυρα) на базе туземного фрак. **Pherūn-* < **Perun-*[37], равного вост. слав. *Перынь* — возвышенность, на которой было святилище *Перуна*, засвидетельствованному в «Третьей новгородской летописи», ср. еще цитированное хетт. *Peruna-*; фрак. *ph* (греч. ϑ) < **p*, по передвижению согласных, в то же время родственная форма Πέρινθος избежала передвижения, вероятно, вследствие диссимиляции придыхательных после переоформления основы **Perunto-* фракийским топонимическим продуктивным суффиксам-ινθος. Впрочем, имеется возможность другого этимологического истолкования Περινθος — из той же основы **Perūn-*, что и в Φορουννα, распространенной фрак. суффиксом *th* (греч. ϑ), ср. фрак. личное имя Σευ-θος[38].

Предложенное объяснение, на наш взгляд, более экономное, обладает еще тем преимуществом, что содержит единообразную трактовку обоих топонимов.

Второй слой, появившийся на Балканах много веков спустя, по сравнению с датировкой слоя фрактийских имен собственных, засвидетельствованных в промежутке V в. до н. э. (Геродот) — II в. н. э. (Полибий, надписи), состоит из нескольких десятков топонимов, покрывающих относительно ровно всю территорию Балкан, с некоторым учащением к западу. Этот пласт целиком обязан своим возникновением процессу славянизации Балкан, начавшемуся не ранее конца V в. н. э., и восходит к реальной славянской форме имени бога грома — *Перунъ* (праслав. *Perūnъ*).

Славянский слой объединяет в первую очередь топонимы, обозначающие лесистые возвышенности, в том числе дубравы: *Перун* (гора в Восточной Истрии, гора в Далмации, возле села Дубрава; возвышенность в Боснии); *Перуња Вес*, *Перуњи Врх* (села в Словении); *Перуна Дубрава* (Хорватия), *Перуновац*, *Перуника* (села в Сербии), *Периновац* (холм в Сербии); *Перуна Гора* = совр. *Перин*, *Пирин Планина* (см. выше), *Перуна Дубрава*, *Перунин Дуб*, *Перуна Дупка*, *Перинград*, *Перуньо*, совр. город *Перник* < **Perin-grad*, возможно, уже в 1019 г. как τὸν Πέρνικον и многие другие (преимущественно в Западной Болгарии); *Перин* (высокие горы и село того же названия в Македонии); *Перуница* (город в Болгарии, известный с XIII в.); *Perени* (Румыния), *Përrenjas* (топоним в Южной Албании) и многие другие. Сюда же относят имена общебалканского персонажа в фольклорно-песенном ритуале, изофункциональном моленью в Ригведе бога *Parjánya-* (и.е. **perg-* — звонкий вариант и.е. **per(k)-*) о ниспослании дождя: болг. и макед. *Пеперуна*, *Преперуна*, *Пеперуда*, *Пеперуга*, *Преперуга* и пр., с.-хорв. *Прпоруша*, *Преперуша*; рум. *Păpărudă*, *Păpărugă*, аромун. *Pirpirună*, *Păpărună* и пр., н.греч. Περπεροῦνα, Περπερία и т. д. — все они под влиянием контекста и различной функциональной нагрузки могут выступать в качестве апеллатива. Их общим прототипом мыслится форма ж. р. **Perperuna* : **Preperuna*, образовавшаяся от теонима *Perunъ* с экспрессивной редупликацией и различными модификациями в суффиксальной части (ср. удвоение в ритуальных призывах *Марса*: *Marmar*, *Mamers* и пр.), сопровождаемыми сужением первоначальных сакральных функций: нередуплицированная основа, возможно, вскрывается, кроме того, в алб. *Perëndi* «бог, небо» (*di* < и.е. *di̯ḗu-*)[39].

---

[35] Detschew, ук. соч., стр. 280.

[36] Vl. Georgiev, La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse mediterranéenne (=Linguistique Balkanique III, 1), Sofia, 1962, стр. 39 и другие работы.

[37] Вл. Георгиев, Значението на съвременната топонимия за обяснението на древните географски названия, «Известия на институт за български език», XIV, 1967, стр. 15.

[38] Detschew, ук. соч., стр. 434 сл.

[39] Из многочисленной литературы см. основополагающую работу: Й. Иванов, Культ Перуна у южных славян, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», VIII, 4, 1903; затем М. С. Филипович, Трагови Перунова култа код јужних словена, «Гласник земаљског музеја у Сарајеву, Друштвена наука»,

Итак, изложенное позволяет нам с полным основанием сделать вывод, что в балканском ареале речь может идти только о производных конкретной славянской формы *Perunъ*, говорить же о следах балто-славянского бога грома и грозы **Per(k)ūn* не представляется корректным.

Фракийские топонимы Φόρουννα и Πέρινθος прямого отношения к славянским географическим названиям не имеют, представляя параллельные образования в кругу родственных основ, хотя в случае с фрак. Φόρουννα — болг. *Перин* не исключена контаминация, языковая и культурно-мифологическая. Однако датировка фиксаций рассмотренных фракийских топонимов, за несколько веков до прихода славян, не допускает прямого славянского влияния на рассмотренные фракийские названия, как соответственно и воздействия балт. **Perkūn-* на аналогичные фракийские формы. Напротив, истоки богатства топонимических и культовых реликтов слав. Perunъ в пределах Балкан по сравнению с другими территориями славянского мира [40] — кстати это свидетельствует в свою очередь о широком распространении культа Перуна и длительном сохранении его пережитков в очерченном ареале — следует искать в совмещении принесенного на Балканы славянского божества с туземным фракийским культом Хэроса, в реконструкции бога-громовержца, самого почитаемого из фракийских богов предславянского периода. Судя по дистрибуции и количеству рельефов Хэроса в границах совр. Болгарии, не было, по справедливому замечанию Кацарова, ни одного населенного пункта в древней Фракии, где бы не поклонялись этому богу [41]. К тому же святилища Хэроса, как и Перуна, обычно располагались на возвышенностях и холмах близ студеных источников, в пещерах или на скалах с нишами [42].

В заключение еще один примечательный факт. Среди однородного слоя славянской топонимии, восходящей к слав. *Perunъ*, выделяется единственное название с основой **Perk-*, приведенное Й. Ивановым в форме *Перкуниста* с ссылкой на Шеппинга, который в свою очередь опирается на труд Касторского, указавшего местное название *Perkunisti* — село на р. Яловиц в Валахии [43]. К сожалению, мы не располагаем более достоверными источниками. Тем не менее в случае правильности записи, *Perkunista*/ /*Perkunisti* может оказаться прямым пережитком исконно фракийского топонима, со-

---

Нова серија, III, Сарајево, 1948; Р. Якобсон, Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, 3—10 августа 1964», М., 1970, стр. 610 сл.; Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы, М., 1965, стр. 152 сл.; I. Duridanov, Urslaw. **Perunъ* und seine Spuren in der Toponymie, «Studia Slavica», XII, 1—4, Budapest, 1966; Топоров, К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры, стр. 32, сл.; он же, К вопросу о древнебалканских связях в области языка и мифологии, стр. 9 сл.

[40] Симптоматично, что относительно небольшое число топонимов, образованных от данного теонима в восточнославянских языках, компактно располагаются на западной периферии этого ареала, см. *Перун* — поселок на озере *Перун*, б. Вильненская губ., ср. Перунь — деревня и имение на р. Колп, б. Новгородская губ. (≈ цит. выше др. русск. *Перынь*), *Пируны* — деревня, б. Новгородская губ.; *Перунов* — хутор и поселок б. Могилевская губ., *Перунов мост* (польск. *Piorunowy Most*), б. Минская губ., *Перуновщина* — деревня, там же; *Pierunce* (польск. *Piorunce*, лит. *Perūnai*) — деревня, б. Вильненский уезд; *Perunka* (укр., польск. *Piorunka*) — деревня близ ручья *Perunka*, Галиция (M. Vasmer, Russisches geographisches Namenbuch, Bd. VI, Lief. 3; Bd. VII, Lief. 1, Wiesbaden, 1973, 1974, s. v. v.). Именно в этом географическом районе, например, в Белоруссии, согласно упомянутым выше работам В. В. Иванова — В. Н. Топорова «К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале)» (стр. 321 сл.), «Исследования в области славянских древностей» (стр. 5 сл.) и т. д., еще поныне жива фольклорная традиция, восходящая к языческим представлениям о боге Перуне и т. п.

[41] G. I. Kazarov, Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Text- und Tafelband, I, «Dissertationes Pannonicae» ser. 2, fasc. 14, Budapest, 1938, стр. 3.

[42] Г. Михайлов, Траките, София, 1972, стр. 237 сл.

[43] Иванов, Культ Перуна у южных славян, стр. 152; Дм. Шеппинг, Мифы славянского язычества, М., 1849, стр. 117; М. Касторский, Начертания славянской мифологии, СПб., 1841, стр. 71.

стоящего из теонимной основы *Perkūn- оформленной продуктивным во фракийском языке суффиксом -st- с предшествующим i, ср. фракийские топонимы Βράτζιστα Orudista [44]. Симптоматично отсутствие опорных пунктов для объяснения -ista в рамках как романского, так и славянского вклада в топонимику Румынии, где имеется -iște = праслав. -išče < -isk-jo- [45].

Л. А. Гиндин

POSSIBILITIES OF RECONSTRUCTING THE THRACIAN LANGUAGE BY USE OF GREEK AND ROMAN INSCRIPTIONS

*(Ἥρως) Περκωνις or Περκους

L. A. Gindin

The author discusses two epithets of the Thracian horseman-god Ἥρως taken from Thraco-Greek inscriptions (Mihailov NN 283, 283 bis) — namely Περκωνει and Περκῳ (both in the dative). Etymological analysis aided by historical and cultural data led the author to conclude that the first epithet in the meaning «(Heros-) the Thunderer» is to be identified with the Baltic god of thunder *Perkūn- (Lith. *Perkūnas*); the second epithet in the meaning «to the Oak (-Heros)» or «to the Thunder-God, dwelling in the oak (-Heros)» is the Latin *quercus* (both from IE *perk^{u}-ū- «oak» etc.) to which may be added the name of Thrace Πέρκη[χώρα] (IE *perk^{u}-ā), equivalent to the Celtic gloss ἔρκος and the toponym Hercunia Silva (IE *perk^{u}-o-). Further, in accordance with ascertained real Thracian lexemes, the author constructs a concrete-historical ethnogenetic and chronological stratigraphy of onomastic relicts in the Balkans which are referrable to the IE thunder-god *Per(k)$^{\breve{u}}$n-. To the Thracian stratum are related the toponyms Φόρουννα (loc. *Pherun- *Perun-) and Πέρινθος (loc. *Pherunto-).

All other formations, toponymic (Perin Planina et al.) and perhaps mythological (Peperuna et al.), arose five or six centuries later than the Thracian names as a result of the Slavification of the Balkans and are based on the real toponymic Slav. form Perun.

[44] D e t s c h e w, ук. соч., стр. 85, 345; далее см. V l a h o v, Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch, стр. 380.

[45] I. I o r d a n, Toponymia rominească, Bucureşti, 1970, стр. 439 сл.

О СТАНДАРТАХ ЕМКОСТИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕСА

Углубленное изучение материала по экономике и торговле античных государств требует все более активного привлечения сведений по метрологии. Важность метрологических исследований для изучения этих проблем была отмечена еще в прошлом веке Г. Ниссеном [1]. К сожалению, этой теме до сих пор уделяется мало внимания. Лишь вышедшая недавно работа И. Б. Брашинского посвящена вопросам методики определения емкостей керамической тары [2]. Так как автор достаточно полно охарактеризовал степень изученности этой проблемы, мы не будем на ней подробно останавливаться. Отметим, только, что основное внимание исследователей было нацелено на изучение весовой и линейной метрологии Ольвии, Пантикапея и Херсонеса, преимущественно весовых стандартов.

[1] H. N i s s e n, Griechische und römische Metrologie, Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, I², München, 1892, стр. 850 сл.

[2] И. Б. Б р а ш и н с к и й, Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары, СА, 1976, № 3, стр. 87—104.

Впервые метрологические изыскания по северопричерноморским весовым системам были предприняты А. Л. Бертье-Делагардом, выводы которого позднее дополнены А. Н. Зографом и Д. Б. Шеловым [3]. Среди монетно-весовых систем зафиксированных в Северном Причерноморье, выделяется родосско-хиосская, персидская, эгинская, эвбейская и другие [4]. Эгинская система доминировала в Ольвии и Пантикапее [5], родосско-хиосская — в Херсонесе (Зограф, ук. соч., стр. 147). Здесь выведена также персидская, а в Пантикапее и Ольвии — эвбейская система. По мнению Л. И. Чуистовой, можно выделить группу гирь и собственной херсонесской системы с весом мины 207 г [6]. Но так как она исходит из неверного определения буквенного обозначения на каменной гире (39 вместо 19), этот вывод нельзя признать удачным. Кроме того, метод взвешивания металлических гирь, который применила Л. И. Чуистова, неверен [7], поэтому выводы автора нельзя использовать.

При характеристике линейных стандартов Боспора Э. О. Берзин отмечает, что здесь, как и в Ольвии, применялась аттико-эвбейская (ионийская) система [8]. Н. И. Болотин также выделяет в Пантикапее эвбейскую (ионийскую) систему, но в Ольвии он считает основной эгинскую [9], но И. Б. Брашинский отметил, что черепицы этого центра, а также Херсонеса изготовляли по аттическому (фут в 326 мм) стандарту [10]. Частично разработан вопрос о линейных мерах Херсонеса. С. Ф. Стржелецкий определил, что единицей измерений, с помощью которой размежеваны наделы Херсонеса на Гераклейском полуострове, была оргия, близкая или равная аттической [11]. А. Н. Щеглов, изучая памятники хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму, пришел к аналогичному выводу [12].

Стандартам емкости указанных центров до сих пор не было посвящено специального исследования, Б. Н. Граков, который начал над этим работать и измерил емкости 150 амфор, завершить этот труд не успел. И. Б. Зеест и В. В. Борисова приводят емкости некоторых типов амфор, не определяя их стандарты [13]. Недавно в связи с рассмотрением типов амфор коснулись вопроса стандарта емкости амфор В. И. Кац и С. Ю. Монахов [14]. Определение стандартных величин емкости может пролить свет на многие стороны экономической жизни древнего города, о чем подробно говорит И. Б. Брашинский (ук. соч., стр. 87—89).

---

[3] А. Л. Бертье-Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э., Нумизматический сборник, т. I, М., 1911; А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, 16, 1951; Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора IV—II вв. до н. э., М., 1956.

[4] Зограф, ук. соч., стр. 125, 127.

[5] Шелов, ук. соч., стр. 73, 83.

[6] Л. И. Чуистова, Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье, в сб. «Археология и история Боспора», т. II, Симферополь, 1962.

[7] Н. Л. Грач, Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии, «Труды Гос. Эрмитажа», т. XVII, Л., 1976, стр. 194.

[8] Э. О. Берзин, О линейных мерах Боспора, СА, XXVI, 1956, стр. 227—235.

[9] N. Bolotin, Antike Maße in ihrer Bedeutung für Geschichte und Kunst, «Das Altertum», Bd. 15, 1959, Ht. 4, стр. 216 сл.

[10] И. Б. Брашинский, Стандарты линейных мер в керамическом производстве Синопы, ИКАМ, М., 1977, стр. 35 сл.

[11] С. Ф. Стржелецкий, Клеры Херсонеса Таврического, ХСб., VI, Симферополь, 1961, стр. 56—57.

[12] А. Н. Щеглов, Северо-Западный Крым в античную эпоху, Автореф. канд. дисс., Л., 1971, стр. 14; он же, Жилой дом эллинистического Калос Лимена, «Художественная культура и археология античного мира», М., 1976, стр. 235.

[13] И. Б. Зеест, Керамическая тара Боспора, МИА, 83, 1960, стр. 75 сл.; В. В. Борисова, Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор, НЭ, XI, 1974, стр. 102, 111.

[14] В. И. Кац, С. Ю. Монахов, Амфоры эллинистического Херсонеса, «Античный мир и археология», вып. III. Саратов, 1977, стр. 102 сл. Соглашаясь с выводами авторов о стандартах емкости, вычисленных ими эмпирическим путем, нужно отметить, что по количеству использованных для анализа амфор (10 экз.) гистограмму емкостей строить нельзя. Для получения наиболее вероятного вывода по гистограмме число статистических однородных данных (наблюдений) должно приближаться к сотне (см. Е. С. Вентцель, Теория вероятности, М., 1962, стр. 192).

В настоящей статье автор излагает результаты работы по определению стандартов емкости херсонесских амфор эллинистического периода, которые она попыталась установить с применением математического метода вычисления емкости амфор. Так как методика определения стандартов емкости сочетает в себе линейные и фактические измерения емкостей, необходимо более подробно рассмотреть наиболее распространенные системы линейных мер. Известно, что основой для образования мер емкости и веса служили линейные меры [15], при этом один кубический фут соответствует метрическому выражению веса таланта, полтора фута — весу метрета, два фута — весу медимна.

Наиболее употребительным был фут в 295,7—296 мм, образованный от длины персидского или финикийского локтя в 443, 55—444 мм и составлявшего 4/5 вавилонского большого локтя в 555 мм, и фут в 297 мм от локтя в 445,5 мм образованного от древневавилонского локтя в 495 мм [16]. В литературе этот фут, равный 296—297 мм, часто называется аттическим. Известен также фут в 326—328 мм от локтя в 495 мм (там же стр. 857). Дерпфельд называл его эгинским и считал наиболее употребительным в Афинах [17]. В работах последних лет за футом 296 мм укрепилось название короткого, или ионийского, а за футом 326 мм — длинного, дорийского, или аттического [18]. В связи с этим необходимо заметить, что исследователи, говоря об употреблении в Херсонесе эвбейской системы линейных мер, имели в виду фут в 296 мм, т. е. ионийский.

Для выявления стандартов емкости нами измерено 45 амфор херсонесского производства, хранящихся в фондах Херсонесского и других музеев, и кроме того, использованы данные по емкостям, приведенные в работе В. В. Борисовой [19]. Емкость целых и реставрированных амфор определена эмпирически, при этом каждая амфора наполнялась водой или зерном до венчика горла. Емкость всех амфор вычислена и математическим путем.

Первый опыт математического вычисления емкости тары был проделан нами на примере синопского пифоса с цифровыми метками [20]. Полный объем пифоса вычислен по известной в математике формуле $V = \frac{\pi}{3} \sum \left(R_j^2 + R_j \cdot R_j + R_j^2\right) \Delta h$ для приближенного вычисления объемов тел вращения. Смысл этой формулы состоит в том, что тело вращения по оси разбивается на ряд элементарных тел вращения, в данном случае — усеченных конусов. Сумма объемов этих усеченных конусов дает полный объем тела вращения. Емкость пифоса, вычисленная по этой формуле, составила 1065 ± 65 л. Если вычислить емкость по формуле Герона для пифоидных тел, использованной М. Лэнг [21] для вычисления объема гипотетического фасосского пифоса, то она составит

[15] Подробнее об этом см. Nissen, ук. соч., стр. 849; Н. Т. Беляев, О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса, Seminarium Kondakovianum, v. I, Prague, 1927, стр. 247 сл.

[16] Nissen, ук. соч., стр. 861, 857.

[17] W. Dörpfeld, Metrologische Beiträge, «Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Athen», XV, 1890, стр. 167.

[18] M. Lang, A new inscription from Thasos: Specifications for a Measure, BCH, 76, 1952, стр. 22—28; W. Dinsmoor, The Basis of Greek Temple Design: Asia Minor, Greece, Italy, Atti del settimo Congresso Internationale di archeologia classica, vol. I, Roma, 1961, стр. 358 сл. у Лэнг значения футов 296 и 326 мм, у В. Динсмура — 293,9 и 326,55 мм. В своих дальнейших расчетах мы будем пользоваться ионийским футом 296 мм и дорийским футом 326 мм.

[19] Борисова, ук. соч., стр. 102—104. Измерения амфор из раскопок Панское-I проведены С. Ю. Монаховым.

[20] Г. М. Николаенко, Метки на античных пифосах, «Херсонес Таврический, Ремесло и культура», Киев, 1974, стр. 29.

[21] Lang, ук. соч., стр. 28. Формула имеет вид: $V = 11/14 \cdot \left(\frac{D\ \text{устья} + D\ \text{тулова}}{2}\right)^2 \cdot h$, где h, по мнению М. Лэнг, глубина пифоса. Известна также формула Герона для вычисления емкости сфероидного пифоса: $V = 11/21 \left(\frac{D\ \text{у.} + D\ \text{т.}}{2}\right)^2 \cdot h$. Об этом см. Metrologicorum scriptorum reliquiae (ed. Fr. Hultsch), Lipsiae, 1864, стр. 202 слл., № 19—20.

984,25 л. Разницу в вычислениях можно объяснить тем, что при использовании современной формулы возникают погрешности при вычерчивании профиля сосуда, что обусловлено практическим отклонением формы пифоса от идеальной. Эти погрешности составляют примерно 5% от объема сосуда. Определить погрешности при вычислениях по формуле Герона, полученной, вероятнее всего, эмпирическим путем, можно при наличии большого статистического материала, которого к настоящему времени мы еще не имеем. Кроме того, М. Лэнг считает, что один из диаметров, приведенных в формуле Герона,— внутренний диаметр тулова. Но этот диаметр трудно измерить практически. Гораздо удобнее было мастеру проверить свое изделие, измеряя наружный диаметр тулова и внутренний диаметр устья. Несомненно, так же поступал мастер, когда проверял размеры амфоры [22]. Если, подтверждая наши рассуждения, вычислить емкость пифоса, подставив в формулу Герона значение наружного диаметра тулова, то она составит 1027,5 л. Этот результат довольно близок к значению объема, полученного по формуле суммы объемов усеченных конусов и соответствует 20 медимнам или 26 метретам или 30 аттическим куб. футам или 40 ионийским куб. футам.

Этой же формулой (сумма усеченных конусов) мы воспользовались при вычислении емкости амфор. В результате промеров можно выделить стандарты амфор, емкость которых колеблется в следующих пределах:

Конец IV — середина III в. до н. э. [23].

первый — 31,5—32,5 л; *второй* — 19,40—19,60 л; *третий* — 17,20—17,50 л; *четвертый* — 14,50—14,70 л; *пятый* — 4,80—5,00 л. Предположительно выделяются стандарты: *шестой* — 30,20—30,30 л; *седьмой* — 27,20—27,50 л; *восьмой* — 22,50—22,70 л; *девятый* — 9,60—9,80 л.

Середина III—II в. до н. э.

восьмой — 22,50—22,70 л; *третий* — 17,20—17,50 л; *девятый* — 9,60—9,80 л; *пятый* — 4,80—5,00 л. Предположительно выделяются стандарты: *второй* — 19,40—19,60 л и *десятый* — 8,50—8,60 л.

Стандарты 1, 2, 4, 9 и 5 соответственно равны 10; 6; 4; 5; 3; 1,5 эвбейским хоям по 3,2 л или 11,5; 7; 5; 3,5; $1^2/_3$ хиосским хоям по 2,8 л. Стандарты 3 и 10 равны 8 и 16 хойникам по 1,08 л или 1/3 и 1/6 эвбейского медимна, а также 6 и 3 хиосским хоям. Стандарты, определяемые предположительно, равны: шестой стандарт — 1 понтийскому марису в 30,31 л; седьмой — 8,5 эвбейским хусам или $9^1/_3$ хиосских хусов; 6 понтийским аддиксам или эгинским хоям по 4,55 л; восьмой — 22,75 л, то есть 7 эвбейским или 8 хиосским хоям, а также 5 понтийским аддиксам. Стандарт четвертый равен также одной понтийской гидрии в 14,58 л, а стандарты пятый и девятый соответственно 1/3 и 2/3 понтийской гидрии.

Вероятно, наиболее распространенным стандартом конца IV — середины III в. до н. э. был второй стандарт — 19,40—19,60 л, так как амфоры такой емкости составляют 50% от общего числа амфор указанного времени. Для середины III—II в. до н. э. наиболее характерным был, вероятно, стандарт пятый — 4,80—5,00 л (50% от общего числа амфор этого времени). Стандарт третий — 17,20—17,50 л составляет 25% от общего числа амфор IV—II вв. до н. э. и, возможно, был распространен на протяжении этого периода.

Так как все стандарты содержат определенное число эвбейских хоев, то возможно предположение, что при изготовлении амфоры мастер пользовался эвбейскими стандартами емкости, причем такими, которые легко пересчитать в стандарты других систем.

На основании проведенных вычислений можно высказать гипотезу о том, что в Херсонесе одновременно существовали стандартные фракционные сосуды, а также, что основной стандарт был различным в разные периоды. Это предположение опирается на выводы В. Грэйс, которая на основании обработки значительного количества материала пришла к заключению о стандартности остродонных амфор, существовании не-

[22] Брашинский, ук. соч., стр. 97, прим.

[23] Датировка керамического материала дана по указанной работе В. В. Борисовой.

скольких стандартов в одном центре одновременно и изменении стандарта на протяжении определенного отрезка времени в одном центре [24]. Разнообразие стандартов и значительная емкость амфоры основного стандарта (19,40—19,60 л), возможно, объясняется тем, что Херсонес в конце IV — начале III в. до н. э. производил значительное количество вина на продажу. Уменьшение стандарта емкости в III—II вв. до н. э., вероятно, обусловлено тем, что в результате войн со скифами город теряет значительную часть своей территории, а вследствие этого сокращается производство вина.

Известно, что Херсонес в выпусках тары подражал типам Гераклеи Понтийской и Синопы [25]. Н. А. Лейпунская отметила однообразие амфор гераклейского производства внутри типа, что обусловлено, по мнению автора, стандартизированным характером керамического производства и торговли Гераклеи [26]. Основные линейные параметры амфор этого центра колеблются в пределах: высота сосуда — 61—75,5 см, диаметр тулова — 22—29 см, диаметр устья — 8—10 см [27]. Линейные размеры амфор херсонесского производства, подражающих формам гераклейских, укладываются в эти же рамки. Нужно отметить также, что значительное число херсонесских амфор близки по размерам синопским, фасосским и пантикапейским.

Производство керамической тары, вероятно, осуществлялось по указанным государственным эталонам [28], и совпадение размеров амфор херсонесского производства с амфорами перечисленных центров, возможно, свидетельствует о том, что Херсонес, являвшийся значительным торговым центром, стремился унифицировать стандарты мер, что упрощало совершение торговых операций. Исследователями отмечен важный факт: промеры амфор различных типов дают определенное устойчивое однообразие метрических признаков в амфорах одного типа, а именно: высоты, глубины, диаметра тулова, устья, высоты верхней части (до линии диаметра тулова), соотношение высоты нижней части амфоры и полной ее высоты [29].

Работа по определению пропорциональной зависимости между различными частями амфоры предпринята Н. А. Лейпунской. Ею высчитана пропорциональная зависимость между высотой нижней части амфоры и полной высотой. Идеальное частное этой пропорции — 0,618 [30], т. е. 3/5 высоты амфоры. Аналогичные расчеты, проведенные на херсонесских амфорах, подтверждают этот результат. Отсюда, отношение высоты верхней части амфоры к полной ее высоте — 0,368, т. е. 2/5 высоты амфоры. Кроме того, установлено, что отношение высоты горла к полной высоте у амфор херсонесского производства колеблется в пределах 0,200—0,247, т. е. 1/5—1/4 высоты амфоры, а отношение диаметра горла к диаметру тулова — 0,210—0,240.

По линейным параметрам херсонесские амфоры определенных емкостей можно распределить на несколько групп: *первая* — емкость 5 л, высота 50—54 см, диаметр тулова 21—24 см; *вторая* — емкость 10—11 л, высота 68—70 см, диаметр тулова 24—28 см; *третья* — емкость 14—15 л, высота 69—71 см, диаметр тулова 27—28 см; *четвертая* — емкость 16,5—19,5 л, высота 70—71 см, диаметр тулова 29—30 см; *пятая* — емкость 22—27 л, высота 70—71 см, диаметр тулова 30—36 см; *шестая* — емкость 30—32 л, высота 69—72 см, диаметр тулова 35,5—37 см, *седьмая* — емкость 22—27 л, высота 75—88 см, диаметр тулова 53—57 см.

Высота амфор первой группы составляет 3/4 высоты амфор второй — шестой групп, диаметры тулова амфор первой — шестой групп составляют соответственно 1/3, 2/5, 2/5, 2/5, 1/2, 1/2 высоты амфор второй — шестой групп. Диаметр горла всех групп амфор 8—10 см, что составляет 1/9 высоты амфор второй — шестой групп. Глубина

[24] V. Grace, Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World, «Hesperia», Suppl. VIII, 1949, стр. 175.
[25] Борисова, ук. соч., стр. 101.
[26] Н. А. Лейпунская, О стандартах гераклейской амфорной тары, «Ольвия», Киев, 1975, стр. 130.
[27] Там же, стр. 127.
[28] Брашинский, Методика изучения..., стр. 90.
[29] Там же, стр. 93; Лейпунская, ук. соч., стр. 131.
[30] Н. О. Лейпунська, Принцип пропорціональності в античных керамічних виробах, «Археологія», 15, 1975, стр. 25 сл.

амфор первой группы составляет 3/5 высоты второй — шестой групп, глубина которых 9/10 их высоты.

Исходя из этой таблицы, можно составить ряд соотношений высот и диаметров амфор первой — шестой групп, где за единицу принята высота 69—71 см, т. е. высота амфор наибольшей емкости и наиболее часто повторяющаяся (во всех группах, кроме первой). Этот ряд выглядит так: 1 : 1/9 : 1/5 : 2/5 : 3/5 : 1/3 : 1/2 : 3/4 : 9/10.

Мастеру, конечно, были известны эти соотношения, и для изготовления амфоры определенной емкости ему достаточно иметь один мерный инструмент, где отложены все нужные размеры.

Амфору заданной емкости мастер изготовлял, используя шаблон [31]. Для того, чтобы изготовить шаблон, нужно вычислить теоретическую емкость сосуда. О формулах Герона для расчета теоретической емкости пифосов различной формы уже говорилось. Для расчета емкости амфор такие формулы неизвестны. Но, как показали исследования И. Б. Брашинского, для расчета емкости амфор пифоидного типа можно применять вышеприведенную формулу Герона [32]. Использование этих формул Герона для расчета емкостей всех типов остродонных амфор М. Лэнг и И. Б. Брашинский считают неправомерным [33]. Однако введение коэффициента в формулу Герона делает ее, на наш взгляд, приемлемой для этой цели. Объясним высказанное положение.

Херсонесские амфоры, как и амфоры многих других центров, можно расчленить на геометрические фигуры: цилиндр (горло), усеченный конус (промежуток между линией основания горла и линией максимального диаметра) и конус (нижняя часть амфоры от линии максимального диаметра). Получить емкость амфоры можно, сложив сумму объемов этих фигур, высчитанных по принятым формулам: $V = 1/4\pi d^2$цил$\cdot$ $\cdot h$цил $+ 1/12\pi h$ ус.кон. (d^2цил. $+$ dцил.$\cdot d$тул.$+$ d^2тул.) $+ 1/12\pi d^3$тул.$\cdot h$кон.

Если воспользоваться расчетами соотношения высоты амфоры с высотой отдельных частей и диаметра тулова с диаметром горла и выразить в приведенной формуле диаметр горла и высоты отдельных частей амфоры через эти соотношения, формула будет иметь вид:

$V = 1/4\pi \cdot 0{,}24d^2$тул.$\cdot$ $0{,}25$ hамф. $+ 1/12\pi \cdot 0{,}13h$амф.$\cdot$ ($0{,}24d^2$тул. $+ 0{,}24\,d$ тул. $\cdot$ $\cdot$ dтул. $+$ d^2тул.) $+ 1/12\pi d^2$тул. $\cdot$ $0{,}62h$амф. После вычислений получаем результат: $V = 0{,}259d^2h$.

Теперь возьмем формулу Герона: $V = 11/14\dfrac{(d \text{ горла} + d\text{тул.})^2}{2} \cdot h$ и проведем те же действия. Конечный результат выглядит так: $V = 0{,}243d^2h$.

Сравнивая результаты вычислений по этим формулам, можно сказать, что они приближенно равны. Это дает основание использовать формулу Герона для вычислений емкости остродонных амфор.

Преобразуя формулы, мы подставляли максимальное значение соотношений диаметров и высот. Если подставить в эти формулы минимальное значение соотношений, то в конечной формуле получим новое значение коэффициента. Отсюда можно сделать вывод, что значение коэффициента зависит от соотношений диаметров и высот различных частей амфоры, иными словами, от ее пропорций. В конечной формуле это выглядит так: $V = x \cdot d^2h$.

Для амфор херсонесского производства значение x для каждого типа амфор определено по формуле $x = V/d^2h$.

Так как значение коэффициента получено на немногочисленном материале, утверждать его стабильность как для херсонесских, так и для амфор других центров производства пока преждевременно. И все-таки, пытаясь проверить результаты наших вычислений на амфорах Гераклеи Понтийской и Синопы, мы получили удовлетворительный результат, а именно: емкость амфоры, вычисленная эмпирически, почти сов-

---

[31] Лейпунская, О стандартах..., стр. 133; Брашинский, Методика изучения..., стр. 90 сл.

[32] Брашинский, Методика изучения..., стр. 92.

[33] Там же, стр. 92—93.

падает с емкостью, вычисленной по приведенной формуле [34]. Разницу в 200—300 г практически можно не принимать во внимание.

Мы не знаем, как выглядела формула для вычисления тел вращения у греков до Герона, но можем предположить, что греки, хорошо зная математику египтян [35], пользовались их формулами. Известно, что формула объема цилиндра у египтян $(8/9)^2D^2H$, в современной интерпретации — $\pi/4\ D^2\ H$. Чтобы вычислить объем тела вращения другой формы, египтяне вводили в формулу объема цилиндра коэффициент [36]. Опираясь на эти сведения, можно сказать, что формула, полученная нами для вычислений объемов, относится к телам (в данном случае амфорам) такой формы, которая требует введения соответствующего коэффициента к формуле объема цилиндра. Иными словами, наша формула может иметь вид: $V = x\pi/4D^2H$.

Анализируя полученный материал, можно сделать следующие выводы:

1. В Херсонесе в эллинистический период выделяются определенные стандарты мер емкости, среди которых для конца IV—середины III в. до н. э. наиболее характерен стандарт 19,40—19,60 л, а для середины III — II вв. до н. э. стандарт 4,80—5,00 л. Колебание стандартов объясняется, вероятно, изменением состояния экономической базы Херсонеса [37].

2. В этот же период в Херсонесе наблюдается определенная унификация стандартов мер. На первый взгляд стандарты как будто разнообразны (в строительстве и архитектуре зафиксировано использование ионийского фута, в торговле — хиосско-родосской и персидской монетно-весовых систем, в керамическом производстве — эвбейских и, возможно, понтийских стандартов емкости). Однако вес емкости, наполненной водой, равный весу хиосско-родосской драхмы (3,88 г), составляет 1/10000, персидской — 1/7000 от эвбейского метрета 38,88 кг, метрический эквивалент которого — 1,5 кубических фута в 296 мм. Иными словами, стандарты емкости и веса можно привести к единому модулю: ионийскому футу в 296 мм.

3. Сравнивая линейные параметры амфор различных центров, можно наблюдать стремление к стандартизации линейных мер этого вида продукции в определенных регионах, в частности, в Херсонесе и торгующих с ним центрах: Гераклее Понтийской, Синопе, Фасосе, Пантикапее.

4. Линейные размеры амфор находятся в пропорциональной зависимости, которая определяется формой амфоры. В формуле эта зависимость выражается коэффициентом.

5. Для математического вычисления емкости остродонных амфор можно применять формулу $x\ (8/9)^2D^2H$, используя для каждого типа амфор определенный коэффициент. Такие вычисления дают возможность определить емкость фрагментированных сосудов, что особенно важно для анализа керамического материала, основное количество которого состоит из обломков амфор.

6. Вероятно, не только стандарты мер, но и методы их вычисления греки стремились унифицировать, что имело большое значение в античном производстве и торговле.

Г. М. Николаенко

---

[34] Арифметическое значение коэффициента не привожу, так как он получен на недостаточном количестве материала.

[35] М. Я. Выгодский, Арифметика и алгебра в древнем мире, М., 1967, стр. 9.

[36] Г. П. Боев, Вычисление поверхностей и объемов тел вращения у древних египтян, ВДИ, 1950, № 3, стр. 200.

[37] Об этом изменении могут свидетельствовать политические события: потеря владений в Северо-Западном Крыму к началу II в. до н. э., набеги варваров на городскую округу Херсонеса в III—II вв. до н. э., гибель загородных поселков гончаров и виноделов.

AMPHORA CAPACITY STANDARDS IN HELLENISTIC CHERSONESUS

G. M. Nikolayenko

According to the author's calculations typical capacities are; from the end of the 4th to the mid-3rd century, 19.40—19.60 litres; from the mid-3rd through the 2nd century, 4.80—5.00 litres, corresponding to 1/2 and 1/8 of a Euboean *metretes* of 38.88 litres or to 6 and 1.5 Euboean *choes*, also to 7 and 1 $^1/_2$ Chian *choes*. The capacity of a wholly preserved amphora was measured by filling it with sand or water up to the lip. The capacity of restored and fragmentary amphoras was calculated mathematically according to the formula for the sum of the volumes of truncated cones. The linear parameters of an amphora are in a proportional dependence determined by its shape. Given this, one can reproduce the ancient formula for calculating the capacity of bodies in rotation, which will be expressed thus: $x\left(\frac{8}{9}\right)^2 D^2H$, x being the coefficient expressing the correlation of the diameters and heights of the different parts of an amphora, that is, their proportional dependence. By comparing the linear parameters of amphoras from different production centres one can see a tendency towards standardisation of linear measures in this type of product in centres having close commercial ties, in particular in Chersonesus, Pontic Heraclea, Snope, Thasos and Pa nticapaeum.

ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ О ТРУДЕ РАБОВ И СВОБОДНЫХ В РИМСКОМ ЕГИПТЕ

Вопрос о соотношении рабского и свободного труда, о роли различных форм эксплуатации всегда был популярен в папирологии [1]. У. Вилькен связал его с вопросом о стоимости рабочей силы. Он объяснял слабое развитие рабства в греко-римском Египте тем, что труд свободных здесь был чрезвычайно дешев [2]. А. И. Павловская с помощью расчетов показала, что труд рабов был менее рентабельным, чем труд арендаторов, и более рентабельным, чем труд наемных работников [3].

Нам кажется, что изучение данной проблемы можно продолжить в идеологической сфере. Необходимо выяснить отношение самих египтян к производительности, эффективности и рентабельности различных категорий рабочей силы. Папирусы дают для этого сравнительно небольшой материал. Зато неожиданно полезным оказывается столь далекий, казалось бы, от экономики автор, как Филон Александрийский.

Филон был не только философом и религиозным мыслителем, но и очень богатым человеком. Об этом свидетельствует его общественное положение — брат алабарха (крупного таможенного чиновника), дядя и воспитатель знаменитого префекта Египта Тиберия Юлия Александра, член посольства к Калигуле [4]. Александр Лисимах, брат Филона, считался, по сообщению Иосифа Флавия, одним из богатейших людей Александрии [5]. Царь Ирод Агриппа занял у него 200 тыс. драхм [6]. Прямых свидетельств об источниках дохода Филона не сохранилось. Вероятно, он, подобно многим богатым александрийцам, имел сады и виноградники в окрестностях города [7]. Об этом говорит его не раз проявлявшийся интерес к производительности труда на виноградниках. В интересе этом, как мы увидим ниже, проскальзывают нотки горького опыта. В чем бы ни выражалось богатство Филона, он не прошел и не мог пройти мимо проблем, волновавших египетских рабовладельцев I в. н. э.

В самых различных трактатах Филона прослеживается дихотомия: хороший работник — плохой работник. За редким исключением [8] эта дихотомия не носит абстрактного характера. Конкретно указывается, кто и почему работает хорошо, кто и почему работает плохо. На первый план выступают две пары: свободный — раб, наемный работник — георгос [9]. Второй паре уделено не меньшее, а пожалуй и большее внимание, чем первой. Здесь Филон отличается от римских авторов [10], и в этом проявляется бо́льшая роль наемных работников и меньшая роль рабов в Египте по сравнению с Италией.

---

[1] Обзор литературы см. в работах: К. К. Зельин, Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э., М., 1966, стр. 113—130; А. И. Павловская, О рентабельности труда рабов в эллинистическом Египте, ВДИ, 1973, № 3, стр. 136 сл.; она же, Рабы в сельском хозяйстве римского Египта, ВДИ, 1976, № 2, стр. 73. К вопросу о производительности рабского труда см. В. И. Кузищин, Нормы и степень эксплуатации труда сельскохозяйственных рабов в Италии II в. до н. э.— I в. н. э. (Проблема производительности рабского труда и ее эволюции), в кн. «Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности», М., 1967, стр. 38—45; он же, Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н. э.— I в. н. э., в кн. «V международный конгресс экономической истории. Ленинград. 10—14 августа 1970 г. Тезисы докладов», М., 1970.

[2] U. Wilken, Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien, I, Lpz — B., 1899, стр. 703 сл.

[3] Павловская, О рентабельности...

[4] H. Leisegang, Philo Alexandrinus, RE, Hbd. 29, стб. 2.

[5] Joseph., Ant. XX, 3.

[6] Joseph., Ant. XVIII, 8.

[7] Strabo, XVII, 14, 35.

[8] Такое исключение — противопоставление хорошего земледельца (γεωργός) плохому (Philo, De spec. leg. III, 33, 39).

[9] В какой-то степени можно проследить пару «раб — наемный работник» (см. ниже).

[10] В. И. Кузищин, Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э.— I в. н. э., М., 1966, стр. 206.

Трижды, в трех разных произведениях Филон проводит, видимо, весьма близкую его сердцу мысль: георгос — старательный и искусный земледелец, наемный работник — неопытный, не знающий своего дела человек [11]. Пример георгоса — Ной, пример наемного работника — Каин (оба в Библии возделывают землю) [12]. Наемный работник совершенно не заботится о качестве работы (τοῦ καλῶς ἐργάσασται), поскольку думает только о жаловании. Георгос же сам вкладывает средства в землю [13].

Кого понимает Филон под термином «георгос»? Папирусы обозначают этим словом частного орендатора (γεωργός) и арендатора государственной земли (δημόσιος, βασιλικὸς γεωργός). Филон, конечно, не был ограничен канцелярским словоупотреблением и мог иметь в виду земледельца вообще, в том числе и землевладельца, обрабатывающего землю своими руками. Именно в физическом труде он конкурирует с наемным работником. То, что георгос стремится каждый год получать урожай и вкладывает средства в землю, характеризует его скорее как землевладельца и съемщика государственной земли, чем как частного арендатора. Вместе с тем именно частный арендатор был непосредственным конкурентом наемного работника на рынке рабочей силы. Предпочтение, отдаваемое георгосу, так или иначе говорит и в пользу частного арендатора.

Наемного работника Филон изображает бедняком, взявшимся обрабатывать землю из-за нужды в самом необходимом [14]. В принципе он выполняет рабские дела (взрыхляет и обрабатывает почву, занимается ремеслом). И это бремя рабских дел тяжело не только физически, но и нравственно, особенно, когда нести его приходится в середине агоры на глазах у товарищей и сверстников [15]. Как это контрастирует с традиционной почетностью труда земледельца-георгоса! Главное, что отличает наемного работника от георгоса, — незаинтересованность в результатах труда. Георгос старается получить лучший урожай и сохранить плодородие почвы. Он вкладывает в участок свои средства, повышает его качество. Напротив, наемный работник заинтересован лишь в том, чтобы с меньшими затратами труда получить жалование. Качество и количество урожая не отражается на его доходах. Труд не только не приносит ему чести, но и позорит его.

Во всех трех упомянутых пассажах Филон описывает не просто обработку земли, но выращивание виноградников. Это и не удивительно. Именно на виноградниках в древности труд рабов и наемных работников применялся особенно широко. Именно здесь в первую очередь возникала проблема: как совместить преимущества интенсивного товарного хозяйства с преимуществами мелкой аренды [16]? В попытках решить эту, казалось бы, невыполнимую задачу египтяне I в. н. э. нашли парадоксальнейшие формы трудовых отношений. Появляется аренда с выплатой жалования арендатору или арендодателю. Наемный работник совмещается в одном лице с владельцем или съемщиком виноградника. В качестве арендатора или арендодателя он заинтересован в эффективной и добросовестной обработке земли, в качестве наемного работника он эксплуатируется своим арендодателем или арендатором [17]. Интересно, что италийские рабовладельцы, пытаясь смягчить невыгодные стороны рабского труда, также прибегали к аренде: сдавали хозяйство вилику [18].

---

[11] Philo, Quod det. pot. insid. sol. 104 слл.; De agricultura, 4 слл.; Quaest. in Gen. II, 66.

[12] V. T., Gen. IV, 2; IX, 20.

[13] Philo, De agricultura, 4 слл.

[14] Philo, Quod det. pot. insid. sol. 104 слл.

[15] Philo, Quod omn. prob. lib. sit. 32—34. В средневековом Египте наемный труд в ремесле по-прежнему считался унизительным, ибо предполагал зависимость от другого лица. Ср. Л. А. Семенова, Из истории фатимидского Египта. Очерки и материалы, М., 1974, стр. 80.

[16] Именно на виноградниках разыгрывается действие двух евангельских притч, живописующих конфликты между землевладельцами и работниками (N. T., Math. XX, 1—15; XXI, 33—39). В обоих случаях осуждается корыстолюбие работников, о котором говорит и Филон.

[17] А. Б. Ковельман, Аренда в Южном Фаюме в середине I в. н. э. (По мичиганским регистрам), ВДИ, 1974, № 2, стр. 80 слл.

[18] Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова, Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. (Италия), М., 1971, стр. 41.

Филон явно считал труд георгоса более добросовестным, чем труд наемного работника, но неизвестно, считал ли он его более выгодным. Во всяком случае, он не воздерживается от рекомендаций по улучшению качества труда наемника.

Философ сочетает карательные меры с поощрительными. С одной стороны, за работником нужно надзирать, чтобы он не вредил [19], с другой, необходимо платить ему жалование вовремя, чтобы он «радовался и укреплялся, работая с двойным старанием, а не расслаблялся, будучи не в состоянии приступить к работе» [20]. Филон исходит при этом из библейского установления «платы наемнику не оставлять до утра» [21], но обосновывает его чисто деловыми соображениями.

Вторая пара, разнящаяся по качеству труда,— раб и свободный. Филон выводит ее в связи с жатвой, противопоставляя Иосифа его братьям [22].

Оказывается, вязка снопов — труд рабов, невежд (ἀνεπιστημόνων) и вообще слуг (ὑπηρετῶν). Вязку снопов Филон называет работой (ἔργον) и услужением (ὑπηρεσία). Напротив, жатва — занятие (ἐπιτήδευμα), и принадлежит оно опытнейшим земледельцам и предводителям (гегемонам). Таким образом, здесь наряду со знакомым нам уже противопоставлением (слуга, наемник — земледелец) выступает дихотомия: раб — свободный земледелец. Причем раба, как и всякого слугу, философ упрекает в невежестве, неумении [23].

Отношение Филона к рабству неоднократно рассматривалось учеными. Единодушный вывод, к которому они пришли: Филон полностью принимал рабство, признавал его без протеста, занимал позицию «гуманного рабовладельца» [24].

Думается, что дело обстоит несколько сложнее. Филон действительно называл рабов необходимейшим имуществом, писал, что они нужны для «множества дел в жизни» [25]. Но он же высказал ряд сомнений в полезности рабов. Выше уже приводился пример с жатвой и вязкой снопов. Раб — синоним невежды, его труд ценится низко. Еще показательнее следующее рассуждение: «...Господа делают похвальное дело, когда по причине человеколюбия освобождают купленных и вскормленных дома рабов, часто не приносящих большой пользы» [26]. Не совсем ясно, рабы вообще «часто» не приносят большой пользы, по мнению Филона, или только те, которых освобождают? Вероятно все же, что это замечание относится ко всем рабам. Ибо дурных рабов, по свидетельству Филона, не освобождают, а продают «как недостойных быть рабами приличных людей» [27]. Таким образом, поскольку рабы часто бесполезны, то их надо или освобождать, или, если они себя плохо вели, продавать.

Конечно, это психология рабовладельца, но рабовладельца не очень уверенного в эффективности рабского труда. Свидетельство распространенности такой психологии — письмо к жене, написанное каким-то современником Филона. В отсутствие автора письма у него сбежала рабыня-вскормленница и случился ряд других неприятностей. Но сам он неприятностью бегство рабыни не считает, оно его «не заботит» [28].

«Безупречное использование рабов» для Филона — недостижимый идеал [29]. Но все же он дает советы, как к этому идеалу приблизиться. На дурных рабов следует

---

[19] P h i l o, Quod det. pot. insid. sol. 104 слл.

[20] P h i l o, De virtut. 88 слл.

[21] V. T., Lev. XIX, 13; Deut. XXIV, 14—15.

[22] V. T., Gen. XXXVII, 7.

[23] P h i l o, De somn. II, 21 слл.; 30. Вся аллегория понадобилась Филону для наставления, обращенного к правителям (гегемонам). Они должны уметь отличать плевелы от пшеницы, как это делается при жатве. Поэтому гегемоны и выведены рядом с опытнейшими земледельцами.

[24] F. G e i g e r, Philon von Alexandreia als sozialer Denker, Stuttgart, 1932, стр. 69 слл.; E. R. G o o d e n o u g h, An introduction to Philo Judaeus, New Haven — London, 1940, стр. 163 слл.; М. М. Е л и з а р о в а, Община терапевтов. (Из истории ессейского общественно-религиозного движения I в. н. э.), М., 1972, стр. 62—63.

[25] P h i l o, De spec. leg. II, 123.

[26] P h i l o, De spec. leg. IV, 15. О желательности освобождения рабов см. также P h i l o, Leg. allegor. III, 194 сл.

[27] P h i l o, De spec. leg. IV, 152.

[28] P. O x y. II, 298 = P. Olsson 73.

[29] P h i l o, De post. Caini, 181.

воздействовать телесными наказаниями [30]. К прочим же следует применять «человеколюбие» (филантропию). Главное положение филантропии, прилагаемое им, правда, только к рабам-евреям, состоит в том, чтобы относиться к рабу как к наемному работнику, «одно давая и другое беря» [31]. Само правило Филон берет из Библии [32]. Но он обосновывает его деловыми соображениями: если относиться к рабу, как к наемному работнику, поощрять его платой за труд, не притеснять, то «он будет неустанно всегда и повсюду служить, не медля, но упреждая твои приказания с поспешностью и усердием» [33]. Человеколюбие приносит выгоду.

Вспомним, что аналогичную операцию Филон проделал и с библейским законом «плату наемнику не оставлять до утра» [34]. Как и во многом другом, здесь эллинский дух налагается у него на ветхозаветный. С одной стороны, проникнутые морально-этическим пафосом призывы к филантропии, с другой,— приземленно-практические выгоды от их соблюдения. «Рационализм» в отношении к рабам Филон мог наблюдать у целого ряда греческих авторов V—IV вв. до н. э. [35], в том числе у Платона, которому он, по мнению современников, подражал [36].

Уже было замечено [37], что рекомендация Филона относиться к рабу как к наемнику совпадает с советом философа-стоика Хрисиппа [38]. Думается, это не случайное совпадение и не результат заимствования Филона у Хрисиппа (в распоряжении Филона была Библия). Следует учесть, что родина Хрисиппа — Киликия, т. е. оба философа происходят из восточных провинций Римской империи. И оба они не морализируют абстрактно, но описывают реальную практику восточного рабовладения. Рабы получают, судя по папирусам, не только одежду и пропитание, но и денежное жалование, которое, правда, в два раза меньше жалования свободных [39]. Кстати, Ветхий Завет отражает то же соотношение: труд раба в два раза дешевле труда наемного работника [40].

По мнению Е. М. Штаерман, на востоке империи философы занимали более «либеральную» позицию в рабском вопросе, чем на западе [41]. Видимо, этот «либерализм» отражает действительное положение вещей в Египте, Сирии, Киликии. Такие рецепты, как уподобление раба наемному работнику, были здесь общим местом, ходячей истиной, выработанной еще задолго до появления македонских завоевателей [42].

---

[30] Philo, Quod deus imm. est, 64.
[31] Philo, De spec. leg. II, 79—85.
[32] V. T., Lev. XXV, 40.
[33] Philo, De spec. leg. II, 82 слл.
[34] См. выше, прим. 21.
[35] Ср. Э. Л. Грейс, Что такое раб и искусство управления «людьми», ВДИ, 1970, № 1, стр. 49—66.
[36] Eusebius, Hist. eccl. II, 4, 2; Suidas s. v. Φίλων (ἢ Πλάτων φιλωνίζει ἢ Φίλων πλατονίζει). Ср. подробные указания Платона о правилах обращения с рабами (Leg. VI. 776—778). Платон в отличие от Филона ни на минуту не допускает мысли об экономической невыгодности рабовладения. Однако он сознает, что «владение рабами тяжко» (Leg. VI, 777b). Чтобы облегчить эту тяжесть, Платон предлагает воспитывать рабов. И только в плане такого воспитания фигурирует гуманное обращение с рабами, которое, кстати, возвышает и самого господина. Нетрудно заметить различие в позициях Филона и Платона. Для Филона филантропия первична и имеет божественное происхождение, выгода же от нее вторична.
[37] Geiger, ук. соч., стр. 72—73.
[38] Seneca, De benef. III, 22.
[39] Павловская, О рентабельности..., стр. 140.
[40] V. T., Deut. XV, 18.
[41] Штаерман, Трофимова, ук. соч., стр. 178; «Интеллигенция эллинистической половины империи, так же как и круги мелких и средних италийских собственников, осуждала крупное рабовладение, но более последовательно склонна была осуждать и рабство вообще».
[42] Возможно, данный рецепт применялся и в Афинах V—IV вв. до н. э. Об этом свидетельствует следующее замечание Платона: «Обмен почти неизбежен для ремесленников и всех тех, кому надо выплачивать жалование, — для наемников, рабов и чужеземных пришельцев» (Leg. V, 742a). Данное рассуждение явно относится не к идеальному государству, которому посвящен диалог, а к современной Платону Греции. Исходя из *необходимости* платить жалование рабам и др., Платон реко-

Итак, Филон довольно низко оценивает эффективность труда рабов и наемных работников, причем первые кажутся ему еще менее старательными, чем вторые, и он советует сблизить их положение, чтобы повысить производительность труда рабов. Все это скорее наблюдения и выводы хорошего хозяина, чем заключения философа. И Филон не был бы философом, если бы не пошел дальше, не придал своим мыслям большую степень обобщения и абстрагирования.

Чем не устраивал его труд наемных работников и рабов? Почему казался малоэффективным? Корень порочности этого труда Филон видел в его продажности, корыстности (у наемных работников) и подневольности (у рабов). Раб делает все из-под палки, наемный работник — из-за денег, оба они не думают о результатах своей работы. И с этим осуждением труда подневольного и продажного у Филона соседствует идеал свободного и бескорыстного труда.

Бог, по мнению Филона, стремится поощрить нас к служению добровольному, искреннему, приносящему радость [43]. Первая награда достается тому, кто служит богу ради него самого, вторая — тем, кто заботится при этом о своих интересах, надеясь избавиться от наказания или получить вознаграждение [44]. Сам труд — лучшая награда за труд [45].

Дар бога — трудолюбие вместо ненависти к труду (φιλοπονία ἀντὶ μισοπονίας) [46]. Трудолюбие (φιλεργία) может быть результатом жалования [47]. Но в таком случае оно уже не имеет в себе ничего божественного и принадлежит продажному служению (ἔμμισθος θεραπεία) [48].

Истинный философ служит богу не по принуждению и не за плату, но из любви к служению и из любви к богу. Труд из любви к труду и к тому, ради кого трудишься,— вот чего требует Филон от мудреца. Разве не является этот труд непосредственной антитезой продажному труду наемного работника и подневольному труду раба? Не исключено, что концепция свободного и бескорыстного служения возникла у Филона как результат недовольства трудом наемников и рабов в Египте.

Это подтверждают высказывания философа об идеальном слуге. Для такого слуги «нет большей похвалы, чем то, что он не пренебрегает ни одним приказом господина, неустанно и трудолюбиво (φιλοπόνως) сверх своих сил старается все исполнить» [49]. «У преданных (φιλοδεσπότοις) слуг необходимейшее достояние — откровенность» [50]. Наконец, Моисей призывает слуг трудиться с любовью к господам (εἰς ὑπηρεσίαν φιλοδέσποτον) [51]. Таким образом, идеальному слуге свойственны любовь к труду (φιλοπονία) и любовь к господину (φιλοδεσποτεία) — качества, необходимые также при служении богу [52].

О слуге, возлюбившем господина и труд, мечтал не только Филон, но и другие египетские рабовладельцы, его современники. В 19 г. до н. э. некий вольноотпущенник, администратор частного имения, пишет своему хозяину: «Я возлюбил (ἐφιλίασα)

мендует ввести в идеальном государстве деньги для внутреннего пользования, т. е. отступить от чистого идеала, каковым было бы полное отсутствие обмена и денег. Уплата жалования рабам — для философа, видимо, реальность, от которой никуда не уйти. Столь же реально для него уподобление рабов наемникам на этой почве.

[43] Philo, Quis rer. div. her. sit, 123.

[44] Philo, De Abrahamo, 128 слл. Сходный мотив звучит в послании апостола Павла к коринфянам (N. T., I Epist. ad Korinth. IX, 16—17), Добровольное служение, по Павлу, будет вознаграждено, недобровольное же останется без награды, ибо оно — лишь исполнение обязанности.

[45] Philo, De somn. I, 33—34; De plant. 132—138.

[46] Philo, De post. Caini, 156—158; De congr. erud. grat. 168.

[47] Philo, De spec. leg. II, 195.

[48] Philo. De Abrahamo, 128 слл.

[49] Philo, Quis rer. div. her. sit, 9.

[50] Philo, Quis rer. div. her. sit, 14.

[51] Philo, De decalogo, 167. См. также De spec. leg. II, 195 — любовь к господину как результат надежды на освобождение.

[52] О φιλοδεσποτεία при служении богу см. Philo, Quis rer. div. her. sit, 7; Quod det. pot. insid. sol. 56; 62.

вас не для того, чтобы ограбить»[53]. К I в. н. э. относятся наставления египетского писца (P. Insinger). Писец советует: «Служи, если ты не богат (9, 22, 10, 2, 3), не будь нерешительным в службе (9, 10), не гневи своего господина (10, 20), не будь надоедливым (10, 12), будь услужливым (11, 10) и покорным (11, 11), не жалуйся на своего хозяина (11, 7, 22, 18). Возможно, такого рода мечты отразились и в наставлениях апостола Павла «не с видимой только услужливостью», но с усердием повиноваться господам[54], повиноваться «со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу»[55].

Мыслил ли себе Филон реальное воплощени есвоего идеала слуги? Если и мыслил, то лишь в плане продажного служения (ἔμμισθος θεραπεία). Ведь именно своевременной выплатой жалования достигается трудолюбие у наемника. Раб же начинает усердно трудиться, если отнестись к нему как к наемнику, т. е. платить жалование. Бескорыстный раб или наемный работник — явная утопия для Филона. И все же свободный и бескорыстный труд фигурирует в его трактатах не только как служение философа богу.

Свободным и совершенно добровольным является служение младших членов общины терапевтов старшим. Филон следующим образом описывает трапезу терапевтов: «На этом священном пиршестве, как я уже сказал, нет ни одного раба, прислуживают же свободные, выполняя обязанности слуг не по принуждению, не ожидая приказания, а добровольно, предупреждая желания, с поспешностью и усердием»[56].

Можно отметить дословное совпадение: раб, к которому отнесутся как к наемному работнику, также будет служить «не медля, но упреждая твои приказания с поспешностью и усердием»[57]. Усердие, о котором Филон мечтает как рабовладелец, которое он хочет купить у наемного работника, достигается в обществе без рабов — труд терапевтов бескорыстен, свободен и находит награду в самом себе, в любви к старшим. Именно такой труд наиболее эффективен.

Рабов нет не только у терапевтов[58], но и у ессеев[59]. Филон с явным одобрением относится к этому обычаю и обосновывает его стоической теорией о природном равенстве всех людей. Как согласовать это одобрение с его же мыслями о необходимости рабства? По мнению М. М. Елизаровой, Филон принимает рабство, а ессеи и терапевты отрицают, и это — доказательство того, что Филон не приписывает им своих взглядов[60]. Однако, как мы видели выше, «свободное служение» терапевтов оказалось органически связанным со всей системой представлений Филона о труде. Сами эти представления одновременно и противоречивы и едины. Филон-хозяин недоволен продажным трудом наемного работника и подневольным трудом раба, стремится повысить его эффективность. Филон-философ мечтает о бескорыстном, добровольном труде и находит этот труд у ессев и терапевтов.

Ессеи, терапевты и ранние христиане, вероятно, пришли к сходной мечте с совершенно иных классовых позиций, с позиций угнетенных масс, обязанных работать подневольно[61]. Но в какой-то точке враждебные идеологии пересеклись. Может быть, такого рода пересечения и сделали Филона «отцом христианства»[62]. Конечно, нельзя

[53] BGU, IV 1141 = P. Olsson 9, 23 слл.
[54] N. T., Epist. ad Ephess. 4, 6; Ad Koloss. 3, 22—23.
[55] N. T., Epist. ad Ephess. 4, 5.
[56] Philo, De vita cont. 71, пер. М. М. Елизаровой (ук. соч., стр. 57—58).
[57] Philo, De spec. leg. II, 82 слл.
[58] Philo, De vita cont. 70.
[59] Philo, Quod omn. prob. lib. sit, 79.
[60] Елизарова, ук. соч., стр. 62.
[61] Ср. требование «Устава» ессеев всем членам общины передавать свою силу и работу в общину и замечание К. Б. Старковой о знаменательности требования личного труда в эпоху, когда труд был отличительным признаком раба и неимущего. «Устав для всего общества Израиля в конечные дни» (пер. К. Б. Старковой, ПС, вып. 4 (67), 1959, стр. 17—22); Елизарова, ук. соч., стр. 56. Ср. также предложения апостола Павла «работать своими собственными руками» (N. T., I Epist. ad Thess. 4, 11), «делать своими руками полезное» (N. T. Epist. ad. Ephess. 4, 28) и знаменитую фразу: «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (N. T. II Epist. ad Thess. 3, 10).
[62] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 307.

говорить о совпадении взглядов ессеев и терапевтов на труд и рабство со взглядами Филона. Социальная программа его весьма умеренна. Устами Моисея Филон призывает слуг трудиться с любовью к господам, а господ зовет к мягкости и кротости, посредством коих выравнивается неравенство [63]. Но это вовсе не противоречит его одобрительному отношению к внутренним порядкам терапевтов и ессеев. Ведь он воспринимал их не как секты, вера которых единственно правильна и должна восторжествовать повсеместно. Для него они — союзы философов [64]. Именно у немногих, избранных мудрецов, философов и может воплотиться идеал бескорыстного, свободного труда, труда из любви к труду и к тому, ради кого трудишься. У них природное равенство людей может перейти в равенство практическое, ибо добродетель позволяет им обходиться без многочисленных услуг, с одной стороны, и оказывать услуги, не будучи рабами или наемниками, с другой стороны. Филоновская концепция труда, таким образом, вполне согласуется с образом жизни терапевтов и ессеев.

Концепция эта занимала, видимо, не последнее место в общей системе взглядов философа. Проявление ее можно обнаружить в эстетике Филона Александрийского. По мнению В. В. Бычкова, многое в эстетике Филона строилось на признании самоценности процесса в постижении бога. Цель и смысл человеческой жизни для Филона — постижение божества. Но бог трансцендентен и непознаваем. Это противоречие можно разрешить, лишь признав, что сам по себе процесс узнавания, постижения бога доставляет удовольствие, имеет ценность вне зависимости от своего конечного результата [65].

Нам представляется, что самоценное, доставляющее удовольствие философу познание — не что иное, как форма самоценного, имеющего награду в самом себе труда, труда из любви к труду и к божеству, к которому он в данном случае прилагается.

Итак, Филон Александрийский уделял определенное внимание вопросам производительности и качества труда различных категорий рабочей силы. Наиболее скептически он относится к рабам, которых за бесполезностью рекомендует продавать или освобождать. Труд наемных работников кажется ему более производительным, но и он не может сравниться с трудом самостоятельного земледельца. Филона в принципе не устраивает труд ради денег и из-под палки. Подобно другим рабовладельцам, он мечтает о таких рабах и наемных работниках, которые работали бы из любви к делу и к хозяину. Но он достаточно хорошо сознает, сколь далека эта мечта от воплощения. Все его реальные рецепты обращения со слугами сводятся к советам о том, как купить их усердие или принудить их к тому.

В конечном счете мечта Филона о добросовестном и производительном труде отрывается от своей реальной первоосновы. Возникает как антитеза продажному труду наемных работников и подневольному труду рабов идеал бескорыстного и свободного труда. Именно таков труд философа, служащего богу. Наконец, воплощение этого идеала Филон находит у терапевтов. Отсутствие у терапевтов рабов воспринимается им как причина такого воплощения.

Интерес Филона к проблемам производительности и качества труда не случаен. I век. н. э. для Египта — время максимального развития рабовладения [66], *парамонэ*. Вопрос о преимуществах и недостатках тех или иных категорий рабочей силы был актуален как никогда. Не удивительно, что такой чуткий к тенденциям своего времени мыслитель, как Филон Александрийский, включил его в сферу своего философствования.

А. Б. Ковельман

---

[63] Philo, De decalogo, 167.

[64] С. Н. Трубецкой, Учение о логосе в его истории. Философско-историческое исследование, М., 1906, стр. 103 сл.

[65] В. В. Бычков, Эстетика Филона Александрийского, ВДИ, 1975, № 3, стр. 68.

[66] И. Бежуньска-Маловист, Рабский труд в сельском хозяйстве Египта римской эпохи, «V Международный конгресс экономической истории, Ленинград, 10—14 августа 1970 г. Тезисы докладов», ч. I, М., 1970, стр. 73.

PHILO JUDAEUS ON THE LABOR FREE MEN AND SLAVES IN ROMAN EGYPT

A. B. Korelman

In Egypt in the 1st century A. D. the number of slaves and hired workers increased. Which kind of labour is to be preferred? Now is the productivity of labour to be raised? These were problems facing the ruling class of Egypt, of which Philo was a member. He thought the labour of the *geōrgos* to be the best and most productive kind. The hired worker thinks only of his wages, he does not care about the quality of his work. Slaves are of little use in general, that is why they are set free or sold. Following the common practice in the Eastern Mediterranean, Philo gives advice on how to lessen the impact of these deficiencies. He also postulates an ideal kind of labour, unselfish and free. This ideal is generated by dissatisfaction with the mercenary labour of hired hands and the forced, unwilling labour of slaves. To Philo's mind work should be a pleasure and its own reward. One should serve out of love for the person served. Such is the work of the philosopher who will know God. Such is the work of the Therapeutae and the Essenes who have no slaves. Philo was not alone in having these thoughts. The papyri show that similar views were widely held among slaveowners in Egypt in the 1st century A. D.

ОПЫТ АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ СТОРОН СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АТМОСФЕРЫ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ БАСНИ (Федр, Бабрий, Авиан)

Одна из важных задач, возникающих при исследовании античного общества,— воссоздание как можно более полной картины жизненных отношений и реконструкция его идеологии. Однако материалы, которые могут быть привлечены для изучения, не всегда дают в достаточной мере исчерпывающее и объективное описание всех сторон жизни. Напомним, чтó писал по этому поводу С. А. Жебелев: «Та традиция, которая дошла об античном мире, страдает большими лакунами, полною неравномерностью, нарочитою, в некоторых случаях, некритичностью. Это обязывает, с одной стороны, дорожить буквально каждой строчкой предания, вчитываться и вдумываться в него, но вместе с тем постоянно относиться к нему с трезвой критикой и лишь после тщательно проведенной аналитической работы установлять факты с тем, чтобы затем освещать их; из фактов должно создавать это освещение, а не из каких-либо теоретических предпосылок, аналогий и тому подобных вспомогательных средств исследования. С другой стороны, отмеченные свойства античной традиции, при всяких попытках исследователя к воссозданию более или менее ясной картины далекого прошлого, неизбежно наталкивают его на путь гипотезы. И это не беда, даже в глазах фактопоклонника. Нужно только уметь твердо различать область положительного от области предположительного . . .» [1].

Расширению и углублению знаний об античном мире, его жизни и идеологии немало содействует художественная литература, связи которой с жизнью несомненны. Вместе с тем связи эти сложны и своеобразны. С одной стороны, всякое художественное произведение — это продукт неповторимой творческой деятельности личности

---

[1] Д. П. Каллистов, «Автонекролог» Сергея Александровича Жебелева, ВДИ, 1968, № 3, стр. 155.

творца, с другой же стороны, сама эта деятельность выступает не просто имманентно присущей личности активностью, но порождена реальной социальной действительностью, в которой личность живет и которая, в конечном счете, отражается в произведении. Благодаря этим двум (разумеется, не единственным) аспектам художественное произведение, как, впрочем, и любой другой продукт человеческой деятельности, может выступать для исследователя и средством познания личности творца, и средством познания социальной действительности, с которой этот творец связан.

Хотя писатель не переносит механически жизнь на страницы своего произведения, не пишет ее летописи, а преломляет жизнь через свое творческое видение, создавая таким образом свой художественный мир, хотя, «рассказывая жизнь, он сплошь и рядом рассказывает как бы *вместо* нее, додумывает *за* нее» [2], он все же рассказывает именно жизнь, и его художественный мир многими нитями связан именно с объективной реальностью, причем с разными ее сторонами в силу своеобразия художественного мира каждого поэта. Благодаря этому своеобразию разные произведения античной литературы, например комедии Аристофана, мимиямбы Геронда, сатиры Горация, «Буколики» Вергилия, сатиры Ювенала [3], «Сатирикон» Петрония и другие, открывают путь к познанию объективного содержания разных сторон действительности.

Из различных аспектов жизни и идеологии античного общества, отразившихся в литературе, несомненный интерес представляют социальные отношения [4], выступающие «по отношению к той или иной социальной группе и тем более по отношению к отдельному индивиду как объективная социальная среда, которая существует независимо от их сознания» [5].

Наиболее простой и общей формой этих отношений, поскольку они «находятся в диалектическом взаимодействии с личными отношениями людей, от есть с их отношениями как конкретных индивидов» [6], являются межличностные отношения. Находясь внутри системы общественных отношений, как бы просматриваясь в другом их сечении, они на эмпирическом уровне выступают в качестве непосредственной, хотя и не единственной реальности всех человеческих отношений [7]. Поэтому, исследуя межличностные отношения определенного времени, можно осветить и некоторые стороны конкретных социальных отношений этого же времени.

Богатый опыт в изучении межличностных отношений накоплен социальной психологией, к нему мы и обратились в нашем анализе некоторых сторон социальных отношений между людьми, нашедших свое отражение в античной литературной басне [8]. Из многочисленных аспектов структуры межличностных отношений мы выделили две наиболее используемые в социальной психологии характеристики [9]: во-первых, статусно-ролевые различия между людьми и, во-вторых, валентность этих отношений. Если

---

[2] Н. К. Гей, Художественность литературы. Поэтика. Стиль, М., 1975, стр. 229.

[3] Спецификой отражения жизни Ювеналом занимается в последнее время В. М. Волощук: «Децім Юній Ювенал про становище клієнтів у Римі (на основі V сатири)», «Іноземна філологія», Львів, 1974, № 36; «Знатні римлянки в VI сатирі Ювенала», «Іноземна філологія», Львів, 1975, № 40; «Імператори в сатирах Деціма Юнія Ювенала», «Іноземна філологія», Львів, 1977, № 45.

[4] В настоящей работе термины «социальные отношения» и «общественные отношения» употребляются как синонимичные.

[5] В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, Общественные отношения, «Философская энциклопедия», т. 4, стр. 118.

[6] Там же.

[7] Г. М. Андреева, К построению теоретической схемы исследования социальной перцепции, «Вопросы психологии», 1977, № 2, стр. 8.

[8] Связь литературоведения и психологии уже становится, можно сказать, традиционной. Упомянем лишь некоторые работы: Л. С. Выготский, Психология искусства, М., 1968; «Содружество наук и тайны творчества», под ред. Б. С. Мейлаха, М., 1968; М. Арнаудов, Психология литературного творчества, М., 1970; Б. М. Теплов, Заметки психолога при чтении художественной литературы, «Вопросы психологии», 1971, № 6; О. И. Никифорова, Психология восприятия художественной литературы, М., 1972.

[9] Т. Шибутани, Социальная психология, М., 1969; В. Б. Ольшанский, Межличностные отношения, в кн. «Социальная психология», под ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина, М., 1975.

первые позволяют составить себе представление об иерархии отношений между людьми в смысле равенства или неравенства, доминирования или подчинения, превосходства или зависимости, то валентность межличностных отношений характеризует их качество (положительное — отрицательное, симпатия — антипатия, доброжелательность — враждебность).

Для подобного анализа художественный текст может служить богатым источником, однако его использование кроет в себе ряд хорошо известных литературоведу сложностей, обусловленных спецификой эстетического восприятия художником реальной жизни. В античной литературной басне (Федр, Бабрий, Авиан), которую мы избрали исходным материалом для нашего исследования, эти сложности возрастают в силу ее аллегоричности, отвлеченности от конкретного времени и пространства и удаленности от нас. Но вместе с тем басня обладает и рядом преимуществ для анализа, так как она, пытаясь ответить на вопрос, как должен вести себя человек в мире, опирается в своей морали не на идеальные, а на реальные факты жизненных отношений [10]. Это преимущество создается также, как это ни парадоксально, и аллегорией, потому что она позволяет поэту, надевая на персонажей различные маски, смелее и откровеннее обнажать реальные человеческие отношения.

Автор, как можно предположить, воспроизводя эти жизненные отношения, в той или иной мере проявляет индивидуальность в выборе лексического состава, избегая в силу тех или иных причин одних семантических единиц и предпочитая другие. Источником этой избирательности может быть как личность поэта, так и тот реальный социальный мир, в котором он жил и творил. Поэтому анализ лексики разных авторов различных времен должен привести и к различным выводам относительно структуры межличностных отношений.

Однако, на наш взгляд, лексический состав, будучи неоднородным, обладает разными возможностями в передаче тех или иных отношений. Так, в прилагательных относительно велик удельный вес авторского отношения к описываемому объекту. В глаголах фиксируются в большей степени ситуативные, изменчивые и преходящие отношения. В отличие от прилагательных и глаголов в именах существительных заключен образ более объективных (относительно не зависящих от автора) и устойчивых т. е. проявляющихся в различных ситуациях) отношений, что позволяет давать более или менее однозначную их оценку и интерпретацию. Поэтому мы и ограничили наше исследование анализом только имен существительных, причем именно тех из них, которые позволяют при сравнительно простой и однозначной их интерпретации сделать выводы относительно статусно-ролевых различий и валентности отношений и получить тем самым картину социально-психологической атмосферы басен того или иного автора.

Анализируя для составления этой картины отобранный лексический пласт баснописцев, мы исходили из основной семантики слов, учитывали исходную, первично закрепленную в них информацию о межличностных отношениях, сознательно абстрагируясь при этом от всех тех трансформаций основного значения, которые та или иная лексическая единица претерпевает в контексте в итоге конкретной авторской интерпретации (употребление в ироническом смысле, противопоставление, отрицание основного значения и тому подобное). В своем социально-психологическом преломлении такая трансформация указывает, как правило, на расхождение между *реальным* (истинно существующим) отношением одного человека к другому и тем отношением, которое этот человек выдает за истинное, т. е. *демонстрируемым*, а также, что вполне возможно в басне, на расхождение между *реальным* и *должным* (нормативным) отношением, т. е. таким, которое автор считает наиболее адекватным той или иной конкретной ситуации. Например, у Федра в басне «Флейтист Принцепс» (V, 7) издевательски-глумливое отношение публики к флейтисту ошибочно воспринимается последним как воздавание ему божеских почестей. Существительное «почести» интерпретируется нами в его

[10] М. Л. Гаспаров, Античная литературная басня (Федр и Бабрий), М., 1971, стр. 8.

прямом, основном значении, т. е. как одно из эмоционально положительных отношений. В басне оно характеризует лишь демонстрируемое отношение публики, реальное же — издевательски-глумливое отношение становится ясным только из контекста и поэтому не может быть уловлено путем анализа лишь данного слова. Подобное же расхождение между реальным и демонстрируемым отношением встречается время от времени и в других баснях Федра, например, в баснях «Лиса и козел» (IV, 9) и «Коршун и голубки» (I, 31). В первой из них коварная лиса, отнюдь не питающая дружеских чувств к козлу, называет его «другом», чтобы, заманив козла в колодец, самой выбраться оттуда. В басне «Коршун и голубки» якобы покровительственное отношение коршуна-царя оборачивается для голубок несчастьем и гибелью. Бабрий в басне «Лев и волк» (105) придает слову «друг» явно выраженный иронический оттенок, вкладывая его в уста льва, отнявшего овцу у волка-грабителя:

«...А ты, должно быть, сам честно
Овцу в подарок принял от друзей добрых?»

(*Перевод М. Л. Гаспарова*)

Авиан в басне 26 («Коза и лев») использует слово «советчик» для выражения демонстрируемого мнимо положительного отношения льва к козе, реальное же — отрицательное отношение — раскрывается эпитетом «свирепый», который нами не учитывается.

Приведенные примеры показывают, что в силу указанных выше ограничений (выбор лексики и социально-психологических параметров анализа) картина социально-психологической атмосферы, которую можно получить с помощью применяемого нами метода, носит лишь статический характер, показывает, чем и в какой мере интересуется поэт, но не может показать авторской интерпретации и оценки имеющихся отношений с точки зрения их истинности или ложности, соответствия или несоответствия должному. Учет последнего при анализе дал бы возможность составить более полную динамическую картину социально-психологической атмосферы, но он, долженствуя быть последующим этапом исследования, заслуживает особого внимания и не является целью данной работы.

Прежде чем перейти к детальному изложению методики и результатов исследования, необходимо отметить еще один существенный момент. Хотя предлагаемый в работе метод обладает достаточной степенью строгости и объективности, он никоим образом не противопоставляет себя обычному, базирующемуся на интуитивном прочтении литературоведческому анализу. Более того, он помогает проверить, аргументированно обосновать и доказательно выразить полученные в результате такого прочтения выводы, а в случае расхождения между исследователями может служить вспомогательным средством при решении спорных проблем и вопросов.

Данное исследование базируется на анализе имен существительных 91 басни Федра (исключая прологи, эпилоги и басни «от автора»), 141 басни Бабрия и 42 басен Авиана [11]). Из общего числа имен существительных Федра (869 лексических единиц) было отобрано 103 слова, служащие для обозначения тех или иных отношений между людьми. Басни Бабрия (814 лексических единиц) позволили отобрать 80, а басни Авиана (530 существительных) — 54 такие лексические единицы. Это составляет в процентном отношении к общему количеству имен существительных 12,2% для Федра, 9,8% для Бабрия и 10,1% для Авиана, что позволяет с некоторой мерой осторожности говорить о различии между баснописцами (Федром с одной стороны, Бабрием и Авианом — с другой). Различие это углубляется и становится более весомым в удельном весе словоупотреблений. Последний составил для Федра — 12,2% (103 существительных Федра употребляются 257 раз, всего словоупотреблений — 2100), для Бабрия — 8,0% (108

[11] Для работы использованы следующие издания басен поэтов: Phaedri fabularum Aesopiarum libri V. Emendavit, adnotavit, supplevit Luc. Mueller, Lipsiae, 1877; Babrii fabulae Aesopeae. Recognovit, prolegomenis et indicibus instruxit O. Crusius, Lipsiae, 1897; The Fables of Avianus, ed. with prolegomena, critical appendix, commentary, excursus and index by Robinson Ellis, Oxf., 1887.

словоупотреблений из 2227), для Авиана — 9,4% (106 словоупотреблений из 1123). В удельном весе словоупотреблений, как видим, разница между Федром и Бабрием возросла до 4,2%, несколько увеличилось и различие между Бабрием и Авианом (разница в удельном весе словоупотреблений составляет 1,4%). Из этих данных можно сделать вывод о том, что мир межличностных отношений сравнительно в большей мере представлен в баснях Федра и в меньшей— в баснях Бабрия. Подражатель последнего Авиан довольно близок к своему предшественнику, однако не настолько, чтобы можно было говорить о полном тождестве между ними.

Отобранные существительные анализировались по двум уже упомянутым параметрам — валентности отношений и статусно-ролевым различиям. В зависимости от валентности отношений существительные разделялись нами на три группы: *1*) слова, в которых заключена информация о положительных отношениях типа симпатии, дружбы, благожелательности и т. п.; *2*) слова, в которых заключена информация об отрицательных отношениях типа антипатии, враждебности, несогласия и т. п.; 3) слова, в которых не содержится в явном виде информации о валентности и которые можно объединить в группу нейтральных, или индифферентных, отношений (правитель, вождь, раб и т. п.).

По параметру статусно-ролевых различий существительные разделялись также на три группы в соответствии с тем, несут ли они в себе информацию: *1*) о превосходстве предполагаемого субъекта отношений (власть, покровительство, победитель и т. п.); *2*) о превосходстве предполагаемого объекта отношений (обожание, лесть, зависть и т. п.); *3*) о равенстве предполагаемых партнеров по общению [12] (сотоварищество, друг, враг, ссора и т. п.).

Анализ каждого существительного по рассмотренным выше параметрам позволяет отнести его к одному из девяти типов отношений (см. табл. 1). В целях большей наглядности данных типов межличностных отношений мы даем в табл. 1 наряду с примерами слов также и схематические рисунки, в которых рост человечков соответствует статусу, а направление левого человечка (субъекта) — валентности его отношения к правому (объекту).

Все отобранные для анализа слова были расклассифицированы по выделенным девяти типам отношений. Результаты этой классификации представлены ниже. В скобках после каждого слова дается количество его употреблений в общем тексте.

1-й тип — отрицательные отношения при превосходстве субъекта:

Федр (34 словоупотребления): contumelia (8), ludibrium (1), derisus (2), nota (1), minae (1), poena (12), nex (9);

Бабрий (10 словоупотреблений): ἐπηρείη (1), βίη (2), ἔγκλημα (1), αἰτίη (2), αἰκίη (3), ὀλεθρος (1);

Авиан (15 словоупотреблений): despectus (1), minae (6), iurgium (1), poena (4), supplicium (2), nex (1).

2-й тип — нейтральные отношения при превосходстве субъекта:

Федр (54 словоупотребления): superbia (3), insolentia (1), ambitio (1), aura (1), potestas (1), principatus (2), imperium (2), regnum (2), tyrannus (2), rex (10), princeps (3), dux (2), maiestas (1), caesar (2), Augustus (1), Tiberius (1), Pisistratus (1), Demetrius (Phalereus) (2), dominus (11), victor (5);

Бабрий (34 словоупотребления): βασιλεύς (4), δυνάστης (1), κύριος (1), στρατηγός (5), ἡγεμών (1), ποιμήν (1), δεσπότης (11), δέσποινα (3), δυναστείη (1), ἀρχή (1), νικη (5);

Авиан (13 словоупотреблений): potestas (1), rex (1), rector (1), ductor (1), dominus (6), victoria (1), victor (2).

3-й тип — положительные отношения при превосходстве субъекта:

Федр (58 словоупотреблений): benignitas (1), beneficium (2), gratia (3), meritum (3), opera (1), cura (4), auxilium (5), fautor (1), tutela (1), praesidium (1), laus (8), venia (3), consilium (2), consiliator (1), monitus (1), praeceptum (1), donatio (1), praemium (7), pretium (6), merces (6);

[12] В эту группу включены также и те слова, которые нельзя однозначно интерпретировать с позиции превосходства кого-либо из партнеров.

Таблица 1

Типы межличностных отношений в зависимости от их валентности и статусно-ролевых различий партнеров

		валентность отношений		
		отрицательные отношения	нейтральные отношения	положительные отношения
статусно-ролевые различия	превосходство субъекта	1. презрение, наказание...	2. победитель, власть...	3. благодеяние, милость...
	равенство статусов	4. коварство, враг...	5. сотрапезник, соневольник...	6. согласие, друг...
	превосходство объекта	7. заговор, бегство...	8. зависть, раб...	9. уважение, просьба...

Бабрий (28 словоупотреблений): εὐνοίη (2), χάρις (6), τροφεύς (1), δοτήρ (1), σύμβουλος (1), ἔπαινος (2), ἀμοιβή (1), ἔπαθλον (1), ἐπίγειρα (1), μήνυτρον (1), μισθός (11);

Авиан (11 словоупотреблений): indulgentia (1), cura (1), ops (3), consiliator (1), documentum (1), alloquium (1), praemium (2), pretium (1).

4-й тип — отрицательные отношения при равенстве статусов:

Федр (35 словоупотреблений): odium (1), contrarius (1), hostis (6), vindicta (3), suspicio (1), calumnia (1), calumniator (1), iurgium (2), lis (2), certamen (1), malitia (1), insidiae (3), fallacia (2), fraudator (1), fraus (5), mendacium (1), dolus (3);

Бабрий (35 словоупотреблений): ἔχθρα (2), διαβολή (1), στύγημα (1), πονηρίη (1), ἐχθρός (7), πολέμιος (3), στάσις (1), ἔρις (2), ἅμιλλα (1), ἀγών (1), γόης (1), ψεύστης (2), ψεῦδος (2), ψεῦσμα (1), ἀπάτη (1), πανουργίη (2), δόλος (3), τέχνη (3);

Авиан (23 словоупотребления): odium (1), hostis (2), nequitia (1), discordia (1), iurgium (6), certamen (2), lis (3), dolus (3), fraus (2), mendacium (1), miraculum (1).

5-й тип — нейтральные отношения при равенстве статусов:

Федр (1 словоупотребление): convictus (1);

Бабрий (4 словоупотребления): συντράπεζος (1), σύσσιτος (1), συνδούλη (1), συγγέρων (1);

Авиан (ни одного словоупотребления).

6-й тип — положительные отношения при равенстве статусов:

Федр (27 словоупотреблений): benevolentia (1), caritas (1), delicium (1), humanitas (1), bonitas (2), hospitium (1), integritas (1), sinceritas (1), fides (3), credulitas (2), amicus (5), socius (2), comes (3), societas (1), foedus (1), conviva (1);

Бабрий (41¾ словоупотребление): ἔρως (3), ἐραστής (1), ἐπιεικείη (1), πρᾳότης (1), εὐσέβεια (1), συμφωνία (1), πεποίθησις (1), φιλαδελφία (1), ξενίη (1), πίστις (1), φίλος (19), τᾶν (1), παραστάτης (1), σύνοικος (4), σύσκηνος (1), ξένος (2), πρόξενος (1);

Таблица 2

Удельный вес типов отношений у баснописцев (в %)

автор	типы									сумма в %
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Федр	13,3	21,0	22,6	13,6	0,4	10,5	2,7	5,0	10,9	100
Бабрий	5,6	18,9	15,6	19,4	2,2	22,7	7,8	2,8	5,0	100
Авиан	14,1	12,3	10,4	21,7	0,0	16,0	3,8	0,9	20,8	100

Авиан (17 словоупотреблений): amor (1), concordia (1), fides (5), quies (1), amicitia (1), amicus (1), amica (1), socius (2), socia (1), consortium (1), hospes (2).

7-й тип — отрицательные отношения при превосходстве объекта:

Федр (7 словоупотреблений): conspiratus (1), factio (1), periurium (1), querela (4);

Бабрий (14 словоупотреблений): ἧττα (2), δρόμος (6), φυγή (4), φύζα (2);

Авиан (4 словоупотребления): fuga (3), querela (1).

8-й тип — нейтральные отношения при превосходстве объекта:

Федр (13 словоупотреблений): servitus (2), familia (4), servulus (1), atriensis (1), pedisequus (1), villicus (1), invidia (3);

Бабрий (5 словоупотреблений): δρηστήρ (1), δούλη (2), θεράπων (1), φθόνος (1);

Авиан (1 словоупотребление): invidia (1).

9-й тип — положительные отношения при превосходстве объекта:

Федр (28 словоупотреблений): gloria (5), admirator (1), dignitas (2), honor (4), gratia (2), officium (3), blanditia (1), preces (4), iusiurandum (2), votum (1), munus (3);

Бабрий (9 словоупотреблений): δόξα (3), ἱκέτης (1), εὐχή (2), δῶρον (2), δόσις (1);

Авиан (22 словоупотребления): laus (1), reverentia (1), probitas (1), preces (4), votum (4), fides (1), donum (1), munus (9).

После распределения существительных и подсчета количества словоупотреблений был определен удельный вес каждого типа отношений в общем количестве словоупотреблений отдельно для Федра, Бабрия и Авиана. Результаты представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, самый большой удельный вес словоупотреблений у Федра приходится на 3-й тип, т. е. на существительные, которые несут в себе информацию о положительном отношении (благосклонном, покровительственном) предполагаемого субъекта к объекту, причем первый по своему статусу превосходит второго, и на 2-й тип, куда вошли слова, не позволяющие говорить о положительной или отрицательной валентности отношений, а констатирующие лишь превосходство субъекта над объектом. У Бабрия же эти типы отношений занимают по удельному весу словоупотреблений соответственно четвертое и третье место, а у Авиана — лишь шестое и пятое. У Бабрия резко выделяется величиной удельного веса тип 6, куда вошли существительные, позволяющие говорить о положительном отношении равных по статусу людей, а также те существительные, которые нельзя однозначно интерпретировать с позиции превосходства одного из партнеров, но которые несут четкую информацию о том или ином положительном отношении. У Федра этот тип отношений находится лишь на шестом месте, а у Авиана — на третьем, вероятно, в силу зависимости последнего от Бабрия. У Авиана же самый большой удельный вес словоупотреблений приходится на 4-й тип отношений, куда вошли существительные, обозначающие отрицательное отношение к партнеру при отсутствии информации о статусно-ролевых различиях или при их статусном равенстве. Этот же тип отношений довольно популярен и у двух других баснописцев — у Федра он третий, а у Бабрия четвертый по рангу. Зато другой очень весомый у Авиана тип отношений, приближающийся по величине удельного веса к предыдущему, т. е. тип 9, и у Федра и у Бабрия отражен очень слабо — соответственно пятое и седьмое места. Это отношения восхищения, уважения, почитания, заискивания, т. е. положительные отношения к объекту, который по социальному статусу превосходит субъекта. Наименее популярными у баснописцев оказались типы отношений 5,

8, 7, они занимают последние три места (только у Бабрия тип 7 на пятом месте). В этом все три баснописца близки друг к другу. Кроме того, следует отметить сходство между Федром и Авианом в отражении 1-го типа отношений (четвертое место у обоих баснописцев) и некоторую близость между Федром и Бабрием в отражении 2-го и 4-го типов отношений (см. табл. 3). Все это позволяет говорить и о существенных различиях между баснописцами, о несомненном своеобразии социально-психологической атмосферы, отраженной каждым, и о какой-то доле сходства между авторами и их видением и воспроизведением жизненных отношений между людьми. Однако насколько существенны эти сходство и различие, как определить их меру?

Внести некоторую ясность в эти вопросы могло бы сопоставление иерархических структур типов отношений Федра, Бабрия и Авиана. Эти структуры можно получить, проранжировав все типы отношений по их удельному весу от большего к меньшему. Одинаковая последовательность типов отношений у разных авторов позволила бы говорить о полном тождестве социально-психологических миров, отраженных в их баснях, обратная — о полной противоположности. В нашем же случае были получены следующие иерархии типов (табл. 3).

Таблица 3

Иерархические структуры типов отношений

автор	ранг								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Федр	3	2	4	1	9	6	8	7	5
Бабрий	6	4	2	3	7	1	9	8	5
Авиан	4	9	6	1	2	3	7	8	5

Иерархии Федра, Бабрия и Авиана не одинаковы, но и не противоположны. Для того, чтобы ориентировочно определить степень их сходства или различия, мы обратились к широко используемому в подобных целях коэффициенту ранговой корреляции Кендэла [13]. Этот коэффициент дает меру сходства двух ранговых последовательностей, принимая значение +1,00 в случае их полного тождества, приблизительно 0,00 — при их независимости и —1,00 — при полной противоположности. Промежуточные значения соответствуют разной по величине степени сходства или различия. Вычисляется данный коэффициент по формуле [14]:

$$\tau = \frac{P - Q}{{}^1/_2\,(n-1)\,n},$$

где n — количество рангов (в нашем случае $n = 9$), P — количество совпадений пар рангов двух последовательностей, Q — количество несовпадений пар рангов двух последовательностей.

Сопоставив между собой иерархические структуры типов отношений у Федра и Бабрия, Федра и Авиана, Бабрия и Авиана, мы получили следующие значения коэффициентов ранговой корреляции: $\tau_{(\text{Федр, Бабрий})} = +0{,}39$, $\tau_{(\text{Федр, Авиан})} = +0{,}33$, $\tau_{(\text{Бабрий, Авиан})} = +0{,}50$.

Как видим, все три значения τ больше нуля, что свидетельствует о преобладании тенденции к сходству иерархических структур баснописцев. Но наибольшее сходство характерно для структур Бабрия и Авиана, так как коэффициент корреляции в этом случае самый высокий, к тому же он значим на достаточно высоком уровне — вероятность его ошибки составляет менее 4%. И это понятно, если учесть, что Авиан — подражатель Бабрия и в значительной мере зависит от своего греческого предшественника,

[13] М. Кендэл, Ранговые корреляции, М., 1975.
[14] О технике вычислений см. Кендэл, ук. соч., стр. 9—14.

проявляя в то же время стремление к своеобразию и самостоятельности. Коэффициент корреляции Кендэла позволяет в этом случае говорить о 75-процентном сходстве [15] иерархий отношений в социально-психологическом мире Бабрия и Авиана. Это сходство становится еще более ярким и выразительным на фоне самого низкого ($\tau = 0{,}33$) и незначимого (вероятность ошибки очень велика, она составляет 13%) коэффициента корреляции между иерархиями отношений Федра и Авиана. Что касается сходства между Федром и Бабрием, то оно меньше, чем у Бабрия с Авианом ($\tau = 0{,}39$, вероятность ошибки меньше 10%), однако позволяет говорить о наличии некоторой тенденции к сходству, которое можно объяснить сравнительно небольшой удаленностью Бабрия от Федра во времени.

Таким образом, использование корреляционного анализа позволило нам определить степень совпадения иерархических структур типов межличностных отношений, отраженных в баснях Федра, Бабрия и Авиана, увидеть существенное и значимое сходство между Бабрием и Авианом и несомненно значительно меньшее — между Федром и Бабрием. Кроме того, при сопоставлении целостных иерархических структур поэтов ярче и выразительнее проявляются различия между ними, которые в своей совокупности дают ощущение своеобразия социально-психологической атмосферы каждого баснописца.

В басенном мире Федра царят покровительственные, милостивые и благосклонные отношения «высоких и сильных мира сего» к более низким и слабым, о которых они заботятся, которым оказывают помощь, которых милуют и награждают (тип 3). Или же эти доминирующие, обладающие властью субъекты просто существуют как правители и господа, цари, вожди и конкретные исторические личности, как носители спеси и тщеславия, не проявляя при этом ни положительных, ни отрицательных эмоций по отношению к своим подданным (тип 2). Наряду с этим, но в гораздо меньшей степени существуют в мире и отношения вражды, коварства, несогласия среди равных (тип 4) и карающе-наказующие отношения со стороны сильных (тип 1). Поклонение, заискивание и почитание по отношению к сильным (тип 9), дружба, товарищество и любовь равных (тип 6) не очень выделяются в атмосфере басен Федра, а нейтральные и отрицательные отношения к сильным сведены к минимуму (типы 8 и 7).

Социально-психологическая атмосфера басенного мира Бабрия характеризуется в первую очередь идиллическими отношениями дружбы, любви, товарищества, доброты и согласия между людьми (тип 6 — на него приходится каждое пятое-четвертое слово из всего количества отобранных для анализа существительных). Но этот мир и не бесконфликтен — соперничество, вражда и ложь (тип 4) также существуют в нем, хотя и в значительно меньшей мере. Что же касается отношений с позиции превосходства, то у Бабрия их намного меньше, чем у Федра, и отличаются они, главным образом, нейтральным характером — правители, вожди, цари, господа просто существуют (тип 2), а покровительство и благосклонность с их стороны (тип 3) встречаются в мире Бабрия еще в меньшей мере, нежели у Федра. Отрицательные отношения статусно-неравных людей (типы 7 и 1) и отношения заискивания и почитания (тип 9) Бабрием не акцентируются, что также позволяет говорить о тенденции Бабрия описывать мир людей в несколько идиллических тонах.

При всей близости Авиана к Бабрию его мир отношений несомненно отличается ярким своеобразием. В противоположность царственно-покровительственному миру Федра и идиллической атмосфере дружбы и равенства Бабрия Авиан рисует картину соперничества, вражды и обмана среди равных (рис. 4), почитания и заискивания перед сильными (тип 9 — у Авиана он встречается в два раза чаще, чем у Федра, и в четыре раза чаще, нежели у Бабрия). Но вместе с тем на эту гнетущую атмосферу вражды и обмана налагает свой отпечаток идиллический мир Бабрия — тип 6, занимающий у

[15] Величина τ равна разнице между вероятностью совпадения последовательностей каких-либо двух типов отношений и вероятностью их несовпадения в иерархических структурах различных авторов. В данном случае $\tau = 0{,}50$, это значит, что из всех возможных пар типов отношений последовательность этих типов совпала у обоих авторов в 75% и не совпала — в 25% случаев.

Бабрия первое место, у Авиана находится на третьем. Отношения же с позиции превосходства носят в первую очередь негативный (тип 1 — карающе-наказующие отношения), потом нейтральный (тип 2) и лишь затем милостиво-покровительственный (тип 3) характер, а отрицательные и даже нейтральные отношения к сильным (типы 7, 8), напротив, почти отсутствуют.

Итак, все это позволяет говорить об очевидных различиях в социально-психологической атмосфере басен поэтов, что обусловлено, возможно, и временным фактором. Если на хронологической линии Федр (I в. н. э.) — Бабрий (II в. н. э.) — Авиан (конец IV — начало V в. н. э.) проследить изменение удельного веса отдельных типов отношений, то можно обнаружить некоторые тенденции, а именно: в трех типах (2, 3, 8) происходит уменьшение их удельного веса, а в одном (тип 4) — его увеличение. Уменьшение приходится на покровительственные отношения и на нейтральные при статусном различии их участников, а увеличиваются отношения вражды и неприязни. С известной долей осторожности можно предположить, что эти тенденции обусловлены не только индивидуальным мироощущением баснописцев, но и социальными сдвигами, происходившими в Римской империи с I по V в. нашей эры. Эту картину можно было бы дополнить за счет изменений в остальных типах отношений, однако они носят более сложный характер и не позволяют сделать однозначных выводов.

Вместе с тем все вышеизложенное может, как нам кажется, служить в качестве аргументации для решения и некоторых специфических проблем, связанных с творчеством баснописцев.

В частности, своеобразие межличностных отношений, отразившихся в баснях Федра, могло бы, на наш взгляд, содействовать разрешению давнишней, но оставшейся не законченной дискуссии о революционности басен Федра [16]. Доминирование милостиво-покровительственных отношений при акцентировании статусного превосходства субъекта, создающее весьма радужный эмоциональный тон, и сведение к минимуму отрицательных (тип 7) и даже нейтральных (тип 8) отношений не свидетельствует о революционности настроения басен Федра.

Вторая проблема, в решении которой также могут помочь выводы исследования, состоит в ответе на вопрос: является ли творчество Авиана социально заостренным, а сам он выразителем народного протеста против социальной несправедливости, проти востоя в этом отношении Бабрию, идеология которого «чуждая и даже враждебная народу» [17]?

На первый взгляд может показаться, что картина социально-психологической атмосферы басенного мира Авиана свидетельствует в пользу положительного ответа на этот вопрос — действительно, самое большое количество словоупотреблений приходится у Авиана на отношения вражды, несогласия, соперничества и обмана (тип 4), удельный вес этих отношений составляет 21,7%. Это намного больше, нежели у Федра (13,6%), в баснях которого социальный протест звучит часто и в ярко выраженной форме. Однако можно ли безоговорочно считать данный тип отношений весомым критерием в пользу вывода о социальной остроте творчества поэта? На первый взгляд — да, ведь оно объемлет отношения вражды, ненависти, соперничества и несогласия, а что же еще может быть более ярким показателем этого? Но если пристальнее взглянуть на этот вопрос, и внимательнее, то дать однозначный ответ будет трудно. Напомним, что при анализе слов мы исходили из основной, первично закрепленной в них семантики и к 4-му типу отношений отнесли те лексические единицы, которые несут в себе информацию о *равенстве* предполагаемых партнеров по общению, а также те, которые нельзя вне контекста более или менее однозначно интерпретировать с позиций превосходства кого-либо из партнеров. Между тем у Авиана в отрицательных отношениях друг с другом преимущественно находятся персонажи статусно-равные, и это статусно-ролевое равенство представляется нам весьма весомым препятствием для суждения о социальной

[16] И. М. Нахов, Федр, в кн. «История римской литературы», под общей ред. Н. Ф. Дератани, М., 1954, стр. 396—406; Гаспаров, ук. соч., стр. 256—257.

[17] Е. М. Штаерман, Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1961, стр. 11; ср. другое мнение М. Л. Гаспарова (ук. соч., стр. 264).

заостренности творчества поэта, отсутствие информации о статусно-ролевых различиях — также. Однако в последнем случае остается возможность разных авторских интерпретаций слова, в конкретном контексте слова этого типа могут приобрести отсутствующую в их первичной семантике информацию о статусно-ролевых различиях, могут быть употреблены для передачи, скажем, вражды между статусно-неравными партнерами по общению. Действительно, слово «враг» может обозначать не только врага — иноземного захватчика или же личного неприятеля. Врагом может быть и богатый бедному, знатный незнатному, рабовладелец рабу и наоборот. Такого характера отношения соперничества, вражды, обмана свидетельствовали бы, конечно же, о социальной заостренности творчества поэта. Но есть ли они у Авиана? Такой ли смысл вкладывает баснописец в слова, отнесенные нами к 4-му типу отношений? Чтобы ответить на этот вопрос, мы проанализировали конкретное значение каждого из 23 словоупотреблений данного типа отношений в контексте басен. Оказалось, что даже при самой придирчивой оценке контекст позволяет говорить о неравенстве между партнерами только в двух случаях: в басне 42 волк пытается искусным *обманом* (стих 6) выманить козла из городских стен; в басне 26 коза просит льва, приглашающего ее спуститься со скалы, не посягать с помощью *коварства* (стих 8) на ее безопасность. Во всех остальных случаях контекст не дает оснований для вывода о неравенстве субъекта и объекта отношений, напротив, он либо четко указывает на их равенство, или на отношение субъекта к самому себе, либо не содержит информации о статусно-ролевых различиях. Так, *ненавистью* (басня 35, стих 4) преисполнена обезьяна к одному из своих близнецов; звон колокольчика обличает *подлость* (7, 18) собаки, исподтишка кусающей людей; преступным *обманом* (33, 11) обманулся жадный, разрезавший гусыню в надежде найти в ней много золотых яиц; волк поймался на *обман* (1, 11) кормилицы, грозившей младенцу, что выбросит его волку; страх перед львом не позволил быку вступить в *спор* (13, 8) с козлом. В басне 38 морская рыба предлагает вдруг возгордившейся речной оставить напрасный *обман* (стих 7). Врагом (30, 16) называет крестьянин хозяина наглой свиньи, опустошавшей, несмотря на все более жестокие кары, хозяйские посевы. Это же слово не несет социальной нагрузки и в басне 39, в которой идет речь о воине, сжигающем вместе с оружием, отнятым у какого-то убегающего *врага* (стих 4), сигнальную трубу. В *спор* и *ссору* вступают в баснях Авиана журавль и павлин (15, 3 и 4), Борей и Солнце (4, 2 и 5), ель и терновник (19, 2 и 3), все животные на суде перед Юпитером (14, 5); путешествуя вместе, ведут *спор* (24, 1 и 3), желая прекратить его наконец, лев и человек. Заметим попутно, что предметы этих споров, как правило, не носят социальной окраски, споры направлены на решение бытовых или узко индивидуалистических проблем: ель и терновник, павлин и журавль спорят о своей красоте; все животные перед Юпитером — о том, чье дитя лучше; Борей и Солнце — о том, кто из них первым добьется успеха в начинании; человек и лев — о том, кто из них имеет больше права гордиться. Контекстуальный анализ слов, составивших 4-тип отношений, не позволяет, таким образом, считать этот тип критерием в пользу вывода о социальной заостренности творчества Авиана. Поэт констатирует наличие в жизни вражды, соперничества и обмана между людьми вообще, а не между знатным и незнатным, сильным и слабым, богатым и бедным и т. п.

Не позволяет ответить положительно на вопрос о социальной заостренности творчества Авиана и очень высокий удельный вес отношений уважения, почитания и заискивания перед сильным со стороны более низких по статусу (тип 9). По удельному весу (20,8%) этот тип отношений сильно приближается к проанализированному выше типу 4, занимающему первое место в иерархии отношений Авиана. Он почти полностью исчерпывает отношения низших к высшим (типы 7, 8, 9) — на него приходится 82% словоупотреблений этих трех типов. Такое доминирование почитания, уважения и заискивания перед сильными придает картине социально-психологической атмосферы басен Авиана скорее примиренческий, нежели протестующий характер. Еще более рельефно этот примиренческий тон отсвечивает на фоне превалирования отрицательных отношений (тип 1) в группе отношений с позиции превосходства субъекта (типы 1, 2, 3).

Наконец, последним аргументом против вывода о социальной заостренности твор-

чества Авиана могут служить, на наш взгляд, результаты анализа авторской интерпретации рассмотренных выше отношений (типы 1, 4, 9) с точки зрения их истинности или ложности, соответствия или несоответствия должному. Из 60 словоупотреблений, приходящихся у Авиана на три рассмотренных типа, в пяти можно обнаружить наличие обусловленного контекстом расхождения между реальным и демонстрируемым или реальным и должным (нормативным) отношением партнеров по общению. Четыре случая расхождения между реальным и демонстрируемым отношением встречаются в типе 9. Это очень мало и нисколько не меняет общего примиренческого тона отношений. Если не учитывать эти четыре случая расхождений, то 9-й тип отношений все равно останется на втором месте в картине социально-психологической атмосферы басен Авиана, имея высокий удельный вес (17,1%). Один случай расхождения касается реального и должного отношения и встречается в типе 1. В типе 4 мы не нашли ни одного случая упомянутых расхождений. Столь небольшое количество расхождений свидетельствует, во-первых, о том, что Авиан относится к отображенным им межличностным отношениям как к истинно существующим, как к социальной реальности, а не как к социальной фикции — бутафории, фасаду отношений. Во-вторых, оно свидетельствует также о весьма безучастном, пассивно-созерцательном отношении поэта к данной реальности, поскольку расхождения между реальным и должным почти отсутствуют.

Итак, все проанализированные выше особенности социально-психологической атмосферы Авиана не позволяют характеризовать его как социально заостренного баснописца. В решении же вопроса о том, противостоит ли Авиан Бабрию и приближается ли он к Федру, неплохим аргументом, думается, могут быть коэффициенты ранговой корреляции между иерархическими структурами типов отношений у баснописцев. Напомним, что самое высокое и значимое сходство этих структур обнаружилось между Авианом и Бабрием, в то время как сходство между Авианом и Федром оказалось самым низким и незначимым.

Исследование, таким образом, привело к весьма интересным, на наш взгляд, результатам, позволив получить представление о некоторых сторонах социально-психологической атмосферы басен Федра, Бабрия и Авиана. Думается, что при использовании дополнительных социально-психологических параметров, а также при расширении материала для анализа (другие жанры, авторы, виды лексики) можно осветить и другие аспекты социальных отношений и тем самым глубже проникнуть в жизненную реальность античного общества.

М. И. Борецкий, А. А. Кроник

ATTEMPT AT A SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE ANCIENT LITERARY FABLE

M. I. Boretsky, A. A. Kronik

The authors examine some aspects of interpersonal relations in the ancient fable. Starting from the parameters used in social psychology (the valence of relationships and the status-role differences of the partners), the authors analysed substantives in the fables of Phaedrus, Babrius and Avianus which contain information about the nature of interpersonal relations. The distribution of words among nine selected types of relation enabled them to obtain a clear idea of the social-psychological atmosphere of each poet. Comparison of relation structures by Kendal's method of rank correlation made it possible to determine the degree of similarity between the fabulists. The results of their analysis are also, they think, helpful in solving some other problems connected with the work of the fabulists.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«ИЗ ИСТОРИИ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА»,

вып. 1, Горький, 1975, 116 стр.

В последние годы сложилась полезная традиция издания сборников статей крупнейшими вузами нашей страны. В течение последних десятилетий Уральский государственный университет публикует сборники «Античная древность и средние века», выходят в свет вузовские и межвузовские сборники в Казани, Перми, Саратове, Алма-Ате и многих других городах Советского Союза. Сборник «Из истории античного общества», изданный Горьковским государственным университетом, также представляет собой пример подобного межвузовского сборника. Авторы и редакторы поставили перед собой задачу: включить в этот сборник статьи по тем важнейшим вопросам социально-политической истории древней Греции и Рима, которые до сего времени не привлекали еще внимания советских историков.

Статьи сборника, посвященные исследованию греческой истории, можно разделить на две основные темы: межполисные отношения и структура власти единоличного правителя. В такой последовательности мы и будем их рассматривать.

В. М. Строгецкий в работе «Возникновение и структура Пелопоннесского союза» показывает, что ранние этапы истории союза, генезис принципов его внутреннего развития представляют не меньший интерес, чем периоды наивысшей активности этой коалиции, на которых обычно сосредоточено внимание ученых. Перед автором статьи стояла трудная задача: на основании крайне скудных источников установить время возникновения союза, его политическую направленность, статус союзников по отношению к Спарте, главе объединения, и друг к другу. Разделяя гипотезу о возникновении Пелопоннесского союза примерно в середине VI в. до н. э., В. М. Строгецкий анализирует элементы устройства коалиции — договоры, заключенные Лакедемоном с другими полисами, значение собраний союзников и степень влияния Спарты на их решения (стр. 7—15). Автор поднимает такие кардинальные для политической теории вопросы, как гегемония и автономия в рамках межполисного объединения. Он отстаивает трактовку ἡγεμονία как обозначения не только военной, но и политической коалиции, что важно для понимания последующей фазы развития Пелопоннесского союза и структур других крупных межполисных группировок. Несомненная заслуга В. М. Строгецкого — в постановке вопроса о составе спартанских союзников, выявлении причин их неоднородности и соответственно разной степени зависимости от Спарты (стр. 17).

Отмечая тщательность изучения проблемы и общую обоснованность выводов, нам все же хотелось бы сделать два критических замечания. Во-первых, не совсем ясно, что имеет в виду автор, когда утверждает, что «в Пелопоннесском союзе понятие автономии имело вполне реальный смысл» (стр. 16). Термин αὐτονομία появился в греческой политической фразеологии значительно позднее образования спартанской коа-

лиции [1]. У Геродота он встречается в контексте, не имеющем отношения к полисам, а у Фукидида нет ни одного упоминания об автономии спартанских союзников в исследуемый период [2]. Если автор все же считает возможным ставить эту проблему на основании косвенных данных, то последние нужно выделить более четко. Также необходимо раскрыть, что именно он понимает под αὐτονομία, так как понятие могло означать не только полный суверенитет государства, но и его подчиненность, особенно в межполисной коалиции [3]. Второе замечание относится к определению автором Пелопоннесского союза как симмахии гегемонистского типа (стр. 18). На наш взгляд, оно мало что дает без сопоставления с аналогичными или отличающимися по структуре объединениями полисов.

Статья *Н. Н. Гребенского* «„ΚΟΙΝΗ ΕΙΡΗΝΗ" и федеральное движение в Греции» затрагивает теоретические проблемы межполисных отношений. Состояние материала по данному вопросу делает решение автора подойти к изучению проблемы всеобщего мира (κοινή εἰρήνη) в целом, «к выяснению его исторической и правовой сущности» (стр. 20) и закономерным, и необходимым. Свою работу Н. Н. Гребенский начинает с рассмотрения Анталкидова мира как первого договора типа κοινή εἰρήνη; он справедливо подчеркивает его многосторонность, неограниченность действия, меры, направленные против нарушителей,— комплекс условий, ранее не применявшийся в договорной практике. Далее автор останавливается еще на шести договорах всеобщего мира и приходит к выводу о стабильности формы и идеи κοινή εἰρήνη.

Стремление Н. Н. Гребенского проанализировать правовую сторону политических актов по замыслу представляется плодотворным и перспективным, но сосредоточенность только на этой стороне проблемы и фактическое игнорирование исторического контекста в конечном итоге приводят лишь к простой фиксации определенного набора признаков, присущих серии многосторонних договоров. Остаются в стороне причины возникновения правового феномена, и его политический эффект, имеющий для историка первостепенное значение; ведь применение одних и тех же правовых норм на разных этапах исторического развития приводит к различным результатам, превращая их как в позитивный фактор, так и в негативный. В частности, Анталкидов мир не только яркое свидетельство развития межполисного права, но и юридическое закрепление раздробленности Эллады, политики уступок Персии и подавления полисов, проводимой Спартой [4]. Кроме того, нельзя обойти молчанием организационную слабость института κοινή εἰρήνη и его пропагандистский уклон, позволяющий крупным греческим государствам жонглировать лозунгом всеобщего мира в своих интересах [5]. Разумеется, в одной статье невозможно исследовать все аспекты проблемы, но необходимо хотя бы упомянуть о них, чтобы не создавать у читателей одностороннего восприятия темы.

Во второй части статьи, посвященной связи κοινή εἰρήνη с греческим федеральным движением, автор развивает положение о значении договоров всеобщего мира для образования и существования межполисных объединений, в том числе и Второго афинского морского союза. Этот тезис убедительно подкреплен источниками и может быть

---

[1] E. J. Bikerman, Autonomia. Sur un passage de Thucydide (I, 144,2), RIDA, 3-e ser., V, 1958, стр. 332—334.

[2] Термин αὐτονομία прилагается к ним только во время Пелопоннесской войны, но здесь он показывает результаты изменений в процессе этой войны (Thuc., IV, 86, 1; 87,5; 88,1; V, 77,5; 79,1).

[3] Bikerman, ук. соч., стр. 334 сл.

[4] Ксенофонт отмечал значительное превосходство, полученное Спартой благодаря Анталкидову миру (Xen., Hell. V, 1,36): пятая и шестая книги его «Греческой истории» достаточно убедительно подтверждают это.

[5] Ср. F. Adcock, K. Mosley, Diplomacy in Ancient Greece, L., 1975, стр. 150—151; S. Payrau, EIRHNICA. Considérations sur l'éches de quelques tentatives penhellehiques au IV-e siècle avant J.-C., REA, LXXIII, 1972, стр. 45 сл.; T. T. B. Ryder, Koine eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece, Oxf., 1965, стр. 87 сл.

принят в качестве существенного компонента для дальнейшего исследования основ крупных коалиций. Вызывает возражение другое: подход Н. Н. Гребенского к проблеме федераций в Греции. За автором остается полное право трактовать политическую историю Эллады как последовательное развитие и воплощение идеи федерализма и давать свою периодизацию данного развития [6], но все-таки следует принять во внимание, что вопросы, поднятые Н. Н. Гребенским, имеют первостепенное значение для понимания хода исторического развития Эллады, а выдвинутая им схема не является общепринятой. Поэтому гипотеза, предложенная автором, не может быть просто постулирована и нуждается в серьезных и разносторонних доказательствах, которых мы не находим ни в данной статье, ни в предыдущих печатных работах Н. Н. Гребенского [7].

Оценивая в целом статью Н. Н. Гребенского, мы считаем необходимым отметить в ней положительные факторы — важность и актуальность поставленных вопросов — и выразить несогласие с методом исследования. Принцип изоляции проблем ведет к их одностороннему и, в конечном счете, искаженному освещению, а отсутствие аргументации в тезисах, определяющих закономерности межполисной политики, делает их неубедительными.

Статья *Э. Д. Фролова* открывает вторую тему: характер власти единоличного правителя. Э. Д. Фролова интересует проблема единовластия — формы правления, получившей достаточно широкое распространение в Греции конца V — середины IV в. до н. э. и порожденной конфликтными социальными, экономическими и политическими ситуациями того времени. Изучение этой проблемы не только ценно для исследования типов государственного устройства древней Греции, но и восполняет существенный пробел в отечественной историографии. Рассмотрение сицилийского варианта тирании может способствовать более четкому определению характерных черт тирании и причин, определяющих ее специфику в каждом конкретном случае [8].

После подробного разбора оценок формы власти Дионисия в предшествующей литературе Э. Д. Фролов сосредоточивает свое внимание на внутренней структуре и внешнем оформлении власти сицилийского правителя. Тема конкретизируется им как анализ сочетания традиционных полисных элементов с принципиально отличными от них чертами другой политической организации — единовластного правления. Закономерности второй сицилийской тирании выявлены автором на протяжении относительно длительного периода пребывания Дионисия у власти. Э. Д. Фролов показывает, какие меры были приняты Дионисием для отдаления его от гражданского коллектива и возвышения над ним, для установления контроля над государством (стр. 36—38). Одновременно отмечается, что тиран был вынужден оформить свою власть в традиционной полисной форме (стратега-автократора и народного простата) и провести ряд мероприятий, по видимости подтверждающих его преданность демократии.

Наиболее интересна, на наш взгляд, часть статьи, в которой исследуется влияние тирании на гражданский коллектив, на формирование в нем новой прослойки граждан, отличающихся от основной массы не только социально, но и этнически, обязанных повышением своего статуса исключительно правителю (стр. 39—40), хотя степень перерождения гражданской общины несколько преувеличена. Впрочем, автор подчеркивает, что эта гипотеза нуждается в более основательных доказательствах, которые он надеется получить при исследовании процессов, протекавших внутри полиса, тогда можно будет выяснить принцип сочетания старых и новых черт и определить, какие из

---

[6] По мнению автора, федеральное движение проходит следующие этапы: полис, протосоюз, союз, конфедерация, федерация и унитарное государство. К последнему наиболее близко подходят Афинская архэ V в. и Беотийский союз после его демократизации (стр. 24).

[7] Н. Н. Гребенский, Элементы парламентаризма в конституции Второго морского союза, ВДИ, 1972, № 4; он же, Оппозиция афинских союзников (370—357 г. до н. э.), «Вестник ЛГУ», 1975, № 2, вып. 1, серия истории, языка и литературы.

[8] Тирания материковой Греции была в основном исследована Э. Д. Фроловым в его книге «Греческие тираны», Л., 1972.

них считать ведущими. Поэтому Э. Д. Фролов пока воздерживается от окончательной оценки власти Дионисия и ограничивается фиксацией ее двойственности: соединения особенностей «республиканского стратега-автократора и узурпатора-тирана» (стр. 42).

Статья *Г. С. Самохиной* «Деметрий — царь Македонии (294—288 гг. до н. э.)» по существу продолжает тему работы Э. Д. Фролова, но на другом историческом материале и в более поздний период. В преамбуле автор сообщает краткие биографические данные о Деметрии Полиоркете, сыне известного Антигона, и основные этапы его внешней политики, приведшей Деметрия на царский трон в Македонии. Далее Г. С. Самохина подробно останавливается на внешнем оформлении власти нового македонского правителя и влиянии на нее традиций малоазийского двора Антигона (стр. 47—50). В этих атрибутах автор видит проявление новых тенденций, несовместимых с прежними, характерными для предыдущих правлений.

Г. С. Самохина указывает, что инновации коснулись и самого характера власти, источники отмечают отдаление царя от народа, его неприветливость и недоступность, что способствовало непопулярности Деметрия в Македонии (стр. 50—51). Исследователь приходит к заключению о различии между «старомакедонским и новым, типично эллинистическим пониманием власти» (стр. 51). Сам вывод не вызывает возражений, но, на наш взгляд, в его доказательстве следовало бы больше внимания уделить взаимоотношениям царя и общества, сочетанию старых и новых элементов в государственной власти, нежели различию во внешних атрибутах этой власти. Второе замечание касается названия статьи «Деметрий — царь Македонии», которое определяет в основном статус Деметрия и носит слишком общий характер, что недостаточно точно передает тему исследования.

Статьи по истории Рима разнообразны по своему содержанию. Они касаются социальной и политической истории как самого Рима, так и его провинций, охватывая большой хронологический промежуток времени с эпохи ранней республики и вплоть до II в. н. э.

Привлекаемые в этих статьях сведения античных авторов, ирландские саги, эпиграфика Британии и другие источники позволяют говорить о широком использовании в работе всех имеющихся видов источников, что вполне отвечает уровню современной науки. Статья *О. В. Сидорович* «Социальный состав римского сената в период ранней республики» посвящена малоизученному вопросу в исторической и юридической литературе. Автор дает анализ терминов patres, conscripti, adlecti, pedarii, излагает многочисленные точки зрения, имеющиеся по этому вопросу в историографии начиная с середины XIX в. [9], заново пересматривает данные античных авторов — Ливия, Дионисия, Плутарха, Феста, правильно считая, что без анализа этих источников невозможно составить представление о социальном составе римского сената.

Статья интересна прежде всего тем, что автор не ограничивается изучением терминов, а использует их применительно к социальной истории раннего Рима. Анализируя термин patres, О. В. Сидорович справедливо считает, что patres, из которых первоначально состоял сенат, были главами правящих родов (стр. 55) и что термин patres появился раньше термина «патриций». Кроме того, по мнению автора, не все патриции были сенаторами. Большое внимание уделяется анализу термина conscripti, излагаются различные мнения в историографии по данному вопросу. Автор связывает появление этой категории сенаторов с процессом увеличения числа членов сената. В статье ставится также вопрос, к какому времени может относиться пополнение сената за счет conscripti, однако ответа на него не дается. Предположение о том, что в состав новых членов сената вошли как патриции, так и плебеи, также не является доказанным (стр. 58). Термин adlecti О. В. Сидорович относит к патрицианским, но не к плебейским родам, а плебеями считает педариев, ссылаясь на значение слова pedarius — «пеший». Основной вывод автора статьи сводится к тому, что сенат состоял из основного ядра patres и выборных conscripti, к которым относились как патрицианские adlecti, так

[9] Начиная с работы Ф. Хофмана (F. Hofman, Der römische Senat zur Zeit der Republik, B., 1847).

и плебейские pedarii. Отмечая новизну постановки вопроса в статье О. В. Сидорович, следует все же отметить недостаточно критический подход автора к сведениям античных авторов, и в первую очередь Ливия. Например, автор на веру принимает его сообщение о сенаторе-плебее Публии Лициннии Кальве и его поведении после захвата добычи в Вейях и др. Особенно затруднительным бывает положение автора, когда по одному и тому же вопросу античные историки высказывают различные мнения. В статье по ранней истории Рима, где источники так скудны и противоречивы, хотелось бы видеть источниковедческий анализ текстов.

В статье *Н. С. Широковой* «Социально-политическая организация сословия друидов» ставится вопрос о роли этой могущественной жреческой касты в жизни Галлии доримского и римского периодов. Автор, не ограничиваясь ролью друидов в религиозной жизни данного региона, ставит вопрос значительно шире: исследуется их роль как представителей могущественной организации, пользовавшейся в Галлии громадным влиянием. В статье хорошо представлен источниковедческий материал; анализируются сведения античных историков, выделяются среди них два направления. Первое — последователи традиции Посидония, к числу которых Н. С. Широкова относит Цезаря, Страбона, Диодора, Цицерона и ряд других. Сторонники второго направления, александрийского, в отличие от первого, дают необъективные сведения о жизни друидов, но много внимания уделяют описанию чудес, религиозных обрядов друидизма. Оригинальным является использование и такого источника, как древнейшие ирландские саги.

В статье дается критическая оценка разработки данной проблемы в зарубежной литературе. Автор правильно отмечает, что в советской историографии вопрос о роли друидов еще не получил освещения, а между тем он безусловно важен для изучения доримской Галлии. Интересен избранный автором аспект работы — социально-политический. Однако в статье речь идет скорее не о социально-политической организации сословия друидов, а о роли сословия друидов в социально-политической жизни Галлии, что не совсем одно и то же. Много внимания уделяет Н. С. Широкова анализу источников, посвященных вопросу о сходстве и различии бардов, прорицателей и друидов. Вполне допустимо предположение, что первоначально это была одна и та же категория лиц. В статье имеется ряд неточных формулировок, например: «греки александрийского периода» (стр. 70), «Законы Тиберия и Клавдия против друидов» (стр. 71). Надо ли друидов называть орденом (стр. 71),— ведь говоря о них, Цезарь употребляет термин disciplina (B. G. IV, 14,2). Имеется нечеткость в толковании самого термина «друиды». Автор определяет их как сословие, религиозный союз, корпорацию, сообщество жрецов, ассамблею. Ссылаясь на Страбона (IV, 4, 4), Н. С. Широкова называет друидов классом, хотя у античного автора говорится о группах и категориях. Не всегда точен перевод источника. На стр. 71 читаем «...орден не пополнялся по принципу наследственности, в него вступали по доброй воле...». Между тем текст Цезаря (B. G. VI, 14,2) не дает оснований для такого категорического утверждения: там сказано, что в орден по доброй воле вступали многие (sua sponte multi in disciplinam conveniunt). Несмотря на перечисленные неточности, статья Н. С. Широковой интересна по постановке вопроса, новизне привлеченных автором ирландских источников.

Тематически связаны включенные в этот сборник две статьи *М. С. Садовской* — «Походы Цезаря в Британию» и «Дислокация и этнический состав римских войск на территории вала Адриана в Британии (По данным эпиграфики)». Изучение Британии, мало исследованной в советской историографии римской провинции, помогло автору поставить ряд важных вопросов, относящихся к истории западных римских провинций. В первой статье М. С. Садовская вполне аргументированно выступает против мнения ряда ученых (Ч. Пирсон, Дж. Линдсей и др.), которые в качестве причины британских походов Цезаря выдвигают обстоятельства чисто субъективного порядка, как, например, стремление Цезаря продемонстрировать политическим противникам талант полководца. Автор рассматривает британские походы Цезаря в тесной связи с его галльскими «интересами», в чем она видит корни Британской экспедиции. Ведь именно в Британии обучались друиды, которые затем выступали в Галлии

против Цезаря, именно из Британии венеты получали вспомогательные войска для борьбы против Цезаря и т. д. Однако Цезарь не имел плана завоевания Британии, речь шла лишь о «разведке» положения. М. С. Садовская тщательно анализирует сведения античных авторов, в первую очередь Цезаря и Диона Кассия, источники, свидетельствующие об организации этой экспедиции, планах высадки римских войск в Британии, упорном сопротивлении местного населения.

Достоинством статьи является показ «британской» стороны событий: стремление местных племенных вождей заключить договор с Цезарем, пока у него дела шли хорошо и римское войско представляло реальную силу, с одной стороны, и нежелание бриттов считаться с требованиями Цезаря после гибели римского флота у берегов Британии,— с другой. Удачно показано также наличие социального расслоения бриттов, различные мотивы в поведении племенных вождей и рядовых членов племени (multitudo). М. С. Садовская излагает фактическую сторону первого и второго походов Цезаря в Британию, описывает, как шли события 55—54 гг. до н. э., каковы были размеры флота и войска римлян, «партизанскую» тактику ведения войны бриттами, меры, предпринятые римлянами с целью расколоть лагерь противника и посеять вражду между племенами бриттов, и т. д. Однако такой уникальный источник по данному вопросу, как записки Цезаря о Галльской войне, оказал влияние на автора, который иногда принимает интерпретацию фактов, предложенную самим Цезарем. С другой стороны, автор ставит очень интересный вопрос о степени романизации Британии, но ответ на него дает в одной лишь фразе и в слишком категоричной форме. Между тем он нуждается в специальном рассмотрении.

Во второй статье тот же автор ставит своей задачей изучить на основе эпиграфических памятников, каковы были дислокация и этнический состав римского войска в Британии. М. С. Садовская отмечает, что в английской историографии по данному вопросу имеется существенный пробел: мало используются данные надписей. В 1965 г. в Оксфорде издан первый том лапидарных надписей римской Британии, включающий около 2400 эпиграфических памятников. Данные источники, собранные и изданные Р. Коллингвудом и Р. Райтом, послужили основной для изучения М. С. Садовской вопросов, связанных с историей римской армии в Британии. В статье дается подробная характеристика этого издания и включенных в него надписей. Автор использует посвящения тем или иным божествам для определения этнического состава воинов, однако справедливо отмечает, что поклонение тому или иному местному богу еще не свидетельствует о национальной принадлежности адепта этого культа. Изучая надписи вала Адриана и их локализацию, автор приходит к важному выводу о том, что «римские легионы не территории вала Адриана не занимали какого-то определенного района, их отряды постоянно перемещались, часто объединялись для совместных действий» (стр. 106).

В статье анализируются также надписи солдат вспомогательных войск (auxilia). Интересен материал, свидетельствующий о большом проценте германцев в британских войсках (из племен нервиев, фризов, батавов, тунгров, вангионов). В эпиграфических памятниках Британии встречается много имен германского происхождения, например Грат, Виномат, Трумпон, Венокар и др. На основании данных эпиграфики М. С. Садовская считает также возможным сделать вывод о длительном пребывании когорт германцев в районе вала Адриана в Британии. Войска из даков, галлов, фракийцев были гораздо малочисленнее, чем германцев.

Таким образом, все статьи сборника, по разнообразию тематики и сложности затронутых проблем, стоят на уровне современной науки. Издание подобной работы несомненно полезно всем занимающимся античной историей и поможет углубленному изучению студентами кардинальных проблем истории древней Греции и Рима. Было бы чрезвычайно желательно, чтобы выпуск 1 положил начало серии «Из истории античного общества», издаваемой Горьковским государственным университетом им. Лобачевского.

Е. С. Голубцова, В. И. Исаева

В. М. МАССОН, Экономика и социальный строй древних обществ (В свете данных археологии), Л., «Наука», 1976, 191 стр. с илл.

Заметно усилившийся за последние годы среди археологов интерес к теоретическим и методологическим проблемам — прямое отражение назревших потребностей этой науки. Весьма отрадно, что этот интерес стал проявляться во все более осязаемых формах — в виде докладов, статей, публикаций и монографий. Среди самых последних изданий подобного рода можно назвать «Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований» [1], «Анализ археологических источников» И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера (М., 1975), «Историзм археологии: методологические проблемы» (М., 1976) и др. К их числу принадлежит, безусловно, и рецензируемая монография.

Работа В. М. Массона представляет собой квинтэссенцию основных проблем археологической науки: предмет археологии, методика исторических интерпретаций на основе вещественных находок, реконструкция древних социальных и хозяйственных систем, ремесел, торговли, идеологических воззрений и т. д. Хронологические рамки книги — от палеолита до сложения раннеклассовых цивилизаций; территориальные — «первичные» очаги производящего хозяйства в Старом и Новом Свете: Ближний Восток, Индия, Китай, Мезоамерика, Перу и др.

Широкий диапазон проблем, затрагиваемых в монографии, относится к числу ее несомненных достоинств. Освещая почти все важнейшие теоретические и методологические вопросы современной археологии, она дает повод для большого и принципиального разговора по основным проблемам этой науки. Ценно, на мой взгляд, и то, что в данном случае мы имеем дело с единой системой взглядов о д н о г о исследователя на сумму проблем в области теории и методологии археологии.

Монография состоит из введения, восьми глав и заключения. В первой главе — «Социологические исследования в археологии» — ставится вопрос о предмете археологии. В. М. Массон следующим образом формулирует свою точку зрения: «Предметом археологии... является изучение закономерностей развития объектов материальной культуры и различных структур человеческого общества, нашедших отражение в этих объектах» (стр. 11). Таким образом, автор рассматривает археологию как многогранную науку о древности человечества, изучающую все стороны жизни конкретных обществ докапиталистических формаций на основе специфических археологических (вещественных) источников. В области методологии археологической науки В. М. Массон справедливо подчеркивает, что для археологии, как и для других гуманитарных наук, «теорией высшего разряда» является исторический материализм. Что же касается самих археологических источников, то он выделяет на уровне их интерпретации две отдельные области: этнокультурную и социологическую. «К сфере социологической интерпретации,— пишет В. М. Массон,— следует отнести вопросы реконструкции экономических, общественных, идеологических структур древних обществ, производимых на основе археологических материалов как в плане определения общих закономерностей, так и частных явлений и процессов» (стр. 12). Важнейшими составными частями древних обществ являются «м а т е р и а л ь н о е п р о и з в о д с т в о как основа их жизнедеятельности и о б щ е с т в е н н ы е о т н о ш е н и я, благодаря которым общество функционирует как единый организм» (стр. 13).

Характер материального производства — один из основных объектов исследования советских археологов — довольно хорошо улавливается на археологическом материале и обычно всегда находится в центре внимания современных исследователей. Вместе с тем вполне уместно здесь замечание В. М. Массона о том, что, «реконструируя древние хозяйственные системы, следует их рассматривать не только как своего рода технологические комплексы, но и в тесной связи с производственными отношения-

[1] Материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Тезисы докладов. Л., 1975.

ми, без которых их функционирование не может быть правильно понято» (стр. 19). Гораздо сложнее воссоздаются по данным археологии общественные отношения древности. Автор, как и большинство других исследователей, исходит здесь из анализа таких видов археологических источников, как древние поселения и могильники.

Во второй главе — «Добыча и производство продуктов питания» — рассматриваются вопросы хозяйственной деятельности древних обществ. Особое внимание в этом разделе уделяется проблеме происхождения и развития производящих форм хозяйства — земледелию и скотоводству в первичных очагах раннеклассовых цивилизаций: Ближний Восток в Старом Свете и Мезоамерика — в Новом. В целом проблема так называемой «неолитической революции», специалистом в области которой является и сам В. М. Массон [2], освещена в книге вполне убедительно и широко. Однако нельзя не отметить, что некоторые высказывания автора носят спорный характер. Так, он считает, что на Ближнем Востоке при переходе от охотничье-собирательского хозяйства к земледелию и скотоводству не было существенных климатических сдвигов и соответственных изменений во флоре и фауне (стр. 49). Вместе с тем здесь, видимо, следовало бы сказать о существовании и другой, вполне обоснованной точки зрения в пользу того, что такие климатические изменения имели место на Ближнем Востоке (например, результаты пыльцевых анализов из пещеры Шанидар, отложений озера Зерибар и т. д. говорят о возросшей сухости климата в послеледниковое время) [3].

Не приходится спорить с выводом автора о необходимости использования при реконструкции древних хозяйственных систем, в частности земледелия, всех доступных видов источников, их взаимной корреляции (стр. 47). В. М. Массон дает и свою классификацию земледельческих систем, выделяя среди них следующие виды земледелия: предирригационное, поливное, подсечно-огневое, неполивное средиземноморского типа, земледелие, основанное на клубневых и корневых растениях (стр. 48). Особый интерес в силу своей необычности представляет подсечно-огневое земледелие тропической зоны. Ссылаясь на его экстенсивность и малую продуктивность, многие зарубежные исследователи отрицают возможность того, что такое земледелие могло послужить экономической базой для появления раннеклассовых цивилизаций (майя) [4]. В. М. Массон решительно выступает против этого. «Из других агрикультурных систем древности, — пишет он,— интерес представляет подсечно-огневое земледелие тропической зоны, на основе которого сложились мезоамериканские цивилизации... Используя четкий агрокалендарь, исключительные достижения селекции и систему мильпа, древнее земледелие Мезоамерики давало наибольший эффект на единицу труда» (стр. 55). Здесь следовало бы лишь добавить, что подсечно-огневое земледелие (система «мильпа») было отнюдь не единственной хозяйственной системой древней Мезоамерики. В ряде областей Мексики (долина Мехико, Оахака, Пуэбла) существовали такие формы интенсивного поливного земледелия, как каналы, «чинампы» («плавучие сады»), система сообщающихся колодцев типа среднеазиатских «кяризов», система «высоких полей» (ridged-fields). Причем последняя разновидность интенсивного земледелия отмечена теперь и для зоны тропических лесов (культура майя) [5]. Сюда следует еще добавить земледельческие террасы в горных и предгорных районах Мезоамерики [6], и тогда общая картина земледельческого потенциала древних цивилизованных народов Нового Света получит необходимую завершенность и полноту.

Следующая глава носит название «Древние промыслы и ремесла». Автор дает общее определение различных уровней развития ремесла в древности (домашние промыслы и специализированные, профессиональные ремесла), намечает методы его исследования на археологическом материале и выделяет три основных этапа в истории раз-

[2] В. М. Массон, Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии, «Вопросы истории», № 6, 1970.

[3] G. Clark, World Prehistory. A New Outline, Cambr., 1969, стр. 76—78.

[4] W. Sanders and B. Price, Mesoamerica, N. Y., 1968, стр. 10.

[5] A. Siemens and D. Puleston, Ridged Fields and Associated Fiatures in Southern Campeche, «American Antiquity», v. 37, № 2, 1972, стр. 229.

[6] O. Cook, Milpa Agriculture, «Annual Report of the Smithsonian Inst.», Washington, 1921, стр. 317.

вития ремесла в раннеземледельческих общинах Средней Азии и Ближнего Востока (стр. 59, 61). Первый этап — архаический, время господства домашних промыслов и производств. Второй отмечен появлением большого числа высококачественных изделий, характер изготовления которых носит явные черты профессионализма. Это — этап «домашнего», или «первобытного», ремесла. В. М. Массон дает ему вслед за С. Н. Бибиковым название «общинное ремесло». Для данного этапа характерно выделение домов-мастерских, принадлежавших общинным ремесленникам, выделение особых производственных участков на поселении, появление мастеров-профессионалов (погребение ремесленников) и т. д. (стр. 63, 65). «Наконец, на третьем этапе происходит отделение ремесла от земледелия, второе крупное общественное разделение труда»; специализация ремесел, сложение крупных производственных центров, наличие кварталов ремесленников на поселениях и т. д. (стр. 67).

Весьма интересны заключения автора и о социальной сущности происходивших в ремесле процессов и явлений в эпоху цивилизации. «В небольших городах,— подчеркивает он,— гончарством занимались немногочисленные группы ремесленников, связанных кровнородственными узами. Обычно это было несколько родственных семей, во главе которых стоял старший из родичей, продолжавший линию предков гончаров по мужской линии... С выделением ремесла в самостоятельную отрасль появляются божества-покровители новых обособившихся профессий» (стр. 68). Данные положения можно подкрепить ссылками и на материалы других раннеклассовых обществ: города нахуа и майя в Мезоамерике [7], города-государства йорубов в Тропической Африке [8] и др.

Мне представляется, что в целом автор создал вполне убедительную картину развития ремесел в древнем обществе, хотя, возможно, несколько преувеличил степень их сложности и ту роль, которую они играли в экономике в с е г о раннего государства. При зарождении цивилизации действительно появляется специализированное профессиональное ремесло, но обслуживает оно т о л ь к о нужды храма и дворца (т. е. правящей верхушки) и концентрируется главным образом в крупных городских центрах. В сельских же общинах картина была совершенно иной. Поэтому отделение ремесла от земледелия хотя и имело место в раннеклассовых обществах Ближнего Востока, но произошло оно лишь ч а с т и ч н о, не затронув основ экономики замкнутых сельских общин, на что справедливо указывал в свое время К. Маркс [9]. Можно привести и другие подобные высказывания: «Древнейшие города Южного Двуречья... Египта и др. первоначально были лишь административными и религиозными центрами древних общин... По мере дифференциации ремесла (обработка металлов, строительство и т. д.) древневосточный город становится местом средоточия ремесленников, обслуживавших главным образом нужды царя, храма, знати, а также торговым центром. Однако поскольку отделение ремесла и торговли от земледелия находилось в зачаточном состоянии, древневосточный город на всем протяжении своей истории продолжал оставаться в первую очередь религиозным центром, крепостью и резиденцией царя» [10].

Видимо, чувствуя некоторую шаткость тезиса о полном отделении ремесла от земледелия на древнем Востоке, В. В. Массон иногда оговаривает свое же слишком категорическое высказывание. «И можно заключить,— пишет он, — что общественное разделение труда здесь в яркой форме проявилось лишь в крупных центрах» (стр. 70).

Четвертая глава — «Обмен, торговля и первобытные деньги» касается вопросов торгово-денежных отношений в древних обществах. Пятая глава называется «Вопросы палеодемографии и палеоэкономики». Большое значение комплексного подхода при анализе хозяйства древних обществ, и в частности палеоэкономического анализа в ар-

---

[7] Ю. В. К н о р о з о в, Иероглифические рукописи майя, Л., 1975, стр. 229—230, 251.

[8] Н. Б. К о ч а к о в а, Города-государства йорубов, М., 1968, стр. 88—95.

[9] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 46, ч. I, стр. 470 сл.

[10] Советская историческая энциклопедия, т. 4, М., 1963, стр. 546.

хеологии, сегодня безусловны [11]. Мне представляется, однако, что термин «народное хозяйство древних обществ», используемый В. М. Массоном, не совсем удачен. Весьма важный вывод автора связан с методикой применения этнографических параллелей (аналогий) к данным археологии. «...Главным условием использования аналогии в археологии,— пишет В. М. Массон,— является принадлежность рассматриваемых обществ к одному культурно-хозяйственному типу с близким уровнем развития и сходной экологической ситуацией» (стр. 99). Не приходится спорить и с тем, что при оценке производственных возможностей древних обществ помимо метода этнографических и исторических аналогий немалая роль принадлежит экспериментальным изысканиям, когда изучается и производительность отдельных орудий, и весь производственный цикл (работы С. А. Семенова и др.). Много внимания уделяется в работе В. М. Массона и палеодемографическому анализу. Автор приводит целый ряд методических приемов, с помощью которых археолог с большей или меньшей степенью точности может определить численность древнего населения на исследуемом памятнике. Бесспорно, наиболее надежный из этих методов тот, что базируется на сплошном вскрытии одного или нескольких поселений с установлением плотности застройки, характера и размеров исходных жилых помещений (дома, рассчитанные на малую семью или на большесемейную общину и т. д.) и на дальнейших расчетах снизу вверх от низовой ячейки к региону в целом (стр. 101).

К этому можно добавить, что при подсчетах числа жителей древнего поселка необходимо, во-первых, знать примерное количество одновременно существовавших домов в каждый хронологический период и, во-вторых, исходя из размеров и общего характера типичного жилого дома, подобрать ему точную этнографическую параллель, чтобы получить средние размеры семьи, живущей в каждой такой постройке. Это, например, с успехом сделано уже при исследовании жилых комплексов некоторых городов древних майя (Тикаль, Цибильчальтун и др.) I тыс. н. э. [12] Есть там и почти полностью исследованные памятники, где зафиксированы все синхронные постройки (Майяпан) и прекрасные этнографические параллели с теми группами индейцев майя, которые во многом сохранили еще свою самобытную культуру и социальную организацию (чортй в Гватемале, цоциль и цельталь в Мексике).

В то же время для Ближнего Востока ситуация выглядит далеко не столь перспективно. Так, имеющие широкое хождение (и упомянутые, кстати, в книге В. М. Массона) показатели средней плотности населения в древневосточных городах — 400 человек на 1 га, взятые из работ известного американского ориенталиста Г. Фрэнкфорта, на поверку оказываются ничем не подкрепленными. Единственное основание для их появления, как указывает сам Г. Фрэнкфорт,— это наличие такой плотности в современных городах архаичного облика из того же региона (Дамаск, Алеппо и др.) [13]. Здесь, на мой взгляд, нарушено главное требование отбора этнографических и исторических аналогий, на котором настаивает сам В. М. Массон, а именно: сравниваемые социально-экономические структуры должны быть абсолютно однотипными. Большинство советских исследователей четко разделяют формационную принадлежность восточного города в эпоху древности и в эпоху средневековья, не говоря уже о современности. Кроме того, упомянутые города принадлежат не только типологически разным обществам, но и разным этносам.

Некоторые колебания допускает автор и при оценке общего уровня развития земледельческих общин Южной Туркмении во II тыс. до н. э. «...В Южной Туркмении — пишет В. М. Массон,— в слоях начала II тыс. до н. э. на поселении Алтын-Депе был открыт комплекс монументальных сооружений, весьма характерный для уровня развития, достигнутого этой *раннегородской цивилизацией* (курсив мой.— *В. Г.*)»

---

[11] С. Н. Бибиков, Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья, СА, 1965, № 1.

[12] W. Haviland, Ancient Lowland Maya Social Organization, «Middle American Research Institute Publication», № 26, New Orleans, 1970, стр. 93—119.

[13] H. Francfort, Town Planning in Ancient Mesopotamia, «Town Planning Review». v. 21, Liverpool, 1950, стр. 102—103.

(стр. 108). В другой своей работе [14] автор более осторожно оценивает памятники типа Алтын-Тепе и Намазга-Тепе, относя их к протогородской цивилизации.

В рецензируемой работе есть место, где автор говорит лишь о процессе формирования города и цивилизации в данном регионе (стр. 146). Мне представляется, что для Южной Туркмении II тыс. до н. э. лучше всего говорить именно о «формативном периоде», о процессе формирования города и видеть в поселениях типа Алтын-Депе крупные племенные центры с зарождающимися городскими функциями, т. е. протогорода. Что же касается объема затрат труда при сооружении некоторых монументальных построек общественного назначения, то данный критерий не всегда четко указывает на государственный уровень развития. Есть немало археологических и этнографических примеров, когда общества явно еще доклассовые, доцивилизованные возводили гигантские сооружения: фигурные холмы-«маунды» североамериканских индейцев, каменные пирамиды Центральной Мексики, искусственные платформы-плато для размещения поселений в пойме рек у ольмеков Южной Мексики и т. д.[15]

Очень интересна глава шестая — «Планировка жилищ и вопросы общественной эволюции». Автор четко выразил здесь получивший за последнее время общее признание тезис, что жилища, поселения — наилучший источник по истории общественных отношений древних племен и народов. Комплексный подход к изучению жилищ, рассмотрение их как части общей реконструируемой картины древнего общества одновременно с анализом экономики, этнической традиции и т. д. позволяют получить данные: *а*) о величине общественных организмов; *б*) об уровне благосостояния; *в*) о характере хозяйственной организации (стр. 111). Вывод автора о распространении на определенном этапе развития некоторых оседлых земледельческих обществ Средней Азии многокомнатных жилых массивов (стр. 120) может быть подкреплен аналогичными примерами в раннеклассовых государствах Мезоамерики (Теотихуакан) и Тропической Африки (йорубы).

Следующая глава — «От охотничьих стоянок к древним городам» дает динамику развития древних поселений от самых ранних их истоков до сложения городских центров. Несомненны заслуги советских археологов в изучении древних жилищ и поселений (открытие жилищ эпохи палеолита, трипольские поселения и т. д.). Но вместе с тем не секрет, что за последние годы интерес к методике исследования поселений, к социологической их интерпретации в ряде случаев несколько понизился. Поэтому весьма актуально звучит высказывание В. М. Массона о необходимости применения на практике трехступенчатого метода работы: анализ отдельных конкретных жилищ и других построек, изучение поселения как единого целого и, наконец, третий весьма важный момент — исследование системы поселений определенного района (стр. 130). Причем здесь особую роль приобретает целенаправленная археологическая разведка, сплошное обследование всего района с выявлением синхронных памятников. Для большинства археологов разведка и поныне остается лишь методом, с помощью которого пытаются найти наиболее перспективный объект для последующих стационарных раскопок. Между тем археологическая разведка, широкие обследования определенных территорий — это и надежное средство для решения многих важнейших исторических проблем: эволюция и иерархия поселений в данном районе, палеодемографические расчеты и т. д. О больших потенциальных возможностях подобного подхода свидетельствуют результаты недавних исследований Р. Мак Адамса в районе шумерского Урука [16].

Автор уделяет много внимания и сложному процессу формирования городов на основе поселений предшествующей раннеземледельческой эпохи. Город, согласно В. М. Массону, определяется тремя признаками: населением свыше 5000 человек, мо-

[14] В. М. Массон, Протогородская цивилизация юга Средней Азии, (СА-3), 1967, стр. 176—187.

[15] M. D. Coe, Amerika's First Civilization, N. Y., 1969.

[16] R. McAdams and H. Nissen, The Uruk Countryside, Chicago — London, 1972.

нументальной архитектурой (светской или религиозной) и наличием производственных ремесленных центров (стр. 144). Особое значение придается при этом ремеслу. Автор тщательно прослеживает постепенную эволюцию ремесленного производства на поселениях от времен «неолитической революции» до сложения городов.

Мне представляется, однако, что роль ремесла и торговли в процессе возникновения и развития древнейших городов, будь то на Ближнем Востоке, в Мезоамерике или Средней Азии, несколько преувеличена автором. Древнейшие города сложились на базе сравнительно слабо развитой техники и экономики раннеклассовых обществ эпохи неолита и бронзы. Основным конституирующим элементом их населения в большинстве случаев были представители господствующих классов и государственной власти, жившие за счет эксплуатации зависимого земледельческого населения. Наибольших размеров достигали обычно города, бывшие крупными политико-административными и религиозными центрами. Ремесло и торговля начинают играть все большую роль в этих древнейших городах лишь на последующих этапах развития [17]. Главными же функциями раннего города были политико-административная и культовая. Но именно они-то у нас часто недооцениваются.

Что касается общего определения понятия «город» для эпохи раннеклассовых государств, то наиболее удачным представляется определение И. М. Дьяконова: «Город в рассматриваемое время является центром тяготеющей к нему населенной округи: город — центр округи в хозяйственном отношении...; город — центр округи в политическом отношении как средоточие иерархии общинных органов самоуправления и как резиденция государственной администрации; наконец, город — ее центр в идеологическом отношении» [18]. Ремесло и торговля существовали и в этих ранних городах, но профессиональные ремесленники и торговцы обслуживали почти исключительно нужды царского двора и храмов.

Значительные трудности вызывают у специалистов и поиски «археологических критериев» древнего города. Выше были приведены три таких признака из рецензируемой работы В. М. Массона. Однако два из них — численность населения свыше 5000 человек и наличие «мощных производственных центров» — в археологической практике улавливаются с большим трудом. На мой взгляд, можно привести следующие критерии города, достаточно хорошо прослеживаемые на археологическом материале: появление дворцовых комплексов — мест обитания правителя и его двора, появление монументальных храмов и святилищ, выделение тем или иным способом (стена, ров, «акрополь» и т. д.) важнейших дворцово-храмовых сооружений из общей массы жилых построек и размещение их в «престижной зоне» — в центральной части поселения, наличие пышных царских гробниц, неприкладное искусство, письменность (эпиграфика). Однако при всем этом следует помнить, что появление города — результат сложных исторических процессов, протекавших внутри древнего общества, в социально-политической, экономической и идеологической сферах его жизни и далеко не всегда находивших прямое отражение в археологических находках.

Заключительная глава монографии — «Погребальные обряды и социальная стратификация древних обществ» — посвящена социологической интерпретации погребальных обрядов. «Два важнейших фактора — этнические особенности и общественные отношения,— пишет В. М. Массон,— воздействуют на формирование идеологических представлений. В свою очередь через идеологию происходит формирование традиций погребальных ритуалов, от которых в археологической практике сохраняются такие вещественные явления, как способ погребения, могильное устройство, погребальный инвентарь, а также остатки тризн и жертвоприношений» (стр. 149). Погребальные обряды довольно четко отражают социальное положение умерших и поэтому являются надежным источником для всевозможных социологических реконструкций.

---

[17] Исторический очерк развития города, БСЭ, т. 73, 3-е изд., М., 1972, стр. 114.

[18] И. М. Дьяконов, Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (По материалам Ура), в кн. «Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.)», Ереван, 1973, стр. 31.

В качестве личного вклада в такого рода реконструкции автор предлагает набор признаков, позволяющих выделить из группы погребений знати царские захоронения. «С нашей точки зрения,— пишет он,— царскими следует называть погребения лиц, занимавших высшее положение в социальной иерархии изучаемого общества, характеризуемые наличием богатого инвентаря, массовых человеческих жертвоприношений и монументальностью сооружения» (стр. 169). В. М. Массон подчеркивает, что только наличие всех этих признаков в комплексе позволяет уверенно говорить — царское это погребение или нет. Важная роль отводится им и количественным показателям — например, количеству трудовых затрат для сооружения погребального комплекса царя.

В целом такое определение царских гробниц — одного из важнейших показателей зарождения государственности и цивилизации в данном обществе — вполне приемлемо. Однако вместе с тем оно требует, на мой взгляд, некоторых уточнений. Дело в том, что массовые человеческие жертвоприношения при захоронении умершего царя отмечены далеко не во всех раннеклассовых обществах: у майя в I тыс. н. э. есть ряд явно царских погребений — либо вообще без человеческих жертв, либо с очень небольшим их числом (менее 10 человек) [19].

Сильно разнится от региона к региону и количество трудовых затрат на сооружение царских гробниц. Очевидно, в каждом конкретном раннеклассовом обществе были свои устойчивые признаки царских захоронений. И задача исследователя состоит в том, чтобы «спроецировать» свет письменной традиции (и данных этнографии) на археологические находки и выявить эти признаки. К сказанному В. М. Массоном (богатый инвентарь, монументальность сооружения, человеческие жертвоприношения и т. д.) я могу добавить еще — выбор особого «престижного» места для погребения, особый характер погребального сооружения по принципу: «гробница царя — копия его дворца», особый заупокойный ритуал и т. д.

Приведенные выше замечания не снижают общего положительного впечатления от монографии В. М. Массона, представляющей собой заметное явление в историографии советской археологии. Она создает хороший прецедент для широкого и творческого обсуждения давно назревших и важных проблем археологической науки.

В. И. Гуляев

[19] A. Ruz Lhuillier, Costumbres funerarias de los Mayas antiguos, Mexico' 1968.

Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen, hrsg. von J. Hermann und I. Sellnow, Akademie-Verlag, Berlin, 1975, 322 стр.

Рецензируемая книга представляет собою публикацию докладов, прочитанных на состоявшейся в Берлине в ноябре 1973 г. конференции, организованной Центральным институтом древней истории и археологии Академии наук ГДР. Том состоит из двух частей: «Народные движения и классовая борьба в развитии общества» и «Роль народных масс в идеологии и культуре». В настоящей рецензии мы остановимся только на докладах, посвященных античному миру [1].

[1] Помимо вступительного слова, произнесенного проф. И. Херманном, сборник содержит следующие статьи: *И. Селнов* «Преодоление традиций первобытного общества в процессе возникновения государства на примере южноафриканских племен Банту», *С. Грунтер* «Некоторые замечания о социальных движениях в Египте в конце Древнего царства», *Р. Циме* «К соотношению племя — властитель в восточнотюркском государстве VI — VIII вв.», *Г. Фрейданк* «Роль переселенных в среднеассирий-

Связанные с темой конференции теоретические вопросы сформулированы в вводной статье *И. Херманна* «Роль народных масс в историческом прогрессе при докапиталистических общественных формах. Проблемы и исследования». Автор начинает с возражения тем историкам, которые видят движующую силу исторического процесса в «элите», элиминируя народные массы, т. е. трудящихся, эксплуатируемых производителей общественного богатства, характер и положение которых в каждый исторический период определяются делением общества на классы и основными линиями классовой борьбы. Возражает он и тем, кто, признавая для рабовладельческого общества класс рабов необходимой его основой, без которой оно не может функционировать, все же отводит творческую роль только правящему классу, создающему культуру и такую организацию общества, которая определяет его функционирование и развитие. И. Херманн подчеркивает, что в полной мере роль народных масс проявляется только в пролетарской революции, но вместе с тем она была весьма существенна в каждом социальном организме, основанном на производительной деятельности масс и определявшемся его классовой структурой и классовыми антагонизмами. Автор говорит о неправомерности точки зрения, согласно которой в докапиталистических формациях классовая дифференциация была слабо развита, отступала на задний план по сравнению с делением общества на касты, сословия и т. п., а народные движения носили характер изолированных восстаний, скорее тормозивших, чем стимулировавших развитие общества, поскольку идеалы повстанцев обычно лежали в прошлом и часто выступали в религиозной оболочке. Конечно, замечает он, народные движения в те времена не могли ставить себе целью переустройство общества на какой-то научной базе, но субъективные цели повстанцев не должны затемнять объективные результаты их борьбы — разрушение социальных структур и органов власти старых обществ в ходе чрезвычайно длительных революционных процессов. Иногда народные движения не вели к коренному переустройству общества, но ускоряли шедшие в нем эволюционные изменения, а иногда приводили к изменению классовых отношений. В качестве одного из примеров результата борьбы народных масс И. Херманн приводит конституирование античной формы собственности и развитого рабства в Греции и Риме в связи с победами демоса и плебса. Следует заметить, что в советской историографии этот факт уже отмечался, и тем более важно, что он признан и античниками ГДР. Особенно подробно И. Херманн останавливается на очень важных и недостаточно разработанных, с его точки зрения, проблемах взаимоотношения римлян и покоренных ими обществ, осно-

---

ском государстве», *К. Бернхардт* «Революционные народные движения в доэллинистической Сирии и Палестине», *Ф. Альтхейм* и *Р. Штиль* «Положение крестьян при поздних Сасанидах», *Г. Бокиш* «Роль народных масс в возникновении раннего полиса XII — VIII вв.», *Г. Аудринг* «Исторические свершения аттического крестьянства», *П. Олива* «Вопрос об илотах в истории Спарты», *Б. Цухольд* «Римские крестьяне в 200—133 гг. до н. э.», *И. Хан* «Классовая борьба городского плебса в последние десятилетия римской республики», *Л. Якоб* «Восстания и народные движения в изображении Аммиана», *Б. Крюгер* «Борьба за свободу германских племен в период римской агрессии в 12 г. до н. э. — 14 г. н. э.», *Р. Гюнтер* «Народные движения в поздней античности и их значение для общественного прогресса при феодализме», *П. Донат* «К проблеме социально-экономической дифференциации крестьян в восточном франкском государстве (по археологическим источникам)», *Х. Кёпштейн* «К роли аграрного населения в Византии в конце VI и в VII вв.», *А. Р. Корсунский*, «О некоторых характерных чертах социальной борьбы народных масс в период перехода в Европе от первобытного общества к феодальному», *З. Эпперлейн* «Народные движения в раннесредневековой Европе», *В. И. Довженок* «Об основных предпосылках возникновения классов у восточных славян», *Э. Мюллер-Мертенс* «Саксонская война 1073—1075 гг. и вопрос о сохранении свободного крестьянства в феодальном обществе», *В. Рубен* «Значение народных масс в возникновении критерия практики в древней Индии», *Г. Кух* «Полисная демократия и трагедия», *Р. Мюллер* «К социальной утопии эллинизма», *И. Мильбрадт* «Публика римской комедии», *Г. Бертольд* «Роль масс в эпосе Лукана о гражданской войне», *И. Ирмшер* «Отражение роли народных масс в исторической литературе времен Юстиниана», *Ф. Шлетте* «Диалектическое отношение между личностью и народными массами в первобытном обществе», *З. Раевский* «К роли языческих колдунов и жречества у славян в период становления и укрепления феодальной системы».

вывавшихся на родо-племенной организации. В этих обществах, говорит он, также шел процесс классообразования, но рождавшийся господствующий класс еще мог выступать как представитель народных масс, в большей мере эксплуатировавшихся римлянами, чем своей родо-племенной знатью. В связи с возникавшим, таким образом, сложным комплексом противоречий, особенно обострившихся с наступлением кризиса рабовладельческого способа производства, автор намечает некоторые вопросы и соображения: правящие слои племен, пишет он, вступали в связи с правящим классом рабовладельцев и их государством. Но можно ли их рассматривать как фракцию этого класса, или они были элементом нового класса, связанного с новым, возникавшим в рамках рабовладельческой формации строя? Каковы были социально-экономические основы власти верхушки племен, обладавшей в провинциях землями, которые возделывали рабы и полусвободные работники? Он отмечает, что эта верхушка была связана со всей гентильной организацией и с соплеменниками, обладавшими собственными хозяйствами, что обусловливало укрепление их общих интересов, общей оппозиции рабовладельческому государству. И. Херманн призывает более детально исследовать влияние гентильной военной организации на римское войско, влияние племенного мира на изменение форм эксплуатации и характера господствующего класса, но постепенное распадение западной половины империи на мелкие самостоятельные целостности, влияние производительных сил и производственных отношений Рима на вошедшие в его состав племена, на состояние производительных сил при переходе от античности к средневековью, что непосредственно связано с проблемой континуитета и дисконтинуитета, исследовать степень участия племен в массовых движениях периода крушения рабовладельческого строя, а племенной верхушки — в генезисе правящего класса становящегося феодального общества, ее влияние на политическую и юридическую надстройку. И. Херманн считает, что, хотя и нельзя говорить о революции рабов и колонов, сокрушившей рабовладельческий строй, все же нельзя не признать, что растянувшаяся на четыре столетия борьба народных масс способствовала полному переустройству отношений и, что особенно важно, распространению свободного и полусвободного крестьянского хозяйства, на основе которого стало возможно дальнейшее развитие эксплуатируемого класса и форм его борьбы с эксплуататорами. Разница в типах народных движений в докапиталистических обществах, с точки зрения автора, стала важным аргументом против попыток отнести все эти общества к одной формации, а развитие их квалифицировать как эволюционное. Подъем массовых народных движений всегда совпадал с поворотными узловыми пунктами истории докапиталистических формаций, причем часто они имели место в окраинных отсталых областях, которые в результате этих движений затем начинали быстро развиваться, становились определяющими для хода исторического процесса. В заключение И. Херманн намечает четыре типа движений народных масс: движения, служившие лишь «пьедесталом» для борьбы правящих группировок, вынужденных, однако, идти на те или иные уступки эксплуатируемым, хотя те и были только «пешками» в их руках; движения, дававшие прогрессивным слоям правящего класса массовую базу для осуществления их целей; движения масс, ставивших себе собственные цели, часто утопические, выступавшие в религиозной оболочке; движения, возникавшие в результате столкновения классовых и родо-племенных обществ, часто приводившие к революционному переустройству общества. С точки зрения значения борьбы масс как движущей силы истории автор намечает две категории движений: революционная борьба масс при смене формаций и борьба, ведущая к развитию формации. Заканчивает он свое выступление призывом изучать различные народные движения, анализировать присущие им общие и особенные черты.

Доклад И. Херманна представляет большой интерес в связи с намеченной им широкой проблематикой и высказанными соображениями. Помимо уже упомянутой выше важности положения, констатирующего специфику античного пути развития, обусловленную коституированием в результате побед демоса и плебса античной формы собственности и античной гражданской общины, следует подчеркнуть и значение мыслей автора о роли родоплеменных обществ в системе Римской империи. До недавнего вре-

мени роль эта практически не учитывалась. Влиянию на Рим отношений, сложившихся в восточных провинциях, особенно в связи с распространением шедших с Востока учений, идей, культов, всегда уделялось большое внимание; самые изменения, имевшие место в империи во вторую половину ее существования, характеризовались как ее «ориентализация». Для западных провинций учитывалось в основном влияние на них Рима. Они представлялись более или менее полностью романизованными, местным структурам значения не придавалось, роль их сводилась до минимума, до незначительной роли исчезающих пережитков. Между тем изучение западных провинций показывает, сколь велико было их значение, хотя уловить его часто бывает нелегко, поскольку подавляющее большинство источников как будто действительно свидетельствует об однотипности всех привнесенных римлянами отношений во всех западных провинциях. Муниципальная организация и городская жизнь, рабовладельческие виллы, сельскохозяйственная, ремесленная и строительная техника, торговля и денежное обращение, изобразительное искусство, культы кажутся полностью идентичными и совпадающими с римскими образцами во всех областях западной половины Римской империи. Но под этой внешней, наиболее доступной исследованию оболочкой, часто очень тонкой, продолжали жить и развиваться под влиянием римских отношений старые доримские структуры. В период наибольшего расцвета рабовладельческого способа производства мы можем уловить лишь отдельные намеки на их существование: упоминание племен и родов с их принцепсами, кровнородственных и территориальных общин, получавших землю как единое целое, зависимых людей в имениях знати, туземных общинных культов, находки памятников изобразительного искусства, резко отличающихся от античных образцов, и, видимо, свидетельствующих не столько о низкой квалификации туземных мастеров, сколько об особом мировосприятии их заказчиков и покупателей. С упадком рабовладельческого строя, основанных римлянами городов, выдвижением на передний план глубинных, слабо романизованных областей, туземная специфика выступает все более наглядно. И. Херманн несомненно прав, предполагая большое значение провинциальных родо-племенных обществ в формировании классов становящегося нового строя. Как нам представляется, провинциальная родоплеменная знать, эксплуатировавшая в основном не рабов, а более или менее зависимых соплеменников, была связана с особым, нерабовладельческим укладом, составляла особый класс, так же как особый класс составляли сидевшие на ее землях работники и осмыслявшиеся римлянами как колоны. Отношения между этими классами, их борьба между собой, разгоревшаяся в последние века империи, их временные союзы, как и союзы с варварами против римского государства, составляли важнейший элемент зарождения и развития базиса феодального способа производства. Синтез античных и варварских элементов, т. е. рабовладельческих и первобытнообщинных отношений, лежащий в основе генезиса феодализма, начинался еще в рамках империи, не после варварского, а после римского завоевания. Поставленные И. Херманном вопросы имеют в этой связи очень большое значение для дальнейшей разработки всей проблемы.

Остальные доклады сборника посвящены более частным темам. В докладе *Г. Бокиш* «Роль народных масс в возникновении раннего греческого полиса XII—VIII вв.» сопоставляются «древневосточный» микенский и «полисный» способы производства. Когда первый был разрушен вторжениями новых народов, стали формироваться отношения, базировавшиеся на сельских общинах, жители которых, свободные ремесленники и крестьяне, были организованы по родовому принципу, во главе с родовой знатью, родовыми старейшинами. Родовой строй и сельские общины были характерны и для крестьянского населения Микен, причем зависимость общин от дворца была значительно меньшей, чем в других древневосточных царствах, что, по предположению автора доклада, оказало свое влияние в дальнейшем на становление античной формы собственности и всего античного общества. Независимое положение работавших на своих участках общинников Г. Бокиш связывает с отсутствием необходимости в централизованной организации труда земледельцев. Дворцы организовывали только труд ремесленников и обмен. Самостоятельность деревень обусловила их возрастающее значение,

особенно усилившееся после разрушения дворцов. Деревни объединялись в укрепленные полисы, которые росли по мере развития свободного ремесла и обмена, осуществлявшегося самими производителями. Знать пыталась поставить общинников в положение зависимых, но в отличие от древневосточных обществ отношения зависимости складывались не между какими-то коллективами и государством, а между мелкими и крупными землевладельцами, т. е. отдельными лицами. Конец таким отношениям был положен борьбой народных масс и связанных с развивающейся частной собственностью и торговлей слоев против родовой знати. Их победа, по мнению автора, была обусловлена долгим существованием родового строя как основы военной демократии, сравнительно высокой производительности труда крестьян и ремесленников, свои трудовые навыки они заимствовали у Микен и развивали их в эпоху распространения железа. Большую роль также играло развитие торговли, укреплявшее частную собственность. Сопротивление народных масс родовой знати обусловило и конституирование раннего полиса, и становление развитого рабовладельческого способа производства, поскольку крупным собственникам, лишившимся рабочих рук зависимых соплеменников, приходилось обращаться к труду рабов.

Соображения Г. Бокиш заслуживают внимания. Однако можно заметить, что обрисовывая процесс возникновения полисов, она не остановилась на процессе и причинах конституирования основы полиса — античной формы собственности, особой разновидности той общинной формы собственности, которой она, и, видимо, справедливо, отводит столь значительную роль в своей концепции. Г. Бокиш подчеркивает значение выделения и укрепления частной собственности, но не говорит ни о ее специфике в античную эпоху, ни об обусловившей эту специфику взаимосвязи собственности частной и коллективной. Между тем возникновение античной формы собственности, без которой немыслим и полис, было важнейшим результатом борьбы как демоса, так и плебса, и важнейшей отличительной чертой античного мира.

Не вскрыт упомянутый процесс и в докладе *Г. Аудринга* «Исторические свершения аттического крестьянства». Автор видит результаты борьбы крестьян в превращении их в мелких свободных собственников своих наделов, в равноправных граждан и в развитии рабства, обусловившего расцвет Афин и афинской демократии. Великим достижением аттических крестьян, говорит автор, была победа в греко-персидских войнах, но затем крестьяне с низкой производительностью их труда оттесняются на задний план более крупными и более, с хозяйственной точки зрения, передовыми собственниками земли и городскими слоями. Крестьяне в связи с расширением товарного производства пытались найти в своем хозяйстве новые ресурсы, но не могли преодолеть традиционного стремления к автаркичности, что замедляло прогресс экономики в целом и крестьянского хозяйства в частности. Вместе с тем, заключает автор, следует учитывать роль крестьян не только в борьбе за демократию, но и в консервации мелкого товарного производства. Последний вывод, возможно спорный, представляет интерес потому, что автор делает здесь попытку, правда недостаточно развитую, обрисовать роль народных масс не только в эпохи подъема их движений, но и, так сказать, в повседневной жизни и деятельности, в данном случае — в экономической сфере.

В этом смысле интересен и доклад *П. Оливы* «Вопрос об илотах в истории Спарты». Автор определяет илотов как рабов всего спартанского гражданства, поскольку они были прикреплены к принадлежавшей всему гражданскому коллективу земле. Такая форма эксплуатации была вызвана племенной организацией завоевателей, обусловившей не частное, а коллективное присвоение завоеванного. Само существование илотов, необходимость их постоянного подавления заставляли преодолевать внутренние противоречия среди спартиатов, сохранять традиции племенной общины с присущим ей равенством сочленов. Напряженность отношений между спартиатами и илотами влияла и на внешнюю политику Спарты. С другой стороны, результаты войн, которые вела Спарта, и ее международное положение влияли на эволюцию илотии. Постепенно часть илотов эмансипируется, и хотя илотия просуществовала до римского завоевания, значение ее ослабло и Спарта потеряла свою специфику. Здесь, как мы видим, докладчик прослеживает связь между положением трудящихся масс, формой их экс-

плуатации и всем строем общества. Сомнение вызывает только определение илотов как рабов, хотя бы и принадлежавших коллективу. Думается, что для определения сущности илотии следует привлечь большой исторический и этнографический материал, относящийся к аналогичным формам эксплуатации, появляющейся обычно на первых ступенях социальной дифференциации того или иного общества, сосуществующей, но не сливающейся с эксплуатацией рабов в собственном смысле.

В докладе «Крестьяне Рима в 200—133 гг. до н. э.» *Б. Цухольд* выступает против точки зрения, согласно которой деградация римского крестьянства была вызвана огромными людскими потерями в войнах II в. до н. э., в первую очередь во Второй пунической и в испанских войнах. Автор производит некоторые подсчеты, показывающие, что в Испании погибали в основном солдаты из числа союзников и вспомогательных частей, а потери во Второй пунической войне восполнялись солдатами из крестьянских хозяйств, число которых увеличивалось в результате основания колоний. Следовательно, объяснение разложения крестьянства и соответственно Рима как полиса следует искать в других причинах, в первую очередь экономических, что, конечно, не вызывает сомнений.

И. Хан свой доклад «Классовая борьба городского плебса в последние десятилетия римской республики» начинается с вопроса, можно ли предполагать, что у городского плебса, помимо стихийной ненависти к богатым и знатным, было более или менее ясное классовое самосознание, была ли его борьба осознанной? В современной литературе, продолжает автор, этот вопрос не находит однозначного ответа; из римских авторов одни считали плебс пассивной массой, другие — большой силой. Следует, говорит докладчик, при рассмотрении этого вопроса учитывать, что плебс состоял из разных слоев и роль его была различной в разные периоды. В состав плебса входили неодинаковые по их сословной и статусной принадлежности группы: свободнорожденные, отпущенники и рабы, римские граждане и перегрины. С экономической точки зрения к плебсу относились дельцы, не дотягивавшие до всаднического ценза, интеллигенция, мелкие самостоятельные производители и торговцы, работники, не имевшие своих средств производства, те, кто получал раздачи от государства, клиенты знатных домов. Однако и те, кто относился к двум последним категориям, в большинстве случаев работали и не могут быть причислены к люмпен-пролетариату. Это замечание И. Хана очень существенно, поскольку в литературе существует тенденция отождествлять если не весь городской плебс, то значительную его часть с люмпен-пролетариатом, что отнюдь не подтверждается источниками и искажает оценку его позиции и движений. Более состоятельные слои плебса, продолжает И. Хан, боялись мятежей и, когда положение особенно обострялось, могли поддержать сенат. Нижние слои, напротив, были склонны к мятежам. Что касается различий по эпохам, то до Союзнической войны включительно ведущая роль принадлежала крестьянам, городской плебс не имел особого значения и находился под сильным влиянием знатных патронов, например Метеллов. Активная роль переходит к городскому плебсу после смерти Суллы, в борьбе с установленными им порядками. Новая вспышка движений городского плебса падает на 67—63 гг., когда возникают новые коллегии, действовавшие в предвыборных кампаниях, бурно протекают комиции, собираются народные сходки, происходят уличные потасовки. Все это свидетельствует о росте политического сознания городских масс. Кульминационного пункта этот период достигает в период движения Катилины, затем наступает временное затишье. Третья волна связана с Клодием, четвертая — с диктатурой Цезаря, когда часть плебса его поддерживала, часть же была настроена против него. Упадок этой волны приходится на казнь лже-Мария. Таким образом, от Суллы до Августа городской плебс систематически вел классовую борьбу, имея определенные намерения и интересы. Важнейшим фактором возрастания активности городского плебса было, по мнению И. Хана, ослабление личных клиентских связей вследствие увеличения государственных раздач, развития мелкого свободного производства, позволявшего «маленьким людям» эмансипироваться от патронов, и роста значения коллективной клиентелы целых общин Италии и провинций. Кроме того, события, сопровождавшие борьбу Мария и Суллы, пошатнули в народе уважение к зна-

ти и дали ему почувствовать свою силу и значение, которое, однако, вскоре сошло на нет в связи с возрастанием роли армии. И. Хан опровергает распространенное представление о практике широкого подкупа плебса. Подкупали, говорит он, не всех плебеев, а влиятельных лиц. Плебс поддерживал тех, кто сочувствовал его интересам и готов был осуществить его программу, включавшую бесперебойные подвоз продуктов питания и их дешевизну, сложение долгов, понижение квартирной платы, ослабление власти сената. Все, что способствовало последней цели, плебс готов был поддерживать; так, он выступал за укрепление прав народных трибунов и комиций, за устранение помех деятельности коллегий и народных сходок, сплачивавших различные слои плебса, включая рабов. Все погибавшие противники сената становились героями плебса. Но в его среде были и противоречия. Так, например, высшие слои плебса были против распределения отпущенников по всем трибам, низшие слои охотнее шли на союз с рабами. Для идеологии плебса характерны лозунги свободы и возвращения к «нравам предков», когда народ был полновластен. Монархические тенденции среди плебеев И. Хан отрицает. Плебс, заключает он, не смог прийти к власти, но оказывал значительное влияние на ход событий.

Доклад И. Хана содержит интересные соображения о движениях городского плебса — теме уже многократно разрабатывавшейся, но все же не исчерпанной полностью. Важна его мысль о многослойности плебса и обусловленных ею противоречиях. Говорить о городском плебсе как о чем-то едином, очевидно, незакономерно. Однако можно заметить, что автор (это отчасти объясняется краткостью доклада) не полностью использовал вытекающие из его тезиса возможности. Так, он говорит о программе плебса в целом, тогда как различные его слои могли иметь различные устремления. Например, программа Саллюстия, которая, как показали посвященные ей исследования С. Л. Утченко, не оставалась неизменной, отвечала чаяниям средних слоев в соответствии с их положением и устремлениями в разные периоды истории последних лет республики. Обращение к «нравам предков», при которых народ якобы имел всю полноту власти, характерно именно для этих слоев. К низшим же слоям городского плебса Саллюстий в общем относится отрицательно, как к такому же продукту всеобщей «порчи нравов», каким был для него нобилитет. Этим же слоям, находившимся в постоянном тесном контакте с рабами, были, видимо, не чужды монархические тенденции, иначе трудно объяснить популярность среди них легенд о римских царях-народолюбцах и в первую очередь о Сервии Туллии, о ставших царями рабах и т. п. Образы таких царей, возможно, смешивались с образами чрезвычайно пугавших высшие слои греческих тиранов, экспроприировавших богатых и освобождавших рабов. Может быть, слухи о намерении Цезаря объявить себя царем были популярны именно в этой среде, из которой вышли и первые адепты культа обожествленного Цезаря, погибшего по вине сената, как некогда Сервий Туллий. Для выявления идеологии и программы (кстати, вряд ли ограничивавшейся пунктами, перечисленными И. Ханом) различных слоев плебса было бы очень полезно попытаться установить отношение отдельных слоев к важнейшему вопросу эпохи — аграрному вопросу. Можно ли согласиться с распространенным мнением, что весь городской плебс, избалованный жизнью в Риме, не хотел возвращаться на землю, получить земельные наделы по тому или иному аграрному закону, или можно полагать, что единого мнения по этому поводу у всего плебса не было? Существовала ли у плебса вообще какая-то определенная программа, касающаяся земли, например ее передела, с целью восстановления некоего экономического равенства времен «предков», или стремление к полному обобществлению земли, отмене частного владения ею? Предпочитал ли плебс или те или иные его группировки разделить на частные наделы всю еще неподеленную общественную землю или пользоваться доходами, получаемыми с тех, кто ее арендовал? В этой связи имеет значение отношение городского плебса с сельскому. Приток последнего в Рим несомненен, несомненно и то, что от экономических трудностей он страдал в большей мере, не только теряя землю, но и попадая в долговую кабалу, снова к тому времени сильно распространившуюся, так что долговой вопрос был для сельских плебеев и вопросом личной свободы. Как влиял приток крестьян в Рим, где они вливались в ряды городского плеб-

са, на умонастроение последнего? Кстати сказать, возросшая активность городского плебса объясняется скорее всего не столько ослаблением клиентских связей, сколько именно переселением в город разоренных крестьян, бывших наряду с рабами наиболее легко «воспламеняемым» элементом тогдашнего общества. Все такие моменты нуждаются в дальнейшем изучении, стимул к которому дает содержательный доклад И. Хана.

В небольшом докладе *Л. Якоб* «Восстания и народные движения в изображении Аммиана» перечисляются упоминаемые Аммианом Марцеллином восстания, главным образом городского плебса, вызванные нехваткой продовольствия, столкновениями между христианами и язычниками и внутри христианских общин, узурпациями, вторжениями готов. Автор подчеркивает, что причины и цели движений были различны и по-разному влияли на социально-экономические отношения.

В докладе *Б. Крюгера* «Борьба за свободу германских племен во время римской агрессии 12 г. до н. э.— 14 г. н. э.» формулируется и доказывается на примере знаменитого восстания херусков имеющий большое значение для истории римских завоеваний тезис о трудностях, с которыми встречались римляне при попытке покорить народы, еще не знавшие более или менее значительной социальной дифференциации. У германцев, пишет Б. Крюгер, такая дифференциация уже началась, стала выделяться родовая знать, но она развилась еще не настолько, чтобы вступить в союз с Римом. Высшим органом оставалось племенное народное собрание, которому еще не могли противопоставить себя вожди и их дружины. Навязать находившемуся в расцвете родовому обществу порядки и право рабовладельческого общества оказалось невозможным. Поражение в Тевтобургском лесу продемонстрировало границы возможностей римлян.

Действительно, видимо не учитывая по мере возможностей (сведения источников на этот счет, как известно, очень скудны) степень социальной дифференциации общества, ставшего жертвой римской агрессии, трудно понять успехи и поражения римлян, когда их противниками оказывались народы, стоявшие на разных ступенях разложения родо-племенного строя. История покорения Испании, Галлии, Британии дает тому достаточно доказательств, как и история разобранного Б. Крюгером поражения римлян за Рейном.

Р. Гюнтер в докладе «Народные движения в поздней античности и их значение для общественного прогресса в эпоху становления феодализма» ставит вопрос о том, можно ли считать народные движения IV—V вв., в которых участвовали и сопредельные империи и частично проникавшие на ее территорию народы, борьбой за новые отношения собственности, а именно, за собственность крестьян на средства производства и в первую очередь землю? Таких целей, отвечает автор, эти движения себе не ставили субъективно, но объективные их результаты были различны. Так, под патроциний магнатов крестьяне шли не для того, чтобы стать собственниками, а чтобы избежать гнета государства; они бежали к варварам, чтобы обрести независимость. Первая форма сопротивления усиливала, вторая ослабляла крупное землевладение. Части крестьян, особенно в мало романизованных районах, удалось в результате классовой борьбы сохранить собственность на свои участки. Багауды, установившие в середине V в. свое господство в некоторых областях Галлии и Испании, расшатывали существовавшие там отношения собственности, так же как и готы, при вторжениях которых многие крупные землевладельцы бежали. То же имело место и в Африке в результате совместных выступлений агонистиков и берберских племен. Вместе с тем и земельные магнаты в IV — V вв. из владельцев земли, юридически принадлежавшей государству, вследствие предоставления им иммунитетов, развития патрициния и т. п. становились собственниками земли. Таким образом, под влиянием борьбы с римским государством как крупных землевладельцев, так и крестьян происходили капитальные изменения в отношениях собственности.

Доклад, непосредственно связанный с извечной проблемой сущности перехода от рабовладельческой к феодальной формации интересен тем, что во главу угла ставит не смену форм эксплуатации, а изменения форм собственности как крестьян, так и крупных землевладельцев. Важно было бы проследить истоки этого процесса в бо-

лее ранние времена, выявить его связь с родо-племенным строем значительной части народов западной половины империи, о чем, как мы видели, говорил И. Херманн. Соответственно можно было бы поставить вопрос о значении классовой борьбы для утверждения и изменения тех или иных видов собственности в разные исторические периоды и о роли в этом плане разных типов классовой борьбы: движений, направленных против римского господства, против привносимых Римом порядков, т. е. вызванных противоречиями между рабовладельческим и нерабовладельческим укладами, и движений, имевших место в рамках последних, отражавших антагонизм между выросшей из родо-племенной знати землевладельческой аристократией и их закабаляемыми, превращавшимися в колонов соплеменниками. Весь узел противоречий, осложненных тем, что разные уклады были политически объединены в рамках империи, влияли друг на друга, образуя многие гибридные формы, что эксплуататорские и эксплуатируемые классы разных укладов сближались, должен быть детально изучен при анализе синтеза римских рабовладельческих и провициальных родо-племенных отно : ений и их эволюции. Разница между имевшими место в провинциях восстаниями и их результатами в начале и в конце римского господства практически не выяснена и не обобщена. Доклад Р. Гюнтера может послужить стимулом для дальнейшего изучения всех упомянутых вопросов.

В разделе о роли народных масс в идеологии и культуре первым посвященным античности докладом является доклад *Г. Куха* «Полисная демократия и трагедия». Он заслуживает особого внимания потому, что в нем автор рассматривает не затронутый другими докладчиками вопрос о том, кого следует понимать под народными массами, каков критерий их выделения из прочих слоев населения. Г. Кух видит такой критерий в причастности соответственных слоев к материальному и духовному производству и в объективной прогрессивности их действий. В Афинах VI — V вв., исходя из критерия причастности к производству, докладчик считает возможным причислить к народным массам демос, т. е. крестьян, ремесленников, торговцев, за исключением их верхних слоев, рабов, метеков и тех, кто в наше время именуется творческой интеллигенцией. С точки зрения критерия объективно прогрессивных действий он относит к народным массам весь демос, установивший полисную демократию в борьбе со знатью, и те группировки знати, которые стояли на его стороне. Рабы же и метеки роли не играли, и критерий прогрессивности к ним не подходит. Безоговорочно к народным массам на основании обоих критериев, по мнению докладчика, можно причислить низшие и средние слои демоса. Вместе с тем, он замечает, что их отношение к труду было не однозначно, так как плата за отправление выборных должностей и обладание одним-двумя рабами частично освобождала их от производительной деятельности. Кроме того, демократия поддерживалась за счет угнетения союзников и ограничения гражданства. Таким образом, чтобы судить о демосе, надо учитывать диалектику прогрессивности и реакционности, усугублявшуюся элитарным положением демоса относительно метеков и рабов. Однако при всех противоречиях Афины V в. были самой передовой общественной организацией древности, так как давали демосу наибольшие возможности участия в политической и культурной жизни. В последней первенствующую роль играла трагедия, откликавшаяся на все насущные проблемы своего времени, способствовавшая формированию полисной идеологии, самосознания граждан.

Думается, что попытка Г. Куха найти критерий для определения понятия «народные массы» заслуживает внимания и дальнейшего обсуждения. По-видимому, бесспорно, что понятие это будет не однозначно не только для разных формаций, но и для различных периодов одной формации, изменяясь по мере усложнения социально-политической структуры и углубления социальных противоречий. Критерий участия в производительной деятельности в общем представляется приемлемым, но, как отмечал и докладчик, здесь мы сталкиваемся с неоднородностью соответственных слоев общества. Она вызывалась наличием различных сословных и статусных групп, переплетением и неполным совпадением классовой и сословно-статусных структур. Неясно также, когда и в какой мере можно причислять к народным массам участников духовного производства. Видимо, это допустимо лишь в отношении тех из них, чье творчество было

близко и понятно народу, становилось органической частью его культуры. Известные сомнения вызывает критерий объективно прогрессивных действий. Не говоря уже о том, что далеко не всегда можно безоговорочно оценить те или иные действия как прогрессивные, история знает примеры реакционных действий слоев, безусловно относившихся к народным массам, например, восстание крестьян Вандеи или, чтобы взять пример из античного мира, учинявшиеся городскими низами антихристианские погромы. По меньшей мере спорна также прогрессивность санкционировавшихся римским народным собранием войн для захвата новых земель и материальных ценностей за счет истребления и ограбления населения покоренных территорий. По-видимому, для античного мира к народным массам можно причислить те слои, которые не принадлежали к привилегированным сословиям и не располагали средствами, достаточными для эксплуатации чужого труда в сколько бы то ни было широких масштабах. Так, например, Тримальхион и ему подобные, принадлежа к низшему сословию отпущенников, не могут считаться представителями народных масс, хотя для римского аристократа разбогатевший вольноотпущенник и был обычно воплощением обнаглевшего выходца из «черни». Но, видимо, для каждой эпохи, для каждого случая необходимо выработать свой достаточно обоснованный подход.

Р. Мюллер в докладе «К социальной утопии эллинизма» противопоставляет консервативные утопии V — начала VI в. утопиям эпохи эллинизма, порожденным идеологией народных масс периода кризиса полиса. Особенно подробно он анализирует утопию Ямбула и подчеркивает ее связь с восходящими к древневосточным учениям малозийскими культами Солнца как стража и хранителя справедливости. Не предполагая прямого влияния Ямбула на Аристоника, Р. Мюллер считает возможным говорить об общераспространенных в народе социальных и религиозных представлениях, лежавших в основе как романа Ямбула, так и идеологии гелиополитов Аристоника.

Доклад *И. Мильбрадта* «Публика римской комедии» посвящен характеру римского театра, предназначавшегося для народа, но не бывшего, по словам автора, народным театром, выражавшим чаяния народа. По мнению докладчика, задачей созданного государством театра было развлекать зрителей, отвлекать их от мыслей о социальных бедствиях, от попыток самочинного, бесконтрольного самовыражения типа вакханалий. Поэтому большая часть нобилитета считала театр полезным. Плавт и Теренций высмеивали побежденных греков, поднимая самосознание римлян как победителей, заставляли их забыть тяжелую действительность, давая им безвредные мишени для насмешек, чтобы они не насмехались над знатью. Критики существующих порядков в комедии не было. Плавт учил, что простой гражданин не должен вмешиваться в государственные дела; обличая же богатство и роскошь, он стремился внушить зрителям, что им не следует завидовать богатым. Успех Плавта объяснялся не тем, что его искусство было народным, а тем, что его язык, шутки, веселье забавляли публику. Думается, что докладчик недостаточно глубоко, односторонне и, можно сказать, модернизаторски подошел к своей теме. Он не учел в достаточной мере ни связи римской комедии с древними народными праздниками, ни ее связи, в частности комедий Плавта, с актуальными для его времени проблемами (что сказывается в близости его идеологии к идеологии Катона и Невия), ни самобытности Плавта, отнюдь не страдавшей от его большей или меньшей близости к греческим образцам (это все чаще подчеркивается в современных работах о Плавте), ни разницы между Плавтом и Теренцием и отношением к ним публики. Без анализа всех этих и многих других связанных с ними вопросов вряд ли можно что-нибудь убедительное сказать по избранной докладчиком теме.

В небольшом докладе «Роль масс в эпосе Лукана» *Г. Бертольд* собрал все места из «Фарсалий», в которых говорится о народе и простолюдинах, и приходит к выводу, что народолюбцем для Лукана был Катон, заботившийся об общем благе, сострадавший мучениям простых людей. Сам Лукан тоже сочувствовал народу, рядовым солдатам, но понимал бесперспективность их борьбы за свободу.

Как мы видим, посвященные античности доклады рецензируемого сборника разнообразны и ставят ряд интересных вопросов, которые могут стать отправной

точкой дальнейших дискуссий. Вызывает, однако, удивление, что обойдена такая важнейшая для проблематики конференции тема, как возникновение христианства. Ведь, пожалуй, можно без преувеличения сказать, что наиболее ярко и наглядно роль народных масс в истории древности проявилась, во-первых, в конституировании античной гражданской общины (чему, как мы видели, в сборнике уделено внимание, хотя, может быть, и недостаточно большое) и, во-вторых, в формировании как самого раннего христианства, так и той идеологии, создававшейся еще в языческой среде, которая подготовила распространение и победу христианства. Вообще тема народных корней античной идеологии и культуры представлена в сборнике неоправданно скудно, и совсем не затронут имеющий большое значение для критики немарксистских и антимарксистских теорий культуры вопрос о постепенном отходе народных масс от официальных ценностей, идеологии государства и высших классов как причине кризиса античной культуры, превратившейся из культуры гражданского коллектива в культуру «элиты».

В этой связи можно отметить и другую, почти не затронутую в сборнике проблему общетеоретического характера. По-видимому, для того, чтобы дать аргументированную критику теорий исторического процесса, ставящих во главу угла деятельность и смену «элит», следует показать роль народных масс не только в периоды подъема народных движений, но и во всей истории данного, например, античного рабовладельческого способа производства. Люди, работники, приводящие в движение средства производства, орудия труда составляют наряду с последними неотъемлемый компонент производительных сил, а также и оказывающих мощное воздействие на производительные силы производственных отношений, никоим образом не зависящих от субъективных целей и желаний «элиты». Именно в этом аспекте следовало бы показать роль трудящихся масс в истории античного мира в разных сферах его жизни. Как влияли трудовые навыки, организация труда, характер общественных связей, социальная психология, обусловленная положением различных категорий трудящихся, их местом в производственных отношениях и в надстроечных структурах, на характер и эволюцию социально-экономического базиса общества — вот вопрос, который следовало бы поставить в первую очередь в связи с тематикой рецензируемого сборника. Сюда относится и много вопросов более частного характера. Например, о степени совместимости того или иного типа труда, той или иной формы эксплуатации в ту или иную эпоху с прогрессом производства, о связи форм организации труда с преобладанием той или иной категории работников (свободных, зависимых, рабов), о причинах слабого развития механизации трудовых процессов, несмотря на наличие объективных к тому возможностей, и т. п. Такие вопросы могут помочь выявить роль трудящихся масс в развитии производительных сил, т. е. основы движения исторического процесса. Обычно в западной литературе, рассматривающей движение античной экономики, античного производства, упор делается на умонастроении и целях правящих классов (отсутствие у них стимула к расширению производства, презрение к практической деятельности и к практическому применению науки и т. п.), но, несомненно, роль низших классов, непосредственно занятых в производстве, была не менее, а скорее более значительна (при этом ее никоим образом нельзя ограничивать констатацией незаинтересованности рабов в результатах их труда, поскольку это справедливо не для всех рабов и не для всех эпох, и, кроме того, рабы не были единственными производителями материальных и тем более духовных благ во все времена существования античного мира и на всех его территориях).

В этой связи можно было бы поставить и проблему методов воздействия управляющих на управляемых, методов, менявшихся от эпохи к эпохе и различных в отношении разных слоев, входивших в состав народных масс. Ведь такие методы отнюдь не сводились только к прямому насилию. Покорность низших обеспечивалась целым комплексом мер, включавших в значительной мере идеологическое воздействие, силу традиции и т. п. Важно было бы установить, как такие меры действовали, как воспринимались народными массами, насколько были эффективны и почему со временем теряли свою эффективность и заменялись другими, что оказывало огромное влияние на ход

социально-экономической, политической и культурной истории. Словом, имея в виду, что каждый социальный организм составляет единое целое, следовало бы попытаться проследить в различных аспектах значение народных масс в его функционировании и эволюции, выявить прямую и обратную связь между компонентами его структуры. Тогда можно было бы достаточно обоснованно показать значение как «элиты», так и народных масс в диалектическом единстве.

Но такая постановка проблемы и ее разработка, очевидно, дело будущего, будущих посвященных ей работ и конференций. Рецензируемый сборник может стимулировать исследования рассматриваемой им темы. В этом, так же как и в разработке ряда важных вопросов докапиталистических формаций, состоит его ценность.

Е. М. Штаерман

«Festschrift zum 150 jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums», Berlin, Akademie-Verlag, 1974, 522 стр., 88 фототаблиц (Staatliche Museen zu Berlin. Mitteilungen aus der Ägyptischen Sammlung, Bd. VIII)

14 декабря 1973 г. в Берлине состоялось торжественное заседание, посвященное 150-летию существования и плодотворной научной деятельности одного из крупнейших и всемирно известных центров египтологии и папирологии — Берлинского египетского музея, возглавляемого ныне д-ром Вольфгангом Мюллером, являющимся одновременно и заведующим знаменитого Собрания берлинских папирусов. К этому юбилею дирекция музея и его коллектив подготовили к печати сборник в честь знаменательной даты. В нем приняли участие сотрудники музея, а также большое число зарубежных специалистов.

В сборнике помещены предисловие директора музея д-ра В. Мюллера, перечень основных публикационных серий музея, 45 статей, 88 черно-белых фототаблиц, а также ряд вклеек. В подавляющем большинстве это публикации памятников и текстов из собрания музея, включая и ту его часть, которая находится в Западном Берлине, или статьи, посвященные этим памятникам. Небольшая часть статей содержит публикацию памятников и текстов, не принадлежащих музею, или посвящена другим вопросам. Статьи распределены по четырем разделам: египтология, демотика и коптология, папирология и эпиграфика, археология и история. В пределах каждого раздела статьи расположены в алфавитном порядке фамилий авторов. В нашем обзоре мы будем придерживаться этого же порядка. Обзор первых двух разделов написан И. В. Виноградовым, последних двух — И. Ф. Фихманом.

Раздел «Египтология» (стр. 15—268) открывается большой статьей египтолога *Рудольфа Антеса* (Западный Берлин) «Сведения Неферхотепа и Ихенофрета о празднике Осириса в Абидосе» (стр. 15—49). Известно, что миф об Осирисе нашел свое отражение в религиозных мистериях — празднествах, где представлялась драма о его смерти и воскресении. Основными источниками, воссоздающими ход этих празднеств, являются заупокойные стелы вельмож-устроителей названных мистерий в центральном святилище бога Осириса в Абидосе. Такова стела Берлинского египетского музея (№ 1204), принадлежащая начальнику сокровищницы при Сенусерте III Ихенофрету. Среди источников, освещающих абидосские мистерии, особое место по праву принадлежит также и ныне утраченной стеле царя XIII династии Неферхотепа, лично принимавшего участие в праздничной церемонии. Тексты обеих стел давно стали достоянием науки [1].

Сравнительный анализ сведений обеих стел с привлечением параллельных

---

[1] H. Schäfer, Ägyptische Inschriften, vol. I, B., 1913, стр. 169 слл.; Max Pieper, Die grosse Inschrift des Königs Neferhotep in Abydos, Lpz, 1929.

памятников эпохи позднего Нового царства [2] дает автору возможность выделить, по его мнению, наиболее важную — начальную часть праздника, только в которой, как подчеркивается, и принимал участие сам царь. Эта часть празднества протекала тайно в «золотом доме», где свершалась церемония поисков разрозненных частей тела Осириса и его воскрешение как бога и царя. Праздник завершался в Пекере (pḳr) близ Абидоса, куда переносилась в священной барке статуя бога. Многолюдное торжественное шествие через Абидос представляется, таким образом, неизбежным следствием свершившегося в «золотом доме» главного таинства. Участие царя в этом шествии не предусматривалось.

Винфрид Барта (Мюнхен) в статье «Термин twt в пограничных стелах Сенусерта III в Нубии» (стр. 51—54) анализирует употребление слова twt в двух известных нубийских надписях могущественного царя XII династии Сенусерта III— стеле Берлинского музея в Семне (Berlin 14753) и стеле Хартумского музея (Судан) из Урунарти (Khartum 451). Считалось, что слово twt в обеих стелах в зависимости от контекста употребляется как в прямом, так и в переносном смысле: статуя (Bild) и отображение (Abbild) [3]. По мнению автора, термин twt может быть употреблен в указанных текстах только в его переносном значении, под которым следует понимать во-первых, помещенное в верхней закругленной части стелы имя царя, и, во-вторых, в более широком смысле — самую стелу как носительницу царского имени. Отсюда следует вывод, что Сенусерт III отдает приказ установить на новых рубежах памятные стелы, которые и были в свое время найдены, а не воздвигнуть несуществующие статуи.

Публикации известнякового остракона, хранящегося в Берлинском египетском музее, посвятила свою статью «Новая рукопись „Поучения человека своему сыну“» (стр. 55—66) египтолог из Лейпцигского ун-та *Эльке Блюменталь*. Остракон размером 20,3 на 27,7 см содержит пять горизонтальных строк иератического текста времени Рамессидов, являющегося, по определению издателя, фрагментом ныне широко известного памятника египетской литературы эпохи Среднего царства [4]. Разносторонний анализ нового фрагмента, содержащего, как оказалось, вариант центральной части текста «Поучения», дает возможность автору утверждать, что издаваемый ею остракон будет способствовать изучению еще не решенных вопросов этого интересного дидактического произведения.

В статье «Рельефы Пехенука в Бруклине и Берлине» (стр. 67—69) *Бернард Ботмер* из Бруклинского ун-та (США) публикует два небольших охотничьих рельефа из мастабы Пехенука в Саккара (вторая половина V династии). Один из них еще со времен Лепсиуса находится в Берлинском египетском музее (№ 1132), другой — собственность Бруклинского музея (№ 64147). Большое стилистическое сходство в изображении групп животных, равное расстояние между ярусами, совпадение некоторых других детелай рельефов приводит автора к заключению, что оба рельефа находились на равном уровне одной из стен мастабы, причем их отделял друг от друга всего лишь один блок, теперь утраченный. Очертания изображенной на рельефах местности указывают, по мнению издателя, на то, что берлинский рельеф должен был находиться справа от бруклинского.

Статья *Эммы Бруннер-Траут* (Тюбинген) «Еще раз о княгине Пунта, ее расе, болезни и их значении для локализации Пунта» (стр. 71—85) является откликом на монографию Р. Херцога, посвященную загадочной стране Пунт [5]. Автор детально

---

[2] Inschrift des grossen Gottesdieners des Osiris Wennofer. Louvre A 66, 2. und 3 Strophe (время Рамсеса II); J. Clère, Un hymne à Abydos in: ZÄS 84 (1959), 93, Verso 5—7. Inschrift des königlichen Thuchsess Cha, Louvre 65 (время Рамсеса II); Inschrift des Ministers der Scheunen von Ober- und Unterägypten Si-Ese, Metr. Mus. of Art 17.2.5 (время Рамсеса II).

[3] Wb. V, 255—256.

[4] J. Posener, Littérature et politique dans l'Egypte de la XIIe dynastie, P., 1956, стр. 124—127; H. Goedicke, Die Lehre eines Mannes für seinem Sohn, ZÄS, Bd. 94, 1967, стр. 62—71; Studies in Egyptian Wisdom Literature. I. The Instruction by Man for his Son, «Orients Antiquus», 8, 1969, стр. 189—208.

[5] R. Herzog, Punt, ADAIK, Äg. Reihe 6, 1962.

изучает изображения жены правителя Пунта (рельеф из Дейр эль Бахри — Kairo 544119, черепок с ее изображением из Дейр эль Медине — Berlin 21442) на широком фоне этнографических, антропологических, медицинских данных. Возражая Р. Херцогу, считавшему, что княгиня Пунта происходит из пастушьего народа готтентотов, живущего во Внутренней Африке, автор полагает, что по своему происхождению жена правителя Пунта относится к эфиопиоидной смешанной расе (типа галла, сомали), обитавшей вдоль побережья Красного моря. Разумеется, данный вывод сам по себе еще не может служить веским основанием для локализации Пунта, и не случайно, что этот вопрос в статье почти не затрагивается.

Хансу Гёдике принадлежит статья «Берлинский кожаный свиток (P. Berlin 3029)» (стр. 87—104). Отметив, что этот интереснейший письменный памятник долгое время был незаслуженно обойден исследователями [6], автор, как бы восполняя это упущение, дает перевод текста, сопровождая его развернутыми комментариями, в ходе которых формулирует свои взгляды на исследуемый документ, время и цель его составления, особенности его стиля и сферу литературного влияния. Автор с полной определенностью устанавливает, что текст составлен при Сенусерте I только после смерти его отца Аменемхета I, основателя XII династии, а не в период их соправления, как полагали некоторые ученые, например, А. Х. Гардинер. У автора нет сомнения в том, что по происхождению текст берлинского кожаного свитка является строительной надписью. Подчеркиваются вместе с тем непревзойденные литературные достоинства надписи. Несомненно также, что текст свитка композиционно и стилистически оказал влияние на расцветший впоследствии жанр — прославление царских деяний. Наконец, автор пытается установить стилистическое и семантическое родство берлинского кожаного свитка со многими литературными памятниками эпохи Среднего царства — «Наставлением Мерикара своему сыну», «Наставлением царя Аменемхета I», «Историей Синухета», «Повестью о красноречивом поселянине», «Беседой разочарованного со своей душой», а также, возможно, и с «Повестью о потерпевшем кораблекрушение». Автор вновь возвращается к высказанному ранее предположению [7] о возможном авторстве этих классических произведений египетской литературы.

Лабиб Хабаши (APE) публикует здесь статью «Крышки внешних саркофагов Меритамон и Нефертари, жен Рамсеса II» (стр. 106—112). После того как в 1956 г. автором в фиванском некрополе был обнаружен фрагмент крышки саркофага жены Рамсеса II царицы Меритамон, большая часть которого находится в собрании Берлинского египетского музея (№ 15274), представилась возможность опубликовать обе части саркофага. Для сопоставления воспроизводится часть внешнего саркофага царицы Нефертари из Туринского музея. Хотя обе крышки дошли до нас не полностью, параллельная их публикация дает возможность составить представление о саркофагах цариц времени Рамсеса II, их форме, обработке, схеме расположения и содержании надписей. Отмечается несомненное сходство публикуемых саркофагов друг с другом, а также устанавливается их близкая связь с царскими саркофагами предшествующей XVIII династии.

Статья «Саркофаг птолемеевского времени из Берлинского египетского музея» (стр. 115—118) принадлежит *Ласло Какоши* (BHP). Автор публикует большой мумиеобразный известняковый саркофаг писца Wnn-nfr из собрания Р. Лепсиуса (№ 46). Лицо писца на саркофаге выполнено в чрезвычайно условной манере и вряд ли имеет портретное сходство с хозяином, подбородок и борода тесно прижаты к телу. На гладко отполированной крышке после изображения традиционной жертвенной сцены помещена тщательно вырезанная надпись, состоящая из одной горизонтальной и девяти вертикальных полос, содержащих вариант 72 главы «Книги Мертвых». Эта надпись, по мнению издателя, представляет несомненный интерес, так как поздние, плохо

---

[6] Первая публикация: F. Stern, Urkunde über den Ban des Sonnentemples zu On, ZÄS, 12, 1874, стр. 85 слл.; последняя: De Buck, The Building Inscription of the Berlin Leather Roll, Studia Aegyptiaca I (Analecta Orientalia, 17).

[7] H. Goedicke, The Report about the Dispute of a Man with His Ba, Baltimore, 1970, стр. 5 слл.

изученные варианты «Книги Мертвых» могут иметь большую ценность для ее критического издания. Автор датирует саркофаг II—I вв. до н. э.

В Цюрихе в настоящее время находится небольшой обломок гробничного известнякового рельефа, приобретенного частным лицом в 1970 г. Две вертикальные полосы рельефа содержат пять жреческих титулов хозяина саркофага, занимавшего некогда жреческие должности в местных северных святилищах Осириса, Хора, Нут. Публикация этого нового памятника выполнена египтологом *Петером Каплони* (Швейцария) в статье «Надпись позднего времени из Цюриха» (стр. 119—150). Автор предпринял обширные исследования о происхождении и судьбах местных нижнеегипетских культов, упомянутых в титулатуре божеств. Широкий исторический и хронологический фон статьи позволил автору затронуть многие вопросы египетских религиозных представлений, проследить взаимосвязь между местными и центральными культами египетских богов. Только в рамках такого большого исследования можно было установить, что саркофаг, фрагмент которого публикуется, принадлежал жрецу из Саиса, погребенному в Мемфисе (Саккара) около 750 г. до н. э.

Хранитель Берлинского египетского музея *Ханнелоре Кишкевич* в статье «Фрагменты одного гроба Позднего царства в Берлине и Париже» (стр. 151—157) публикует угловые косяки деревянного саркофага, один из которых находится в Берлине (№ 663), два других — в Лувре (№ 2239 и 2940). Все три гробничных фрагмента связаны именем начальника конницы (imj-rꜣ śmśm) Knꜣ, которое фиксируется в надписях на всех трех досках. Интерес к хозяину саркофага возрастает в связи с тем, что в надписи луврского фрагмента № 2940, помимо его титула и имени, выписано также и имя отца владельца гроба Nś-nꜣ-ist. Имя это, встречающееся только в эпоху Позднего царства, в известной мере датирует и сам памятник. Издатель находит возможным уточнить эту датировку, сопоставляя фрагменты саркофага Knꜣ с саркофагом из Саккара, принадлежащим сановнику Псамметиха II Бекенрефу (Fiorenze, 1705—2182),— текст и отделка обоих саркофагов удивительно совпадают. Интересно, что современником Псамметиха II был и некий Nś-nꜣ-ist. Не известно, однако, можно ли его отождествить с отцом начальника конницы Knꜣ.

Археолог и искусствовед из Лейпцигского ун-та *Рената Краупе* посвятила свою статью «Одна ныне утерянная стела лейпцигского собрания (Египетский музей Университета им. Карла Маркса, Лейпциг 5128)» (стр. 159—161) публикации по фотографиям и музейной документации утраченной во время второй мировой войны стелы эпохи Среднего царства. Стела, поступившая в Египетский музей при Лейпцигском университете из частного собрания Штайндорфа в 1910 г., выполнена на имя владелицы дома (nb. t pr) Ib-rś. Отмечено низкое качество изготовления стелы — небрежно и с описками выполненный текст, нечеткие изображения. Текст указывает на место присхождения стелы — X Верхнеегипетский ном.

Все 12 настенных рельефов и надписей из заупокойного храма царицы Хатшепсут, находящиеся в экспозиции и запасниках Берлинского египетского музея, рассматриваются археологом *Ядвигой Липиньской* (Варшава) в статье «Исследования по реконструкции храма Хатшепсут в Дейр эль Бахри. Коллекция храмовых фрагментов в египетском музее, Берлин» (стр. 163—171). Цель автора, обратившегося вновь к памятникам, большая часть которых в свое время была уже опубликована в разл ичны изданиях,— установить, насколько это возможно, первоначальное место каждого берлинского блока в системе храмовых сооружений, базируясь главным образом на прежних изданиях памятников заупокойного храма Хатшепсут, а также на документации польских специалистов к реставрации храма [8], работа которых и явилась побудительной причиной для самого исследования.

---

[8] J. L i p i n s k a, Preliminary report on the reconstruction works of the temple of Hatschersut at Deir el Bahari during the season 1964—1965, «Annales du Servise des antiquite d'Égypte», t. 60, 1968, стр. 139—152; P. G a r t k i e w i c z, On the Research and Preservation of Queen Hathepsut Temple at Deir el-Bahari, Portial Reconstruction of Eastern Wall of the Hypostyle Hall. Travaux du Centre d'Archéologie Meditérranéenne de l'Academie Polonaise des Sciences, t. 6, «Études et Travaux», II, стр. 48—78.

Сотрудник Берлинского египетского музея *Ульрих Люфт* публикует «Амулет против сыпи (srf·t)» (стр. 173—179) — небольшой папирус, поступивший в 1967 г. в Собрание папирусов Государственных музеев в Берлине из коллекции Хуго Ибшера (Papyrus Berlin 15749). Заклинание против болезни srf·t выполнено на имя некоей Танефрет. Тридцать строк иератического текста написаны очень четким и ясным почерком. Под текстом находится двухъярусное магическое изображение семерки богов, двух глаз — уджат, двух змей — уреев, человека, поражающего копьем гиппопотама, и поверженного на спину крокодила. Язык заклинания — среднеегипетский. Некоторые грамматические особенности текста и почерка заставляют автора датировать публикуемый амулет временем Рамессидов. Перевод текста снабжен подробным и весьма содержательным комментарием.

Статья *Германа Де Меленера* (Бельгия) «Верховный жрец Мемфиса Сехетеп-ибре-Анх» (стр. 182—184) посвящена предложенной им новой интерпретации титула верховного жреца мемфисского бога Птаха. Изучение памятников верховного жреца бога Птаха Сехетеп-ибре-Анха, жившего в эпоху Среднего царства, заставило автора усомниться в правильности обычной интерпретации этого титула как wr ḫrp(w) ḥmw·t[9] и предложить новое его чтение — wr šḫm ḥmw·t[10], которое, по мнению автора, предлагает приемлемое объяснение для каждой филологической проблемы, возникающей в связи с пониманием этого титула, и не противоречит нашим теперешним представлениям о боге Птахе и его верховном жреце.

Статья *Ингеборд Мюллер* (Берлин) «Сосуды для внутренностей Берлинского египетского музея» (стр. 186—193) представляет собой краткий каталог всех погребальных сосудов Берлинского египетского музея, насчитывавшего в своей коллекции в довоенное время 118 сосудов для внутренностей, ложных канопов и отдельных крышек от погребальных сосудов [11]. Все они вместе как специфическая группа погребального инвентаря не публиковались. В отдельном издании были лишь опубликованы надписи на погребальных сосудах [12]. В настоящей работе приводится описание всех памятников этой группы. Естественно, что основное внимание и здесь обращено на сосуды, содержащие надписи, полностью воспроизводимые в статье. Для составления свода надписей погребальных сосудов за основу взято подразделение Курта Зете из 19 пунктов [13].

Статью «Замечания к изменению образа и происхождению детей Хора» (стр. 195—204) представил в сборник египтолог из Ганноверского ун-та *Петер Мунро*. Как известно, четыре сына Хора — Амсет, Хапи, Дуамутеф и Кебехсенеф — изображались на крышках заупокойных канопов, изучение которых привело автора к заключению, что представления о внешнем образе детей Хора менялись с течением времени. Сначала, вероятно, они мыслились как антропоморфные существа. Появившиеся в Среднем царстве образцы павиана, шакала, сокола не были еще тесно связаны с определенным божеством этой группы, а лишь в течение Нового царства за Хапи закрепляется образ павиана, за Дуамутефом — шакала, за Кебехсенефом — сокола. Такая констатация вызывает другие вопросы, в частности, откуда дети Хора приняли закрепленные за ними впоследствии образы. Соколоподобный Кебехсенеф и шакалоподобный Дуамутеф, возможно, по мнению автора, происходят от духов (bꜣw) соответственно города Пе (Буто) и Нехена (Гиераконполь) — древних столиц Нижнего и Верхнего Египта. Со ссылками на тексты пирамид обосновывается также мнение о небесном происхождении детей Хора.

---

[9] Wb, I, 329.

[10] Написание знаков (скипетров) ḫrp и šḫm различимо только начиная с эпохи Среднего царства.

[11] 11 погребальных сосудов и 4 ложные канопы утрачены во время второй мировой войны, один сосуд в настоящее время находится в Египетском музее Западного Берлина.

[12] См. Ägyptische Inschriften aus den Staatlichen Museen zu Berlin (Lpz, 1924, Nachdruck, 1969).

[13] K. Sethe, Zur Geschichte der Einbalsamirung bei den Ägyptern und einiger damit verbundener Brauche (SPAW, phil-hist. Kl., 1934, XIII, стр. 1* — 16*).

Египтологу и мероисту *Карлу-Хайнцу Призе* из Берлинского ун-та принадлежит статья «Статуя напатийского царя Арамателка (Амтелка), Берлин, Египетский музей Inv. N. 2249» (стр. 211—232). Небольшая, высотой около 75 см, статуя кушитского царя Арамателки (568—555 гг. до н. э.) происходит, по обоснованному мнению издателя, из Гебель Баркала. Сидящий царь изображен в длинном одеянии, со скипетром — nḫ3 в левой руке и бичом в правой, т. е. представлен в образе Осириса. Статуи подобного типа редки и в самом Египте, однако они дошли до нас от всех эпох его истории. Автором, заинтересовавшимся возможностью изучить значение этого типа статуй в связи с праздником хеб-сед, предпринято детальное рассмотрение всех этих памятников, занимающее ведущее место в статье.

Хранительница отдела египетских древностей Лувра *Поль Позенер-Криеже* в статье «Барки заупокойного храма Нефериркара» публикует один из самых скромных фрагментов из Абусирских папирусов [14], находящийся в Берлинском египетском музее,— папирус Berlin 15727 с записью всего лишь двух слов — w3 и bj.t, детерминированных тщательно выписанными ладьями. Суда с такими названиями не зафиксированы в Большом египетском словаре Эрмана — Грапова и встречаются только в Абусирских папирусах: барка bj.t — шесть раз, барка w3 — три. Сопоставление всех сведений о барках w3 и bj.t приводит автора к мысли, что названные типы барок были, по-видимому, небольшими грузовыми судами, посредством которых осуществлялось снабжение заупокойного храма царя V династии Нефериркара регулярными жертвоприношениями, очевидно, еще во времена Древнего царства.

Вставки из цветных стекловидных изразцов представляют собой важный элемент украшений в египетской архитектуре, особенно во времена Нового царства. Небольшая статья *Иохима Сливы* (ПНР) «Египетские фаянсовые изразцы с изображением чужестранцев» (стр. 233—238) посвящена публикации 11 фаянсовых изразцов и фрагментов из коллекции Берлинского египетского музея с изображениями чужеземных соседей Египта: азиатов, сирийца, нубийцев, ливийцев, хетта. Все 11 предметов датируются годами правления Рамсеса III и происходят из его дворцов в Мединет Абу и Телль эль-Иахудиа.

Научный сотрудник Берлинского египетского музея *Стефан Вениг* представил в сборник статью «Гробница солдатского писца Hwj. Заметки к мемфисским гробничным рельефам Нового царства» (стр. 239—245). Цель автора — определить местоположение и установить датировку мемфисского погребения писца войска (sš mšʿ), с именем которого связаны три гробничных известняковых рельефа: один из самых ранних по времени приобретения памятников Берлинского египетского музея, рельеф 2087, привезенный Лепсиусом из Саккара в 1845 г., большой рельеф, обнаруженный при раскопках в Саккара к северу от пирамиды Тети Квебелем, и, наконец, неопубликованный рельеф, находящийся сейчас на складе Саккара. Стилистические особенности и иконография этих рельефов дают автору право считать их тесно связанными друг с другом, к тому же титулы и имя Hwj встречаются на каждом из них. Сопоставляя данные о местах обнаружения рассматриваемых рельефов, а также скульптурной группы Hwj и его жены Сери-Сохмет, имя которой сохранилось и на одном из рельефов, Стефан Вениг приходит к выводу, что погребение Hwj должно было находиться вблизи пирамиды фараона VI династии Тети. Стилистические особенности рельефов, которые несут на себе еще заметное влияние амарнской эпохи, по мнению автора, дают возможность датировать их временем Эйе-Харемхеба.

«Папирус Berlin 10456. Фрагмент медицинского папируса Робинзон» (стр. 247—254) издает *Вольфхард Вестендорф* (Гёттинген). Происхождение публикуемого фрагмента, вероятно, связано с раскопками, проводившимися Берлинским египетским музеем в 1903—1908 гг. на острове Элефантина, где в храмовом архиве, в частности, были обнаружены многочисленные фрагменты медицинского содержания. Фрагмент размером 24 на 14 см содержит 20 вертикальных строк иератического текста, преры-

[14] Hieratic papyri in the British museum. 5-th ser. The Abu-Sir papyri. Ed. together with complementary texts in other collections, by Paule Rosener-Krieger and Jean Louis de Ceneval London, British museum, 1968.

ваемого в нескольких местах лакунами. Исходя из анализа написания некоторых знаков, издатель датирует фрагмент эпохой Птолемеев. Текст написан на классическом для медицинских текстов среднеегипетском языке. Записанные рецепты (в основном против кашля) в целом соответствуют нормам египетской медицины фараоновского времени, что, по мнению Вестендорфа, заставляет пересмотреть представления о том, что уже к концу Нового царства египетская медицина находилась в состоянии упадка, полностью растворившись в магии. Несомненно, что нормы классической египетской медицины, перешагнув Позднее царство, сохранились в Птолемеевском Египте и, возможно, оказали влияние на развитие медицины и в более позднее время.

Раздел «Египтология» завершается статьей *Дитриха Вильдунга* (Мюнхен) «Две стелы первых лет правления Хатшепсут» (стр. 255—268). Берлинская стела № 15699, ставшая достоянием Берлинского египетского музея еще в начале века благодаря Людвигу Борхардту, сопоставляется с впервые публикуемой здесь стелой, которая была приобретена лишь в 1971 г. и заинвентаризована под номером 3/71. Берлинская стела № 15699, подлинность которой в свое время вызывала сомнения [15], являлась официальным царским памятником, стела № 3/71 принадлежала частному лицу и его семье. Имя царицы Хатшепсут объединяет обе стелы — на первой из них она выступает как «великая царская жена» Тутмоса II, на второй сохранились следы уничтоженного изображения царицы и ее тронного имени Маат-ка-ра, которое на самых ранних из известных памятников Хатшепсут появляется на втором году ее совместного царствования с Тутмосом III. Интересно, однако, что на обеих стелах изображена также здравствующая мать царицы Хатшепсут, жена Тутмоса I царица Яхмес, которая умерла в первый год царствования Хатшепсут. Автор отмечает тесное историческое, хронологическое, стилистическое, иконографическое радство двух стел, происходящих, возможно, как это пытается доказать автор, из одного и того же центра — Эдфу. Сопоставление столь близких во многих отношениях памятников не оставляет у автора сомнения в подлинности берлинской стелы № 15699.

Небольшой раздел «Демотика и коптология» (стр. 271 —340) состоит из семи статей, первая из которых, «Коптские острака, содержащие налоговые расписки Берлинского собрания рукописей» (стр. 271—284), принадлежит перу академика АН ГДР *Фрица Хинце*. К настоящему времени известно более 400 налоговых расписок из Фив, имеющих большое значение для изучения раннеарабской эпохи в Египте, а также для просопографии коптских Фив и более точной датировки других правовых памятников из этого города [16]. Публикация всех 27 острака, содержащих налоговые расписки из Берлинского собрания рукописей, представляет в этой связи несомненный интерес. Публикуемые документы разбиты издателем на шесть групп в зависимости от вида фиксируемого в налоговых расписках налога (подушный, поземельный и т. д.). Изданию предшествует краткая характеристика каждого вида налогов.

Во время работы Ф. Хинце над коптскими долговыми расписками ему были переданы материалы покойного коптолога Пауля Кале, работавшего в той же области. С предисловием Хинце под названием «К коптским налоговым распискам» (стр. 283—285) публикуются принципы датировки этих памятников, детально разработанные *П. Кале* в результате исследования всех известных ему документов подобного рода.

«Новое демотическое письмо из Гебелена (составное из двух фрагментов в Лондоне и Берлине») (стр. 287—301) издает *Урсула Коплони-Хекель* (Гейдельберг). Среди демотических фрагментов Британского музея в 1969 г. был обнаружен фрагмент из Гебелена, содержащий текст и адрес (10 строк recto и 2 строки verso) письма, последние 10 строк которого составляют содержание папируса № 13381 Берлинского собрания папирусов. Письмо птолемеевского времени (103 г. до н. э.) сохранило имена и отправителя Панабхуниса, и адресата — Патеса. Издателю представилась счастливая возможность при публикации нового письма сопоставить его текст с параллельными текстами из Гебелена — письмом того же Панабхуниса Патесу, находящимся сейчас в Гейдель-

[15] G. Roeder, Aegyptische Inschriften..., II, Berlin, 1924, стр. 103.

[16] См. W. Till, Datierung und Prosopographie der koptischen Urkunden von Theben, Wien, 1962.

бергском собрании (составное из DP Heidelberg 781a + DP Heidelberg 742b + ненумерованный кусочек папируса), а также письмом папируса DP Heidelberg 781b — все это облегчает чтение, дает возможность уточнить значение определенных терминов, охватить широкий круг вопросов, связанных с публикуемыми текстами.

Научный сотрудник секции древней истории и востоковедения ун-та им. Мартина Лютера (Галле) *Петер Нагель* в статье «Проповедческое изречение Мани (Keph. 14,7—11) и старосирийский евангельский перевод» (стр. 303—313) приходит к выводу, что рассматриваемый им отрывок из посмертного сборника основателя манихейства Мани «Кефалайя», восходящий к евангелию от Иоанна XVI, 7—9, имеет своим непосредственным источником не греческий оригинал или коптский перевод евангелия, а его старосирийский перевод. В заключение дается новая реконструкция и перевод указанного текста.

Статья коптолога из Берлинского ун-та *Ханса-Мартина Шенке* «Замечания к коптскому папирусу Berolinensis 8502» (стр. 315—322) содержит ряд наблюдений над большим коптским гностическим текстом Берлинского собрания папирусов, поводом к которым послужила сверка фотографического воспроизведения текста документа во втором его издании [17] с оригиналом.

Подобно академику Ф. Хинце, опубликовавшему здесь коптские остракa из Фив, содержащие налоговые расписки раннеарабского времени (см. выше), *Стен Вангштедт* (Уппсала) издает «Демотические налоговые расписки из Эдфу в Берлинском собрании папирусов» (стр. 323—334), состоящие из 26 демотических остракa раннеримского времени.

Раздел «Демотика и коптология» завершается статьей *Карла-Теодора Цауциха* (Западный Берлин) «Подтверждение одной реконструкции (P. Loeb 62 + P. Berlin 15558)» (стр. 336 — 344), в которой автор обращается к интересному демотическому документу юридического характера II в. до н. э. — папирусу Loeb 62, дошедшему до нас неполностью. Благодаря тексту берлинского папируса 15558 автору удается восстановить недостающую часть папируса Loeb 62 и подтвердить в основном реконструкцию этого документа, предпринятую Ч. Ф. Нимсом [18]. Комментарии к публикуемому восстановленному тескту составлены по принципу сопоставления новой его реконструкции с реконструкцией Нимса.

Раздел «Папирология и эпиграфика» (стр. 341—462) открывается статьей *И. Ф. Фихмана* (СССР) «Земли курии в Оксиринхе?» (стр. 343—346) [19]. В ней предпринимается попытка объяснить встречающееся дважды в папирусах выражение ἐκ δικαίου τεταρτομοιρίας как обозначение статуса земель, перешедших к курии на основании законодательства Феодосия II (подтвержденного и усиленного Юстинианом), предусматривавшего передачу курии $^1/_4$ (по Юстиниану уже $^3/_4$) земель, завещанных куриалом не члену курии. Если предложенное в статье толкование верно, то оно свидетельствует не только о наличии земель, принадлежащих курии как корпорации (в отличие от городских земель, которыми курия заведовала в качестве представителя города [20]), но и о переходе этих земель в руки крупных землевладельцев.

P. Colon, inv. 1473 (?, V — VI вв.), публикуемый *Л. Кэненом* (ФРГ) в статье «Монах в роли профессионального писца» (стр. 347—354), содержит письмо Дионисия монаху(?) Гонорию. Узнав, что Гонорий купил пергамен, Дионисий просит его приехать для переговоров или сообщить, когда он сможет приступить к переписыванию книги с экземпляра, который он предоставит в распоряжение Гонория. Публикации предпослано большое введение о работе книжных писцов в древности с соответствующей литературой и ссылками.

---

[17] W. C. Till, Die gnostischen Schriften des Koptischen Papyrus Berolinensis 8502, TU60, B., 1955.

[18] Acta Orientalia, XXV, стр. 266—276.

[19] Русский вариант: И. Ф. Фихман, Ἐκ δικαίου τεταρτομοιρίας, ПС, вып. 25 (88), (1974), стр. 115—118.

[20] Подробнее: И. Ф. Фихман, Городское и императорское землевладение в Оксиринхе IV — VI вв., ПС, вып. 23 (86), (1971), стр. 144—148.

Р. Кэрнер (ГДР) публикует «Греческие надписи из Египта» (стр. 355—362) из собрания музея. Издаваемые восемь надписей — это главным образом посвящения и эпитафии, в основном небольшие по размеру (в двух случаях на них начертано только одно имя собственное). Тем не менее публикация надписей представляет несомненный интерес как из-за подробного комментария, так и благодаря содержанию. Например, надпись № 1 впервые свидетельствует об идентификации Ἥλιος с Αἰών, в надписи № 6 (христианской) примечательна необычная формула [21].

Х. Мэлер (Западный Берлин) в статье «Отрывки древних гомеровских рукописей из Египта» (стр. 363—394) издает 30 отрывков из «Илиады» (24) и «Одиссеи» (6) в основном римского и византийского времени, преимущественно из Гермополя и Фаюма.

Директор Берлинского египетского музея *В. Мюллер* посвятил свою статью «Отрывки погибшей греческой литературы» (стр. 395—407) изданию 20 небольших отрывков ἀδέσποτα. Эти произведения различных жанров, сохранившиеся в виде текстов римского и византийского времени, главным образом из Гермополя, еще ждут атрибуции [22].

Сотрудник Берлинского египетского музея *Г. Пэтке*, готовящий издание специального тома гермопольских папирусов византийского времени, публикует «Договор об аренде земли из Гермополя (P. Berlin 11746)» (стр. 409—414). Договор, принадлежащий архиву некоей Аврелии Киры, она же Евсторгия [23] имеет ряд особенностей. Аврелия Кира сдает 9 $^1/_2$ *аруры* (с правом пользования $^1/_4$ цистерны) не своей земли, а земли, полученной ею в заклад [24] в связи с выдачей ссуды в 37 номизм юридической собственнице земли — Феонилле. Поскольку срок возвращения ссуды, по-видимому, не был установлен, то арендный договор заключается на срок действия ипотеки [25]. Очевидно, арендная плата должна возместить ссудодателю проценты. Как известно, законный процент в римско-византийском Египте составлял 12% годовых [26]. Таким образом (исходя из того, что одна номизма обычно равна была 24 кератиям), ссуда составляла 888 кератиев, а ежегодная арендная плата в 81 кератий—около 10% этой суммы, т. е. менее законного процента. По-видимому, Аврелия Кира предпочитала, как об этом свидетельствуют и другие тексты, относящиеся к ее архиву [27], ежегодно гарантируемую арендную плату уплате процентов ссудополучателем. В данной сделке, при-

---

[21] Об этих надписях см. W. Peek, Grabepigramm aus Aegypten, ZPE, XXI (1976), стр. 133—134 (к № 4); он же, Fragment eines Grabgedichtes aus Ägypten, там же, стр. 273—274 (к № 5).

[22] Некоторые тексты уже идентифицированы: № 17, см. J. O'Callaghan, Eusebio: Historia eclesiástica VI, 43, 7—8, 11—12 en P. Berl. inv. 17076, St. P., XIV (1975), стр. 102—108; № 18, см. J. Lenaerts, Un ostracon scolaire d'Isocrate, ChE, L, 1975 (1976), стр. 195—196; M. Gronewald, P. Berol. 17747 Ostrakon = Isokrates, An Demonikos § 28, ZPE, XXII (1976), стр. 19—20; № 19, см. J. O'Callaghan, Théocrite I 31—35, 73—78 (P. Berl. inv. 17073), ChE, L, 1975 (1976), стр. 192—194.

[23] Другой арендный договор из архива Аврелии Киры, опубликованный в P. Berl. Frisk, 5 = SB, V, 7519 (510 г.), издатель неоднократно привлекает в ходе комментария. К этому же архиву относятся BGU, XII, 2149 (470 г.), 2181 (508 г.) и 2186 (514 г.?), которые были недоступны Г. Пэтке, и, возможно BGU, XII, 2180 (ссуда, 504 г.) и неизданный P. Berol., inv. 21798 (Западный Берлин).

[24] О земле, полученной в заклад и сдаваемой в аренду, помимо отмеченных издателем текстов, см. также гермопольские папирусы: BGU, XII, 2150 (472 г.), 2181 (508 г.).

[25] Хотя такая клаузула должна была гарантировать продолжительность аренды, в действительности, по-видимому, ссудодатель мог все же менять арендатора. Так, в BGU, XII, 2181 и P. Berl. Frisk, 5 = SB, V, 7519, речь идет об одном и том же участке, заложенном тем же землевладельцем тому же ссудодателю, договор об аренде заключен на тех же условиях (та же ежегодная арендная плата, даже длительность аренды сформулирована теми же словами — ἐφ' ὅσον χρόνον διακατέχεις τὴν ὑποθήκην, а арендаторы разные. Правда, можно предположить, что арендатор сам отказался от участка или не уплатил в срок арендную плату.

[26] См., например, J. Herrmann, Zinssätze und Zinsgeschäfte im Recht der gräko-ägyptischen Papyri, JJP, XVI (1962), стр. 25.

[27] BGU, XIII, 2181 (508 г.); P. Berl. Frisk, 5=SB, V, 7519 (510 г.); в BGU, XII, 2149 (470 г.) она сдает свой участок тоже на неопределенный срок, а в BGU, XII, 2186 (514 г.?) также свой участок, но уже на фиксированный срок.

нимая во внимание размер процентов вряд ли арендная плата засчитывалась в счет погашения долга. Кроме того, если бы арендная плата включала и частичное погашение долга, можно было бы заранее вычислить срок действия договора. Именно потому срок не подлежит определению, что в любое время ссудополучатель, вернув ссуду, получал обратно заложенную землю. Арендатор, хотя и житель города, называет себя γεωργός, что особенно часто встречается в гермопольской документации [28]. В статье предлагается ряд исправлений и дополнений к SB, V, 7519.

Статья директора Гейдельбергского папирологического собрания, специалиста по греческой и латинской палеографии *Р. Зайдера* носит название «Палеография древнейших греческих папирусов Берлинских государственных музеев» (стр. 415—424) [29], но в ней рассматриваются также палеографические особенности папируса из Дервени и знаменитого венского папируса Артемисии. Сначала автор анализирует литературные папирусы — «Персы» Тимофея (папирус относится ко времени, предшествующему завоеванию Египта Александром), орфический папирус из Дервени (середина IV в. до н. э.), папирус из Элефантины со схолиями и элегией (конец IV в. до н. э.), а затем рассматривает документальные папирусы: P. Eleph. 1=M. Chrest. 283=Jur. Pap. 18 = Sel. Pap. I, 1=Pap. Prim. 25 (311 г. до. н. э.) и венское проклятие Артемисии—SB, I, 5103 = UPZ, 1 (IV в.), P. Berol., inv. 13501 (285/4 г. до н. э.) и 13503 (284/3 г.), сопоставляя элефантинский P. Berol. inv. 13501 с письмом диойкета Аполлония, недавно опубликованным в P. Lond., VII, 2653 (254 г.). Разбору каждого текста предпослана информация об обстоятельствах обнаружения текста и краткое содержание. В заключение Р. Зайдер высказывает точку зрения, что как в отношении книжного письма, так и документального следует исходить из того, что развитие не носило локально египетского характера. Развитие письма, имеющего свои истоки на греческой родине, шло параллельно с развитием «койнэ».

Папиролог *А. Швидерек* (ПНР) в статье «Οἱ τῷ ὄντι ἀναχεχωρηκότες (P. Berlin 16036 verso col. II 1—20)» (стр. 424—429) дает описание текста названного папируса, содержащего и на recto и на verso по шесть столбцов, но публикует только первые 20 строк второго столбца verso. Это копия циркулярного письма префекта Египта Байена Бластиана (168 г.), адресованного одному из стратегов Арсиноитского нома. Отрывок письма уже был опубликован как P. Strasb. 239 (с небольшими отклонениями от берлинского папируса), но размер отрывка не позволял выяснить значение документа (даже неизвестно было, от кого он исходит). Циркуляр касается проблемы так называемого анахоресиса, т. е. бегства населения из-за невыносимого гнета налогов и повинностей. Публикация полного текста позволяет впервые установить, что наряду с действительным анахоресисом (литература о нем приводится в статье), т. е. с настоящим бегством, существовал еще фиктивный анахоресис. Соответствующие лица, оставаясь на месте, добивались каким-то образом включения их имен в список беглых (необнаруженных) и, таким образом, формально переставали существовать для фиска, получая на более или менее длительное время передышку, в то время как на их земляков раскладывались недоимки и повинности фиктивных (и настоящих) беглецов. В письме префект распоряжается о временной отсрочке платежей должников для того, чтобы бежавшие вернулись, а оставшиеся на месте не пустились в бегство. В конце письма высказывается мнение о необходимости поиска какого-то нового выхода из положения (очевидно, вместо раскладки бремени на оставшихся — μερισμὸς ἀναχεχωρηκότων и ἀπόρων). Фиктивный анахоресис, о котором говорится в письме, дает основание предполагать, что и в это время египтяне прибегали к каким-то формам покровительства, позволявшим обходить уплату

---

[28] См. И. Ф. Фихман, Оксиринх и Ермуполь в византийское время (сопоставление арендных договоров), «Древний Восток», I. К семидесятипятилетию академика М. А. Коростовцева, М., 1975, стр. 189; см. также BGU, XII, 2149_6 (470 г.); 2150_4 (472 г.); 2151_5 (476 г.); 2164_3 (494 г.); P. Strasb. 398_4 (553 г.), и т. д.

[29] Параллельная статья: R. Seider, Zur Paläographie der frühen lateinischen Papyri, «Proceedings of the XIV International Congress of Papyrologists, Oxford, 24—31 July 1974», L., 1975, стр. 277—283 + табл. XX — XXVI.

налогов, — явление, которое примет массовый характер в византийское время в виде широко известных патроциниев [30].

К. Трой (ГДР) в статье «Небольшие фрагменты классической литературы» (стр. 431—440) публикует пять текстов: Гомера (два), Софокла, Исократа и Платона. Хотя издание не дает ничего существенного для критики текстов оно вносит известные коррективы в наши представления о распределении и степени распространения тех или иных произведений классических авторов. Так, мы впервые узнаем, что текст трагедии Софокла «Филоктет» переписывался в Гермополе, где раньше текстов Софокла не было обнаружено.

Статья безвременно скончавшегося в 1975 г. иенского папиролога *Ф. Юбеля* «Новое доказательство существования агораномия в Оксиринхе в III веке до н. э. (P. Berlin 11803)» (стр. 441—452) представляет собой публикацию папируса 212 г. до н. э. с подробным введением и комментарием и приложение — переиздание P. Hib. 89 (239 г. до н. э.), опубликованного в 1906 г., который Ф. Юбелю удалось восстановить благодаря Берлинскому папирусу. Значение текста заключается не столько в том, что он содержит новое упоминание агораномия в III в. до н. э., хотя агораномий[31] играл в данном случае, как и в остальных трех папирусах, о которых говорит Ф. Юбель, большую роль в легализации сделки, сколько в том, что папирус, сохранив полный текст документа, позволяет установить особенности сделки и, следовательно, документа и выяснить ряд вопросов, до этого не поддававшихся бесспорному или удовлетворительному объяснению из-за немногочисленности и недостаточной полноты параллельных текстов. Речь идет о так называемом двойном документе (Doppelurkunde), содержащем, как полагалось в это время [32], два почти одинаковых текста (scriptura interior и scriptura exterior), касающихся продажи недвижимого имущества, оформленного в виде кредитной сделки. Продавец выдает расписку в получении 500 драхм в качестве цены участка, т. е. выступает в роли ссудополучателя. Он обязуется в течение 10 дней с того момента, как покупатель (ссудодатель) это потребует, предоставить в распоряжение последнего документ о регистрации сделки (ὁότω ὠνήν) в оксиринхском агораномии. В случае невыполнения продавец возвращает полученную сумму в полуторном размере и подвергается взысканию согласно царскому декрету (κατὰ τὸ διάγραμμα).

Э. Виссер (Голландия) в статье «Греки у персидского двора и проскинесис» (стр. 453—457) рассматривает вопрос о соблюдении греками персидского церемониала в случаях личной аудиенции у царя. Опираясь на многочисленные сведения нарративных источников, современных событиям и более поздних, она приходит к выводу, что рассказы о нежелании греков выполнять проскинесис, точное содержание которого в связи с многозначностью слова нуждается в выяснении в каждом отдельном случае, является в основном элементом позднейшего приукрашения любви греков к свободе и независимости. В действительности же грекам при общении с царем, в особенности когда они находились на его службе или выступали в роли просителей, приходилось безусловно следовать придворному церемониалу.

Е. Випшицкая (ПНР) публикует в сборнике «Две налоговые расписки V и VI вв.» (стр. 459—462). Речь идет о P. Berol., inv. 13916 (Гермопольский ном. вторая половина V в.) и 13911 (?, VI в.). В первом тексте комарх [33] Василид выдает схоластику Иоанну, сыну Таврина, жителю (κωμοικήτωρ) деревни Птеменкирис расписку в получении 21 ке-

[30] О покровительстве в довизантийское время: D. J. Crawford, Skepe in Soknopaiou Nesos, JJP, XVIII (1974), стр. 169—175; M. Piątkowska, La σκέπη dans l'Egypte ptolémaique, Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdansk, 1975 (Archiwum filologiczne, 32).

[31] Об агораномии см. M. G. Raschke, The Office of Agoranomos in Ptolemaic and Roman Egypt, «Akten des XIII. Internationalen Papyrologenkongresses...», стр. 349—356.

[32] Об этом типе документа см. H.-J. Wolff, Zur Geschichte der Sechszeugendoppelurkunde, «Akten des XIII. Internationalen Papyrologenkongresses...», стр. 469—479.

[33] Слово восстановлено, к приведенной в статье литературе о комархе (стр. 461_9) следует добавить: L. Missler, Der Komarch. Ein Beitrag zur Dorfverwaltung im ptolemäischen, römischen und byzantinischen Ägypten, Diss., Marburg/Lahn, 1970.

ратия в качестве налогов за некого Фрими, сына Пахимия. То, что налог платит не юридический собственник земли, а постороннее лицо (к сожалению, отношения между ними не отражены в расписке), можно объяснить либо тем, что Иоанн является съемщиком земли Фирми, выплачивающим налоги из причитающейся землевладельцу арендной платы, либо, как отметила издатель, тем, что схоластик оказывает содействие обратившемуся к нему землевладельцу. Если это так (мы склоняемся ко второму толкованию), то перед нами, по всей вероятности, скрытый патрициний в обход императорскому законодательству[34]. Схоластик Иоанн упоминается, по сведениям Е. Випшицкой, еще в двух подготовленных ею к публикации документах: P. Berol., inv. 13912 (485 г.) и 13909 (514 г.), в которых он уже выступает в качестве землевладельца [35]. Во втором тексте деньги уплачиваются, по-видимому, за деревенского рипария.

Раздел «История и археология» (стр. 463—522) состоит из четырех работ.

В статье *Л. Кастильоне* (ВНР) «Два пропавших рельефа римского времени» (стр. 465—472) предпринимается попытка определить содержание и датировать два рельефа, некогда находившиеся в собрании Берлинского Музея, в свое время не опубликованные и к моменту написания статьи числящиеся пропавшими. Памятники описываются на основе фотографий с привлечением архивного описания и параллельного или родственного материала. В первом случае идет речь о куске фриза, на котором изображена сцена с участием Исиды, скорее всего мифологического характера. Как выяснилось позже, оригинал не пропал, а находится в Западном Берлине. Второй рельеф — это изображение бога Титоэса в виде льва с человеческим лицом в анфас и с соответствующими атрибутами. В заключение автор дает подробный стилистический анализ иконографии бога, выделяя эволюцию от чисто египетского к смешанному египетско-греко-римскому типу.

И. Даннескиольд-Самсэ (Дания) в статье «Статуя египетского сановника, Берлин № 15789» (стр. 473—482) издает статую из черного гранита, приобретенную Л. Борхардтом в 1902 г. в Ахмиме. Автор тщательно описывает статую (лицо, одежду, позу), а затем сопоставляет ее с рядом изображений тетрархов, с которыми она сближает памятник. В итоге автор приходит к выводу, что это изображение римского сановника времени тетрархии, вероятнее всего, презида Фиваиды.

К. Парласка (ФРГ) публикует статью «Стела с изображением сокола из Эдфу. Замечания о группе уничтоженных рельефов Берлинского музея» (стр. 483—487). В отличие от Л. Кастильоне, который имел в своем распоряжении фотографии памятников, К. Парласка мог оперировать только подробным описанием 14 рельефов Гора, сохранившихся в инвентарной книге музея (№ 22469—22481), но наличие параллельных памятников, которые он широко привлекает [36], позволяет ему рассмотреть особенности различных типов стел.

---

[34] См. теперь и BGU, XII, 2168, и введение Х. Мэлера к тексту.

[35] Х. Мэлер во введении к BGU, XII (стр. XXII — XXIII) относит. P. Berol., inv. 13912, к «архиву Таврина», а именно к Фл. Иоанну I, а p. Berol., inv. 13909, который он датирует 513 г., к тому же архиву, но к Фл. Иоанну II. Е. Випшицкая не касается в данной публикации этого вопроса, но позднее при издании этих двух папирусов (E. W i p s z y c k a, «Deux Contrats byzantins d'Hermoupolis» в сборнике «Collectanea Papyrologica. Texts Published in Honor of H. C. Youtie». Part Two. Bonn, 1976, стр. 569—579) принимает точку зрения Х. Мэлера и его датировку P. Berol., inv. 13909 и относит P. Berol., inv. 13912 = P. Coll. Youtie, II, 89 к Фл. Иоанну I (деду), а P. Berol., inw. 13909 = P. Coll. Youtie, II, 90 к Фл. Иоанну II (внуку), см. W i p s z y c k a, Deux contrats..., стр. 578. Таким образом, если согласиться с предположением Е. Випшицкой, что схоластик Иоанн из P. Berol., inv. 13916 то же самое лицо, что и Фл. Иоанн из P. Berol., inw. 13912 (P. Berol., inv. 13909, как отмечено, относится к его внуку), то речь идет о Фл. Иоанне I и документ представляет собой уже второй (хронологически первый) случай использования патрициния в данной семье. Правда, схоластик Иоанн не назван Флавием, а Фл. Иоанн в других текстах не назван ни схоластиком, ни бывшим схоластиком, ср. P. Lond., V, 1711_{14} (Афр., VI в.). То же самое следует сказать и о Фл. Иоанне II.

[36] На стр. 485 и 486 в ряд ссылок на таблицы вкрались опечатки, вместо 77, 78, 79, 80, 81 следует читать 82, 83, 84, 85, 86.

Раздел и том заканчиваются публикацией текста курса лекций «Византийская история» (стр. 497—522), прочитанного в 1950 г. в Лейпцигском ун-те скончавшимся в 1960 г. выдающимся папирологом, многолетним заведующим Берлинским папирологическим собранием (1900—1937 гг.) *Вильгельмом Шубартом*. Это не столько курс истории Византии в обычном понимании этого слова (нет даже деления на главы или периоды), сколько блестяще написанный очерк, в котором основное внимание уделяется месту Византии в системе современных ей государств и связям византийской культуры с культурами Востока и Запада.

Как показывает наш обзор, юбилейный сборник в честь Берлинского египетского музея представляет собой исключительно важное научное издание, существенно обогащающее наши знания о древнем Египте.

И. В. Виноградов, И. Ф. Фихман

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РИМА 90-х годов I в. до н. э.

Период, последовавший за подавлением движения Сатурнина, современные ученые по праву называют «темным, но богатым событиями десятилетием» [1], и причиной тому прежде всего — состояние источников. Между тем значение этого периода для последующей истории Рима трудно переоценить: этот период закончился такими, имеющими далеко идущие последствия событиями, как попытка реформ М. Ливия Друза Младшего и Союзническая война [2]. Раскрыть истинные причины этих и других важнейших событий эпохи поздней Республики невозможно без ясного понимания социальной и политической истории римского общества 90-х годов I в. до н. э. В связи с этим представляют определенный интерес попытки современных ученых пролить свет на историю этого периода.

Среди вышедших за последнее время работ, касающихся истории этого десятилетия, прежде всего обращает на себя внимание работа Э. Габбы [3]. Наиболее существенное в ней — попытка объяснить события, приведшие к Союзнической войне, позицией италийских деловых кругов, которая в свою очередь определялась расхождением их по вопросам внешней политики с римским реакционным правительством, стоявшим во главе государства после 100 г. до н. э. (стр. 56—60). То, что римско-италийские деловые круги были необычайно чувствительны к внешнеполитическим переменам, с очевидностью явствует из сообщения Цицерона (De imp. Pomp. 15—19). Известно, как остро римские всадники реагировали на осложнения в Нумидии накануне Югуртинской войны и во время ее [4]. Следует также помнить, что Митридат Ев-

---

[1] E. I. Weinrib, The Judiciary Law of M. Drusus (tr. pl. 91 B. C.), «Historia», XIX, 1970, Ht. 4, стр. 414; ср. E. S. Gruen, Political Prosecutions in the 90's B. C., «Historia», XV, 1966, Ht. 1, стр. 32, прим. 1.

[2] О том, какое значение имели законопроекты Друза Младшего для деятельности Суллы, см. E. Gabba, M. Livio Druso e le Riforme di Silla, «Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa», ser. II, v. XXXIII, fasc. 1, 2, 1964, стр. 1—15.

[3] E. Gabba, Le origini della Guerra Sociale e la vita politica romana dopo l'89 a. c., «Athenaeum», 1954, XXXII, fasc. I—II. Следует отметить, что именно Габба целым рядом статей в журнале «Athenaeum» положил начало новому этапу изучения периода 90-х годов I в. до н. э. (ср. E. Badian, Caepio and Norbanus, «Historia», VI, 1957, Ht. 3, стр. 318, прим. 3).

[4] См. Б. П. Селецкий, Социально-политическая борьба в Нумидии накануне Югуртинской войны, ВДИ, 1964, № 2; он же, Роль Сципиона Младшего в развязывании Югуртинской войны и политическая позиция его кружка, ВДИ, 1967, № 4; он же, К вопросу о социально-политической борьбе в Риме в период Югуртинской войны, ВДИ, 1970, № 4.

патор, в известной мере занявший в 90-х годах I в. до н. э. место Югурты, был намного опаснее последнего уже хотя бы потому, что угрожал азиатским владениям Рима (стр. 69—79). Однако Габба не обратил должного внимания на непримиримые противоречия, существовавшие между римскими всадниками-откупщиками и италийскими negotiatores в вопросе о методах эксплуатации провинции (стр. 77—79, 82), не заметил, как сенатская олигархия пыталась использовать эти противоречия в своих интересах [5]. Очень сомнительно то, как оценивает Габба значение трибуната Друза среди причин, породивших Союзническую войну (стр. 51, прим. 2 и стр. 82), так как это противоречит свидетельству Цицерона (De off. II, 21, 75: tantum Italicum bellum propter iudiciorum metum excitatum), которое нельзя игнорировать, как это делает Габба, ссылаясь на то, что оратор отражал в данном случае субъективную точку зрения всаднического сословия (стр. 42). В конце концов сам автор признает важную роль всадников в событиях, связанных с возникновением Союзнической войны (стр. 77). Поэтому позиция всадников в данном вопросе никак не может рассматриваться как второстепенная и маловажная, поскольку это была позиция одной из главных сил, определявших тогда основные тенденции римской политики.

Интересную попытку связать такие важные события 90-х годов, как процессы П. Рутилия Руфа и М. Эмилия Скавра в 92—91 гг., с отношениями Рима и Митридата на Востоке делает Э. Бедьян [6]. Его реконструкция некоторых событий 96—91 гг. представляется чрезвычайно убедительной. На наш взгляд, Бедьян совершенно правильно относит посольство Скавра к 96 г. и связывает его с требованием очистить Пафлагонию и Каппадокию, предъявленным римским правительством Никомеду II и Митридату Евпатору (стр. 118—121). Несомненно, посольство Скавра, ставшее поводом для возбуждения судебного процесса в конце 92 или начале 91 г. [7], не могло иметь место до 100 г., как это утверждает Г. Блок [8]: маловероятно, чтобы обвинение могло быть с успехом выдвинуто через десять лет после событий, послуживших поводом к нему [9]. В связи с этим убедительным выглядит утверждение, что посылка в Азию в качестве проконсула Кв. Муция Сцеволы Понтифика с П. Рутилием Руфом в качестве легата была инспирирована Скавром, во время своего посольства ознакомившимся с состоянием римской провинции Азии и справедливо опасавшимся, что, если положение провинциалов не будет облегчено, эта провинция станет в будущем легкой добычей Митридата (стр. 119—120). Как показали последующие события, такое опасение было вполне обоснованным и римские политические деятели не могли не видеть этого уже в 90-х годах. После этой работы Бедьяна можно, как мне кажется, считать приемлемой также предлагаемую им дату наместничества Сцеволы: вопреки широко распространенному мнению, Бедьян относит наместничество Сцеволы к 94 г. (стр. 104—112). В дополнение к этой реконструкции событий хотелось бы напомнить об одной, теперь мало кем разделяемой гипотезе, которая в свете исследований Бедьяна выглядит весьма убедительной, хотя сам он не упоминает о ней. В своей статье Бедьян обращает внимание на то, что легатом молодого консуляра Сцеволы в Азии оказался такой старый и заслуженный консуляр, как П. Рутилий Руф. Этот факт Бедьян трактует как одно из доказательств того, что назначение Рутилия и Сцеволы в Азию было тщательно

---

[5] Более подробно об этом см. E. T. Salmon, The Cause of the Social War, «Phoenix», 1962, XVI, № 2, стр. 107—119; Б. П. Селецкий, Законопроект Друза Младшего о предоставлении гражданских прав италикам в свете писем Цицерона (Q. fr. I, 1; Att., II, 16), «Klio», Bd. 58/II, 1976, стр. 425—437.

[6] E. Badian, Q. Mucius Scaevola and the Province of Asia, «Athenaeum», 1956, XXXIV, fasc. I—II.

[7] О датировке обвинения, выдвинутого Цепионом Младшим против Скавра, см. Flor., II, 5,5; E. S. Gruen, Political Prosecutions in the 90's B. C., «Historia», XV, 1966, Ht. 1, стр. 57.

[8] G. Bloch, M. Aemilius Scaurus, «Université de Paris. Bibliotheque de la Faculté des Lettres», XXV, P., 1909, стр. 31—32.

[9] Следует помнить, что Скавру и прежде правительство поручало весьма деликатные «миротворческие» миссии, см. Селецкий, К вопросу о социально-политической борьбе..., стр. 117 сл., 122.

продумано и спланировано заранее и что римское правительство придавало их деятельности важное значение (стр. 113—116). В этой связи стоит напомнить высказывавшееся в свое время предположение, что П. Рутилий Руф, возможно, в 111 или в 110 г. был пропретором в провинции Азии [10]. Если это предположение верно, то становится ясно, почему столь значительный деятель, как Рутилий Руф, занял скромное положение легата при молодом консуляре. Дело не в том, что Рутилий был знатоком законов (стр. 115), а в том, что если ранее он был пропретором в Азии, то был знаком с местными условиями, в отличие от Сцеволы, и этот факт был весьма немаловажен для успеха миссии, возложенной на Сцеволу правительством [11]. Бедьян опускает еще один аспект назначения Рутилия: приблизительно около 110 г. до н. э. Митридат Евпатор начал свои операции в Северном Причерноморье (Strabo, VII, 4, 3) [12]. Такие действия со стороны зависевшего от Рима и сравнительно недавно утвердившегося на престоле понтийского царя были возможны лишь при благожелательном отношении со стороны римского наместника в Азии. Таким образом, между Митридатом и П. Рутилием Руфом должны были установиться весьма дружественные отношения. Как свидетельствуют источники, именно так и было в действительности. Эти дружеские отношения и их переписка привели даже к обвинению Рутилия в изменнических сношениях с Митридатом (Plut., Pomp. 37). Об этом также свидетельствует следующий факт: во время войны с Римом Митридат, повсюду провозглашавший о своей ненависти к Риму и освободительной миссии в отношении покоренных Римом народов, сохранил в Малой Азии празднество, установленное провинциалами в честь Кв. Муция Сцеволы Понтифика, который был лишь прикрытием для настоящего наместника Азии, Рутилия (Cic., Verr. II, 51). Дань уважения Сцеволе была, таким образом, данью уважения Рутилию.

Учитывая это, Бедьян, кажется, упустил еще одну причину назначения Рутилия легатом при Сцеволе: его задачей было не только улучшение положения провинциалов и упрочение позиций Рима в азиатской провинции, но и нормализация весьма сложных отношений с Митридатом, в обострении которых были весьма заинтересованы римские откупщики и тесно связанный с ними Марий [13]. Миссия такого рода скорее всего могла быть поручена человеку, имевшему с Митридатом давние дружеские связи. В свете этого представляется ошибочным стремление Бедьяна скомпрометировать свидетельство источника (Dio Cass., fr. 97,4; ср. 1), утверждающего, что против Рутилия было выдвинуто обвинение в том, что он брал взятки у Митридата. Свидетельство Диона Кассия отнюдь не стоит особняком, как это получается у Бедьяна (стр. 110, прим. 5) — оно вполне подтверждается сообщениями Плутарха (Pomp. 37) и Цицерона (Verr. II, 51). Напомним, что в 94 г. по-видимому, после длительной болезни умер царь Вифинии Никомед II, и нетрудно было предугадать, как поведет себя после его смерти Митридат Евпатор. Ввиду этого назначение Рутилия в Азию выглядит вполне естественным: в нем видели наиболее подходящего человека, чтобы, с одной стороны, приструнить римских откупщиков, с другой — удержать Митридата от действий, которые могли бы

---

[10] См. W. H. Waddington, Fastes des provinces asiatique de l'Empire romain, P., 1872, стр. 32, 33; ср. Pomponius, Dig. I, 2, 40. В свете исследования Бедьяна следует, кажется, пересмотреть те возражения, которые делались по поводу этой гипотезы: см. D. Magie, Roman Rule in Asia Minor, т. I, Princeton, 1950, стр. 175, прим. 49.

[11] Не следует забывать, что в управлении провинцией Рутилий фактически полностью заменил Сцеволу, который находился в своей провинции всего девять месяцев. Не случайно виновником понесенного ими ущерба всадники-откупщики считали не Сцеволу, а именно Рутилия. Естественно думать, что фактическим наместником Азии был Рутилий (см. Cic., Att. V, 17,5; ср. Gruen, ук. соч., стр. 55).

[12] См. Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi de Pont, P., 1890, стр. 68; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.— Л., 1949, стр. 301.

[13] Еще в 100 г. по инициативе Сатурнина и, несомненно, под давлением откупщиков существовал проект предоставить Марию чрезвычайное командование в Азии, которое фактически было направлено против Митридата (A. Passerini, Caio Mario come uomo politico, «Athenaeum», 1934, XII, fasc. II, стр. 134 сл.); о вызывающем поведении Мария во время визита к Митридату в 98—97 г. см. Plut., Mar., 31.

поставить римское правительство перед необходимостью непосредственного вмешательства. Некоторым диссонансом на фоне этого остроумного и изящного исследования звучит утверждение, что всадники не особенно интересовались политикой, пока это не затрагивало их непосредственных экономических интересов; они, по мнению Бедьяна, обрушились на Рутилия только потому, что тот пытался ограничить грабежи откупщиков в Азии (стр. 111). Бедьян не учитывает свидетельства Цицерона (De imp. Pomp. 15—19), из которого видно, что с самых первых проявлений активности Митридата в Азии политика римского правительства в этих областях должна была стать для всех римских всадников вообще — и для откупщиков в первую очередь — предметом самого насущного экономического интереса [14]. Всадники не простили Рутилию не только ограничения аппетитов откупщиков, но и его миротворческой деятельности.

Другая работа Э. Бедьяна посвящена политическим процессам 95 г. [15] Свою работу Бедьян начинает посвящением памяти Ф. Мюнцера, из которого видно, чьей методикой он в данном случае собирается пользоваться для реконструкции одного из наиболее «темных» периодов поздней Республики (стр. 318). В этой работе заслуживает внимания некоторое уточнение хронологии событий 90-х годов I в. до н. э. Убедительно выглядит отнесение процесса Норбана ко времени цензуры оратора М. Антония (стр. 319; ср. Cic., De Orat. II, 198), хотя его датировка именно 95-м г. выглядит, на наш взгляд, бездоказательной. Бедьян отмечает, что значительная группа политических деятелей, активно сотрудничавших с Марием [16] до событий 100 г. до н. э., отходит от него в 90-х годах (стр. 331, 332). Можно не соглашаться со всем предлагаемым Бедьяном перечнем этих деятелей (в частности — с включением, например, в этот перечень консула 103 г. Кв. Лутация Катула), но явление в целом подмечено правильно. Однако нельзя объяснять этот отход исключительно карьерными соображениями. Не представляется также убедительным утверждение Бедьяна, что эти бывшие сотрудники Мария выступили против него только после его возвращения к власти (стр. 332). Наиболее вероятным временем отхода от Мария и оппозиции ряда деятелей представляется 100 г., когда популяры отпугнули всадников своими крайними требованиями, а Марий дискредитировал себя сначала колебаниями, а потом участием в разгроме популяров [17]. Одним из таких сподвижников Мария был оратор М. Антоний, которого в 100 г. даже во время консульских выборов на 99 г. Сатурнин и Главция рассматривали как «свою» кандидатуру (стр. 332, 333) и который в 99 г. провалил аграрный законопроект Тиция, пытавшегося продолжать дело Сатурнина, а в 98 г. участвовал в расправе над уцелевшими лидерами популяров. Ценны выводы, сделанные Бедьяном на основании анализа списка легатов консулов 90 года П. Рутилия Лупа и Луция Цезаря (стр. 337, 338), однако трудно согласиться с некоторыми источниковедческими положениями автора.

Так, Бедьян полагает, что относительно 90-х годов I в. до н. э. нельзя доверять Цицерону на том основании, что его понимание событий 90-х годов весьма ограничено, так как он в то время был слишком молод (стр. 318, прим. 2). Таким образом, Бедьян попросту отмахивается от проблемы, связанной с одним из основных источников по этому периоду, вместо того чтобы исследовать вопрос, чем же вызвано это «ограниченное» понимание событий,— что, впрочем, весьма сомнительно [18],— в работах зрелого

[14] Об огромной заинтересованности сословия всадников в эксплуатации провинций и об особой агрессивности откупщиков см. Б. П. Селецкий, Римские всадники в последний период движения Сатурнина, ВДИ, 1973, № 1, стр. 153; он же, О социальном значении формулы satis boni в «Переписке» Цицерона, ВДИ, 1974, № 2, стр. 181; ср. Gabba, ук. соч., стр. 77, 78: о двух тенденциях в римской внешней политике в конце II — начале I в. до н.э.

[15] E. Badian, Caepio and Norbanus, «Historia», VI, 1957, Ht. 3.

[16] Иными словами, деятели, сотрудничавшие с оппозиционным блоком, лидерами которого в то время были Марий, Сатурнин и Главция. См. Селецкий. Римские всадники...., стр. 146, прим. 7.

[17] См. Т. Моммзен, История Рима, т. II. М., 1937, стр. 241.

[18] Такой прием обращения с данными источников свойствен не только Бедьяну, но и некоторым другим представителям так называемого «просопографического направления». Когда данные источника явно противоречат концепции исследователя, он от-

Цицерона. Бедьян, к сожалению, не учитывает, что кроме личного опыта существует семейная традиция трактовки тех или иных событий. Следует помнить, что семья Туллиев Цицеронов, принадлежавшая к виднейшим представителям всадническо́й муниципальной знати, была теснейшим образом связана с такими политическими деятелями 90-х годов, как консул 99 г., оратор М. Антоний, принцепс сената М. Эмилий Скавр, сам Марий, консул 95 г. Муций Сцевола Понтифик[19]. Трудно представить, чтобы такая семья не была подробнейшим образом информирована о событиях 90-х годов и чтобы члены этой семьи не позаботились подробнейшим образом проинформировать о них молодого Цицерона, которого с юных лет готовили к политической деятельности и к высшим должностям в государстве. Наконец, Цицерон непосредственно общался с крупнейшими политическими деятелями 90-х годов: следует помнить, что ораторскому и политическому искусству он учился у Кв. Муция Сцеволы Понтифика, консула 95 г., который, по-видимому, делился с учеником своим политическми опытом (Cic., Lael. 1).

Бедьян слишком преувеличивает роль Мария в событиях 90-х годов (стр. 341; ср. стр. 329) [20]. Нет никаких оснований полагать, что в этот период Марий мог оказывать сколько-нибудь серьезное влияние на деятельность правительства или диктовать свою волю всадническим трибуналам. Известно, что авторитет Мария в этот период был подорван, и его, по справедливому замечанию Моммзена, считали в Риме не кем иным, как «обанкротившимся мошенником» (ср. Plut., Mar. 30). Сам Бедьян пишет о жалком торге, который победитель кимвров и Югурты, только что, казалось бы, спасший правительство от популяров, принужден был вести со спасенным им правительством (стр. 333). Бедьян замечает, что в 90-е годы невозможно четко определить factio Мария. Однако представляется более важным не очерчивать круг отдельных лиц, поддерживавших Мария, а определить тот социальный слой, интересы которого в этот период совпадали с интересами Мария. В этом смысле характерно, что Бедьян признает существование factio nobilitatis, но вместе с тем считает ее сконцентрированным вокруг Метеллов кружком (стр. 329). На самом деле необходимо было бы переставить акценты и сказать, что не factio nobilitatis выражала интересы семейства Метеллов, но, наоборот, семейство Метеллов выражало интересы nobilitatis, интересы оптиматов. Бедьян игнорирует свидетельство Цицерона о том, что в Риме решающую роль играла не борьба семейных аристократических клик, а борьба социальных групп, классов и сословий (Cic., Att. VII, 7, 5: verum in dissensionibus ordines bonorum et genera quaerenda sunt; по нашему мнению, genera употребляется здесь в значении «социальные группы») [21].

Сомнительными представляются принятая Бедьяном датировка процесса Цепиона

вергает эти данные, претендуя на лучшее, чем древний автор, знание и понимание тогдашней действительности. Так, например, К. Николе (L'ordre équestre l'époque republicaine, vol. I, P., 1966, стр. 722) обвиняет Тацита в «слепоте». Грюн, как кажется, претендует на лучшее знание римской конституции и судебной процедуры, чем Цицерон (Political Prosecutions...., стр. 41). Можно вполне основательно подозревать древних авторов в искажении истины из политических или, наконец, личных интересов, но подозревать их в неосведомленности нет оснований. Не следует забывать, что речь идет о политических деятелях, финансистах, ученых, которые никогда не смогли бы стать тем, чем они стали при «слепоте» и непонимании окружавшей их действительности.

[19] О большом значении фамилии Туллиев Цицеронов и круга их ближайших родственников в римском обществе 90-х годов I в. до н. э. свидетельствуют следующие факты: *1*) М. Гратидий, дальний родственник оратора (RE, Gratidius № 2), привлек к суду консула 104 г., Г. Флавия Фимбрию, коллегу по консульству Мария (Cic., Brut. 168); он состоял в близком родстве с Марием (Schol. Bern. in Lucan. II, 173, стр. 61, 62 Usener; RE, Marius № 42); был префектом претория и конфидентом оратора М. Антония во время его командования в Киликии (Cic., Brut. 168). *2*) Дед оратора состоял в переписке с принцепсом сената М. Эмилием Скавром и заслужил его одобрение своей консервативной политикой в родном муниципии (Cic., De leg. III, 36; RE, Tullius № 27). *3*) Л. Туллий Цицерон, дядя оратора (RE, Tullius № 25), находился в «когорте друзей» оратора М. Антония в Киликии (Cic., Orat. II, 2—3).

[20] Ср. Gruen, ук. соч., стр. 42.

[21] См. Селецкий, О социальном значениии..., стр. 178; прим. 5.

Старшего 103-м г. и сделанные на этом основании выводы [22]. На основании этой датировки, являющейся не более как предположением, Бедьян уже безусловно утверждает, что Л. Котта был коллегой Норбана по трибунату (стр. 321). Основываясь на этом весьма сомнительном предположении, вытекающем в свою очередь из предположения, что Норбан был трибуном в 103 г. (а это отнюдь не доказано), Бедьян делает слишком широкие, как нам кажется, выводы о политических связях деятелей эпохи. Бедьян пишет о существовавшей будто бы в период Кимврской войны дружбе между Марием и Кв. Лутацием Катулом, зятем Цепиона Старшего и коллегой Мария по консульству в 103 г. (стр. 322—324). Бедьян основывает это свое предположение на сообщении Цицерона (Tusc. V, 56), что Марий разделил славу Кимврской войны с Катулом и спас его во время войны (App., BC I, 74). При этом Бедьян не учитывает фактов, противоречащих этому предположению. *1*) Валерий Максим утверждает, что Катул получил триумф лишь благодаря решению Сената, с которым Марий находился во враждебных отношениях (Val. Max., 9, 12, 4; ср. Plut., Mar. 14) [23]. *2*) Бедьян в данном случае совершенно игнорирует пропагандируемый им метод Мюнцера, не придавая никакого значения близкому родству Катула с патроном сената Цепионом Старшим, который был политическим врагом Мария: Мюнцер обычно придавал огромное значение такого рода фактам, как, впрочем, и сам Бедьян в тех случаях, когда это совпадает с его концепцией (ср. стр. 329 сл.). *3*) Именно в армии Катула нашел себе должное применение удаленный из войска Мария Л. Корнелий Сулла, что никак не может свидетельствовать в пользу близкой дружбы между Катулом и Марием в период Кимврской войны (см. Plut., Mar. 25; 27; Sull. 4).

Бедьян в значительной мере стремится объяснить действия крупнейших политических деятелей 90-х годов I в. до н. э. исключительно личными мотивами или семейными интересами (см., например, стр. 324—328). Не исключено, конечно, что Бедьян верно раскрывает личные мотивы ссоры Друза Младшего с другом детства и отрочества Цепионом Младшим, но невозможно игнорировать тот факт, что ссора приобрела политическое значение лишь потому, что в это время в римском обществе противостояли друг другу всадники и сенат. Безусловно, и помимо Цепиона Младшего, исторгнутого из своей среды, всадники нашли бы лидера, который не хуже сумел бы защищать их интересы. Именно так и изображают ход событий сами древние авторы (см., например, Flor., II, 5, 3, 4). Также непонятно, почему Бедьян стремится объяснить «зигзаги» политической деятельности оратора Красса исключительно соображениями карьеры. При этом Бедьян отчасти сам противоречит такому изображению Красса, утверждая, что в 95 г. factio Метеллов поручила Крассу вести дела с италийскими союзниками именно в силу его политической «независимости и безупречности» (стр. 328). Невозможно также, как это делает Бедьян, объяснить безнаказанность Муция Сцеволы Понтифика, избежавшего судьбы П. Рутилия Руфа, исключительно его родством с Марием (стр. 329). Если только родственные связи уберегли Сцеволу от суда и изгнания в 92 г., почему это родство не уберегло его от казни накануне торжества Суллы? Ведь Марий Младший, санкционировавший его убийство (Schol. Bern. in Lucan. II, 126, стр. 58 Uneser), был более близким родичем Сцеволы, чем Марий Старший, которому, согласно Бедьяну, Сцевола был обязан безнаказанностью в 92 г. Естественно полагать, что в обоих этих случаях родственные связи не были решающим фактором.

Наряду с весьма ценными наблюдениями в работе Бедьяна содержатся досадные натяжки. Этими недостатками Бедьян обязан, на наш взгляд, прежде всего неосторожному применению методики Мюнцера. Бедьян пишет: «В то время как мы не должны придавать чрезмерное значение простым родственным связям, не подкрепленным сви-

[22] T. R. S. Broughton, The Magistrates of the Roman Republic, т. 1, N. Y., 1951, стр. 563 сл., где эта датировка дается как возможная и предположительная. Против этой датировки за сохранение общепринятой датировки процесса консула 106 г. Цепиона Старшего 104-м годом см. R. Seager, Lex Varia de Maiestate, «Historia», XVI, 1967, Ht. 1, стр. 40; см. также F. Münzer, RE, Licinius № 55; ср. CAH, IX, стр. 172, где трибунат Норбана безоговорочно относится к 104 г. до н. э.

[23] T. F. Carney, The Picture of Marius in Valerius Maximus, PhM, 1962, 105, Ht. 4, стр. 301, 302.

детельствами о сотрудничестве, очень часто это — единственное доказательство, которое мы имеем, позволяющее строить предположения» (стр. 329 сл.). Иными словами он сам признает, что приемы и методы, используемые им, не дают гарантии истинности его выводов. В другом месте Бедьян замечает: «И хотя некоторые новые работы показывают опасности и ошибки этого метода, когда он применяется слишком самоуверенно и без достаточной осторожности, этот метод отлично подходит к веку Мария, где имеется достаточно других данных» (стр. 318). Однако приходится, к сожалению, констатировать, что автору не удалось тем не менее в своей работе избежать опасностей применяемой им методики.

Трудно согласиться с выводом другой работы Бедьяна о времени пропреторства Л. Корнелия Суллы в Киликии [24]: вместо общепринятой — 92 г. — Бедьян отодвигает это событие на 96 г. Он основывает свою гипотезу на порядке изложения событий у Ливия (Epit. 70) и Плутарха (Sull., 5) [25]. Однако при этом он по существу игнорирует совершенно ясное свидетельство Веллея Патеркула (II, 15, 3) — единственный случай, когда мы располагаем точно фиксируемой датой события. Несмотря на то, что это свидетельство неточно (у Веллея Патеркула выходит, что пропреторство Суллы имело место в 91 г.), его нельзя на этом основании совершенно опустить, как это делает Бедьян. Из сообщений Патеркула видно, что в любом случае пропреторство Суллы в Киликии относится к концу 90-х годов I в. до н. э., а не к концу первой половины этого десятилетия, как предлагает Бедьян. Последующая аргументация Бедьяна в пользу предлагаемой им датировки командования Суллы в Киликии 96-м г. содержит грубую натяжку при попытке согласовать известные факты с его гипотезой. У Плутарха имеется сообщение, что Сулла в Каппадокии перебил «много каппадокийцев и еще больше пришедших им на помощь армян, изгнал Гордия и водворил на царство Ариобарзана (Sull. 5). Очевидно, речь идет о событиях, происходивших после 93 г., когда армянский царь Тигран оккупировал Каппадокию и посадил в ней наместником Гордия, друга Митридата Евпатора. Сообщение Плутарха может быть отнесено только ко времени, когда против Суллы сражалась армянская армия, охранявшая Каппадокию, захваченную в 93 г. армянским царем (Justin., XXXVIII, 3, 2—3: App., Mithr. 10; 57; Plut., Sull. 5; Liv., Epit. 70) [26]. Иными словами, отсюда с очевидной бесспорностью вытекает, что пропреторство Суллы в Киликии можно датировать только 92-м годом (ср. Vell. Pat., II, 15, 3). Поэтому утверждение Бедьяна, что эти перебитые Суллой армяне были некоторыми из армянских воинов, вторгшихся в Софену во время вступления Тиграна на армянский трон и оттуда попавших в Каппадокию, не может служить сколько-нибудь серьезным доказательством в пользу его датировки и выглядит неловкой натяжкой (стр. 167, 168). В тексте Страбона (XI, 532), содержащем сообщение о захвате Тиграном Софены, на который ссылается Бедьян, нет ни единого слова о вторжении армян в это время в соседнюю Каппадокию. В то же время у Плутарха (Sull., 5) ясно сказано, что армян в Каппадокии было Суллой перебито больше, чем самих каппадокийцев. Это никак не может относиться к некоторому числу воинов, которые, по предположению Бедьяна, могли проникнуть в Каппадокию при вторжении в Софену. Свидетельство Плутарха, как это обычно и делалось всеми современными учеными, должно быть связано с весьма серьезным поражением армянской армии в Каппадокии, нанесенным ей Суллой в 92 г. до н. э.

В заключение приходится, к сожалению, отметить, что в тексте данной работы Бедьяна содержится весьма досадная ошибка. Бедьян утверждает, что обвинитель Суллы, Цензорин, покушался на жизнь Кв. Муция Сцеволы Понтифика. При этом Бедьян подтверждает неверное сообщение ссылкой (стр. 170, прим. 66) на RE, Mar-

---

[24] E. Badian, Sulla's Cilician Command, в кн. «Studies in Greek and Roman History», Oxf., 1964, стр. 157—178.

[25] Следует отметить, что в иных случаях сам Бедьян призывает не делать выводов относительно хронологии тех или иных событий на основании порядка изложения у эпитоматора Ливия (Badian, Studies...., стр. 45, 46).

[26] См. также Reinach, Mithridate Eupator, стр. 105; RE, Mithridates, № 12, стб. 2168; CAH, IX, стр. 237.

cius, стб. 1550, где, естественно, такого факта не может содержаться, так как источниками засвидетельствовано всего лишь одно покушение на жизнь Сцеволы Понтифика со стороны Г. Флавия Фимбрии (Cic., Rosc. Am. 33, ср. 34; Val. Max., 9, 11, 2; RE, Flavius, № 88, стб. 2599 сл; Mucius № 22, стб. 439—441). Поэтому, учитывая все сказанное, невозможно согласиться с утверждением Грюна (Political Prosec., стр. 51—52), что вывод данной работы Бедьяна основан на «тщательном изучении источников».

Внутриполитической истории 90-х годов I в. до н. э. посвящена также работа Э. Грюна, в которой автор пытается определить даты политических процессов 90-х годов и, опираясь на точную хронологию, установить их политический смысл [27]. Весьма ценным в данной работе представляется внимание, которое автор уделяет движению популяров после гибели Сатурнина и измены Мария. Грюн показывает, что популяры даже после сокрушительного поражения в 100 г. отступали с боями и пытались активно действовать вплоть до 98 г. В этой связи убедительной представляется датировка Грюном трибуната П. Фурия 100-м г. (стр. 31—33). Однако утверждение Грюна, что против Фурия был один процесс, а не два, как принято считать, представляется неосновательным, так как противоречит сообщениям источников, где, во-первых, названы два человека, возбуждавшие против П. Фурия судебные процессы: Г. Канулей (App., BC, I, 33) и Децион (Cic., Rab. perd. 24—25; Val. Max., 8, 1 damn. 2) [28]; во-вторых, с недвусмысленной ясностью говорится, что процесс, возбужденный против П. Фурия Децианом, закончился оправданием Фурия (Val. Max., 8, 1, damn. 2: nac reum damnavit), в то время как нам известно, что во время последнего процесса Фурий был растерзан толпой (App., BC, I, 33) [29]. Довольно убедительно выглядит уточнение хронологии такого события, как установление родственных связей между Марием, с одной стороны, и оратором Крассом и Сцеволой Понтификом, с другой. Грюн на основании свидетельства Цицерона (Balb. 49) и принятой некоторыми учеными датировки процесса Т. Матриния 95-м г. относит установление этих связей к 95 г. Однако это родство Мария с Крассом ни в коей мере не может свидетельствовать в пользу сближения Мария с Метеллами, так как остается не доказанным, что оратор Красс был политически связан с ними. Более того, родственные связи не говорят об обязательном политическом сотрудничестве (ср. Badian, Caepio and Norbanus..., стр. 329 сл.).

Кажется, Грюн прав, датируя процесс М. Юния Брута против Планка концом 92 г. (стр. 59, 60) вопреки датировке Мюнцера началом 91 г. (RE, Junius, № 50, стб. 972). Известно, что во время этого процесса Брут сделал попытку восстановить судей-всадников против оратора Красса, защищавшего Планка, напомнив об отступничестве Красса, а, главное, о том, что Красс в 106 г. был сторонником судебного закона консула Цепиона Старшего, который отнял судебную власть у всадников и передал ее сенату (Cic., Cluent. 140 сл. ; De Orat. II, 220; 222—227; Plin., NH, XXXVI, 7). Однако Грюн ошибается, отрицая связь между этими обвинениями против Красса и законопроектами Друза Младшего. Не следует забывать, что Красс поддерживал не только судебный закон Цепиона Старшего, но и реформы Друза в 91 г., также содержавшие проект передачи судебной власти сенату. Поэтому кажется более вероятным, что Брут, напоминая всадникам о законе Цепиона Старшего, имел в виду сходный с ним судебный законопроект Друза, который в это время еще не был официально внесен, но слухи о нем, видимо, уже ходили в Риме. Именно поэтому Брут не мог прямо говорить о проекте Друза, так как официально его еще не существовало и обвинение выглядело бы совершенно голословным. Брут прибег к намеку, аналогии, иносказанию, которое в то же время могло быть понятным всякому. Именно это соображение

---

[27] E. S. Gruen, Political Prosecutions in the 90's B. C., «Historia», XV, 1966, Ht. 1.

[28] Весьма остроумной представляется гипотеза Ланге — Никколини (см. Gruen, ук. соч., стр. 34, 35, прим. 17), пытающаяся отождествить обоих обвинителей Фурия и представить их одним лицом. Однако против этого ясно свидетельствует Валерий Максим (8, 1, damn. 2).

[29] Вопреки утверждению Грюна (стр. 35, прим. 16) нет никаких оснований считать, что оба процесса против П. Фурия не могли быть возбуждены в одном и том же 99 г. до н. э.

и говорит в пользу датировки выступления Брута на процессе Гнея Планка концом 92 г.: Друз Младший был тогда еще лишь одним из кандидатов в трибуны, но его программа уже не была абсолютной тайной, что вполне естественно, ибо проект таких обширных реформ не мог быть экспромтом, равно как не мог быть и результатом творчества одного только Друза. Известно, что его поддерживали такие люди, как принцепс сената Скавр и вышеупомянутый оратор Красс, которые, возможно, и были истинными авторами проектов Друза (Cic., De domo, 50; Ascon., Scaur. 20 и 24 St.).

Однако в большинстве случаев попытки Грюна установить точную хронологию политических процессов 90-х годов I в. до н. э. нельзя признать удачными. Примером сомнительности и ненадежности точной датировки событий 90-х годов и точной идентификации участвовавших в них лиц может служить тот факт, что в вопросе о процессе Цепиона, отнесенного Бедьяном и Грюном к 95 г., ряд современных ученых не может согласиться между собой ни относительно времени, когда этот процесс имел место [30], ни относительно того, кого именно привлекли к суду, Цепиона-отца, консула 106 г., или Цепиона-сына. Утверждение Грюна, что Цепион Старший к 95 г. уже умер и поэтому не мог быть ответчиком в этом процессе при желании, пользуясь методами самого Грюна, можно опровергнуть, опираясь на сообщение Страбона (IV, 1, 13), толкуя этот отрывок как свидетельство того, что Цепион Старший пережил своего сына, погибшего, как известно, в 90 г., и поэтому с той же степенью вероятности, что и его сын, мог быть ответчиком в процессе 95 г. (естественно, если сам процесс имел место в 95 г., что также не доказано).

Датируя обвинение Суллы Цензорином 95-м г., Грюн основывается на неправильной датировке Бедьяном пропреторства Суллы 96-м г. Далее Грюн возражает против правильного, на наш взгляд, утверждения Бедьяна, что процесс Скавра в конце 92 или в начале 91 гг. был тесно связан с процессом П. Рутилия Руфа только на том основании, что «реконструкция соблазнительная, но слишком стройная». Бездоказательным выглядит утверждение Грюна, что суд оправдал Скавра. Это утверждение необходимо Грюну, чтобы подчеркнуть, что Скавр не рассматривался всадниками в 92—91 гг. в качестве политического противника. Однако эта точка зрения противоречит тому, что мы знаем об участии Скавра в проектах Друза Младшего (Cic., De domo, 50; Ascon., Scaur., 24 St), и поэтому предпочительнее старая точка зрения Г. Блока [31], который считал, что судебное разбирательство в этом деле Скавра вообще не имело места: сначала оно было отложено, а потом прекращено из-за смерти обвинителя. Шаткой представляется и попытка Грюна вопреки свидетельству Цицерона (De Orat., II, 274; ср. RE, Duronius, № 3) хронологически поставить процесс, возбужденный Дуронием против оратора М. Антония, раньше изгнания Дурония цензором Антонием из сената. Все ухищрения Грюна здесь разбиваются о естественное умозаключение, что Цицерон, ученик Сцеволы Понтифика, участника и современника событий, лучше автора знал римскую конституцию и судебную процедуру.

Относительно судебных процессов, которые Грюн относит к 95 г., исключая процесс Т. Матриния, можно с определенностью сказать, что их датировка не обоснована. О процессе Цепиона уже говорилось выше. О процессе Норбана с достоверностью известно лишь, что он состоялся в период цензуры оратора М. Антония (Cic., De orat. II, 198). Процесс М. Клавдия Марцелла может быть лишь очень приблизительно датирован 90-ми годами вообще. Процесс Суллы отнесен к 95 г. на основании ошибочной, как отмечалось выше, датировки Бедьяном пропреторства Суллы. Относительно так называемого «процесса Л. Марция Филиппа» Грюн дал полную волю фантазии, определив без всяких к тому оснований имя обвинителя, причину процесса и даже провинцию, которой, по его мнению, Филипп управлял в качестве пропретора (и все это, отметим, без какого-либо свидетельства источников). В действительности же самое боль-

---

[30] Относительно споров о датировке этого процесса см. G r u e n, ук. соч., стр. 44, прим. 72; стр. 49, прим. 100

[31] G. M. B l o c h, M. Aemilius Scaurus «Université de Paris. Bibliothéque de la Faculté des Lettres», XXV, 1909, стр. 28—33.

шее, что мы можем допустить на основании слов Катула, в яростной перебранке намекнувшего, что Филиппа можно считать вором (Cic., De Orat. II, 220), это то, что Филиппа — совершенно неизвестно когда, возможно, и в 90-х годах — обвиняли в каких-то хищениях. При этом мы, однако, совершенно не знаем, выдвигала ли это обвинение молва, щедрая на сплетню, или это обвинение фигурировало на каком-то процессе, неизвестно когда возбужденном против Филиппа. В любом случае нет совершенно никаких доказательств, что это обвинение было хоть как-то связано с каким-то процессом 95 года, когда Кв. Гортензий Гортал защищал интересы провинции Африки. Вообще неизвестно даже, относились ли обе речи Гортензия, о которых говорит Цицерон (De Orat. III, 228, 229; Brut. 229), к одному и тому же судебному процессу.

Весьма непоследовательно звучит утверждение Грюна, что в своей деятельности в Азии в 94 г. П. Рутилий Руф и Сцевола Понтифик руководствовались мотивами «самого высоконравственного характера» (стр. 53). Как правило, Грюн усматривает мотивы действий политических деятелей 90-х годов в самом неприкрытом личном или семейном эгоизме и всю историю этого десятилетия объясняет борьбой сенаторских честолюбий (стр. 52 и 64). Несколько выше (стр. 43; ст. стр. 47 и 64) Грюн показывает, что Рутилий в своей деятельности руководствовался интересами factio Метеллов. Непонятно, почему для деятельности того же самого Рутилия в Азии делается такое исключение? Столь же непоследовательно пользуется Грюн своей обычной методикой, когда пытается показать, что Л. Марций Филипп не симпатизировал всадникам (стр. 62). Учитывая, однако, что в этом случае остается совершенно непонятным, почему Филипп столь яростно нападал на проекты Друза Младшего, Грюн пытается дать этому объяснение, к какому он обычно прибегает. Однако в этом случае он нападает на Мюнцера, который, правда, не очень убедительно пытался установить старые семейные связи Филиппа и Цепиона Младшего, основываясь на том, что в 116 г. их предки были коллегами по консульству. Но остается неясным, чем лучше и убедительнее попытка самого Грюна определить «групповую» принадлежность Филиппа более чем сомнительными дружескими связями, которые будто бы существовали в прошлом поколении между практически не идентифицируемыми изгнанниками в Нуцерии (стр. 62, 63). Более того, само утверждение Грюна, что Филипп никогда не симпатизировал всадникам, противоречит свидетельству источников. Известно, что именно Филипп — видимо, уже после смерти Суллы — внес в сенат требование, чтобы общины, купившие себе при Сулле автономию, снова были обложены налогами (Cic. Off., III, 87), и заявил притязания Рима на Египет (Cic., Leg. agr. II, 42). Очевидно, в данном случае Филипп шел навстречу желаниям всадников-откупщиков, которые были заинтересованы в увеличении числа провинций с естественным распространением на них откупной системы взимания налогов.

Вообще нужно отметить, что на основании данных, полученных им в результате применения вышеописанных методов, Грюн приходит к выводам, на наш взгляд, по меньшей мере странным. Он пишет, что «с того момента, как движение популяров затихло, открылся путь для оживления групповых процессов в судах. Простой народ был непостоянен, но судьи — всадники были более тверды. Они были на правой стороне в 100 г. Но в течение этого десятилетия пришло разочарование. Всадников мало заботило личное или групповое соперничество в сенате. Сфабрикованные обвинения и политические процессы получали то окончание, которого они заслуживали: монотонную серию оправданий. Весь сенат страдал от этого как целое, но главной жертвой была группа Метеллов». И чуть дальше: «Господство Метеллов в сенате было отчасти достигнуто в прошлом превосходством в судебных процессах. Метеллы надеялись опять использовать этот метод в 90-х годах. При хладнокровном исследовании судебных дел всадническими судами это оказалось невозможным. Когда, наконец, всадники вынесли обвинительный приговор, он, с точки зрения Метеллов, был вынесен неправильно. Изгнание Рутилия требовало пересмотра дела и реформ. Восстановление iudicium populi не подлежало даже обсуждению: это было невозможно и нежелательно. Красс и Скавр толкнули молодого трибуна Друза на то, чтобы вернуть quaestiones под контроль аристократии. Ситуация была взрывчатой и враги Метеллов в сенате воспользовались ею в своих целях» (стр. 63, 64).

По мнению Грюна, после окончательного разгрома остатков сторонников Сатурнина и Главции вся история 90-х годов I в. до н. э. сводится к соперничеству сенатских группировок, которое «раскололо римскую аристократию и нашло свое открытое выражение в Союзнической войне» (стр. 32). Всадники и вообще «деловые группировки» не принимают никакого участия во всем этом и выносят оправдательные приговоры. Но неужели римские всадники и италийцы в этот период не имели никаких собственных политических интересов? Габба, например, придерживается иной точки зрения (см. выше). А коль скоро у всадников и италийцев были собственные политические интересы, это не могло не найти отражения в политических процессах 90-х годов и до осуждения П. Рутилия Руфа. Если всадники выносили, как правило, оправдательные приговоры, то, вероятно, это следует объяснить прежде всего их собственными, специфическими интересами, а не их беспристрастностью и хладнокровием — качествами, которыми всаднические суды отнюдь не отличались. Может быть, стоило бы поискать более глубокие причины этой «монотонной серии оправданий», вынесенных всадниками в политических процессах. Да и сами эти сенаторские клики и группировки — не отражала ли их борьба в конечном счете интересы более широких слоев римского общества, а не только сугубо корыстные устремления немногочисленных знатных семейств? Ведь речь идет о таких событиях, как реформы Друза и Союзническая война, имевших неисчислимые последствия для всей дальнейшей истории Рима. Здесь представляется уместным вспомнить высказывание Гегеля по поводу такого рода исторических концепций: «В истории стало обычным остроумное изречение, что из малых причин происходят большие действия, и поэтому для объяснения значительного и серьезного события приводят какой-нибудь анекдот, как первую причину. Такая так называемая причина должна рассматриваться лишь как повод, лишь как внешнее возбуждение, в котором внутренний дух события мог бы и не нуждаться... Эта живопись истории в стиле арабесок, создающая из тонкого стебля большой образ, есть поэтому, хотя и остроумная, но в высшей степени поверхностная трактовка» [32].

Нелишне обратить внимание на то, что Бедьян [33], пользуясь той же методикой и в сущности теми же источниками, что и Грюн, усматривает в 90-х годах I в. до н. э. острейшую борьбу между группировками Мария и Метеллов. В то же время Грюн (стр. 39—53), используя те же методы и тот же материал, приходит к выводу, что между Марием и Метеллами в это время устанавливается союз (стр. 64). В этом случае возникает вопрос: достаточно ли корректно оба автора пользуются своей методикой? [34]

Что касается другой работы Грюна, посвященной истории 90-х годов I в. до н. э. [35], то в ней он пытается пересмотреть общепринятую датировку квестуры Норбана. Вместо 102 г., когда, по общему мнению ученых, Норбан был квестором оратора М. Антония в Киликии [36], Грюн (стр. 105 сл.: особ. сн. 19) предлагает 99 г., когда, как он считает, бурные события, связанные с новым взрывом аграрного движения после гибели Сатурнина, могли потребовать, чтобы Антонию, бывшему тогда консулом, был придан специальный квестор. Исходные пункты этого утверждения Грюна более чем сомнительны. Все его доказательства основываются на том, что он относит трибунат Норбана и процесс консула 106 г. Цепиона Старшего к 103 г., а не 104 г., как было общепринято [37]. Если считать правильной традиционную датировку этих событий 104-м г., то вся эта работа Грюна не имеет под собой ни малейшего основания. Кроме того, против умозаключений Грюна свидетельствует то, что оратор М. Антоний несколько стесняется своей

---

[32] Г.-В.-Ф. Гегель, Наука логики, т. II, М., 1971, стр. 213; см. комментарии В. И. Ленина к этому отрывку Гегеля: В. И. Ленин, ПСС, т. 29, стр. 143—144.

[33] Badian, Studies..., стр. 34—70; он же, Caepio and Norbanus...., стр. 341; ср. стр. 329.

[34] Относительно критики методов Грюна, используемых им в данной работе, см. R. Seager, Lex Varia de Maiestate, «Historia», XVI, 1967, Ht.1, стр. 34—37.

[35] E. E. Gruen, The Quaestorship of Norbanus, Cl Ph, 1966, LXI, № 2.

[36] Broughton, ук. соч., т. I, стр. 569.

[37] О ненадежности датировки процесса Цепиона Старшего 103-м вместо 104 г. см. выше при разборе работы Бедьяна (Caepio and Norbanus....).

защиты в суде такого человека, как Норбан (Cic., De Orat. II, 198—199). Если бы Норбан в 99 г. оказал Антонию и реакционному правительству серьезные услуги в деле подавления аграрного движения, как это полагает Грюн, у Антония не было бы никаких оснований оправдываться перед друзьями в своей защите Норбана. Ренегаты и перебежчики высоко ценились в Риме в 90-х годах. Примером тому может служить Гней Домиций Агенобарб, консул 96 г. и цензор 92 г. (RE, Domitius № 21), во время своего трибуната в 103 г. выступавший с радикальной программой, а в 100 г. перешедший на сторону реакции. Другим примером является коллега Мария по консульству в 100 г. — Л. Валерий Флакк, которого П. Рутилий Руф называл слугой Мария (Plut., Mar. 28); в 82 г. Флакк стал правой рукой диктатора Суллы (см. RE, Valerius № 176). Правда, был и П. Фурий, которого отступничество не спасло от расправы, но если бы Норбана в тогдашнем римском обществе рассматривали как второго П. Фурия, процесс над ним не стали бы откладывать до цензуры Антония. Между тем некоторое раскаяние Антония в защите Норбана вполне объяснимо, если квестура Норбана приходилась на конец II в. до н. э., когда он выступал в качестве врага сената и представителя оппозиции.

Подводя итог всему сказанному выше о работах, посвященных истории Рима в первом десятилетии I в. до н. э., трудно согласиться с оптимистическим утверждением Грюна, что «теперь мы знаем о нем больше», чем уже знали к 30—40-м годам XX в. (стр. 32). Большинство вопросов так и остается неразрешенным. Мы по-прежнему плохо знаем хронологию этого периода, плохо знаем события, связанные с внутриполитической жизнью Рима, располагаем лишь очень ненадежной датировкой внешнеполитических событий, в частности — деятельности Митридата. Рассмотренные выше работы современных ученых, несмотря на весьма большие претензии некоторых из них, скорее ставят новые вопросы, намечают новые перспективы исследования, чем дают удовлетворительные ответы и более или менее окончательные решения. Наиболее перспективными представляются сделанные Габбой и Бедьяном попытки связывать явления внутренней политики Рима в этот период с внешнеполитической обстановкой. Кажется, что продолжение работы в этом направлении может дать важные результаты. В заключение нужно, однако, заметить, что в некоторых из рассмотренных выше работ находят выражение весьма опасные, на наш взгляд, тенденции. Прежде всего бросается в глаза свойственное некоторым авторам стремление без достаточных оснований пересматривать ранее принятые, традиционные точки зрения, даты или трактовки, стремление любой ценой дать собственную, оригинальную трактовку или датировку, не очень заботясь при этом, насколько солидно и строго она аргументируется. Не меньшую опасность представляет собой недостаточно осторожное использование пока еще весьма несовершенной методики Мюнцера. Все это, вместе взятое, грозит появлением работ, выводы которых не будут иметь ничего общего с истиной, с исторической реальностью.

Б. П. Селецкий

НОВАЯ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЕГИПТОЛОГИИ

Библиографический обзор

XVIII СЕРИЯ

I. РАСКОПКИ

L. Collins, The Private Tombs of Thebes: Excavations by Sir Robert Mond, 1905—1906, JEA, 62, 1976, p. 18—40.

«*Editorial Foreword*», JEA, 62, 1976, p. 1—4.

A. El-Sāwi, Preliminary Report of the Excavations at Kom Abu Bello, ZÄS, 104, 1977, 1, S. 75—78.

J. K. Kozłowski, J. Sliwa, Deir el-Bahari (Badania misji archeologicznej Universytetu Jagiellonskiego u roku 1974), «Sprawozdania archeol.», Wrocław s. a., 1976, 28, s. 37—51.

J. K. Kozłowski, ed., Deir el-Bahari. Fasc. I. Travaux de la mission archéologique de l'Université Jagellons en Égypte, «Prace archéologiczne», Zeszyt 24, 1975, 76 p., ill., 2 pl.

J. Leclant, Fouilles et travaux en Égypte et au Soudan, 1974—1975, Or, 45, 1976, 3, p. 275—314.

G. T. Martin, Excavations at the Memphite Tomb of Ḥoremḥeb, 1975: Preliminary Report, JEA, 62, 1976, p. 5—13.

H. de Meulenaere, Travaux archéologiques dans l'Assasif, BSFÉ, 66, 1973, p. 6—14.

K. Michałowski, ed., Nubia. Récentes recherches. Actes du Colloque nubiologique international au Musée National de Varsovie, 19—22 Juin 1972, Varsovie, 1975, 139 p., ill. (Киев, ЦНБ УССР).

J. Ruffle, Heritage of the Pharaos. An Introduction to Egyptian Archaeology, Oxf., 1977, 224 p., ill.

H. S. Smith, Preliminary Report on Excavations in the Sacred Animal Necropolis. Season 1974—1975, JEA, 62, 1976, p. 14—17.

II. ПУБЛИКАЦИИ

E. Acquaro, Amuleti egiziani della collezione Gorga, «Aegyptus», LVI, 1976, I/IV, p. 192—207.

J. F. Aubert, Les statuettes funéraires de la collection Omar Pacha, CdE, 101, 1976, p. 58—71.

J. Baines, The Sebekhotpe VIII Inundation Stela: an Additional Fragment, AcOr (Copenhagen), XXXVII, 1976, p. 11—20.

C. Blankenberg-Van Delden, More Large Commemorative Scarabs of Amenophis III, JEA, 62, 1976, p. 74—80.

E. Bresciani, Una statuetta di Osiri portata dall'Egitto da Francesco Grassi Bey, di Pistoia, SCO, XXVI, 1977, p. 79—92.

E. Brovarski, Senenu, High Priest of Amun at Deir El-Bahri, JEA, 62, 1976, p. 57—75.

E. Brunner-Traut, Drei altägyptische Totenboote und vorgeschichtliche Bestättunggefässe (Negade II), RdÉ, 27, 1975, p. 41—55.

L. Castiglione, Isis Pharia. Remarque sur la statue de Budapest, BMHB, 1970, p. 37—55.

F. de Cenival, Acte de vente d'une ânesse de l'an 9 de Ptolémée Epiphane (P. Inv. Sorbonne n° 217), RdÉ. 27. 1975, p. 56—61.

J. L. de Cenival, À propos de la stèle de Chêchi. Étude de quelques types detitulatures privées de l'ancient Empire, RdE, 27, 1975, p. 62—64.

J. J. Clère, Un monument de la religion populaire de l'Époque Ramesside, RdE, 27, 1975, p. 70—77.

J. D. Cooney, Tree Royal Sculptures, RdE, 27, 1975, p. 102—109.

A. Dobrovits, Le Chacal dans la Barque, BMHB, 38, 1972, p. 3—12.

T. Dzierżykray-Rogalski, E. Prominska, Une momie d'homme trouvée au-dessus du Temple de Mentouhotep à Deir el-Bahari en 1972, «Études et Travaux», 9, 1976, p. 111—116.

E. Edel, 1) Die Felsgräbernekropole der Qubbet el-Hawa bei Assuan, 2) Die Althieratischen Topfaufschriften aus den Grabungs—Jahren 1972 und 1973, Oppladen, 1975, XI S., 58 Taf.

E. Edel, Der Fund eines Kamaresgefässes in einem Grabe der Qubbet El-Hawa bei Assuan, «Egyptologie», p. 38—40.

«Entrance Passage and Antechamber» [Tomb of Tutankhamon], MMAB, 34, 1976/1977, 3, p. 3—48.

P. J. Frandsen, Heqareshu and the Family of Tutmosis IV, AcOr (Copenhagen), XXXVII, 1976, p. 5—10.

F. Filce Leek, An Ancient Egyptian Mummified Fish, JEA, 62, 1976, p. 131—133.

L. Fóti, Amulettes en forme de porc dans la Collection Égyptienne, BMHB 40, 1973, p. 3—8.

R. Giveon, Egyptian Objects from Sinai in the Australian Museum, «Austral. u. of Biblical Archeology» (Sydney), v. 2, 1974, 3, p. 29—48.

W. A. Green, The Passing of Hormose, Or, 45, 1976, 4, p. 395—409.

R. Hari, Quatre petits monuments du roi Ai, Or, 45, 1976, 3, p. 265—268.

J. E. Harris, K. R. Weeks, X-Raying the Pharaons, JEA, 62, 1976, p. 195.

T. R. Hays, F. A. Hassan, Mineralogical Analysis of «Sudanese Neolitic». Ceramics, «Lybica», 1976, 22, p. 157—164.

M. A. Hoffman, The City of the Hawk: Seat of Egypt's Ancient Civilization, «Expedition», 18, 1976, 3, p. 32—41.

S. Hummel, Tut-ench-Amun auf dem Leoparden, OS, 23/24, 1974/1975, p. 63—67.

J. H. Johnson, The Demotic Magical Spells of Leiden I 384, OMRO, LVI, 1975, p. 29—64.

L. Kákosy, Les Stèles d' «Horus sur les crocodiles» du Musée de Beaux-Arts, BMHB, 35, 1970, p. 7—24.

H. Kayser, Die Ägyptischen Altertümer im Koemer — Pelizäus Museum in Hildesheim, Hildesheim, 1973, 172 S.

B. J. Kemp, An Incised Sherd from Kahun, Egypt, JNES, 36, 1977, 1, p. 289—292.

A. Klasens, An Amuletic Papyrus of the 25th Dynasty, OMRO, LVI, 1975, p. 1—19.

K. A. Kitchen, A Pre-Ramesside Cartouche at Timna, Or, 45, 1976, 3, p. 262—264.

O. Koefoed-Petersen, Khenti-Kheti, die chtonien. À propos de la stèle AEIN 895 de la Glyptothèque Ny Carlsberg à Copenhague, RdE, 27, 1975, p. 132—136.

J. Ph. Lauer, J. Leclant, Le Temple Haut du complexe funéraire du roi Têti, Cairo, 1972, 114 p.

J. Leclant, À la pyramide de Pépi I, la paroi Nord du passage A — F (antichambre-chambre funéraire), RdE, 1975, p. 137—149.

B. Letellier, Autour de la stèle de Quadech: une famille de Deir el-Medineh, RdE, 27, 1975, p. 150—163.

U. Luft, Das Totenbuch des Ptahmose (Papyrus Kraków MNK IX — 752/1—4), ZÄS, 104, 1977, 1, S. 46—75.

M. Malinine, Vente de tombes à l'Époque Saite, RdE, 27, 1975, p. 164—174.

S. Matthiae Scandone, Nota su uno scarabeo in steatite dell'Università di Roma, RSO, XLIX, 1975, I/II, p. 21—30.

Ch. Maystre, Un objet du grand-prêtre memphite Ty (Louvre, E842), RdE. 27, 1975, p. 175—179.

H. W. Müller, Der «Stadtfürst» von Theben Montemhêt, MJBK, 1975, S. 7—36.

E. Nagi, Deux ouchebti saites de la collection égyptienne du Musée de Beaux-Arts, BMHB, 36, 1971, p. 3—8.

A. Nibbi, Remarks on the Two Stelae from the Wadi Gasus, JEA, 62, 1976, p. 45—56.

J. Osing, Der spätägyptische Papyrus BM 10808, Wiesbaden, 1976, XII + 261. S., 1 Taf.

M. R. Petö, Une statuette de boeuf égyptienne au Musée de Beaux-Arts, BMHB, 37, 1971, p. 3—7.

G. Posener, La piété personelle avant l'âge amarnien, RdE, 27, 1975, p. 195—210.

P. Posener-Krieger, Les Papyrus de Gébélein. Remarques préliminaires, RdE, 27, 1975, p. 211—221.

A. Roccati, Papiro ieratico № 54003. Estratti magici e rituali del primo Medio Regno, Torino, 1970.

G. M. Scandone, Nota su uno scarabeo in steatite dell' Universita di Roma, RSO, 43, 1975, 1/2, p. 21—30.

D. P. Silverman, The Treasures of Tutankhamun, «Archeology», 29, 1976, 1, p. 41—44.

W. K. Simpson, A Statuette of a Devotee of Seth, JEA, 62, 1976, p. 41—44.

A. F. Shore, Two Objects of the Architect Benermeryt, BMQ, XXXIV, 1970, 3/4, p. 151—152.

W. J. Tait, The Fable of Sight and Hearing in the Demotic «KUFI» Text, AcOr, (Copenhagen), XXXVII, 1976, p. 27—44.

Tutankhamun's Tomb» [Special Number], MMAB, № 4, XXXIV, 1976/1977, 3, 47 p., ill.

B. Van de Walle, Deux monuments memphites au nom de Hordjedef Iteti, JNES, 36, 1977, 1, p. 17—24.

M. Verner, Some Nubian Petroglyphs on Czechoslovak Concessions in Nubia. Rock Drawings of (I) Foot and Sandal Prints; II. Symbols and Sighns; III. Erotica, Praha, 1973, 124 p., 14 pl., ill. (БЛ).

M. E. Weinstein, E. G. Turner, Greeck and Latin Papyri from Qaṣr Ibrîm, JEA, 62, 1976, p. 115—130.

G. Wessetzky, Questions et reflexions sur une statuette d'Osiris, BMHB, 1975, 44, p. 3—11.

Sh. Yeivin, Canaanite Ritual Vessels in Egyptian Cultic Practices, JEA, 62, 1976, p. 110—114.

III. ИСТОРИЯ

Ph. E. L. Smith, Stone-age Man on the Nile, «Scientific American», v. 235, 1976, № 2, p. 30—38.

F. Wendorf a. o., The Prehistory of the Egyptian Sahara, «Science» v. 193, 1976, № 4248, p. 103—114.

A. J. Arkell, The Prehistory of the Nile Valley, Leiden — Köln, 1975, VII + 55 p. ill, 1 pl.

L. Krzyżaniak, Early Farming Cultures on the Lower Nile. The Predynastic Period in Egypt, Varsovie, 1977, 171, ill., 6 pl.

F. Debono, Thèbes préhistoriques, ses survivances à l'époque pharaonique d'après les découvertes récentes, «Egyptologie», p. 34—37.

J. Yoyotte, Les sementiou et l'exploitation des regions minières à l'Ancien Empire, BSFE, 1975, 73, p. 44—54.

H. Altenmüller, Remarques sur la datation de la tombe d'Irou-ka-ptah a Saqqarah, «Egyptologie», p. 1—5.

N. Kanawati, The Mentioning of more than One Eldest Child in Old Kingdom Inscriptions, CdE, 102, 1976, p. 235—251.

J. Vercoutter, Le roi Ougaf et la XIIIe dynastie sur la IIe Cataracte (Stèle de Mirgiassa I M. 375), RdE, 27, 1975, p. 222—234.

J. M. Weinstein, Egyptian Relations with Palestine in the Middle Kingdom BASOR, 217, p. 1—16.

M. Görg, Zur Geschichte der Šꜣ šw, Or, 45, 1976, 4, p. 424—428.

R. Hari, Un nouvel élément de la Corégence Aménophis III — Akhenaton, CdE, 102, 1976, p. 252—260.

C. Aldred, The Horizon of the Aten, JEA, 62, 1976, p. 181.

B. J. Kemp, The Window of Appearance at El-Amarna, and the Basic Structure of this City, JEA, 62, 1976, p. 81—99.

N. Charlton, The Berlin Head of Nefertiti, JEA, 62, 1976, p. 184.

Ph. Vandenberg, Nofretete, Eine archäologische Biographie, Bern — München 1975, 339 S.

C. Vandersleyen, Objectivité des portraits égyptiens, BSFE, 73, 1975, p. 5—24.

J. Samson, Royal Names in Amarna History, CdE, 101, 1976, p. 30—38.

A. P. Kozloff, A New Interpretation of an Old Amarna Enigma, AJA, 81, 1977, 1, p. 101—103.

V. D. Schnabel, Die Rätsel des Grabes № 55 im «Tal der Könige», «Altertum», 22, 1976, 4, S. 226—233.

P. Artzi, El Amarna Document № 30, «Assyriologie», p. 1—5.

W. L. Moran, Amarna Glosees, RAss, 69, 1975, 2, p. 147—158.

R. S. Conolly, R. G. Harrison, S. Ahmed, Serological Evidence for the Parentage of Tutʿankhamūn and Smenkhkarēʿ, JEA, 62, 1976, p. 184.

R. Hari, La Reine d'Horemheb était-elle la sœur de Nefertiti? CdE, 101, 1976, p. 39—46.

J. D. Schmidt, Ramesses II. A Chronological Structure for his Reign. Baltimore — London, 1973, 261 p.

W. Röllig, Politische Heiraten im alten Orient, «Saeculum», 25, 1974, 1, S. 11—23.

M. L. Bierbrier, The Late New Kingdom in Egypt (c. 1300—664 B. C.), Warminster, 1975, 160 p.

J. v. Beckerath, Die angebliche Ära des Menophris, ZDMG, 126, 1976, 1, S. 5—9.

J. Yoyotte, Les Adoratrices de la IIIe Periode Intermediaire, à propos d'un chef d'œuvre rapporté par Champollion, BSFE, 64, 1972, p. 31—51.

D. B. Redford, Some Observations on Egyptian Chronology of the Eights and Seventh Centuries B. C., AJA, 81, 1977, 1, p. 82—84.

A. S. Saad, Le mode de production asiatique et les problèmes de la formation sociale égyptienne, «Pensée», P. 1976, 189, p. 19—36.

M. Piątkowska, La ΣΚΕΠΕ *dans l'Egypte prolémaique*, Wrocław, 1975, 69 p.

R. P. du Bourguet, À propos d'un militaire égyptien de la periode romaine, BSFE, 68, 1973, p. 11—16.

U. Luft, Der Beginn der islamischen Eroberung Ägyptens im Jahre 639, SMB FB, 16, 1974, S. 123—128.

J.-P. Bocquet, Paléodemographie. Ce que nous apprend la Nubie soudanaise, AESC, 52, 1977, 1, p. 54—69.

B. R. Trigger, G. Bruce, Nubia under the Pharaohs, L., 1976, 216 p., ill.

R. Keating, Nubian Rescue, N. Y., 1975, XVIII + 269 p., ill., 12 pl.

IV. ПРАВО

S. A l l a m, De la divinité dans le droit pharaonique, BSFE, 68, 1973, p. 17—50.

D. L o r t o n, The Juridical Terminology of International Relations in Egyptian Texts through Dyn. XVIII, Baltimore — London, 1974, X + 198 p.

D. L o r t o n, The Treatment of Criminals in Ancient Egypt Through the New Kingdom, «Journal of econ. and social history of the Orient», (Leiden), 20, 1977, 1, p. 2—64.

St. V. W å n g s t e d t, Demotische Bescheinigungen über Begräbnissteuer, OS, 23/24, 1974/1975 .

V. РЕЛИГИЯ

F. A b i t z, Die religiöse Bedeutung der sogenannten Grabräuberschächts in den ägyptischen Königsgräbern der 18. bis 20. Dynastie, Wiesbaden, 1974, 122 S.

B. A l t e n m ü l l e r, Synkretismus in den Sargtexten, Wiesbaden, 1975, VIII + + 361 S.

H. A l t e n m ü l l e r, Grab und Totenreich der alten Ägypter, Hamburg, 1976, 69 S., ill, 7 Taf.

H. A s s e l b e r g h s, Beschouwingen over Religie, Cultur en Kunst in Egypte, JEOL, 24, 1976, p. 62—73.

P. B a r g u e t, Le Livre des Portes et la transmission du pouvoir royal, RdE, 1975, p. 30—36.

W. B a r t a, Der Greif als Bildhafter Ausdruck einer altägyptischen Religionsvorstellung, JEOL, 23, 1975, p. 335—357.

C. B l a c k e r, ed., Ancient Cosmologies, L., 1975, 270 p.

K. B o s s e - G r i f f i t h s, Further Remarks on Wrt Hḳ3w, JEA, 62, 1976, p. 181.

P. d u B o u r g u e t, Esquisse de la théologie égyptienne des temps pharaoniques, «Humanisme et foi chrétiènne», P., 1976, p. 437—449.

H. B r u n n e r, Osiris in Byblos, RdE, 27, 1975, p. 37—40.

W. M. D a v i s, The Ascension-Myth in the Pyramid Texts, JNES, 36, 1977, 3, p. 161—180.

I. D a n n e s k i o l d - S a m s ø e, À propos du calendrier d'Égypte,«Egyptologie», p. 33.

Ph. D e r c h a i n, Sur le nom de Chou et sa fonction, RdE, 27, 1975, p. 110—116.

I. E. S. E d w a r d s, Something which Herodotus may have Seen, RdE, 27, 1975, p. 117—124.

R. O. F a u l k n e r, The Ancient Egyptian Coffin Texts, v. I — *Spells* 1 — 354, Warminster, 1973, 285 p.

J. G w y n n G r i f f i t h s, Osiris and the Moon in Iconography, JEA, 62, 1975, p. 153—159.

R. H a r i, La Grande-en-Magie et la Stèle du Temple de Ptah à Karnak, JEA, 62, 1976, p. 100—107.

S. H. H o o k s, Middle Eastern Mythology, Harmondsworth, 1973, 198 p. (БЛ).

E. H o r n u n g, Das Grab Thutmosis' II, RdE, 27, 1975, p. 125—131.

J. L e c l a n t, Points de vue sur le syncrétisme dans la réligion de l'Égypte pharaonique (в кн.: F. Dunand, P. Levêque, Les syncrétismes dans les réligions de l'antiquité), Leiden, 1975, p. 1—18.

M. M a l a i s e, Problêmes soulevês par l' iconographie de Sérapis, «Latomus» (Bruxelles), 34, 1975, 2, p. 383—391.

S. M o r e n z, Religion und Geschichte des alten Ägypten, Köln — Wien, (& Weimar), 1975, 652 S., 10 Taf.

N. W. M ü l l e r, Neue Frühgeschichtliche Funde aus dem Delta, RdE, 27, 1975, p. 180—194.

J. P a r l e b a s, L'origine d'une particularité tardive de l'iconographie de la déesse Seshat, CdE, 101, 1976, p. 13—16.

J. Quaegebeur, Le dieu égyptien Shai dans la religion et l'onomastique, Louvain, 1975, 350 p., 1 pl.

B. H. Stricker, Asinarii IV, OMRO, LVI, 1975, p. 65—70.

B. H. Stricker, De maat der dingen, Amsterdam, 1976, 36 S.

M. L. Troy, Mummeries of Resurrection. The Cycle of Osiris in Finnegans Wake, Uppsala, 1976, 118 p., ill.

W. Westendorf, hrsg. v., Göttinger Totenbuchstudien: Beiträge zum 17. Kapitel, Wiesbaden, 1975, 208 S. (БЛ).

L. V. Žabkar, Apedemak, Lion God of Meroe. A Study in Egyptian-Meroitic Syncretism, Warminster, 1975, XIII + 217 p., 16 pl.

VI. КУЛЬТУРА

Архитектура

M. Almagro, El templo Egipcio de Debod en Madrid, «Annales de historia antigua y mediaval» (Buenos Aires), 17, 1972, 1, p. 9—37.

A. M. Badawy, L'accés au temple égyptien de basse époque et d'époque gréco-romaine, «Egyptologie», p. 5—8.

Alex. Badawy, The Harmonic Design of the Upper Temple at Teti Pyramid, BiOr, 33, 1976, 1/2, p. 3—5.

P. Barguet, Les dimensions du temple d'Edfou et leur signification, BSFE, 72, 1975, p. 23—29.

C. J. Davey, The Structural Failure of the Meidum Pyramid, JEA, 62, 1976, p. 178.

K. Mendelssohn, Reply to Mr. C. J. Davey' Comments, JEA, 62, 1976, p. 179,

J. Ph. Lauer, À propos du prêtendu désastre de la pyramide de Meidum, CdE, 101, 1976, p. 72—79.

L. Fóti, Zur Frage des ägyptischen Labyrinths, «Annales Univ. scientiarum budapestinensis de R. Eötvös nominatae», Sect. Hist., t. 15, 1974, p. 3—15.

L. Grinsell, Barrow, Pyramid and Tomb. Ancient Burial Customs in Egypt... L., 1975, 240 p., ill.

B. J. Kemp, The Early Development of Towns in Egypt, «*Antiquity*», LI, 1977, 203, p. 185—200.

J. Ph. Lauer, J. Leclant, Le temple haut du complexe funeraire du roi Téti, Cairo, 1972, 114 p.

J. Lipińska, The Temple of Tuthmosis III. Architecture, Varsovie, 1977, 66 p, ill., 25 pl.

V. Maragioglio, C. Rinaldi, P. Mingazzini, La costruzione della piramide di Cheope (precisazioni e commenti), «Atti della Accad. naz. dei Lincei», Ser. 8 (Roma), 1975, vol. 30, fasc. 1/2, p. 57—70.

A. Niwinski, Les colonnes proto-doriques avec inscriptions du Temple de Hatchepsout à Deir el-Bahari, «Etudes et Travaux», 9, 1976, p. 81—110.

V. Zamarovsky, Jejich veličenstva pyramidy, Praha, 1975, 402 стр. (ВГБИЛ).

Изобразительное искусство

W. M. Davis, The Origins of Register Composition in Predynastic Egyptian Art, JAOS, 96, 1976, 3, p. 404—418.

I. Müller, Die Ausgestaltung der Kultkammern in den Gräbern des Alten Reiches in Gisa und Saqqara, SMB FB, 16, 1974, S. 79—96.

S. Simonian, Untersuchungen zum Bilderschmuck der ägyptischen Holzsärge der XXI—XXII Dynastie, Göttingen, 1973, V + 231 S.

I. Sliwa, Some Remarks Concerning Victorious Ruler Representations in Egyption Art, SMB FB, 16, 1974, S. 97—118.

K. Myśliwiec, Le portrait royal dans le bas-relief du Nouvel Empire, Varsovie, 1976, 160 p., 77 pl.

M. L. Bernhard, ed., J. Sliwa, Studies in Ancient Egyptian Handicraft. Woodworking, «Prace archeologiczne», Zeszyt 4, 1975, 83 p., 12 pl.

J. R. Harris, The Folding Stool of a Famous Soldier, AcOr (Copenhagen), XXXVII, 1976, p. 21—26.

H. Chantraine, Zum Gewicht des Bronzelöwen von Abydos, ZDMG, 125, 1975, 2, S. 265—266.

S. Hodjache, Les scarabées comme oeuvres d'art, «Egyptologie», p. 49—53.

J. M. Ogden, The So-called «Platinum» Inclusions in Egyptian Goldwork, JEA, 62, 1976, p. 138—145.

География

A. Bernard, De Koptos à Kosseir, Leiden, 1972.

M. Bietak, Tell el-Dabʾa-Qantir in the Geography of the Ancient Nile-delta (1), «Egyptologie», p. 15—19.

Cl. et A. Brejnik, ed-s, Le voyage en Égypte de Christophe Harant de Polsic et Bezdruzic (1958), Le Caire, 1972, 311 p.

E. Endesfelder, hrsg., Ägypten und Kusch, B., 1977, 512 S., ill., 43 Taf.

W. Helck, Die Altägyptischen Gaue, Wiesbaden, 1974, VIII + 216 S.

J. Kamil, Luxor. A Guide to Ancient Thebes (2nd ed.), L.-N. Y., 1976, 181 p., ill.

W. Macquitty, Island of Isis. Philae, Temple of the Nile, L., 1976, 192 p., ill.

J. Yoyotte, Réflexions sur la topographie et la toponomie de la region du Caire, BSFE, 67, 1973, p. 27—35.

A. P. Zivis, Hermopolis et le nome de l'Ibis. Recherches sur la province du dieu Thot en Basse Égypte, I. Introduction et inventaire chronologique des sources, Le Caire, 1975, XX + 262 p.

Разное

J. Assman, Das ägyptische Zweibrüdermärchen (Papyrus d'Orbiney), ZÄS, 104, 1977, 1, S. 1—25.

E. M. Bruins, Contribution to the Interpretation of Egyptian Mathematics, «Egyptologie», p. 25—28.

E. M. Bruins, The Part in Ancient Egyptian Mathematics, «Centaurus», 19, 1975, 4, p. 241—251.

F. Daumas, P. Ghalioungui, Quelques représentations de maladies oculaires dans l'ancienne Égypte, CdE, 101, 1976, p. 17—29.

P. Montet, La vie quotidienne en Égypte au temps des Ramsès, P., 1974, 346 p. (БЛ).

VII. ЯЗЫК

W. V. Davies, «Hand and Hearts (Berlin 1157)» — an Alternative, JEA, 62, 1976, p. 176.

Ch. Eyre, An Egyptianism in the Amarna Letters?, JEA, 62, 1976, p. 183.

R. O. Faulkner, The Enclitic Negation W, JEA, 62, 1976, p. 176.

M. Gilula, An Unusual Nominal Pattern in Middle Egyptian, JEA, 62, 1976, p. 160—175.

J. Gwyn Griffiths, A Refrain in the Texts of the Eafu Temple, JEA, 62, 1976, p. 186.

F. Manera, Note di epistolografia neo-egiziana, RSO, XLIX, 1975, I/II, p. 1—10.

E. S. Meltzer, «Heart»: ib or inb in Egyptian? JNES, 36, 1977, 2, p. 149—151.

M. Murphy, Egyptian and Arabic Place-names, JEA, 62, 1976, p. 186.

W. Schenkel, Die Altägyptische Suffixkonjugation. Theorie der innerägyptischen Entstehung aus Nomina actionis. Wiesbaden, 1975, VI + 88 S. (= Ag. Abh. 32).

Коптский язык

P. du Bourguet, Bibliographie copte. 24 (1974—1975), Or, 45, 1976, 4, p. 88—117.

G. M. Browne, Notes on Coptic Texts, CdE, 101, 1976, p. 231—232.

M. Gilula, Egyptian NHT = Coptic «to Believe», JNES, 36, 1977, 4, p. 295—296.

F. Farag, The Usage of the Coptic Language as a Constituent Element of the Literary Form of Severus Ibn al-Muqaffa, BiOr, 33, 1976, 5/6 p. 275—283.

W.-P. Funk, Zur Syntax des Koptischen Qualitativs, ZÄS, 104, 1977, 1, S. 25—39.

O. F. A. Meinardus, Coptic Pilgrimage Testimonies, OS, 23/24, 1974/1975, p. 3—6.

T. Orlandi, Basilio di Cesarea nella letteratura copta, RSO, XLIX, 1975, I/II, p. 49—58.

A. Shisha-Halevy, The Circumstantial Present as an Antecedent-less (i. e. Substantival) Relative in Coptic, JEA, 62, 1976, p. 134—137.

J. Vergote, Problèmes de la «Nominalbildung» en égyptien, CdE, 102, 1976, p. 261—285.

VIII. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

F. Le Corsu, Bibliographie de Jacques Vandier, RdE, 27, 1975, p. 14—29.

«Egyptologie», BiOr, 33, 1976, 5/6, p. 415—416.

J. J. Janssen, Annual Egyptological Bibliography. 1971, Leiden, 1975, X + + 200 p.; *1972*, Leiden, 1976, X + 227 p.

«Lexikon der Ägyptologie». Bd. 1—2, Wiesbaden, 1974, *Bd. 2, lig. 1—3*, 1975—1976. (ЛГУ).

P. van Moorsel, J. Debergh, Nubian Studies in Preparation II, Or, 45, 1976, 3, p. 319—326.

B. Porter, R. B. Moss, Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Vol. IV; Memphis, pt. I: Abû Rawâsh to Abûsîr (second revised edition), Oxf. 1974, XXIX + 292 p.

J. Bourriau, ed., Egyptian Antiquities Acquired in 1974 by Museums in the United Kingdom, JEA, 62, 1976, p. 145—152.

E. Bresciani, L'expedition franco-toscane en Égypte et en Nubie (1828—1829) et es antiquités égyptiennes d'Italie, BSFE, 64, 1972, p. 5—30.

M. Ch. O. Carbonell, Jacques-Joseph et Jean-François Champollion; la naissance d'un génie, BSFE, 65, 1972, p. 25—41.

S. Curto, Jean-François Champollion et l'Italie, BSFE, 1972, 65, p. 13—24.

S. Curto, Museo Egizio di Torino: una scheda di restauro, RdE, 27, 1975, p. 93—101.

«Egyptian Antiquities», July 1968 to December 1969, BMQ, XXXIV, 1970, p. 186.

B. M. Fagan, Auguste Mariette and Verdi's Aïda, «Antiquity», LI, 1977, 201, p. 55.

A. Gil-Artagnan, Le Projet «Pount». Essai de reconstitution d'un navire et d'un navigation antiques, BSFE, 1975, p. 28—43.

J. E. Goby, Travaux du premier Institut d'Égypte (1738—1801), BSFE, 66, 1973, p. 15—34.

J. S. Karig, Corpus Antiquitatum Aegyptiacarum. Lose-Blatt-Katalog ägyptischer Altertümer (CAA), ZÄS, 104, 1977, 1, S. 39—46.

J. Lauffray, Le Centre franco-égyptien d'étude des temples de Karnak. Six ans 'activité, BSFE, 67, 1973, p. 5—26.

J. Leclant, Premier Congrès International d'Egyptologie. Le Caire, 2—10 Octobre 1976, Or, 45, 1976, 4, p. 432.

G. T. Martin, Current Research for Higher Degrees in Egyptology, Coptic, and Related Studies in the United Kingdom, № 2, JEA, 62, 1976, p. 188.

R. Moss, Rubbings of Egyptian Reliefs made in 1826 by Sir J. Gardner Wilkinson, JEA, 62, 1976, p. 108—109.

H. W. Müller, L'obelisque Albani (à Münich) avant son transfert à Paris, BSFE, 72, 1975, p. 7—22.

B. Peterson, Über Altertümer in Nubien, OS, 23/24, 1974/1975, p. 44—64.

G. Poethke, Über die Einrichtung einer Kerblochkarten-Kartei in der Papyrus-Sammlung, SMB FB, 16, 1974, S. 119—122.

E. Strouhal, Multidisciplinary Research on Egyptian Mummies in Czechoslovakia: V. V. Titlbachová, Z. Titlbach, Hair of Egyptian Mummies; VI. J. Hanzák, Egyptian Mummies of Animals in Czechoslovak Collections, ZÄS, 104, 1977, 1, S. 86—88.

B. van de Walle, Le catalogue de la collection Ch. Bogaert, CdE, 101, 1976, p. 47—57.

IX. НЕКРОЛОГИ

«*Jaques Vandier*», BSFE, 68, 1974, p. 3—4.

«*Ahmed Fakhry*», BSFE, 68, 1974, p. 6—7.

G. Posener, Jaques Vandier (1904—1973), RdE, 27, 1975, p. 17—18.

H. Brunner, Eberhard Otto (1913—1974), ZDMG, 1976, 1, S. 1—4.

J. S. Payne, Dr. Elise J. Baumgartel, JEA, 62, 1976, p. 4.

E. Bresciani, Serge Sauneron, «Aegyptus», LVI, 1976, I/IV, p. 295—296.

(Editorial), Dr. Herbert Ricke, JEA, 62, 1976, p. 4.

Н. Е. Семпер

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ И. М. ТРОНСКОГО В МГПИИЯ им. М. ТОРЕЗА

2 июня 1977 г. состоялось расширенное заседание кафедры классических языков МГПИИЯ им. М. Тореза, посвященное памяти И. М. Тронского в связи с 80-летием со дня его рождения. В заседании приняли участие филологи-классики и специалисты по истории и культуре древнего мира из МГУ (кафедры классической филологии и древних языков), ИМЛИ им. М. Горького, Институтов языкознания, Всеобщей Истории и Истории СССР АН СССР, Университета Дружбы народов им. П. Лумумбы, ГИТИС и других организаций. Во вступительном слове *В. Н. Ярхо* отметил, что филологи-классики уже в шестой раз собираются в МГПИИЯ им. М. Тореза, чтобы почтить память И. М. Тронского. С докладами на заседании выступили А. А. Тахо-Годи, В. Н. Ярхо, Е. С. Голубцова, В. П. Нерознак, А. В. Широкова и М. Л. Гаспаров.

А. А. Тахо-Годи в докладе «Миф у Платона как действительное и воображаемое» изложила результаты исследования слова «миф», получившего у Платона терминологический смысл. Если архаическая литература (Гомер) исключает употребление слова «логос», а современная Платону Древняя Стоя не употребляет слова «миф», то Платон в равной мере оперирует и тем и другим термином. «Миф» у Платона объединяет в себе мысль, воспоминание и стремление к осуществлению желаемого. В нем сплетены действительность и вымысел. Ему чужд аналитизм «логоса», так как он основан на вере и аксиоматичен. Главнейшие политические трактаты Платона («Государство», «Законы», «Политик») постоянно апеллируют к мифу, поскольку Платон, утопист и мечтатель, глубоко уверен в действительном воплощении своих самых невероятных социальных построений. Наоборот, вдохновенные поэтические истории (Атлантида, Эрос, круговорот душ и т. д.) именуются у Платона логосами, так как нуждаются в тщательной аргументации и доказательстве. Платоновское понимание слова «миф» ближе всего к древнейшей его семантике, в чем сказываются архаические тенденции Платона. Как непостижимо платоновское абсолютное благо, так и «миф» Платона остается в сфере идеальной утопии, несмотря на свое интенсивное вмешательство в действительность.

В. Н. Ярхо посвятил свой доклад недавно опубликованным папирусным отрывкам комедии Менандра «Ненавистный» (Μισούμενος) и показал, что новый материал окончательно выявляет существенное различие в отношении к воину в римской и в новой аттической комедии. Для римской паллиаты наемный воин является носителем типичных черт фольклорной маски «хвастуна»; афиняне IV в. видели в наемной службе один из способов обеспечить семью, и авторы средней комедии, насколько можно судить по фрагментам, относились к типу воина хотя и не без юмора, но с достаточной долей сочувствия. Еще дальше пошел по этому пути Менандр: воин Фрасонид в «Ненавистном» тяжело переживает враждебное отношение к нему его пленницы-рабыни, молит ее о взаимности, со страхом и трепетом ждет решения своей судьбы, хотя положение хозяина дает ему полное право не считаться с чувствами рабыни. Как образы Полемона в «Отрезанной косе», Стратофана в «Сикионце», так и фигура Фрасонида показывают полную неправомерность приложения к менандровскому воину привычных клише, заимство-

ванных из плавтовского «Miles gloriosus». Греческий оригинал комедии Плавта, относящийся скорее всего к концу 80-х годов III в., являлся запоздалой сатирой на любовные похождения Деметрия Полиоркета во время его пребывания в Афинах и никак не связан с изображением воина у Менандра.

Е. С. Голубцова в докладе «Значение эпиграфических данных для атрибуции христианских памятников сельских районов Малой Азии» указала на то, что издатели свода МАМА при атрибуции рассматриваемых памятников, безоговорочно относя одни из них к христианским, а другие — к языческим, не учитывают их специфики. Было бы правильнее при характеристике данных надписей ввести понятие определенного переходного периода, в течение которого языческая религия отстаивала свои позиции, а христианская их завоевывала. Специфика этого периода сказывалась во всем: во внешнем виде памятников, изображениях на рельефах, в новой терминологии, ономастике, символике и т. п. Е. С. Голубцова подчеркнула, что процесс распространения христианства и его борьбу с языческой религией нельзя определять однозначно. Он проходил в разных местах по-разному, встречая ожесточенное сопротивление со стороны местных общинных культов. Уже сама длительность этого переходного периода, насчитывающего в ряде случаев по два-три века, указывает, что религия сельских общин оказалась живучей, культы богов, которым поклонялись общинники, устойчиво сохранялись столетиями.

В. П. Нерознак прочитал доклад «Словарь Гесихия как источник по истории греческого языка». Этот поздний греческий лексикографический памятник V в. н. э. является важным и ценным источником по исторической диалектологии и лексикологии греческого языка. В нем содержатся как ἅπαξ λεγόμενα, так и многочисленные диалектные варианты от микенского до ранневизантийского этапов развития греческого языка. В. П. Нерознак отметил также, что лексикон Гесихия имеет большую ценность не только для реконструкции истории греческого языка, но и для изучения истории других индоевропейских языков.

А. В. Широкова в докладе «Членение народно-латинской диалектной общности» сообщила о том, что история диалектальности народной латыни имеет более глубокие корни, чем это считалось ранее, и в настоящее время не представляется связанной с проблемой провинциальной латыни. Народно-латинские диалекты сложились на Апеннинском полуострове и прилежащих к нему территориях, что может быть доказано путем их сопоставления с диалектами современного итальянского языка. В докладе также был затронут вопрос о соотношении таких понятий, как «народная латынь» и «литературный латинский язык».

М. Л. Гаспаров прочитал отрывок из поэмы «Лабиринт» Эберхарда Немецкого в своем переводе. Это малоизвестная даже среди специалистов «грамматическая поэма» XIII в. в основном содержит изложение в стихах правил риторики и поэтики, а введение и заключение к ней рисуют достаточно реалистическую картину горькой жизни школьного наставника, которого притесняет начальство, мучит безденежье и доводят до изнеможения наглые и тупые школяры. Перевод этого любопытного историко-педагогического памятника будет напечатан в сборнике «Памятники средневековой латинской литературы XIII века», издаваемом ИМЛИ АН СССР.

Надо надеяться, что заседания памяти И. М. Тронского и впредь будут организовываться и привлекать внимание научной общественности.

Г. П. Чистяков

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ
МОРАЛИИ

PLUTARCHI CHAERONENSIS
SCRIPTA MORALIA

*

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Л. А. ФРЕЙБЕРГ и М. Л. ГАСПАРОВА

Перевод с древнегреческого

Л. А. Ельницкого

ПЛУТАРХ

НАСТАВЛЕНИЯ ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВОМ

Политическое учение Аристотеля, как известно, приобрело в истории государственных теорий не меньшее значение, чем учение Платона. При этом в школе перипатетиков, в отличие от ученых последователей Платона по Академии, развивалось именно направление политической практики, в качестве представителей которого должен быть назван Теофраст и его сочинение «О действенной политике» и Аристон Теосский — «О (политических) ораторах». Оба эти сочинения оказали, видимо, существенное влияние на Плутарха, судя по тому, что в своих политических трактатах он уделяет много внимания ораторскому искусству политических деятелей, а о сочинении Теофраста им был написан специальный трактат: Περὶ Θεοφράστου [Πολιτικῶν] πρὸς τοὺς καιρούς. И в своем трактате «Наставления по управлению государством» Плутарх ставит перед собой преимущественно чисто практические проблемы политической деятельности, в осуществлении которой он отводит очень значительное место государственным мужам как политическим ораторам и администраторам.

Среди дошедших до нас сочинений Плутарха на политические темы названный трактат теснее всего соприкасается с другим его трактатом — «Следует ли старцу управлять государством?», написанным, вероятно, под влиянием сочинения Аристона Кеосского «О старости». Если Плутарховы «Наставления по управлению государством» дают преимущественно практические указания людям, готовящимся к политической карьере, и перемежаются разнообразными и многочисленными примерами поведения знаменитых государственных мужей Греции, Рима, отчасти древнего Ирана, то трактат о политической деятельности в старческом возрасте помимо примеров и наставлений содержит целый ряд общих соображений и представлений о морально-философских устоях политической деятельности, коренящихся, с одной стороны, в глубоких исторических традициях, с другой, — в гуманизме, пацифизме и милосердии — чувствах, к которым не могло не обращаться сознание образованного и исполненного нравственной ответственности грека в эпоху безраздельного римского господства над всем доступным античному сознанию миром.

Историческая традиция, сдобренная, быть может, даже и в большей мере, чем это подлежало критическому осмыслению, мифическими и социально-утопическими идеями на мотивы сказочного Кроносова царства как идеала всеобщего благоденствия и справедливости, приводила его к принятию царской власти за образец государственной власти вообще. Поскольку ни один царь не покидает трона по возрастному признаку, не должен покидать своего поста по этой причине и избранный магистрат, если народ продолжает облекать его соответственным доверием. На этом осно-

вании Плутарх приходит к выводу, что политическая деятельность пожизненна по своей сути, в частности, потому, что она требует от государственного мужа не физических, а духовных сил, расцвет которых наступает именно в старческом возрасте (An seni, гл. 11—17).

«Наставления» не содержат сколько-нибудь пространных рассуждений отвлеченного характера о принципах политической деятельности, а предлагают читателю главным образом чисто практические указания о том, как должен вести себя человек, участвующий в управлении государством, всякого рода исторические примеры, а также и случаи из современной Плутарху политической жизни настолько многочисленны, что придают всему сочинению достаточно своеобразный колорит. Вряд ли какой-либо другой писатель не только древности, но и времен более поздних, мог бы ввести в свое сочинение такое множество и разнообразие исторических примеров, параллелей и анекдотов, как Плутарх. Да и он мог создать эту удивительную мозаику из исторических фактов, биографических подробностей, подобранных к случаю сентенций, острот, поэтических иллюстраций лишь в последний период своей литературной деятельности, имея за плечами все свои биографии царей, полководцев, ораторов и других государственных деятелей от времен мифических и почти до своих собственных дней, а также сборники изречений и анекдотов, связанных с наиболее известными историческими именами [1].

Названные трактаты об управлении государством хотя и привлекают исторические данные о прошлом Рима, Карфагена, Ирана, все же лишь иллюстрируют и подкрепляют мысли автора, имеющего в виду в качестве своего непосредственного предмета греческую государственность и греческие полисы. Сочинения эти вовсе не преследуют собственно исторической цели. Они обращены к современникам и соотечественникам, к лицам, занятым политической деятельностью или претендующим на таковую и к ней готовящимся. Советы и указания Плутарха имеют, таким образом, чисто практическое назначение — обстоятельство, не могущее не вызвать некоторого недоумения, поскольку все те полисы, которые имеет в виду Плутарх, и все их греческие магистраты являлись в сущности лишь марионеточными политическими структурами и фигурами, исполнявшими свои, как признает и сам Плутарх, нередко далеко незавидные роли под римским сапогом, а то и под римским топором, фатально нависшим над их головами (гл. 17, 813 F).

Плутарх отнюдь не старается скрыть эти обстоятельства, и поэтому необходимо допустить, что ему и самому была хорошо ясна противоречивость и двусмысленность его позиции, чтобы не сказать — и ее фальшивость. Выступая с политическими советами, обращенными к греческим магистратам городов, не только входивших в римскую провинцию Ахайю, всецело подчиненных ее проконсулу и его функционерам, но также и к политическим деятелям греческих центров других провинций, в частности — Азии, Плутарх не забывает напомнить своему читателю, что любое мероприятие греческого магистрата может быть когда угодно отменено, а сам магистрат без долгих разговоров заменен другим лицом (гл. 17, 813 F). Для вящего устрашения он даже приводит на память случай жесточайшего обращения Суллы с латинскими пренестинцами только за то, что этот город послужил резиденцией его врага Мария, и умоляет богов о том, чтобы подобная судьба не постигла его соотечественников (гл. 19, 816A).

[1] В связи со всем этим «Наставления» относятся к позднейшему периоду литературной деятельности Плутарха и датируются обычно 110—115 гг. См. C. Mittelhaus, De Plutarchi Praeceptis gerendae Reipublicae, B., 1911; B. Lavagnini, A proposito dei precetti politici di Plutarco, Pisa, 1929; K. Ziegler, Plutarch von Chaironea, RE, Bd. XXI, 1964, стб. 846 слл.

Он даже порицает тех незадачливых греческих политических ораторов, которые в своих декламациях вызывают память о великих военных подвигах прошлого, совершенных греческими полководцами, полагая, что обстоятельства его времени делают неразумным подобное возбуждение воинственного духа у греческих сограждан. Гораздо уместнее, по его мнению, было бы напоминание об актах великодушия и миролюбия.

Но так как он и сам неизбежным образом обращается то и дело к героическому прошлому своего народа, сообщая о том, как вели себя в тех или иных случаях Мильтиад, Фемистокл, Перикл и другие знаменитые деятели древней Греции эпохи ее расцвета и независимости, то чувство несоответствия всего этого греческому сознанию времен римского владычества невольно передается и нам. Однако нас — людей нового времени — не может не удивлять при чтении Плутарховых «Наставлений» их значительная откровенность в оценке римских порядков в Греции, поскольку это свидетельствует об определенной терпимости римских верхов, отнюдь, видимо, не ставивших Плутарху в строку его рискованных заявлений.

Впрочем, до нашего времени дошли и гораздо более резкие инвективы в адрес римских поработителей, исходившие из среды если не собственно греков, то во всяком случае людей греческой культуры на Ближнем Востоке. Из всего этого надо заключить, что римская администрация, остро реагировавшая на выступления против римлян с оружием в руках, равнодушно воспринимала литературную критику и словесные инвективы. Тем более, что Плутарха, пользовавшегося расположением римских общественных верхов, никак нельзя счесть последовательным недоброжелателем римлян [2]. В этом же трактате он отмечает, напротив, что римское завоевание принесло Греции избавление от внешних войн и внутренних неурядиц (гл. 32, 814А — С).

Плутарх, констатируя полную невозможность для греческих государственных деятелей проводить самостоятельную политику, негодует по поводу попыток тех или иных из них использовать личные связи с представителями римской администрации для каких-либо своих выгод. Но, с другой стороны, он воздает хвалу таким людям, как историк Полибий и стоический философ Панетий, использовавшим дружеские отношения со Сципионом Африканским на благо своих родных общин [3].

Судя по советам, высказанным в «Наставлениях», и по приводимым в них оценкам тех или иных деятелей разных политических направлений, Плутарх полагал себя сторонником умеренных политических программ и мягких, гуманных действий, независимо от того, были ли олигархами, тимократами или крайними демократами их исполнители. В этом отношении его можно назвать последовательным перипатетиком, поскольку Аристотель также считал, что любой способ правления может быть хорош или

---

[2] Плутарх провел в Риме довольно продолжительное время, побывав там дважды, но как долго — точно не известно (RE, Bd. XXI, стб. 818 сл.). Он общался с широким кругом лиц, философски образованных, а также и высокопоставленных в обществе и при императорском дворе, в частности с Месторием Флором, приближенным и другом Веспасиана, а позднее с Созием Сенеционом, заметной фигурой эпохи императора Траяна.

[3] В этой связи Плутарх не сообщает ничего о себе лично, хотя, казалось бы, и его римские связи позволяли ему употребить свое влияние подобным же образом. Зато легенда обыграла это обстоятельство и породила сообщение, которым воспользовался Евсевий Кесарийский, поместивший в своей Хронике (под 119 г.) указание о присвоении Плутарху достоинства консула. Сообщалось также и о распоряжении императора (Траяна или Адриана), отданном якобы управителю Иллирика о том, чтобы в отношении Ахайи не предпринималось решительно ничего, с чем бы был не согласен Плутарх. Именно этот последний штрих и выдает позднее возникновение этой легенды, поскольку подчинение Греции иллирийской администрации стало фактом лишь после образования Иллирийского диоцеза (в III в.).

плох в зависимости от того, какими средствами он осуществляется; для него была вполне приемлема гуманная тирания и неприемлема крайняя и грубая, не стесняющаяся в средствах демократия. Так же Плутарх ненавидит и презирает Клеона, принимая Клеомена III и Гракхов, отвергает Набиса и Мария, отвергает друзей и учеников Платона, совершавших из идейных побуждений политические убийства.

Плутарх не занимал высоких политических постов на своей родине [4], но, исполняя должности коммунального характера по надзору за чистотой и благоустройством в городе, он подчеркивает в «Наставлениях», что принятие на себя подобных функций отнюдь не является унизительным для кого бы то ни было. Любую должность можно исполнить с такой честью, что от этого возвысится и самая должность. И когда Плутарх сообщает, с каким гражданским достоинством он исполнял обязанности телеарха (надзирателя за уборщиками мусора?), в его словах звучат чисто кинические нотки, сознание чего, видимо, было ясно и ему самому, поскольку он вспоминает при этом именно о случае, связанном с родоначальником кинизма — Антисфеном.

Жрец в храме дельфийского Аполлона, Плутарх был проникнут глубокой религиозностью также применительно и к гражданским обязанностям. Полагая ораторскую трибуну алтарем Зевса Булея и Полиэя, а также Дике и Фемиды — божеств совета, общественного долга и справедливости — он считает внутреннюю ответственность перед этими всенародными божествами защитой против всякого рода бесчестных и преступных помыслов, несовместимых с общественной деятельностью (гл. 4, 800BC). Деятельность эта мыслится им как высокий моральный долг, осознанию которого политический деятель подчинен денно и нощно, внутренне обязанный приходить на помощь своим согражданам с неменьшим рвением и усердием, чем врач к больному. Государственное лицо должно чувствовать себя как бы всегда находящимся на ораторской трибуне, а не только тогда, когда оно в действительности обращается к народу с очередной речью.

Пестрота имен и связанных с ними исторических анекдотов, как было сказано, заимствованных Плутархом из им же самим составленных жизнеописаний и апофтегм, могли бы, вероятно, утомлять читателя «Наставлений», если бы Плутарх не позаботился придать им незаурядную по живости и литературной впечатляемости форму. Живости и художественной выпуклости его рассказа не мешает даже и то, что некоторые мысли и факты повторяются по нескольку раз лишь с незначительными вариантами — в особенности это относится к определениям и детализациям моральных норм поведения правительствующего лица, что в сущности и является главной темой этого сочинения, которую автор варьирует на разные лады и применительно к разным случаям и ситуациям, возможным в общественной практике.

Много внимания уделено им ораторскому искусству политического деятеля, которое не должно соответствовать витиеватому красноречию записного ритора, а призвано обладать деловитостью и идущей от разума убедительностью. Только такое красноречие способно повести за собой массы. Для вящей убедительности своих доводов Плутарх употребляет различные броские метафоры и художественные сопоставления. Как истинный грек-мореход, он неоднократно обращается к предметам, связанным с мореплаванием. Тут и навигационная техника, и способы судовождения, и рули, и паруса, и якоря, и кораблекрушения. Сопоставление отвлеченных представлений из области политики со всеми этими конкретностями

[4] Впрочем, он сам упоминает (гл. 20, 816 D) об участии в посольстве к проконсулу провинции Ахайи.

очень оживляет и драматизирует его изложение. Метафорические и параболические фигуры у Плутарха весьма разнообразны: то это примеры или случаи из области медицины, а то из области пчеловодства, хорошо ему видимо знакомого; к нему он обращается несколько раз, сравнивая гражданскую общину с пчелиным роем, а правителя — с пчелиной маткой. Особенности поведения пчел используются Плутархом применительно к тем или иным обстоятельствам общественной жизни греческого города и его политических деятелей, свидетельствуя о хорошем знании им этого предмета. Еще большее количество сопоставлений заимствует Плутарх из области театрального искусства, атлетических состязаний, гимнастических игр. Поскольку все это рассчитано на восприятие и оценку рядового читателя, образованный грек эпохи империи предстает достаточно разносторонним человеком, для которого столкновения всех этих разнообразных предметов и идей из разных областей ведения не выглядели чисто риторическими фигурами. Обилие поэтических цитат, заимствованных из многих разновременных произведений различных литературных жанров, опять-таки предполагает в читателе «Наставлений» достаточно искушенного в этой области и чуткого к поэзии человека [5].

Этическое содержание «Наставлений» создает идеальный образ греческого политического деятеля времен подъема Римской империи, приближающийся к образу киническо-стоического философа типа Эпиктета или раннехристианского апостола паулинистского толка. Это содержание и делает «Наставления» оригинальным вкладом в литературу. Близкие по социально-этическим идеям стоическо-киническим сочинениям, они являют известное своеобразие, преимущественно за счет материала исторических анекдотов [6]. Перевод исполнен по изданию: Plutarch's Moralia with an English Translation by H. N. Fowler. v. X. L., 1960 (The Loeb Classical Library). Из этого же издания заимствованы конъектуры и разночтения, установленные авторами предшествующих изданий «Моралий»: Plutarchi Chaeron. varia scripta quae Moralia vulgo dic. 12 vol. ed. a G. Xylandro, Basiliae, 1574; Plutarchi quae supers. omnia. 12 vol. ed Y. I. Reiske, Lipsiae, 1774—82; Plutarchi... Moralia. Graeca emend. D. Wittenbach. 8 vol. Oxonii, 1795—1830; Plutarchi Chaeron. Moralia. Recogn. G. N. Bernardakis. 9 vol., Lipsiae, 1886—1896; S. C. Larsen, Studia critica in Plutarchi Moralia, Haunial, 1889. Многие другие не отмеченные в примечаниях к нашему переводу конъектуры и разночтения читатель найдет в примечаниях к греческому тексту издания Фаулера.

ПЛУТАРХ

НАСТАВЛЕНИЯ ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВОМ

PRAECEPTA GERENDAE REIPUBLICAE

1. Слова эти, милый Менемах [1]—

«Речи твоей ни один не осудит из этих ахейцев,
Слова напротив не скажет; но речь до конца не довел ты» [2].

B — приложимы быть могут ко многим, но более всего к философам, произносящим разные добрые увещания, но такие, которые ничему не учат и ничего определенного не внушают. Философы эти

[5] F. Fuhrmann, Les images de Plutarque, P., 1964, стр. 101 сл.
[6] D. Babut, Plutarque et le Stoïcisme, P., 1969, стр. 318 сл.
[1] Лицо, которому Плутарх посвятил этот трактат.
[2] Hom., Il., IX, 55 sq.

подобны людям, чистящим светильники, но не наполняющим их маслом.

И вот, так как я вижу, что ты, соответственно твоему благородному происхождению, стремишься служить своему отечеству—

«И в словесах, как вития, вершитель и дел преотменный» [3],

— и так как у тебя не было случая наблюдать преданного философии мужа, занятого на общественном поприще выполнением государственных дел и разрешением общественных конфликтов, чтобы стать тебе самому участником этого рода действий, а не слуша-
C телем одних лишь политических речей; и так как ты для этого хотел бы получить наставления о том, как вести государственные дела, то вот я полагаю, что мне не подобает отвечать тебе отказом. Пусть же этот предмет столь же соответствует твоей любознательности, как и моему усердию.

Я соответственно твоим просьбам использовал в особенности разнообразные примеры.

2. Первое условие, определяющее государственное управление, как бы его прочное и надежное основание, состоит в том, что принимаемые решения должны исходить от соображений, возни-
D кающих из спокойных рассуждений, а не из пустых и честолюбивых побуждений, вызываемых жаждой славы, или из недостатка каких-либо других дел. Ибо как некоторые люди, не имеющие у себя дома серьезных дел, проводят чрезмерно много времени на агоре, когда в том нет нужды, точно так же существуют и люди, которые лишь от безделья посвящают себя общественным делам, обращая политическую деятельность во времяпрепровождение. Многие, случайно ввязавшиеся в государственные дела, даже если и чувствуют, что с них уже довольно, высвобождаются из этих дел с трудом. С ними происходит то же, что с людьми, севшими в лодку, чтобы покачаться на волнах, и увлеченными от берега в открытое море. Терзаемые морской болезнью, бросаемые туда и сюда, смотрят они на далекий берег, но должны покориться своей судьбе.

«На светлой морской глади
Им предшествуют прекрасные эроты.
Корабельные весла гневят морские пучины» [4].

Таковы эти люди, бесчестящие служение государству, в рас-
E каянии и огорчении, ибо они против всех своих надежд стали жертвами презрения или же попали в положение, полное опасностей и беспокойства, между тем как ожидали, что у власти они смогут сделаться устрашающими для других. Но тот, кто работу для общества предпринимает в полном сознании как наиболее подходящую и прекрасную задачу, ничего не устрашится в своей деятельности и не будет ничем отвращен от своих намерений. Ведь не для того же, чтобы разбогатеть и выслужить денег, сле-
F дует приниматься за общественные дела, подобно Стратоклу и Дромоклиду [5], которые призывали друг друга к «золотой жатве» [6],

[3] Hom., Il., IX, 443.

[4] Отрывок приписывают Симониду Кеосскому (Bergk, III, p. 396, fr. 42D).

[5] Беспринципные афинские политические ораторы эпохи Демосфена. О Стратокле см. ниже, гл. 3. Дромоклид в особенности лебезил перед Деметрием Полиоркетом. См. Plut., Demetr. 12 sq.; 34.

[6] θέρος. Кл. Сальмазий читал δέρος, т. е. «руно».

как они насмешливо именовали свою деятельность на ораторской трибуне.

Не следует также давать себя увлечь нахлынувшему внезапно страстному порыву, подобно Гаю Гракху. Ведь покуда память о несчастной судьбе его брата была еще свежа, он избегал публичности, но когда издевки и оскорбления повергли его в пламенный гнев, ринулся он в политическую борьбу. Он быстро почувствовал пресыщение делами и славой и искал возможности по-
799 A ложить всему этому конец, ощущая потребность в другой, более спокойной жизни, но он не видел никакой возможности сложить с себя ставшую слишком громоздкой власть, покуда его не настигла преждевременная гибель.

Так всякий, кто готовит себя, как актеры перед зрелищем, к этой борьбе за первенство или за славу, неминуемо испытает раскаяние. Ибо он или сделается рабом тех, над которыми хотел властвовать, или должен будет враждовать с теми, которым желал быть приятен. Политическую деятельность я вернее всего сравнил бы с колодцем: кто падает в него неожиданно, того охватывает испуг и растерянность, но кто опускается в него с необходимыми предосторожностями и сноровкой, те найдут способ действовать сообразно обстоятельствам, и их ничто не смутит, так как целью всей их деятельности является только лишь общественная польза.

B 3. Утвердившись неколебимо в собственном решении, необходимо прежде всего распознать душевное расположение своих сограждан; какие чувства в них заметнее и сильнее? Ибо пытаться разом облагородить характер своего народа представило бы собой трудную и опасную задачу. На это потребовалось бы долгое время и значительные усилия. Как, скажем, вино сначала подчи-
C няется натуре пьющего, а затем начинает ее изменять, постепенно согревая его и расслабляя, так же точно должен государственный деятель, покуда ему слава и доверие не обеспечат власти над руководимыми, подделываться к ним и действовать с оглядкой, как хороший знаток того, что им приносит радость и чем они, по своему характеру, позволяют собой руководить.

Так афиняне столь же легко дают себя привести в состояние гнева, как и быть подвигнутыми к состраданию; они скорее готовы выказать недоверие, чем спокойное внимание; они охотно бывают готовы помочь неизвестным и ничтожным людям и легко приходят в хорошее настроение, предпочтительно от задорных и веселых слов. Кто их восхваляет, доставляет им наибольшую радость; тот же, кто их бранит, вызывает в них полнейшее равнодушие. Они способны внушать страх даже своим правителям и проявлять человеколюбие даже в отношении своих врагов. Совершенно
D не таков нрав карфагенян. Мрачные и злобные, они покорны своим правителям, невыносимы для своих подданных; бесчестнейшие в страхе, дичайшие в гневе, они упорно отстаивают любые свои решения; грубые, они невосприимчивы к шутке и тонкостям. Они бы не повскакали (как афиняне) с мест, смеясь и аплодируя, если бы Клеон [7] их попросил отложить народное собрание, так как он

[7] Известный афинский политический деятель V в. до н. э. Приписываемое Клеону Плутархом неумение руководить военными делами совершенно не соответствует действительности и объясняется лишь политической позицией последнего. Plut., Per. 33, 35; Thuc., III, 36; V, 3 sq.

только что совершил жертвоприношение и хочет принять гостей [8].
Так же точно они не бросились бы ловить Алкивиадову перепел-
E ку, когда она однажды во время его речи вылетела из-под одежды,
чтобы ему ее возвратить [9]. Того и другого они бы, наверно, скорее предали казни за надменность и необузданность. Ведь изгнали же они Ганнона [10], который в походе навьючил на льва свой багаж, обвиняя его в тиранических устремлениях. Я полагаю, что даже фиванцы сочли бы превыше своих возможностей оставить невскрытым письмо своего врага, как однажды поступили афиняне: когда они задержали нарочного македонского царя Филиппа с письмом к его жене Олимпиаде, они его не распечатали, дабы не предавать гласности сокровенные слова любви, издалека обращенные мужем к своей жене. С другой стороны, я не думаю, чтобы афинянам могли понравиться высокомерие и гордость Эпаминонда, когда он, не пожелав дать объяснений по поводу возве-
F денного на него обвинения, поднялся и через собравшуюся в театре
толпу направился прочь, в палестру. Так же навряд ли смогли бы спартанцы перенести дерзкую шутку Стратокла, который побудил афинян ложным сообщением о победе к совершению торжественного жертвоприношения, а потом, после полученных известий
800 A о понесенном в действительности поражении, в ответ на упреки
спросил, неужели мог он досадить тем, что доставил им трехдневную радость и ликование? Конечно, ловкие царедворцы подлаживаются к государям, стараясь, подобно птицеловам, подражать их голосу и их повадкам. Так посредством обмана добиваются они царской дружбы. Но государственный деятель должен остерегаться подделываться под особенности своего народа. Знать он их, разумеется, должен, чтобы представлять себе, как с какою легче сладить. Ибо незнание народного характера влечет за собой ошибки и заблуждения в гражданских делах не менее опасные, чем при обхождении с царем.

4. Только лишь когда, вознесенный доверием народа, станешь ты обладателем власти, следует сделать попытку повлиять на своих сограждан, приводя их понемногу к лучшему и бережно руководя.
B Трудное это дело — изменить настроение народа. Но прежде ты
сам должен дать твоему нраву улучшиться до благородной зрелости, ибо тебе придется, точно в широком полукруге театра, проводить свою жизнь на глазах у толпы. Если же окажется свыше твоих сил искоренить совершенно пороки твоей души, то твоя обязанность — обрубать хотя бы самые заметные из недостатков. Ты же знаешь,— когда Фемистокл принял решение посвятить себя политической жизни, он отказался от веселых попоек и ночных сборищ и проводил ночи без сна в заботах о государстве, говоря
C своим друзьям, что Мильтиадов трофей не дает ему спать. Точно
так же произошла перемена в жизни и в поведении Перикла. Он приучил себя к размеренной походке и к спокойной речи, он показывался на людях только с серьезным лицом, руки держа под

---

[8] Ср. несколько более подробное изложение этого эпизода у Плутарха в биографии Никия, гл. 7.

[9] Из Плутарховой биографии Алкивиада (гл. 10) известно, что ее поймал кормчий Антиох, проигравший впоследствии сражение при Нотии.

[10] Карфагенский полководец, сын Гамилькара I (быть может, идентичный автору «Перипла Ганнона»), вождь склонявшейся к миру группировки, когда он в 218 г. до н. э. выступил против замыслов Ганнибала. Об эпизоде со львом см. Plin., NH, VIII, 21, 2.

плащом; знал он только одну дорогу — на ораторскую трибуну и в Совет.

Народом [11] управлять нелегко, и он не позволяет кому угодно подчинить себя спасительной узде. Достигнуто уже многое, если он позволяет собой руководить, не приходя в возбуждение от взгляда, от слова, подобно хитрому и подозрительному зверю. И если уж не должно пренебрегать подобными мелочами, то не
D важнее ли окажутся более серьезные заботы о том, чтобы поведение и моральный облик государственных деятелей оставались не подвержены укорам и порицаниям? Ведь они несут ответственность не только за свои слова и общественные дела; даже их пища будет привлекать любопытные взгляды, даже их постель, их супружество — все, что они ни делают в шутку или всерьез. Об этом свидетельствует история Алкивиада. Он был блестящим деятелем, непобедимым полководцем, но его легкомыслие и невоздержанность привели к его падению, а при его расточительности и неуравновешенности все его выдающиеся способности оказались бесполезны
E для государства. Те же самые афиняне ставили в упрек Кимону его склонность выпить, а римляне Сципиону — его склонность поспать, потому что они не могли придумать в отношении них ничего другого. А над Помпеем его враги потешались из-за того, что он чесал в голове только одним пальцем.

Подобно тому, как веснушки и бородавки на лице представляются более неприятными, чем родинки, увечья и рубцы на других частях тела, так же точно мелкие ошибки кажутся большими, когда их находят в жизни правителей или государственных мужей. Ибо толпа полагает, что управление и руководство государством столь величественны, что они должны быть свободными от всяких
F изъянов и недочетов. Недаром слова народного трибуна Ливия Друза получили такое одобрение: так как соседи могли с разных сторон заглядывать внутрь его дома, один строитель предложил ему устранить этот недостаток посредством перестройки стоимостью в пять талантов, но Друз ответил: «Возьми десять и сделай мой дом открытым насквозь, чтобы все мои сограждане могли видеть, как я живу». Ибо он был разумным и благонамеренным человеком. Но, вероятно, вовсе и не нужно, чтобы дом был прозрачным, потому что народ насквозь видит манеры своих государственных
801 A деятелей, их намерения и дела, так же как их жизненные правила, сколь бы глубоко скрытыми они ни представлялись. Он любит и ценит кого-либо из них не меньше за его частную жизнь, чем за общественную деятельность, так же как другого кого-либо презирает и ненавидит.

Можно было бы заметить, что государственная власть все же попадала в руки людей изнеженных и невоздержных. Бывает ведь, что беременные женщины испытывают тягу к поеданию камешков, а люди, страдающие морской болезнью,— к соленой и другой подобной еде, с тем чтобы после того отвернуться от нее с отвращением. Так же могут, конечно, и полисы из тщеславия или презрения
B или ввиду отсутствия более подходящих вождей воспользоваться услугами первых встречных, даже если они их считают противными и презренными. А потом радуются, когда слышат о них издевательства, какие комик Платон [12] влагает в уста народа:

[11] Чтение Бернардакиса, в рукописях ὄχλος или ὄχλου.

[12] Комедиограф эпохи древней аттической комедии (428—390 гг. до н.э.). Ярый поборник демократии в Афинах (D e m., XXIV, 134).

Схвати-ка ты меня скорее за руку —
Она избрать готова уж Агиррия! [13]

А еще у него народ требует лохань и перо, чтобы вызвать рвоту из-за того, что

Стоит здесь Мантий предо мной на кафедре...

или

Вонючего Кефала кормит лишь — чуму последнюю [14].

И когда Карбон [15] дал римлянам обещание, сопровожденное присягой и заклятием, они выразили ему полнейшее недоверие.

C Когда однажды в Спарте некий гуляка по имени Демосфен [16] внес разумное предложение, народ его отклонил. Но эфоры отдали приказание одному из геронтов, назначенных ими по жребию, внести то же самое предложение, чтобы сделать его приемлемым для народа, этим они как бы его перенесли из грязного вместилища в чистое. Такое значение в политической жизни приобретает уверенность в способностях, в наклонностях и личном обаянии.

5. Однако по этой причине еще не следует исключительное значение придавать добродетели и преуменьшать из-за этого прелесть и могущество ораторского искусства. Разумеется, это искусство не следует считать творцом убеждения, но скорее его помощником; именно таков будет правильный смысл слов Менандра:

В ораторе способность убеждает, а не слово [17].

Конечно, убеждает способность, а не только слово: нельзя ведь сказать, что именно руль, а не рулевой направляет корабль,
D и именно узда, а не всадник правит лошадью! Конечно, Зевс свидетель, необходимо утверждать, что искусство государственного управления основывается на принципах, а не на словах (как на руле или на узде), чтобы иметь возможность направлять и вести, подобно рулевому, свой народ — самое изворотливое из всех животных, как говорит Платон [18]. Но даже великие «богородные» гомеровские цари, во всей их роскоши и великолепии, в пурпуре и со скипетрами, со свитою и с оракулами богов, во всем блеске их величия, стремясь повелевать толпою, хотели сверх всего быть «витиями в словах» и не забывали о прелести речи.

И на советах, где мужи к блистательной славе приходят [19],

E они призывали не только Зевса Булея, не только Ареса Эниалия и Афину Ратную, но и Каллиопу [20], ибо

Шествует следом она за царями, достойными чести [21],

---

[13] Политический деятель в Афинах V в. до н. э., ставший предметом нападок сочинителей комедий. Известно, что он восстановил феорикон и повысил жалование эклесиастов. Kock, I, p. 652, № 185; ср. Aristoph., Plut. 176.

[14] Мантий и Кефал — афинские политические деятели первой половины IV в. до н.э., вызывавшие нападки комедиографов (Dem., XXXIX, 3, 27); Κέφαλος — гончар и сын гончара, ср. Aristoph., Eccl. 752.

[15] Римский политический деятель. Его третье консульство имело место в 82 г. до н.э., во время борьбы Суллы и Цинны.

[16] Другое чтение Τιμοσθένους (Magwig).

[17] Kock, III, p. 135, № 472, fr. 291.

[18] Krit., 109 c.

[19] Hom., Il. IX, 441—443.

[20] Муза эпической поэзии.

[21] Hesiod., Theog. 80.

и со спокойным убеждением утихомиривает упрямство и сварливость народа.

Было ли бы мыслимо, чтобы кто-то не именитый и просто одетый захотел бы управлять государством и мог бы подняться к господству над толпою, не обладая покоряющей и увлекающей
F властью речи? Кормчие имеют себе в подмогу на корабле командира гребцов, а управитель государством должен в себе самом находить рассудок, в себе самом — зажигательное слово, чтобы не нуждаться ни в чьем голосе и не быть вынужденным сказать, как Ификрат, которого Аристофонт [22] победил в словесном состязании: «У противника лучше актер, а у меня — драма». Или ему бы при-
802A шлось повторить слова Эврипида:

Ах, был бы нем несчастный род людской! [23]

и еще:

Когда бы роду смертных стали голоса
Вещей понятны — ни к чему б тогда ораторы [24].

Подобные увертки были бы подходящи, может быть, для Алкамена, Несиота, Иктина [25], и для всех других грубых рабочих и ремесленников, не имеющих никакого понятия об ораторском искусстве. Когда однажды в Афинах два архитектора оспаривали перед народным собранием государственный подряд, один из них— пройдоха и мастер поговорить — произвел на народ сильное впечатление прекрасно подготовленной речью о будущем своем про-
B изведении, тогда как его соперник, способный мастер, но никакой не оратор, в ответ сказал: «Афинские мужи, он вам это рассказал, я это сделаю». Ибо Эргану [26] — богиню ремесленного труда — почитают, как сказал Софокл [27], только лишь люди, обрабатывающие безжизненное железо, подчиняющееся «на наковальне молоту тяжелому». А тот, кто вещает во имя Афины Полиады [28] или Булейи Фемиды [29],

Соединяющей или же разъединяющей мужей,
Строгой богини... [30],

тот обладает только одним инструментом — речью. Ею он то сглаживает и соединяет, то разбивает и заравнивает все, что в его деятельности стоит у него на дороге как сучки в древесине или трещины в железе; и этим он создает порядок в государстве.
C Поэтому власть Перикла, как говорит историк Фукидид [31], по имени была властью народа, в действительности же правлением, руководимым первым человеком из-за могущества его речи.

[22] Афинский оратор IV в. до н. э., обвинитель известного стратега Ификрата.
[23] Nauck, 678, fr. 987.
[24] Nauck, 494, fr. 439.
[25] Алкамен (автор «Афродиты в садах») и Несиот (автор «Тираноубийц») — афинские скульпторы V в. до н. э., Иктин — архитектор, строитель Парфенона и мистериального храма в Элевсине.
[26] Афина Эргана — покровительница горшечников и каменщиков.
[27] Nauck, p. 309, fr. 760.
[28] Богиня-охранительница города и государства, нередко отождествлявшаяся с Афиной Никой. См. L. Preller — C. Robert, Griechische Mythologie, Bd. I[4], B., 1894, стр. 216, 3.
[29] Богиня-охранительница божественного и человеческого права, обычаев и порядка, у поэтов именовавшаяся Эвбулос и Ортобулос (Pind., fr. 30; Aeschil., Prom., 18).
[30] Hom., Od., II, 69.
[31] Thyc., II, 65, 8.

Конечно, Кимон, Эфиальт и Фукидид [32] также были способными людьми, но когда спартанский царь Архидам [33] спросил Фукидида, кто — он или Перикл — лучший кулачный боец, то получил в ответ: «Это неизвестно, ибо когда я его побеждаю в кулачном бою, он оспаривает свое поражение и убеждает зрителей» [34]. Но это приносило не только [35] славу и честь ему самому, но обеспечивало спасение государству. Ибо покуда он управлял им и воздер-
D живался от внешних столкновений, сохранялось его благополучие. Никий преследовал, конечно, ту же самую цель, но ему недоставало силы убеждения, и оттого его речи, в которых он удерживал народ от подобных предприятий, становились слабой уздой, так что он не мог осуществить свою волю. Так, против своей воли он был принужден осуществить сицилийскую экспедицию, в которую кинулся очертя голову. Волка, как гласит поговорка, нельзя удержать за уши. Но народ и город лучше всего вести именно за уши и не нужно следовать примерам иных карьеристов, которые, не будучи сильны в слове, хватаются за пошлые и негодные средства, угощениями и пожертвованиями услужают чреву и кошель-
E ку народа, а военными плясками и гладиаторскими играми народ более развращают, чем им руководят. Ибо подлинное руководство народом означает управление им посредством рассудительных слов, в то время как вышеназванные попытки укрощения черни ни в чем не отличаются от охоты на лишенных разума зверей и от обмана.

6. Впрочем, речь политического деятеля не должна быть ни юношески пылкой, ни театральной, как речи парадных ораторов, плетущих гирлянды из изящных и цветистых слов. Но пусть они не заслуживают упрека, брошенного Пифеем [36] Демосфену в том, что его красноречие отдает масляным светильником. Пусть в них не будет тонкостей, свойственных красноречию софистов, пункту-
F альных доказательств или периодов, растянутых в одну строчку, подобно бечевке. Но как музыканты хотят, чтобы удары по струнам лиры звучали мягко, а не резко, подобно этому речи политического оратора — советника и правителя — должны быть отмечены не грозностью тона и не хитросплетениями. Не следует, чтобы политический оратор заслужил похвалу, как привычный говорун, как ловкий оратор, безупречный диалектик [37]. Основу его речей должна составлять честная откровенность, истинное достоинство, патриотическая искренность, предусмотрительность, разумное внимание и забота. Было бы желательно, чтобы к благородству взглядов он присоединял изящество речи, подкупая серьезностью выражений, оригинальностью и чистосердечием мысли.

Правда, что политическое красноречие гораздо больше, чем
803 A судебное, допускает сентенции, исторические параллели, выдумки и образные выражения, умеренное и уместное употребление которых в особенности хорошо действует на слушателей. Так, один оратор вскричал: «Не лишайте Грецию одного из ее очей» [38].

---

[32] Сын Мелесия, афинский политический деятель V в. до н. э.

[33] Архидам II (468—426 гг. до н. э.).

[34] Ср. Plut., Per. 8.

[35] μόνῳ, другое чтение μόνον.

[36] Афинский политический оратор IV в. до н. э., противник Демосфена.

[37] διαιρετικῶς. Буквально: (выражающийся) «расчлененно» — слово, звучащее, быть может, терминологически.

[38] Эти слова произнес афинский оратор Лептин, протестуя против разрушения Спарты. Arist., Rhetor. III, 1411 A.

Так, Демад [39] сказал, что он управляет лишь «обломками государства». Так воскликнул Архилох:

... чтоб над островом нависший,
Камень Тантала исчез [40].

А Перикл требовал, «чтобы убрали бельмо с глаза Пирея» [41], а Фокион сказал о победе, одержанной Леосфеном [42]: «Короткую дистанцию ты пробежал прекрасно, но опасайся длинной!».

B Одним словом, политическое красноречие должно иметь больше благородства и величия. Я приведу в качестве образца этого жанра Филиппики [43] и некоторые из речей Фукидида — речь эфора Сфенелаида [44], речь царя Архидама в Платее [45], речь Перикла после чумы [46]. Но если дело идет об ораторских упражнениях в сочинениях Эфора [47], Феопомпа [48], Анаксимена [49], о прекрасных периодах, которые они произносят, вооружая и выстраивая своих воинов, позволительно воскликнуть:

Болтать пустое можно ль при оружии? [50]

7. Это не означает, что шутка и насмешка не возможны подчас и в речах государственного человека, лишь бы дело не доходило до
C оскорблений и шутовства, а нападки и насмешки служили реальной цели. Этот прием в особенности уместен, когда необходимо ответить на возражения или сделать таковые. Но прибегать к нему обдуманно и дерзко — это означает желание вызвать смех любой ценой, с риском, к тому же прослыть злым человеком. Таковы остроты Цицерона, Катона Старшего и Эвксифея [51], друга Аристотеля, которые нападали первыми. Но когда это оружие употребляется для самозащиты, то его оправдывает уместность, как бы извиняя его употребление. Известно несколько ответов Демосфена в этом роде. Один человек, обвиненный в воровстве, вы-
D смеял его за то, что он провел ночь за письменным трудом. «Я понимаю,— сказал ему Демосфен,— я тебе досадил тем, что держал зажженным светильник». Другой раз Демад [52] вопил во всю мочь, что «Демосфен хотел проучить его, как свинья Афину» [53]. «Эта Афина,— ответил оратор,— была захвачена в прошлом году за прелюбодеяние». Остроумный ответ дал Ксененет [54] своим согражданам.

[39] Афинский оратор IV в. до н. э., настроенный промакедонски. См. Plut., Phoc. 1., где повторен этот же анекдот.

[40] Фр. 24 (Anthologia lyrica Graeca, ed. E. Diehl, fasc. 3, Lipsiae, 1954).

[41] Имеется в виду враждебный Аттике о. Эгина. См. Plut., Per. 8.

[42] Речь идет об одном из эпизодов Ламийской войны 323 г. до н. э., когда Леосфен был стратегом (Plut., Phoc. 23).

[43] Имеются в виду четыре речи Демосфена против Филиппа II Македонского (IV, VI, IX, X по принятому счету), произнесенные в 352—341 гг. до н. э. Наиболее знаменитой в ораторском отношении считается 3-я Филиппика.

[44] Спартанский эфор-эпоним 432 г. до н. э., выступивший в народном собрании за войну с Афинами. См. Thuc., I, 86.

[45] Thuc., I, 80 сл.

[46] Thuc., II, 60—64.

[47] Известный греческий историк середины IV в. до н. э.

[48] Известный историк и общественный деятель IV в. до н. э.

[49] Из Лампсака. Историк первой половины III в. до н. э.

[50] Nauck, p. 441, fr. 22.

[51] Малоизвестный афинский оратор эпохи Демосфена, речь которого за Эвбулида была им произнесена в 346 г. до н. э.

[52] Об этом и предшествующем эпизоде см. Plut., Dem. 11.

[53] Провербиальное выражение — «свинья учит Афину» (или состязается с Афиной) см. Theocr., Idyll. V. 23. Пословица сохранилась на латинском языке: sus docet Minervam. См. Cic., Ad famil. IX, 18, 3.

[54] Ближе не известен.

данам, обвинявшим его в том, что, будучи полководцем, он бежал. «Вместе с вами!»,— отвечал Ксененет.

Но употребляя насмешливые выражения, не следует некстати задевать слушателей или в речи обнаруживать подлость и низость, как обнаружил Демократ [55]. Придя однажды в народное собрание, он сказал: «Я как наш город: во мне мало силы, но много вони». После сражения при Херонее он предстал перед народом и произнес: «Не хотел я, граждане, чтобы государство до того дошло,
E чтобы выслушивать мои советы». Первая острота говорит о низости, вторая — о безрассудстве. И ни то, ни другое не подходит для государственного деятеля.

Восхищались еще Фокионом за краткость его речи: это и заставило Полиэвкта [56] сказать, будто Демосфен — величайший оратор, но Фокион — сильнейший, поскольку он вкладывает наибольший смысл в наименьшее количество слов. И Демосфен, презиравший других своих соперников, обыкновенно восклицал, когда поднимался Фокион: «Вот поднимается топор на мои речи».

F 8. В особенности старайся употреблять перед толпой обдуманные, значительные и никак не пустые слова. Ты знаешь, что знаменитый Перикл просил у богов, выходя к народу, чтобы с его губ не сорвалось ни одно слово, постороннее предмету его речи. И все-таки для возражений необходима сноровка на слова быст-
804 A рые и легкие: ибо поводы и случаи меняются непрерывно и приносят с собой, в особенности в политике, множество неожиданностей. Поэтому Демосфен, как рассказывают, часто оказывался ниже многих, так как он не ко времени становился нерешительным и отступал. Феофраст рассказывает об Алкивиаде [57], что он при произнесении речи подыскивал слова и обдумывал не только то, что именно, но и как именно должен он говорить, вследствие чего запинался и попадал впросак. Тот же, кто, исходя из обстоятельств, умеет ловить нужный момент, тот глубоко воздействует на толпу, привлекает ее на свою сторону и переубеждает. Так, однажды прибыл Леонт [58] из Византия в Афины, раздираемые внутренней борьбой, чтобы вести там переговоры. Когда афи-
B няне стали над ним смеяться за его небольшой рост, он вскричал: «А что бы вы сказали о моей жене, которая мне едва по колено?». Те стали смеяться еще больше. «Но как мы ни малы,— продолжал он,— когда мы между собою ссоримся, тогда нам с нею тесен и целый Византий». Так, когда оратор Пифей [59] выступил против почестей царю Александру, его упрекнули: «Ты молод говорить о столь важных делах!» — а он ответил: «Но ведь Александр, которого вы вашим решением хотите признать богом, еще моложе меня!»

9. Тот, кто посвящает себя политике, должен в этой беспощад-
C ной борьбе обладать голосом, полным силы и красоты, чтобы всякий раз не падать бессильным и подавленным от того, что его пре-

---

[55] Афинский оратор времен Демосфена. Отрывки из его речей см. H. Sauppe, Orator. Attic. II, Turici, 1850, p. 320.

[56] Афинский оратор, современник Демосфена и его сподвижник в борьбе против Македонии, вместе с которым он, вероятнее всего, и погиб (в 322 г. до н. э.), хотя и был оправдан по делу об имуществе Гарпала, окончившемуся осуждением Демосфена (P. Treves, RE, 42 Hb., стб. 1616).

[57] Ср. Plut., Alcib. 10.

[58] Современник и противник на политической почве царя Филиппа II Македонского. Ср. Philost., V. sophist. I, 2.

[59] Афинский оратор второй половины IV в. до н. э., соперник Демосфена.

взошел какой-либо

Буян, горлан, как мельница грохочущий [60].

Когда однажды у Катона [61] не осталось надежды убедить народ или сенат из-за предвзятого отношения к его взглядам, он проговорил целый день и таким способом разрушил план своих противников.

О подготовке и произнесении речей этого довольно. А если бы еще что понадобилось, то рассудительный человек сообразит и сам.

10. Два пути приводят в политику. Один ведет быстро и с блеском к славе, но он усеян опасностями; другой верен и безопасен,
D но совершается медленно и неспешно. Некоторые начинали свою карьеру как бы бросаясь в море со скалы, каким-либо важным и видным, но дерзким подвигом. Они верили словам Пиндара:

В начале дела необходимо
Придать ему видный далеко блеск [62].

Потому что, как зрители борца, приветствует народ, пресытившийся надоевшим ему прежним вождем, нового человека, а быстро нарастающие блестящие его успехи подавляют зависть, ибо мгновенно просиявшая слава влечет за собой столь же мало зависти,
E как яркий огонь — дыма, говорит Аристон [63]. А тот, кто поднимается к верху медленно, наталкивается рано или поздно на сопротивление. Поэтому многие политические деятели увядали, еще не успев расцвести. Так, о Ладе [64] говорили, что «в его ушах стоял еще шум старта» [65], а на него уже возлагали победный венок.

Кто как глава посольства, как триумфатор или как стратег быстро добивается славы, над теми ни зависть, ни презрение не имеют силы. Так, стремглав завоевал славу Арат, начав свой путь
F низложением тирана Никокла [66], и Алкивиад, добившийся союза с мантинейцами против лакедемонян [67]. Помпей [68] требовал триумфа, прежде чем он был принят в сенат, и когда Сулла отказал ему в этом, он ответил: «Больше народа поклоняется восходящему солнцу, чем заходящему». Услыхав эти слова, Сулла более не сопротивлялся.

805 A Не случайно избрал римский народ Корнелия Сципиона противозаконно консулом, хотя он добивался лишь эдилитета. Но это случилось потому, что все были поражены победой в единоборстве, которую он одержал юношей в Испании, и его героическими действиями в качестве военного трибуна в войне против карфагенян. Это и дало повод Катону Старшему произнести следующие слова:

Он лишь с умом, все другие смятенными тенями веют [69].

---

[60] Aristoph., Equit. 137. У Аристофана слова эти относятся к Клеону.

[61] Имеется в виду Марк Порций Катон Старший, консул 114 г. до н. э.

[62] Olymp. VI, 4 sq.

[63] Под этим именем известно несколько философов эллинистического времени.

[64] Знаменитый спартанский бегун.

[65] Строка из Палатинской антологии (XI, 86), имеющая в виду удар о землю каната, преграждавшего стартовую дорожку. См. Plutarch's Moralia, ed. by H. N. Fowler, L., 1960, v. X, p. 191.

[66] Арат Сикионский (271—213 гг. до н. э.), многократный стратег Ахейского союза. Промакедонски настроенного тирана Сикиона Никокла он сверг и убил в 251 г. до н. э. См. F. W. Walbank, Aratos of Sikyon, Cambr., 1933.

[67] Союз был заключен в 420 г. до н. э. См. Plut., Alcib. 14 sq.; Thuc., V, 43—47.

[68] О домогательстве Помпея и позиции Суллы более подробно см. Plut., Pomp. 14.

[69] Hom., Od. X, 495.

При нынешнем положении наших полисов не представляется больше возможным отличиться в качестве полководца, тираноубийцы или устроителя союзов. Остаются только открытые суды
B или руководство посольствами к императору, так как эти дела нуждаются в человеке, соединяющем присутствие духа и сноровку. Некоторые добрые старые обычаи наших городов, пришедшие в забвение, можно было бы вновь оживить, а привычки, развившиеся к стыду и во вред городу, искоренить и этим привлечь к себе внимание. Также и другие достойные действия облегчали некоторым людям дорогу: разумное ведение некоторых важных судебных дел, честность при защите слабых против могущественных противников в суде или свободное слово в защиту справедливости против
C нетерпимого правителя. Нередко иные достигали успеха в борьбе против завистливых и опасных людей: ведь сила побежденного тотчас переходит к победителю и увенчивает его тем большей славой. Но если борьба с выдающимся, испытанным и способным человеком ведется лишь из зависти, как борьба Симмия [70] с Периклом, Алкмеона [71] с Фемистоклом, Клодия [72] с Помпеем и оратора Менеклида [73] с Эпаминондом, то она не приносит ни славы, ни пользы. Если народ обошелся неправильно с хорошим человеком и затем, как водится, раскаялся в этой вспышке, то быстрейшим и справедливейшим оправданием представляется ему расправа с зачинщиком и подстрекателем. А ниспровергнуть негодяя, под-
D чинившего грубым насилием город, как Клеон в Афинах или Клеофонт [74], восстав против него и лишив его власти, – это и есть настоящее восхождение на политическую сцену.

Известно также, что некоторые добивались славы и власти посредством подавления ненавистного олигархического правления, как Эфиальт в Афинах или Формион у элейцев [75]. Но подобное политическое начинание приносит предпринимающему его по-
E началу особые опасности. Лучше начал свое дело Солон. Государство тогда разделилось на три части: диакриев, педиеев и паралиев, как они именовались. Он не примкнул ни к одной из них, вернее, заботился обо всех, словом и делом добиваясь между ними согласия, так что ему было поручено создание законов для примирения сограждан, что и легло в основу его власти. Таковы различные пути, ведущие наиболее явным способом к государственной деятельности.

11. И все же многие мужи из числа знаменитых избирали более верный и спокойный путь: Аристид, Фокион, Паммен из Фив, Лукулл в Риме, Катон, Агесилай лакедемонянин [76]. Подобно плющу, растущему на мощных деревьях, которые он обвивает, в юно-
F сти своей и безвестности они примыкали к носителям древних и знаменитых имен. Поднимаемые постепенно наверх их могуществом,

[70] Ближе не известен.

[71] Афинянин, отец Леобота, выступившего в качестве обвинителя Фемистокла. Plut., Themist. 23. См. также A. F. Töpffer, Attische Genealogie, B., 1889, стр. 244.

[72] Римский народный трибун 58 г. до н. э. и популяр, выступил против Цезаря и Помпея, с которым, однако, примирился в 56 г. до н. э.

[73] Беотиец, один из освободителей Фив в 379 г. до н. э. Позднее интриговал против Эпаминонда и Пелопида (Plut., Pelop. 25).

[74] Афинский демократический деятель и стратег в последние годы Пелопоннесской войны. Казнен по ложному обвинению в 401 г. до н. э. (Xen., Hell. I, 7, 35).

[75] Настоящий текст является основным источником для характеристики политической деятельности Формиона из Элиды, ученика Платона, о котором у Плутарха еще идет речь в Cons. ad Apoll. 32; 112 fr. Ср. также Arist., Pol. V, 6, 1306a.

[76] Спартанский царь Агесилай II (около 444—360 гг. до н. э.).

они утверждали свои собственные позиции в государстве на прочной и верной почве. Аристид возвысился при Клисфене, Фокион при Хабрии [77], Лукулл при Сулле, Катон при Фабии Максиме, Паммену содействовал Эпаминонд [78], а Агесилаю — Лисандр. Правда, Агесилай из-за непомерного честолюбия и зависти оттолк-
806 A нул вскоре своего покровителя в делах. Но другие обладали порядочностью и политической мудростью настолько, чтобы оказывать своим руководителям почтение и прославление до самого их конца, в то время как они сами, подобно небесным телам, освещенным солнцем, размножали далее приобретенный ими блеск.

Сципиона именовали его завистники не более как лишь театральным исполнителем геройств, действительным творцом которых был-де его друг Лелий [79]. Но Лелий не возгордился подобными словами и на протяжении своей жизни продолжал умножать честь и величие своего друга Сципиона. Друг Помпея Афраний [80], несмотря на низкое происхождение, мог рассчитывать на свое
B избрание консулом. Но так как Помпей был заинтересован в других людях, он отказался от этих претензий, так как стать консулом без согласия и поддержки Помпея хотя и означало для него блеск и честь, но принесло бы еще больше неприятностей. Впрочем, ему пришлось ждать всего лишь один год, чтобы достигнуть консульства, оставаясь в то же время другом Помпея. Тот, кто подобным образом, руководимый другими, приходит к славе, завоевывает любовь народа, и даже в случае неудачи он испытывает меньше ненависти. Поэтому и Филипп дал Александру совет заводить друзей, пока он еще не царь, чтобы поддерживать с разными людьми дружеские и деловые отношения.

12. При выборе покровителя начинающий государственный
C деятель должен ориентироваться не на одни только славу и власть, но также и на моральные качества, посредством которых эта сила и власть добыты. Так же как не каждое дерево терпит обвивающую его и стремящуюся кверху виноградную лозу, скорее даже удушает ее и мешает росту, так и в государстве люди, лишенные благородства, но любящие должности и почести, не оставляют никакой возможности отличиться молодым людям, стремящимся к возвышению, но из зависти лишают их славы и этим как бы ущемляют их и обездоливают. Так, Марий, обязанный Сулле многими успехами в Ливии, а потом и в Галлии из зависти к взлету его по-
D популярности порвал с ним всякие отношения [81]. В качестве предлога ему послужила история с перстнем-печатью. Когда Сулла во время своей квестуры находился с консулом Марием в Ливии и был послан им к Богху [82], ему удалось привести пленником Югурту, и, будучи юным и честолюбивым, он не мог соблюсти скромность при таком счастье, а заставил изобразить выдачу ему

[77] Афинский стратег, прославившийся многими предприятиями (во Фракии, Пелопоннесе, на Эгине, Кипре, в Египте и в Беотии).

[78] Другое чтение: Ἐπαμεινώνδας δὲ Παμμένης.

[79] Квинт Лелий Старший, которому Сципион был обязан многими предприятиями II Пунической войны (Polyb., IX, 1; XV, 9; Liv., XXX, 33).

[80] Луций Афраний действовал вместе с Гнеем Помпеем в Испании в 75—72 гг. до н. э., а в 66—63 гг. до н. э.— в Азии. Консульства при поддержке Помпея он достиг в 60 г. до н. э. Подробности о его дружбе с Помпеем см. Plut., Pomp. 44.

[81] Разрыв отношений между ними относится явно к более позднему времени, поскольку Сулла продолжал служить под командой Мария в качестве легата и военного трибуна во время второго и третьего консулата Мария (104 и 103 гг. до н. э.).

[82] Мавретанский царь, тесть нумидийского царя Югурты, искавший союза с римлянами против своего зятя (Sall., Jug. 103 sq).

Югурты как символ его геройства на перстне, который он стал после этого носить [83]. Марий поставил это ему в вину и отстранил от себя. Сулла соединился тогда с Катулом [84] и Метеллом [85] — почтенными мужами и противниками Мария, а потом, начав гражданскую войну, он принудил Мария к изгнанию и кончил междоусобную войну лишь когда Рим стоял уже на краю гибели. И напротив, сам Сулла приветствовал Помпея с первых его шагов: он встал перед ним и обнажил голову, когда тот, младший, к нему приблизился. Так же точно Сулла давал и другим молодым людям возможность отличиться на руководящих постах. Некоторых увлекал он вперед даже против их воли. Так наполнил он свое войско чувством усердия и честолюбия и приобрел власть над всеми, потому что он не хотел быть единственным властвующим, а только между многими великими — быть первым и величайшим. Вот с такими людьми необходимо вступать в самую тесную связь и держаться за них, не перехватывая, однако, у них славы. Не надо брать пример с королька в басне Эзопа, где он на плечах орла взлетел на воздух, а затем внезапно устремился ввысь и опередил его: не следует похищать тайно славу великих людей, а нужно перенимать ее по дружбе и единодушию, ибо господствовать, по словам Платона [86], может только тот, кто прежде как следует научился подчиняться.

13. Далее, следует выбирать себе друзей, но не так, как это делали Клеон и Фемистокл. Когда Клеон принял решение посвятить себя политической деятельности, он собрал своих друзей и объявил им, что более он им не друг, потому что друзья могли бы смягчать строгость его решений и сбивать его с правильного пути. Он бы сделал лучше, если бы изгнал из своей души жадность и придирчивость и очистил бы себя от злобы и зависти. Ибо государству необходимы не мужи, лишенные друзей и товарищей, а честные и разумные люди. А он прогоняет от себя друзей — и вместо этого

Лижущих сотня голов льстецов вкруг него завывает,

как говорят комедиографы [87]. Грубый и жестокий по отношению к спокойным гражданам, он сделался рабом черни, чтобы быть с нею в доброй дружбе:

Сопроводитель стариков, готовых действовать за плату [88],

это был именно он, кто, опираясь на убогую и низкую чернь, выступал против лучших граждан. А Фемистокл, наоборот, в ответ на чьи-то слова, что от него ждут правления справедливого и ровного ко всем, воскликнул: «Избави меня бог от такого поста, на

[83] Ср. изложение этого анекдота в Плутарховой биографии Мария (гл. 10), где сказано, что Сулла носил этот перстень постоянно, и в биографии Суллы (гл. 3).

[84] Ср. Plut., Mar. 23 и 27.

[85] Ср. Plut., Mar. 10.

[86] Leg. 762E.

[87] Эта характеристика относится Аристофаном к Клеону (Aristoph., Eir. 756).

[88] Эти слова представляют собой пародию на соответственную строку из «Пелея» Софокла (Nauck, p. 239, fr. 447), принадлежащую неизвестному комедиографу (быть может, впрочем, Аристофану, как предполагает Plutarch's Moralia, ed. by H. N. Fowler, X, p. 203). Ср. Kock, III, p. 400. «Сопроводитель стариков» (γεροντα-γωγός) должен быть понят как услужающий раб. Так и характеризует Клеона Плутарх в биографии Никия (гл. 2): «Клеон становился все более влиятельным, ухаживая за «стариком-демосом».

котором от меня [89] друзья уносили бы меньше, чем враги!». И он поступал также несправедливо, когда обещал друзьям пользу от своей политики, а интересы государства приносил в жертву собственным желаниям и привязанностям. Однако когда Симонид добивался от него какого-то противозаконного действия, Фемистокл ему ответил: «Как хороший поэт не должен нарушать стихотворного размера, так справедливый правитель не должен в порядке одолжения нарушать законы». И вправду: если матросов выби-
C рает кормчий, а кормчего — судовладелец, люди которого

Править на судне рулем и ловко парус поставить
Могут, когда на него бурные волны несутся [90],

и если зодчий избирает подмастерий и ремесленников, какие не погубят его труда, но соединятся для наилучшей работы, то было бы впрямь страшно подумать, что государственный деятель, этот, по словам Пиндара: «искусный мастер, творец прав и законности» [91], не захотел бы с самого же начала избрать для себя со-
D ответственно настроенных друзей и помощников, которые подобно ему были бы одушевлены любовью к добру, а избрал бы таких людей, которые бы насильно и бесчестно склоняли к иным поступкам. Не все ли это равно, как если бы строитель или плотник по неумению или безразличию захотел бы употребить такие угольники, отвесы и линейки, что строение должно было бы начать искривляться в стороны? Ибо живые и мыслящие инструменты суть для государственного деятеля его друзья, и он должен не оступаться вместе с ними, но, напротив, заботиться о том, чтобы они не могли оступиться по неведению.

Именно отсутствие этого повредило Солону в глазах его сограждан. Именно когда он задумал осуществить снижение долгов и
E произвести «сейсахфию» — это было смягченным обозначением для «отмены долгов», то он посвятил в этот план также и своих друзей, они же использовали это для мошенничества: они поспешно набрали взаймы большие суммы денег, а когда вскоре затем был обнародован закон, то оказалось, что они купили великолепные дома и большие земельные угодья именно на эти взятые взаймы деньги и Солон, который при этом и сам был обманут, оказался обвинен в соучастии [92].

Агесилай [93], когда он бывал тесним просьбами своих друзей, терял всю свою силу и все свое достоинство. Он поступал, как Пегас у Эврипида:

Склонясь, он больше уступал, чем нужно [94].

F При их ошибках он им оказывал содействие с преувеличенным жаром, позволяя людям думать, будто он принимает участие в их беззакониях. Он спас Фебида [95], обвиненного в самовольном захвате Кадмеи, заявив, что подобные предприятия могут совершаться

[89] παρ᾽ἐμοῦ; другое чтение: παρ᾽ἐμοί.
[90] Callim., fr. 382. (Callimachus, ed. R. Pfeiffer, v. 2, Oxf., 1953).
[91] Pind., fr. 57.
[92] Этот анекдот почти в тех же выражениях присутствует в «Афинской политии» Аристотеля (гл. 6), из чего надо заключить, что именно она послужила источником для Плутарха. Более подробное изложение этого факта читатель найдет в Плутарховой биографии Солона (гл. 15).
[93] Спартанский царь Агесилай II (399—360 гг. до н. э.).
[94] Из утраченной драмы «Беллерофонт» (Nauck, p. 451, fr. 309).
[95] Фебид захватил в 382 г. до н. э., по тайному соглашению спартанских эфоров и фиванских олигархов, Кадмею (Xen., Hell. V, 4, 41 sq.; Diod., XV, 33, 6).

и по собственной инициативе. Сфодрий [96] едва не попал под суд за беззаконное и опасное действие — нападение на территорию афинян, бывших тогда друзьями и союзниками; но Агесилай, уступив любовным просьбам сына Сфодрия, повернул все так, что жалоба была оставлена без последствий. Наконец, рассказывают об одной записке Агесилая некоему царьку [97] такого содержания: «Если Никий [98] невинен, отпусти его, если же он виновен, то отпусти его ради меня. Но в любом случае отпусти его».

808A

Фокион, напротив, не пожелал отправиться в суд вместе со своим зятем Хариклом [99], который должен был оправдываться по делу о преступлениях Гарпала, а попрощался с ним со словами: «Я потому и принял тебя в свойство, что верил в то, что ты во всех делах окажешься честен...».

А Тимолеон Коринфский, ни разумными советами, ни просьбами не отговорив своего брата отказаться от тирании, присоединился к его убийцам. Недостаточно быть другом лишь до алтаря [100], отказываясь лишь от совместного клятвопреступления [101], как сказал однажды Перикл. Нужно быть другом лишь до порога законности, справедливости и общественной пользы. Не признавать этого, значит ввергнуть свою общину в большие несчастья. Так, безнаказанность, обеспеченная Сфодрию и Фебиду, была главной причиной вовлечения Спарты в войну, приведшую к поражению под Левктрами. Но резко преследовать друзей за незначительные поступки было бы не в интересах политического смысла. Допустимо, чтобы при условии соблюдения интересов государства была бы великодушно оказываема помощь друзьям и содействием и хлопотами о них. Существуют такие проявления дружбы, которые не вызывают недоброжелательства, например, предпочтение, оказываемое другу при определении на должность, при назначении на какой-либо почетный пост или руководство каким-либо дружественным посольством для изъявления почтения управителю провинции или для установления мирных и дружественных отношений с каким-либо городом. Но если дело идет о каком-либо трудном, но знаменательном и важном действии, то государственный деятель должен сначала принять его на себя, а потом, как Диомед [102], привлечь друга:

B

C

Если же мне самому друга избрать вы велите,
Как я любимца богов, Одиссея героя забуду? [103]

---

[96] У Диодора (XV, 29, 5) — Сфодрид; около 375 г. до н. э., будучи гармостом Феспий, он совершил нападение на Аттику, неудачно попытавшись захватить Пирей. По Диодору, предприятие это было спровоцировано Клеомбротом, который вместе с Агесилаем защитил его перед эфорами, требовавшими над ним суда (Plut., Ages. 25; Pelop. 14; Xen., Hell. V, 4, 20 sq).

[97] Ср. Plut., Ages. 13; Apophth. Lacon. 16, где говорится, что эта записка была адресована карийцу Гидриею (другое чтение в Reg. et imper. apophth., Ages. 8: ἰκαριέως.

[98] Ближе не известен.

[99] Был привлечен по делу Гарпала, от которого получил 30 талантов на сооружение памятника его покойной дочери Пифионики (Plut., Phoc. 29). В 319 г. до н. э. приговорен вместе с Фокионом к смертной казни, но спасся бегством (Plut., Phoc. 33 sq.).

[100] ἄχρι τοῦ βωμοῦ — провербиальное выражение, в точности соответствующее латинскому usque ad aras.

[101] τῷ μὴ συνεπιορκεῖν. Эти слова предположительно считаются интерполированными. См. Plutarch's Moralia, ed. by H. N. Fowler, X, p. 208, n. 3.

[102] Мифический герой, сын Тидея и Деипилы, участник Троянской войны. Знаменит своей храбростью, в пылу которой он ранил самого Ареса. Hom., Il. V, passim.

[103] Hom., Il. X, 242 sq.

А Одиссей возвращает хвалу со всей благожелательностью назад:

Эти же, старец почтенный, вновь пришлые в стане троянском
Кони — фракийцев; владетеля их Диомед наш могучий
Смерти предал и двенадцать сподвижников, все родовитых! [104]

D Подобные послабления в отношении друзей украшают восхваляющих не меньше, чем восхваляемых, «самодовольство же,— по словам Платона,— подруга одиночества» [105]. Поэтому нужно позволять друзьям принимать участие в изъявлении благодарности и удовлетворения, побуждая восхваляемых хвалить в свою очередь тех, по чьему совету были они восхвалены сами.

Дурные и неуместные требования друзей следует отвергать мягко, а не резко, давая понять и убеждая в том, что требования
E эти не совместимы с их же честью и добродетелью. Более всех заслуживает похвалы Эпаминонд, отказавшийся выпустить из тюрьмы, несмотря на настояния Пелопида, одного плута-кабатчика. Он его отпустил немного погодя, уступив просьбам своей любовницы, со словами: «Такого рода милости, о Пелопид, более приличествует оказывать блудницам, а не полководцам». Резко и презрительно ответил Катон [106], когда цензор Катул [107], его ближайший и лучший друг, попросил отпустить человека, осужденного Катоном во время его квестуры: «Было бы постыдно, если бы тебя, который должен для нас, младших, служить примером благонравия, моим служителям пришлось отсюда выдворить». Впрочем, Катон мог бы, отклоняя эту просьбу, сделать это и без грубых
F и оскорбительных слов, дав лишь понять, что отвергает эту просьбу и причиняет это огорчение не по своей воле, а в силу закона и справедливости.

У государства имеются для оказания помощи нуждающимся
809 A друзьям правителей вполне достойные возможности. Когда Фемистокл после сражения заметил труп с золотым ожерельем и золотыми гривнами на шее, сам он прошел мимо, но, обратившись к другу, сказал: «возьми это себе, ведь ты не Фемистокл». Такие возможности помочь друзьям обстоятельства предоставляют государственному деятелю часто. Ведь не все же Менемахи [108]. Поэтому одному можно поручить руководство выгодным, но справедливым делом, другого можно свести с богатым человеком, нуждающимся в попечении и покровительстве, третьему можно посодействовать в получении подряда на выгодное дело. Эпаминонд послал друга к одному богачу, приказав взять с него талант по его, Эпаминонда, распоряжению. Когда же богач пришел и спросил о причине такого распоряжения, Эпаминонд ответил: «Потому что он честный, но бедный человек, а ты богач, присвоивший много
B государственного добра». И Агесилай, пишет Ксенофонт [109], гордился тем, что обогатил многих друзей, сам же относился к богатству с презрением.

---

[104] Hom., Il, X, 558—560.
[105] Plat., Epist. IV, 321 B.
[106] Марк Порций Катон, именуемый Утическим или Катоном Младшим (95—46 гг. до н. э.). См. о нем в его Плутарховой биографии.
[107] Квинт Лутаций Катул, консул 78 г. до н. э. Его цензура падает на 65 г. до н. э.
[108] См. прим. 1.
[109] Xen., Ages. 4.

14. Так как, по словам Симонида [110], «нет жаворонка без хохолка», то и всякая государственная деятельность связана с раздорами и враждой. Поэтому государственному деятелю следует предвидеть и это обстоятельство. Многие восхваляли Фемистокла и Аристида за то, что они, отправляясь вместе с посольством или в качестве стратегов, оставляли на границе свою взаимную вражду, чтобы снова к ней обратиться по возвращении.

Некоторые же воздавали еще большую хвалу Кретину из Маг-
C незии. Его политическим противником был Гермий [111], человек не могущественный, но честолюбивый и возвышенной души. Когда в начале Митридатовой войны Кретин увидел свой город в опасности, то предложил Гермию принять на себя власть, а сам обещал уйти в изгнание; если же Гермий полагает, что командовать должен он (Кретин), то пусть в изгнание уйдет он сам, дабы их вражда не погубила город. Гермий принял предложение и, заявив, что Кретин лучший, чем он, полководец, покинул город с женой и детьми. Кретин же дал ему не только сопровождение, но и то из своего имущества, что полагал более полезным для изгнанника,
D чем для осажденного. Прекрасно руководя военными действиями, он отстоял город, на сохранение которого уже никто не надеялся. Если благородны и великодушны слова:

Родиной больше еще, чем детьми, дорожу я [112],

то каждый из них мог бы сказать: «Я его ненавижу и желаю ему всяческого зла, но родина мне дороже». Ибо не примириться с противником в таком положении, когда приходится жертвовать даже другом, было бы звериной жестокостью. Но не лучше ли еще
E поступали Фокион и Катон и им подобные, не допускавшие, чтобы личная вражда примешивалась к политическим противоречиям? Когда они бросались в политическую борьбу ради общественной пользы с непримиримой страстью, в личных отношениях с противниками обходились они человеколюбиво и дружественно. Ибо никто не должен видеть в согражданине врага, если только он, подобно Аристиону [113], Набису или Катилине, не представляет для государства чумы и бедствия. Если же возникают расхождения с людьми другого рода, то, как делают музыканты, должно по мере надобности натягивать или отпускать струны, приводя их в общее согласие, не ставя заблуждающимся в укор их ошибки,
F в злобе и гневе, но кротко, как Гомер:

Мыслил, о друг, я доныне, что разумом ты превосходишь
Всех... [114]

---

[110] Фр. 68 (Bergk, III, p. 398).

[111] Имеется в виду Магнезия на Сипиле (W. Otto, RE, VIII, 1913, стб. 730 s. v.), а не ошибочно принимаемая некоторыми исследователями Магнезия на Меандре (Mittelhaus, ук. соч., стр. 24). Оба названных политических деятеля Магнезии были вождями двух проримских, однако враждебных клик. Речь идет о времени I Митридатовой войны (89—84 гг. до н. э.). О сопротивлении Магнезии Митридату упоминает еще Аппиан (Mithr. 21).

[112] Фрагмент, с известной вероятностью относимый к трагедии «Эрехтей» Эврипида (слова эти могла произнести Пракситея, жена Эрехтея) (Nauck, p. 918, fr. 412).

[113] Афинянин с философским образованием, последователь Эпикура. Посланный Архелаем, полководцем Митридата, в 88 г. до н. э. в Афины для агитации в его пользу, захватил в Афинах власть. Аристион успешно оборонялся против римлян и добился союза со Спартой и Ахейским союзом. По взятии Суллой Афин в 86 г. до н. э. укрепился на акрополе, но из-за недостатка воды был вынужден сдаться и был казнен Суллой (App., Mithr. 28—30; Strabo, IX, 393; Plut., Sylla, 12).

[114] Hom., Il., XVII, 171.

или

Мог ты совет и другой, благотворнейший всем нам промыслить [115].

И если они обнаруживают себя дельными в словах и поступках, не следует ни завидовать их славе, ни скупиться на похвалы по поводу их прекрасных успехов [116]. Это лишь придает убедительности порицаниям, если к ним придется прибегнуть, и живее станет сопротивление злу, если ясно будет, насколько добродетель в них достойнее и уместнее.

310 A Я, во всяком случае, требую от любого государственного мужа, чтобы он в справедливых случаях свидетельствовал в пользу своих врагов и на суде защищал их против доносчиков, не давая веры клеветническим заверениям, противоречащим тому, что он знает сам относительно намерений противников.

Незадолго перед тем как знаменитый Нерон из страха и ненависти уничтожил Тразею [117], он сказал, однако, некоему жалобщику на чрезмерно жестокий приговор, вынесенный ему Тразеей: «О, если бы любовь Тразеи ко мне была столь же велика, как его судейская безупречность!». Кто склоняется к порокам в силу естественных людских побуждений, тем не мешает подумать с оглядкой на своего благородного противника: «он никогда бы этого
B не сделал или не сказал». А другим в их заблуждениях хорошо напомнить об их прекрасных предках, как это говорится у Гомера:

Нет, Тидей породил не себе подобного сына! [118]

Или как Аппий заявил Сципиону Африканскому [119] во время избирательной борьбы, когда они выступали соперниками: «Как бы ты застонал, о Павел, в Подземном царстве (ὑπὸ γῆς), если бы узнал, что добивающийся цензуры сын твой имел в качестве телохранителя публикана Филоника» [120]. Подобные слова являются увещанием для заблудшего и честью для увещателя. Политичным был ответ Нестора на поношения Аянта у Софокла [121]:

C Тебя я не хулю: ты дело доброе
Злой облекаешь речью...

Покуда Помпей в союзе с Цезарем, насильственно господствовал в государстве, Катон был его злейшим врагом, но когда между ними началась война, Катон потребовал, чтобы Помпею была передана власть, утверждая, что тот, кто причинил государству большое зло, сам должен и устранить его.

Если порицание соединяется с похвалой, оно оказывается целебным и поощрительным. Откровенное, но не высокомерное сло-

---

[115] Hom., Il. VII, 358.

[116] Райзке исключает καλοῖς.

[117] Публий Клодий Тразея Пет, консул-суффект 56 г. Будучи привержен к стоицизму, пользовался славой свободомыслящего и независимого человека. Автор биографии Катона Утического, направленной против Цезаря. Покончил самоубийством в 66 г., будучи обвинен по распоряжению Нерона в государственной измене (Suet., Domit. 10; Tacit., Agric. 2).

[118] Hom., Il. V, 800. Слова эти относятся к Диомеду, сыну Тидея.

[119] Аппий Клавдий Пульхер, консул 143 г. до н. э., обращается к родному отцу Сципиона Младшего — Луцию Эмилию Павлу.

[120] Другое чтение Φιλονείκος (Reiske) — римский публикан II в. до н.э.

[121] Nauck, p. 312, fr. 771.

во вызывает не гнев, а душевную боль и раскаяние, но не ранит
и не озлобляет. А оскорбления менее всего подходят для государ-
ственного деятеля. Посмотри, как Демосфен отзывался об Эсхи-
D не, а Эсхин о Демосфене, или что писал Гиперид против Демада
и каким языком пользовались Солон или Перикл, Ликург Спар-
танский или Питтак Лесбосский [122]. Хотя Демосфен и прибегал
к бранным словам, но только лишь в судебных речах, а Филиппи-
ки свободны от сарказма и от грубого балагурства. Подобные вы-
ражения бесчестят более тех, кто их произносит, чем тех, к ко-
му они относятся; кроме того, они вносят расстройство в дела
государственных советов и народных собраний. Поэтому я одоб-
ряю Фокиона, который в ответ на чью-то брань прервал свою речь,
а когда бранивший замолчал, то поднялся снова: «Итак,— ска-
E зал он,— вы слышали о всадниках и о гоплитах, мне остается
теперь рассказать о пельтастах и легковооруженных». Многие,
правда, не могут при таких обстоятельствах продолжать говорить
о деле, и часто бывает небесполезно заставить замолчать бранящих-
ся каким-либо кратким ответом, без досады и без гнева, спокойным
и сдобренным какой-либо шуткой, но достаточно острой. Такие от-
веты наилучшим образом возвращают упрек нападавшему: как
стрелы возвращаются снова к тому, кто их послал, словно отра-
жаемые крепостью и твердостью получившего удар, так и оскорб-
ления возвращаются обратно к нападающему благодаря остроу-
F мию того, в кого они были нацелены.

Таков ответ, данный Эпаминондом Каллистрату [123], попрек-
нувшему фиванцев и аргивян отцеубийством Эдипа и матереубий-
ством Ореста: «Но мы их изгнали, а вы их приняли». На слова афи-
нянина: «Часто мы вас отгоняли от Кефиса» спартанец Анталкид
811 A ответил: «А вот мы вас никогда — от Эврота» [124]. На свой грубый
выкрик: «Афиняне тебя убьют» Демад [125] получил от Фокиона ост-
роумный ответ: «Меня — если потеряют рассудок, тебя же — если
его сохранят». Оратор Красс на замечание Домиция [126]: «Разве
ты не плакал над мурено́й, околевшей в твоем рыбном садке?» от-
ветил: «А ты разве не похоронил трех жен, не всплакнув ни разу?».
Такие ответы хороши также и в других случаях жизни.

(Продолжение следует)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К ПРИЛОЖЕНИЮ

Bergk — Poetae Lyrici Graeci, ed. W. Th. Bergk, I—III, Lipsiae, 1919—1923
Kock — Comicorum Atticorum Fragmenta, ed. Th. Kock, I—III, Lipsiae, 1880—1888
Nauck — Tragicorum Graecorum Fragmenta, ed. A. Nauck, 2. Aufl., Lipsiae, 1889

---

[122] Митиленский тиран (около 651—569 гг. до н. э.) причислялся к семи мудрецам (Herod., I, 27; Diog. Laert., V. S., I, 74, 81; Strabo, XIII, 617).

[123] Афинский государственный деятель и стратег, а также известный оратор IV в. до н. э.

[124] Кефис — река в Афинах, Эврот — в Спарте.

[125] Промакедонски настроенный афинский политический деятель эпохи Александра Македонского.

[126] Быть может, один из членов большой семьи Домициев Агенобарбов, процветавшей в конце республики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИКАМ — История и культура античного мира, М., 1977
КБН — «Корпус боспорских надписей», М.—Л., 1965
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МКВ — Международный конгресс востоковедов
МКИН — Международный конгресс исторических наук
НС — Нумизматический сборник
НСф — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОГСДД — И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер, М., 1959
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
ТЗС — Труды по знаковым системам (Ученые записки Тартуского государственного университета), Тарту
ХСб — Херсонесский сборник
AAq — American Antiquity, Menasha-Salt Lake City
AcOr — Acta Orientalia (Copenhagen, Budapest)
AESC — Annales·Economies, Sociétés, Civilisations
AJA — American Journal of Archaeology
BA — Baessler-Archiv, Neue Folge, Berlin
BASOR — Bulletin of American School of Oriental Research
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BiOr — Bibliotheca Orientalis
BMHB — Bulletin du Musée Hongrois de Beaux-Arts
BMQ — British Museum Quarterly
BSFE — Bulletin de la Société Française d'Égyptologie
CdE — Chronique d'Égypte
CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
CSAE — Columbia Studies in Archaeology and Ethnology, New York
DOC — Dumbarton Oaks conference on death and afterlife in Pre-Columbian America, Washington, 1973
«Egyptologie», «Assyriologie» — Actes du 29e Congrès international des Orientalistes, P., 1975, vol. I, V
GCAP — Las grandes civilizaciones del antiguo Peru, Lima
HSAI — Handbook of South American Indians (SI BAE, Bull. 143)
IOSPE — B. Latyschev, Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
JAOS — Journal of American Oriental Society
JAR — Journal of Antropological Research, Albuquerque
JHS — Journal of Hellenic Studies
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
JEOL — Journal of Near Eastern Studies
JSA — Journal de la Société des Américanistes, Paris
MA — Monumenta americana, Berlin
MAFS — Memoires of the American Folklore Society, Philadelphia
MIE — Mémoires de l'Institut d'Ethnologie, Paris
MJBK — Münchner Jahrbuch der Bilden
MAMA — Monumenta Asiae Minoris antiqua
MMAB — Metropolitan Museum of Arts Bulletin
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
OMRO — Oudheidkundige Mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheten te Leiden
OS — Orientalia Suecana
P. Insinger — P. Insinger, Les enseignements moraux d'un scribe égyptien du premier siécle apre J.-C. Texte demotique... par F. Lexa, P., 1926
P. Olsson — B. Olsson, Papyrusbriefe aus der frühesten Römerzeit von B. Olsson, Inaug.-Diss., Uppsala, 1925

P. Oxy.— The Oxyrhynchus Papyri, L., 1898
PPMAAE — Papers of the Peabody museum of american Archaeology and Ethnology, Cambridge, Mass.
RAss — Revue Assyriologique
RdE — Revue d'Égyptologie
RGA — Revista geográfica americana, Buenos Aires
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaften, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll
RIE — Revista del instituto de etnología de la Uniwersidad Nacional de Tucuman, Tucuman
RRDA — Research Report of Department of Antropology, University of Massachusetts, Amherst
RSO — Rivista degli Studi Orientali
SCO — Studi Classici et Orientali
SI BAE — Smithsonian institution, Bureau of american ethnology, Washington
SMB FB — Staatliche Museen zu Berlin, Forschungen und Berichte
TMIE — Travaux et mémoires de l'Institut d'Ethnologie, Paris
TNYAS — Transactions of the New York Academy of Sciences, New York
UCPA — University of California publications in anthropology, Berkeley — Los Angeles
UCPAAE — University of California publications in american arhaeology and ethnology, Berkeley — Los Angeles
ZÄS — Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZfE — Zeitschrift für Ethnologie, Braunschweig

СОДЕРЖАНИЕ

Доватур А. И. (Ленинград) — Аристотель и история 3
Заборовский Я. Ю. (Ивано-Франковск) — Закон Лициния — Секстия de mode agrorum (*Попытка интерпретации*) 10
Делищева И. Ф. (Архангельск) — Категория свободных, qui bona fide serviunt . . 20
Березкин Ю. Е. (Ленинград) — Из истории древнего Перу: социальная структура мочика сквозь призму мифологии. 38

ПУБЛИКАЦИИ

Ходжаш С. И. (Москва) — Царские скарабеи, скарабеоиды и печати I тыс. до н. э. из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина и Государственного Эрмитажа 60
Соломоник Э. И. (Симферополь) — Несколько новых надписей Херсонесского музея 66
Рубан В. В., *Урсалов В. Н.* (Николаев) — Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана 82
Финогенова С. И. (Москва) — Резные камни из раскопок Фанагории и Тирамбы последних лет (*Из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина*) 89
Куликова А. М. (Ленинград) — Неизданное письмо Ж.-Ф. Шампольона П. Л. Шиллингу 97

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Лундин А. Г. (Ленинград) — О времени возникновения системы сабейского эпонимата 108
Раевский Д. С. (Москва) — Из области скифской космологии (*Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы*) 115
Гиндин Л. А. (Москва) — К возможности реконструкции фракийского языка на материале греко-римских надписей* (Ἥρως) Περχωνις resp. Περχους . . 134
Николаенко Г. М. (Севастополь) — О стандартах емкости эллинистического Херсонеса 142
Ковельман А. Б. (Москва) — Филон Александрийский о труде рабов и свободных в римском Египте 150
Борецкий М. И., *Кроник А. А.* (Москва) — Опыт анализа некоторых сторон социально-психологической атмосферы античной литературной басни (Федр, Бабрий, Авиан) 157

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Голубцова Е. С., *Исаева В. И.* (Москва) — «Из истории античного общества», вып. I, Горький, 1976 169
Гуляев В. И. (Москва) — В. М. Массон, Экономика и социальный строй древних обществ (*В свете данных археологии*), Л., 1976 175
Штаерман Е. М. (Москва)—Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen, Berlin, 1975 181
Виноградов И. В., *Фихман И. Ф.* (Ленинград) — «Festschrift zum 150jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums», Berlin, 1974 192
Селецкий Б. П. (Псков) — О некоторых современных исследованиях социально-политической истории Рима 90 годов I в. до н. э. 204
Семпер Н. Е. (Москва) — Новая иностранная литература по египтологии. *Библиографический обзор* 216

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чистяков Г. П. (Москва) — Заседание памяти И. М. Тронского в МГПИИЯ им. М. Тореза 225

ПРИЛОЖЕНИЕ

Плутарх, Моралии. Наставления по управлению государством. Перевод и комментарии *Л. А. Ельницкого* (Москва) 229

CONTENTS

A. I. Dovatur (Moscow) — Aristotle and History 3
Ya. Yu. Zaborovsky (Ivano-Frankovsk) — The Licinian-Sextian Law *de modo agrorum* 10
I. F. Delishcheva (Arkhangelsk) — The Category of Freemen *qui bona fide serviunt* 20
Yu. Ye. Berezkin (Moscow) — The Social Structure of the Mochica Througn the Prism of Mythology.... (ancient Peru) 38

PUBLICATIONS

S. I. Hodjash (Moscow) — Royal Scarabs, Scaraboids and Seals of the I Millennium B. C. in the Puchkin Museum of Fine Arts and the Hermitage 60
E. I. Solomonik (Simferopol) — Some New Inscriptions in the Chersonesus Museum 66
V. V. Ruban, V. N. Ursalov (Nikolaev) — Olbian Coins from Ancient Agricultural Villas on the Bug Estuary 82
S. I. Finogenova (Moscow) — Carved Stones from Recent Excavations in Phanagoria and Tyrambe 89
A. M. Kulikova (Leningrad) — An Unpublished Letter of J.-F. Champollion to P. L. Schilling 97

REPORTS AND COMMUNICATIONS

A. G. Lundin (Leningrad) — The Time of Appearance of the Sabaean Eponymate System 108
D. S. Rayevsky (Moscow) — The Cosmology of the Scythians Reflected in Their Art (*a semantic interpretation of the pectoral from the Tolstaya Mogila*) 115
L. A. Gindin (Moscow) — Possibilities of Reconstructing the Thracian Language by Use of Greek and Roman Inscriptions *(Ἥρως) Περχωνις or Περχους . . . 134
G. M. Nikolayenko (Sevastopol) — Amphora Capacity Standards in Hellenistic Chersonesus 142
A. B. Kovelman (Moscow) — Philo Judaeus of the Labor Freemen and Slaves in Roman Egypt 150
M. I. Boretsky, A. A. Kronik (Moscow) — Attempt at a Social-Psychological Analysis of the Ancient Literary Fable 157

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

Ye. S. Golubtsova, V. I. Isaeva (Moscow) — «Iz istorii antichnogo obshchestwa», I, Gorky, 1975 169
V. I. Gulyaev (Moscow) — V. M. Masson, Ekonomika i sotsialny stroi drevnikh obshchestv, L., 1976 175
Ye. M. Shtaerman (Moscow) — Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen, Berlin, 1975 181
I. V. Vinogradov, I. F. Fikhman (Leningrad) — «Festschrift zum 150jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums», Berlin, 1974 192
B. P. Seletsky (Pskov) — Modern Research Studies of the Social and Political History of Rome in 100—90 B. C. 204
N. Ye. Semper (Moscow) — New Foreign Literature on Egyptology (Bibliographical survey) 216

SCIENTIFIC EVENTS

G. P. Chistyakov (Moscow) — Memorial Meeting for I. M. Tronsky 225

SUPPLEMENT

Plutarch, *Moralia*. Precept of Statecraft. Translation and Commentary by L. A. Yelnitsky (Moscow) 229

Технический редактор *Колгурина Н. А.*

Сдано в набор 19.05.78 Подписано к печати 09.08.78 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 22,4+3 вкл. Уч.-изд. л. 25,4 Бум. л. 8 Тираж 4344 экз. Зак. 508

Издательство «Наука». 103717, Москва. Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10